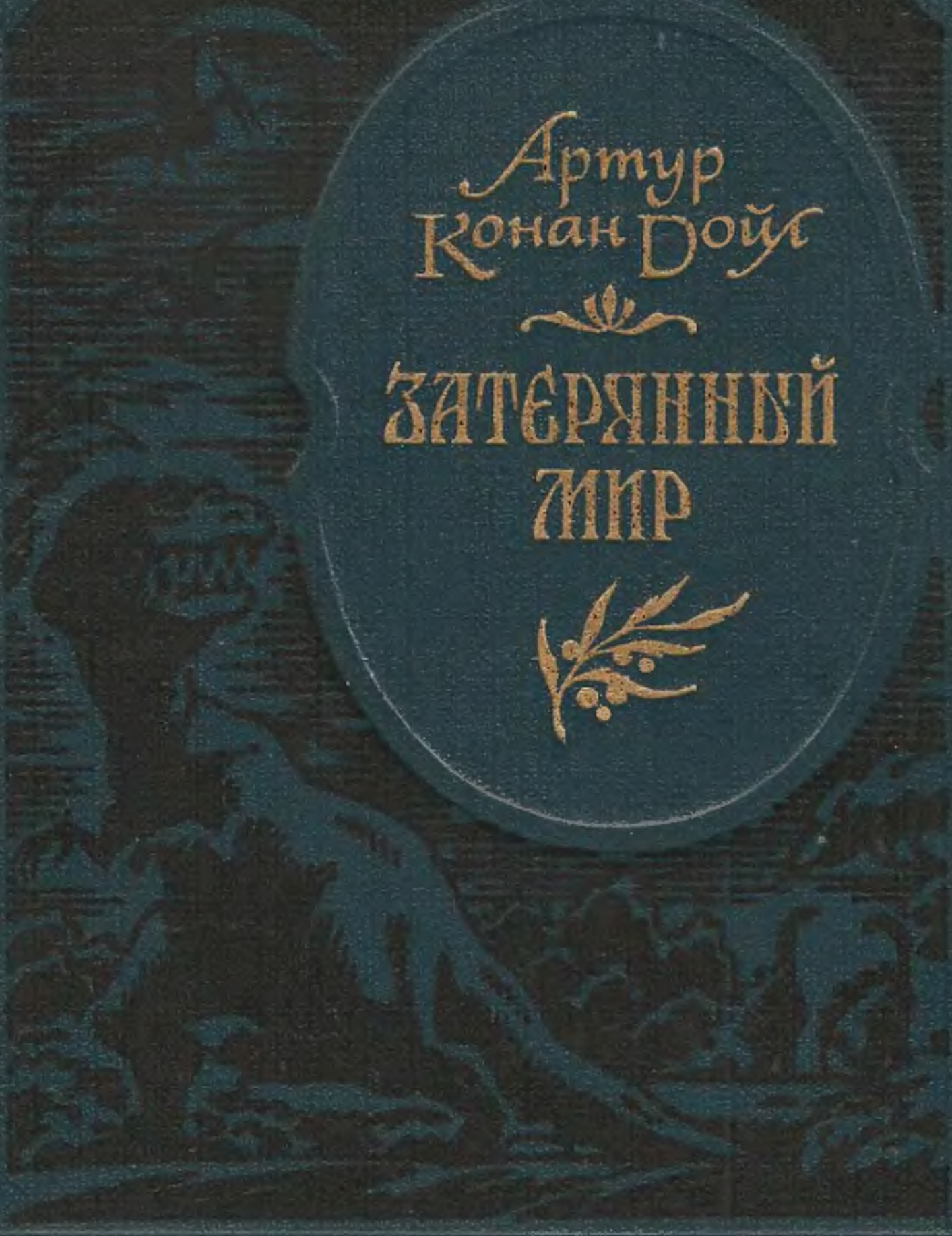
Артур Конан Дойл

Затерянный мир

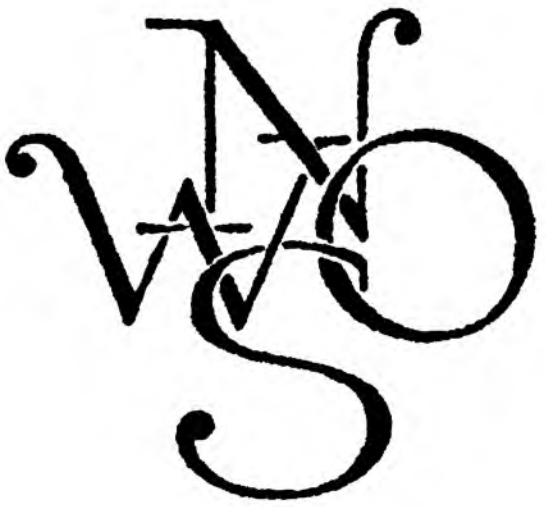

Библиотека приключений продолжается...

Библиотека

чений
продолжается...

Scan Kreyder - 26.05.2015
STERLITAMAK

Библиотека приключений продолжается...

Артур
КОНАН ДОЙЛ

ОТКРЫТИЕ РАФЛЗА ХОУ

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

МАРАКОТОВА БЕЗДНА

РАССКАЗЫ

МОСКВА
«ДИАМАНТ»
1993

84.4 Вл
Д 62

Иллюстрации Л. Фалина

Оформление серии Е. СОКОЛОВА

Выпуск издания осуществлен
совместно с ПКФ «Печатное дело»
119034, Москва, 2й Обыденский пер., 14

Сдано в набор 5.07.93 г. Подписано к печати 1.09.93 г.
Формат 84 × 108/32. Объем 35 усл. печ. лист.
Тираж 26 000 экз. Печать высокая. Заказ № 486. «С»-091

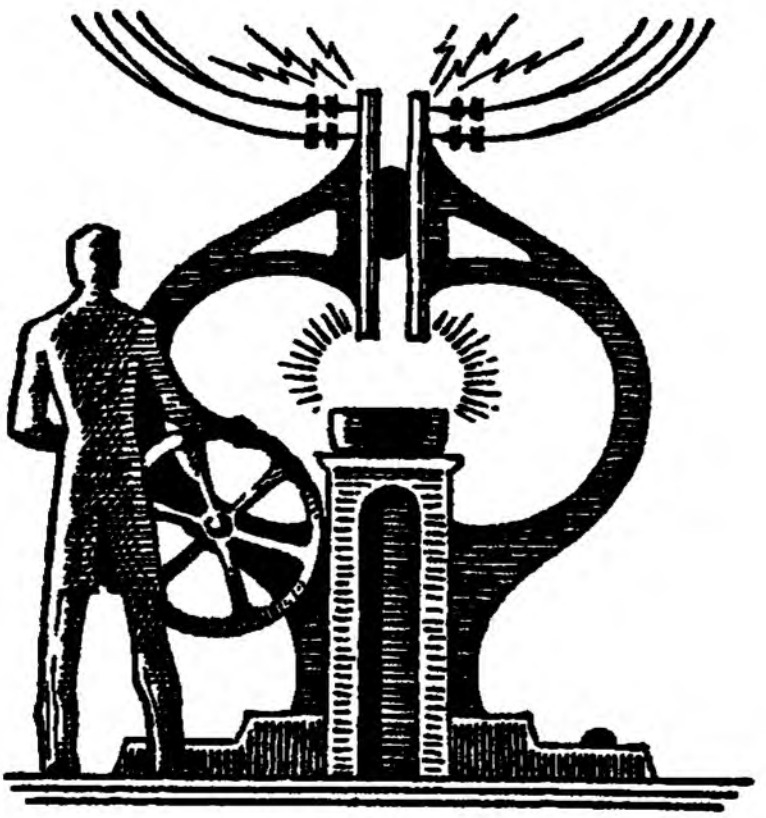
Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор».
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Д $\frac{\text{4703010100—091}}{\text{Б 69(01)—93}}$

ISBN 5—87056—105—1

© Оформление
ПКФ «Печатное дело» 1993
© Разработка серии, состав —
ПКФ «Печатное дело», 1993

ОТКРЫТИЕ РАФАЭЛА ХОУ

Глава I

ДВОЙНАЯ ЗАГАДКА

— Ну, конечно, он не придет, — с досадой в голосе проговорила Лаура Макинтайр.

— Почему же?

— Да посмотри, какая погода! Просто ужас!

Она не успела договорить, как снежный вихрь с глухим шумом ударил в уютное, завешенное красной шторой окно; протяжно завыл, засвистел ветер в ветвях огромных заснеженных вязов, росших вдоль всей садовой ограды.

Роберт Макинтайр отложил эскиз, над которым работал, и, взяв в руки лампу, стал вглядываться в темноту за окном. Длинные и словно мертвые сучья безлистых деревьев качались и дрожали, еле видимые за снежной бурей.

Сидя с вышиваньем у камина, сестра взглянула на профиль Роберта, силуэтом выступавший на фоне яркого света. Красивое лицо — молодое, свежее, с правильными чертами, волнистые каштановые волосы зачесаны назад и падают завитками на плечи — таким обычно и представляешь себе художника. Во всем его облике чувствуется утонченность: глаза с еле заметными морщинками в уголках, элегантное пенсне в золотой оправе, черная бархатная куртка, на рукав которой так мягко лег свет лампы. Только в разрезе рта что-то грубоватое, намек на какую-то слабость характера — нечто такое, что, по мнению некоторых, и в том числе сестры Роберта, портило прелесть и изящество его лица. Впрочем, об этом не раз говорил и сам Роберт, — как подумаешь, что каждый смертный наследует все нравственные и телесные пороки бесчисленных прошлых поколений, то, право, счастлив тот, кого природа не заставила расплачиваться за грехи предков.

Неумолимый кредитор этот, надо сказать, не поща-

дил и Лауры, но верхняя часть лица у нее отличалась такой совершенной красотой, что недостатки в остальных чертах замечались не сразу. Волосы у нее были темнее, чем у брата, ее густые локоны казались совершенно черными, пока по ним не скользнул свет лампы. Изящное, немного капризное лицо, тонко очерченные брови, умные, насмешливые глаза — в отдельности все было безупречно, и тем не менее всякий, взглянув на Лауру, смутно ощущал в ее внешности какое-то нарушение гармонии — то ли в чертах лица, то ли в его выражении. Всматриваясь внимательнее, можно было заметить, что нижняя губка у нее слегка оттопырена и уголки рта опущены — недостаток сам по себе незначительный, но из-за него лицо, которое могло быть прекрасным, казалось всего лишь миловидным. Сейчас на нем было написано недовольство и досада. Лаура сидела, откинувшись в кресле, бросив на колени суровое полотно и мотки разноцветного шелка и заложив за голову руки — белоснежные, с мягкими розовыми локотками.

— Он не придет, я уверена, — повторила она.

— Ну что за вздор, Лаура! Разумеется, придет. Чтобы моряк испугался ненастья!

— Ш-ш... — Лаура подняла палец, на губах у нее заиграла торжествующая улыбка, которая, однако, тут же уступила место прежнему выражению разочарования. — Это всего-навсего папа, — пробормотала она.

В передней послышалось шарканье подошв, и в гостиную, волоча ноги, вошел хилый, небольшого роста человек в сильно поношенных комнатных туфлях. У Макинтайра-старшего был бегающий взгляд, редкая, растрепанная, рыжая, с проседью бородка, бледная, унылая физиономия. Житейские невзгоды и слабое здоровье наложили на него свою печать. Десятью годами ранее Макинтайр был одним из самых крупных и самых богатых оружейных фабрикантов в Бирмингеме, но длинный ряд коммерческих неудач в

конце концов привел его к банкротству. Смерть жены в тот самый день, когда Макинтайра объявили несостоятельным, переполнила чашу бед, и с тех пор с его бледного, осунувшегося лица не сходило выражение растерянности и придавленности — свидетельство некоторого душевного расстройства. Финансовый крах был полный, и семья впала бы в совершенную нищету, не получи они как раз в это время от брата миссис Макинтайр, сумевшего нажить состояние в Австралии, небольшое наследство — ежегодную ренту в двести фунтов каждому из детей. Соединив свои доходы и перебравшись в небольшой домик в Тэмфилде — тихом местечке в четырнадцати милях от Бирмингема, — Макинтайры могли жить с относительным комфортом. Перемену, однако, остро ощущали все члены семьи. Роберт, которому пришлось отказаться от всякой роскоши, столь милой сердцу художника, должен был теперь ломать голову над тем, как бы извлечь средства существования из того, что прежде являлось лишь прихотью. Но особенно чувствительной перемена была для его сестры: Лаура хмуро сдвигала брови, выслушивая соболезнования друзей, и ей казались невыносимо скучными поля и дороги Тэмфилда после шумной жизни в Бирмингеме. Недовольство детей усугублялось поведением отца. Вся его жизнь теперь проходила в том, что он непрестанно оплакивал злую судьбу, а утешения искал то в молитвеннике, то в графинчике.

Для Лауры, впрочем, жизнь в Тэмфилде все же имела и свою приятную сторону, но и этого ей скоро предстояло лишиться. Макинтайры переселились именно в эту глухую деревушку только потому, что сюда назначен был приходским викарием старый их друг, преподобный Джон Сперлинг. Гектор Сперлинг, старший его сын и ровесник Лауры, был помолвлен с ней несколько лет, и молодые люди уже собирались пожениться, когда внезапное разорение семьи Ма-

кинтайров нарушило все их планы. Гектор, морской офицер в чине младшего лейтенанта, находился в отпуске, и не проходило вечера, чтобы он не навестил «Зеленые Вязы», дом Макинтайров. Сегодня, однако, Лауре передали от жениха записку, в которой он сообщал, что получил неожиданный приказ на следующий же вечер вернуться на корабль, стоящий в Портсмуте. Гектор обещал забежать хотя бы на полчаса, попрощаться.

— А где Гектор? — сразу же спросил мистер Макинтайр, оглядывая комнату и мигая от яркого света.

— Не приходил, да и нечего ждать его в такую непогоду. В поле снега намело фута на два.

— Не приходил? Вот как! — закаркал старик, усаживаясь на кушетку. — Ну-ну! Не хватает еще, чтоб и они с отцом отреклись от нас. Только этого и остается ждать.

— Ну как ты можешь так говорить, папа! — воскликнула Лаура негодующе. — Они уже доказали нам свою преданность. Что бы они подумали о нас, если бы слышали твои слова!

— Послушай, Роберт, — сказал вдруг старик, не обращая никакого внимания на возмущение дочери. — Я, пожалуй, выпью рюмочку коньяку — всего один глоток, а то я, кажется, схватил простуду в этот холодище.

Роберт продолжал рисовать в альбоме, будто ничего не слыша, но Лаура подняла глаза от работы.

— К сожалению, папа, в доме нет ни капли коньяку, — сказала она сухо.

— Ах, Лаура, Лаура!.. — Старик покачал головой, как бы не столько рассерженный, сколько огорченный. — Ты уже не дитя, Лаура, ты взрослая девушка, хозяйка дома. Мы тебе доверяем, полагаемся на тебя. А ты оставляешь своего бедного брата, не говоря уж обо мне, твоем отце, без капли коньяку. Бог ты мой, что бы сказала твоя мать! Ты только представь себе:

вдруг несчастный случай, внезапная болезнь, апоплексический удар! Ты берешь на себя огромную ответственность, Лаура, ты подвергаешь риску наше здоровье!

— Я почти не прикасаюсь к коньяку, — отрезал Роберт. — Для меня Лаура может его не запасать.

— Как лекарство коньяк незаменим. Употребляй, но не злоупотребляй — ты меня понимаешь, Роберт? В этом все дело. Ну, тогда я, пожалуй, загляну на полчасика в «Три голубка».

— Отец! — не выдержал молодой человек. — Неужели ты выйдешь из дому в такую погоду? Если уж тебе необходим коньяк, я пошлю Сару. Или схожу сам, или...

Хлоп! На лежавший перед ним альбом упала свернутая в шарик бумажка. Роберт развернул ее. «Бога ради, не удерживай его, пусть уходит!» — было нацарапано на ней карандашом.

— Во всяком случае, оденься потеплее, — продолжал Роберт, круто меняя позицию с чисто мужской неловкостью, от которой Лауру передернуло. — Может быть, на улице не так уж холодно, как кажется, и с пути тут у нас, слава богу, не собьешься, всего-то пройти сотню шагов.

Не переставая ворчать и бормотать что-то по адресу незаботливой дочери, старик Макинтайр натянул на себя пальто и окутал шарфом длинную, тощую шею. Едва он открыл дверь прихожей, как от резкого порыва холодного ветра замигали лампы. Пока старик брел по извилистой дорожке сада, сын и дочь молча прислушивались к его постепенно удаляющимся тяжелым шагам.

— С отцом становится все труднее, он просто невыносим, — проговорил наконец Роберт. — Не следовало его отпускать. Он там, чего доброго, выставит себя на посмешище.

— Но Гектор придет сегодня в последний раз, он ведь уезжает, — жалобно оправдывалась Лаура. —

Вдруг бы они встретились? Гектор, конечно, сразу понял бы все. Поэтому мне и хотелось, чтобы отец ушел.

— В таком случае он ушел как нельзя более вовремя, — ответил брат. — Кажется, скрипнула калитка... слышишь?

Не успел он договорить, как снаружи послышался веселый возглас и тут же раздался громкий стук в окно. Роберт вышел в переднюю и, отворив наружную дверь, впустил высокого молодого человека; черная суконная куртка его была вся усыпана сверкающими снежинками. Прежде чем войти в маленькую, ярко освещенную гостиную, он, громко смеясь, отряхнулся, как большой пес, и счистил снег с сапог.

По лицу Гектора, по каждой его черточке, сразу видно было, что он моряк. Гладко выбритые верхняя губа и подбородок, небольшие бачки, прямой, решительный рот, твердые обветренные щеки — все говорило, что перед вами офицер английского флота. Ежедневно за обеденным столом во флотской столовой в Портсмуте можно увидеть с полсотни таких лиц, больше похожих одно на другое, чем лица родных братьев. Все эти моряки как будто отлиты по одному образцу, все они продукт определенной системы, которая учит смолоду полагаться на самого себя, закаляет стойкость и мужество. В общем, отличные экземпляры человеческой породы: быть может, не столь тонко отточенного интеллекта, как их собраться на суше, но люди честные, деятельные, готовые к подвигу. Гектор был отлично сложен, высок и строен. Зоркий взгляд серых глаз и энергичные, решительные манеры ясно говорили, что человек этот привык и приказывать и повиноваться.

— Получила мою записку? — обратился он к Лауре, едва войдя в комнату. — Что ж, приходится сниматься с якоря. Вот досада, а? Старику Смизерсу позарез нужны люди; он требует, чтобы я немедленно возвращался.

Сев рядом с Лаурой, Гектор положил загорелую руку на белую ручку девушки.

— Но на этот раз ненадолго, — продолжал он. — Рейс короткий: Мадейра, Гибралтар, Лиссабон — и восвояси. К марту, пожалуй, вернемся.

— Кажется, будто ты только вчера приехал домой...

— Бедная моя! Но теперь ждать немного. Смотри, Роберт, береги ее тут без меня. А когда я вернусь, то на этот раз уж окончательно, слышишь, Лаура? Бог с ними, с деньгами. Тысячи людей живут на меньшее. Совершенно не обязательно иметь целый дом. Зачем он нам? В Саутси можно снять отличные комнаты за два фунта в неделю. Макдугл, наш казначей, только что женился, а он получает всего тридцать шиллингов. Ты не побоишься, Лаура?

— Разумеется, нет.

— Почтенный мой старикан чересчур осторожен. «Подождать, подождать», других у него и слов нет. Но сегодня у меня с ним будет серьезный разговор. Я его уговорю, вот увидишь. А ты, Лаура, побеседуй на этот счет с твоим родителем. Роберт тебя поддержит. И вот тебе список портов и даты, когда мы будет туда заходить. Смотри, я надеюсь, что в каждом порту меня будет ждать письмо!

Гектор вытащил из бокового кармана кителя листок бумаги, но вместо того, чтобы передать девушке, уставился на него с величайшим изумлением.

— Ничего не понимаю!.. — проговорил он. — Посмотри-ка, Роберт, что это такое.

— Поднеси к свету. Ну что ж, банковый билет стоимостью в пятьдесят фунтов. Не вижу здесь ничего особо примечательного.

— Напротив, это более чем странно. Решительно отказываюсь понять, что все это значит.

— Постой-ка, Гектор, — сказала мисс Макинтайр, и в глазах у нее мелькнули озорные искорки. — И со мной сегодня тоже произошло кое-что странное. Держу пари на пару перчаток, что мое приключение интереснее твоего, хотя оно и не принесло столь

приятных плодов, как твой банковый билет.

— Прекрасно! Принимаю вызов. Роберт будет судьей.

— Изложите ваше дело. — Молодой человек закрыл альбом и, подперев голову руками, принял шутливо-торжественный вид. — Даме — первое слово. Начинай, Лаура. Впрочем, я, кажется, уже догадываюсь, о чем ты хочешь рассказать.

— Случилось это сегодня утром, — сказала она. — Да, Гектор, ты еще, пожалуй, приревнуешь, я об этом и не подумала. Но тебе волноваться нечего, бедняга просто-напросто помешан.

— Да скажи, ради бога, что с тобой произошло? — спросил молодой офицер, переводя взгляд с банкового билета на невесту.

— Случай сам по себе безобидный, но, согласитесь, очень странный. Я вышла погулять, но тут пошел снег, и я укрылась под навесом, его поставили рабочие вблизи нового дома. Рабочих уже нет, постройка закончена, а владелец, говорят, приезжает завтра, но навес еще не успели разобрать. Я села там на какой-то ящик, как вдруг на дороге появляется человек, подходит ближе и останавливается под тем же навесом. Очень высокий, худой, лицо бледное, спокойное, на вид лет немногим больше тридцати, одет бедно, но выглядит джентльменом. Он что-то спросил о деревне, ее обитателях, я, конечно, ответила, и неожиданно мы с ним принялись оживленно болтать на самые разнообразные темы. Время летело так незаметно, я и забыла про метель, а незнакомец вдруг говорит мне, что снег перестал. И тут, когда я уже собралась уходить, знаете, что он сделал? Подошел ближе, грустно и задумчиво посмотрел мне прямо в лицо и сказал: «Хотел бы я знать, полюбили бы вы меня, если бы у меня не было ни гроша за душой?» Как странно, правда? Я перепугалась и выбежала из-под

навеса на дорогу — он не успел больше сказать ни слова. Но, право же, Гектор, тебе нечего принимать такой грозный вид. Теперь, когда я все это вспоминаю, мне ясно, что ни в манерах, ни в тоне моего незнакомца не было ничего предосудительного. Он просто размышлял вслух и не имел ни малейшего намерения оскорбить меня. Я убеждена, что он немного не в своем уме.

— Гм... Но в его помешательстве я замечаю некоторую систему, — заметил Роберт.

— Я тоже стану действовать по системе, если мне доведется когда-нибудь дать ему хорошую взбучку, — свирепо проговорил лейтенант. — В жизни своей не слыхал о подобной бесцеремонности.

— Я так и знала, что ты приревнуешь. — Лаура коснулась рукава его грубого суконного кителя. — Успокойся, я больше никогда в жизни не встречусь с этим беднягой. Он, очевидно, нездешний. Ну, вот и все мое маленькое приключение. А теперь расскажи о своем.

Гектор шелестел ассигнацией, вертя ее между пальцами; другой рукой он проводил по волосам, как человек, старающийся собраться с мыслями.

— Тут какое-то нелепое недоразумение, — начал он. — Я должен как-то все это выяснить, только, признаться, не знаю, как. Под вечер я шел из дому в деревню, по дороге вижу — какой-то человек попал в беду: колесо его двуколки сползло в канаву с водой, незаметной под снегом. Достаточно было сделать небольшой крен вправо, и седок вылетел бы вон. Я, конечно, помог, оттащил двуколку на дорогу. Уже совсем стемнело. Незнакомец принял меня, наверное, за деревенского чурбана, — мы ведь не обменялись с ним и десятком слов. Перед тем, как отправиться дальше, он сунул мне в руку вот эту бумажку. Я чуть было не бросил ее тут же на дороге — я почему-то вообразил, что это какой-нибудь торговый проспект или реклама. По счастью, я все-таки сунул эту смятую бу-

мажку в карман и вот сейчас в первый раз вытащил. Теперь вы знаете об этой истории ровно столько, сколько я сам.

Брат с сестрой не сводили удивленных глаз с банкового билета.

— Да этот твой проезжий, должно быть, сам Монте-Кристо, или по меньшей мере Ротшильд, — сказал Роберт. — Я вынужден заявить, Лаура, что ты проиграла пари.

— И ничуть не огорчена. Первый раз в жизни слышу о такой удаче. Что за прелесть, должно быть, этот щедрый путешественник. Хорошо бы с ним познакомиться.

— Но я ведь не могу оставить у себя эти деньги, — сказал Гектор Сперлинг, не без сожаления поглядывая на банкнот. — Денежные вознаграждения сами по себе вещь приятная, но всему есть мера. Ведь это могло быть ошибкой. И все-таки я уверен, что он хотел дать мне крупную сумму, не мог же он спутать ассигнацию с мелкой монетой! Думаю, мне следует поместить объявление в газетах.

— Жаль, — заметил Роберт. — Должен тебе сказать, твоя история мне представляется в несколько ином свете.

— Право, Гектор, это просто донкихотство, — сказала Лаура Макинтайр. — Почему тебе не принять этот дар так же просто, как он был тебе предложен? Ты оказал услугу человеку, попавшему в затруднительное положение, — услугу, быть может, более значительную, чем ты полагаешь, вот он и отблагодарил тебя, оставил своему спасителю маленький сувенир на память. Не вижу причины, почему тебе надо отказаться от этих денег.

— Нет, право же... — смущенно засмеялся молодой человек. — Во всяком случае, история не из таких, какие лестно рассказывать за столом товарищам.

— Так или иначе, Гектор, завтра ты уезжаешь, — заметил Роберт. — У тебя не будет времени наводить справки о твоем таинственном Крезе. Придется тебе подумать, как бы получше использовать этот неожиданный дар.

— Знаешь что, Лаура, положи-ка эти деньги в свою рабочую корзинку, — сказал Гектор. — Будь моим банкиром, и если настоящий владелец отыщется, я направлю его в «Зеленые Вязы». Если же нет, будем считать, что это моя награда «за спасение утопающих», хотя, честное слово, все это не очень-то мне нравится.

Он встал и бросил ассигнацию в стоявшую подле Лауры коричневую рабочую корзинку с мотками цветной шерсти.

— А теперь пора мне сниматься с якоря, я обещал отцу вернуться к девяти часам. Ну, дорогая, расстаемся ненадолго и в последний раз. До скорого свидания, Роберт! Желаю успеха!

— До свидания, Гектор! Bon voyage![1]

Художник остался сидеть за столом, а сестра его пошла проводить жениха до двери. Роберту были видны их силуэты в слабо освещенной передней, слышны голоса.

— Значит, когда я вернусь, дорогая?..

— Да, Гектор.

— И ничто на свете нас не разлучит?

— Ничто на свете.

— Никогда?

— Никогда.

Роберт встал и скромно притворил дверь в комнату. Через минуту хлопнула входная дверь, за окном заскрипел снег под быстрыми шагами: это ушел Гектор.

---

[1] Счастливого пути *(фр.)*.

Глава II

ХОЗЯИН НОВОГО ДОМА

Метель утихла, но целую неделю крепкий мороз держал в своих железных объятиях всю округу. По промерзшим дорогам звонко цокали лошадиные подковы; ручейки и придорожные канавы превратились в полосы льда. На уходящих вдаль холмистых равнинах, покрытых безупречно белой пеленой, теплыми пятнами рассыпались красные кирпичные домики; в безветренном воздухе струи серого дыма из труб тянулись прямо вверх. Небо было нежнейшего голубого оттенка, и утреннее солнце, светившее сквозь далекие туманы Бирмингема, заливало мягким блеском широко раскинувшиеся поля. Вся эта картина не могла не радовать глаз художника.

Она и в самом деле доставляла радость молодому художнику, который наблюдал ее с вершины пологого тэмфилдского холма, опершись на изгородь, надвинув на лоб берет и покуривая короткую терновую трубку. Роберт Макинтайр медленно оглядывал все вокруг как человек, наслаждающийся созерцанием природы.

Внизу, к северу от подножия холма,перед ним лежала деревня Тэмфилд — красные стены домов, серые крыши, там и сям темные силуэты деревьев и неподалеку от них, в стороне от широкой, извилистой, покрытой снегом дороги на Бирмингем, «Зеленые Вязы», где жил он с отцом и сестрой. Медленно переведя глаза в другую сторону, Роберт увидел только что достроенное огромное белокаменное здание строгих пропорций. На одном его углу возвышалась башня; в стеклах доброй сотни окон мерцали красноватые отблески утреннего солнца. Поблизости стояло второе, небольшого размера, низкое квадратное строение с высокой трубой, из которой поднимался в морозный воздух длинный столб дыма. Оба здания окружала массивная огра-

да, внутри нее высились частые ряды молодых елей — со временем они обещали превратиться в настоящий лес. Большая груда строительного мусора у ворот, навесы для рабочих, длинные штабеля досок от разобранных лесов — все говорило, что работы только что закончены.

Роберт Макинтайр с любопытством разглядывал массивную громаду нового дома. Он уже давно был загадкой и темой для пересудов по всей округе. Не более года назад прошел слух, что какой-то миллионер купил участок и собирается устроить тут поместье. С тех пор день и ночь здесь кипела работа, и все, до последних мелочей, было завершено в наикратчайший срок, в какой можно выстроить разве что несколько шестикомнатных коттеджей. Каждое утро два длинных специальных железнодорожных состава привозили из Бирмингема целую армию рабочих, а вечером их сменяла новая партия, продолжавшая работу при свете двенадцати мощных электрических прожекторов. Число рабочих ограничивалось, как видно, лишь пространством, на котором велись работы. Со станции тянулись вереницы подвод с белым камнем из Портленда. Сотни рабочих тут же выгружали камень, уже отшлифованный в форме квадратных плит, каменщики подавали его с помощью паровых кранов на все растущие стены, где он тут же поступал к другим каменщикам, производившим укладку. День ото дня дом становился выше, колонны, пилястры, карнизы вырастали, как по волшебству. Строилось не только главное здание. Одновременно росло и второе сооружение, и вскоре из Лондона стали приезжать какие-то бледнолицые люди, и с ними прибыло множество странного вида машин, огромные цилиндры, колеса, мотки проводов — все это шло на внутреннее устройство второго здания. Большая труба, поднимавшаяся из самого его центра, и сложное машинное оборудование ясно показывали, что здесь будет фабрика или лаборато-

рия; ходили слухи, что владельцу, этому богачу, служит забавой то, что для бедняков является необходимостью: он любит поработать у горна, повозиться с колбами и ретортами.

Едва начали возводить второй этаж главного здания, а внизу уже суетились слесари, водопроводчики, столяры, обойщики, выполняя тысячи непонятных, дорогостоящих работ — все ради наибольшего комфорта и прихоти владельца. По всей округе и даже в Бирмингеме рассказывали фантастические истории о неслыханной роскоши внутреннего убранства дома. Здесь явно не жалели никаких денег, лишь бы все до последней мелочи было удобно. Через деревню проезжали фургон за фургоном, нагруженные великолепной мебелью, а деревенские жители стояли по обочинам дороги и глазели на все эти чудеса. Затем стали прибывать ценные звериные шкуры, пушистые ковры, старинные гобелены, изделия из слоновой кости и драгоценных металлов; и всякий раз, когда кому-нибудь удавалось мельком увидеть все эти склады сокровищ, находился повод для новой легенды. Наконец, когда все было готово, прибыл штат прислуги в сорок человек, что предвещало скорое появление самого владельца, мистера Рафлза Хоу.

Не удивительно поэтому то живейшее любопытство, с каким Роберт Макинтайр рассматривал великолепный дом и мысленно отмечал, что из труб идет дым, а на окнах спущены занавеси — признаки того, что хозяин уже прибыл. Огромная территория позади дома была отведена под оранжереи, стекла их сверкали, как поверхность озера, а еще дальше тянулись конюшни и различные хозяйственные постройки. За неделю перед тем через Тэмфилд провели полсотни коней. Как ни грандиозны были приготовления, они все же не были чрезмерны и вызывались лишь необходимостью.

Кто же этот человек, который так щедро сыпал

деньги направо и налево? Ни в Бирмингеме, ни в Тэмфилде никто о нем ничего не слыхал, никто не знал источника его несметных богатств. Об этом и размышлял лениво Роберт Макинтайр, стоя у изгороди и пуская голубые кольца табачного дыма в морозный, неподвижный воздух.

Взгляд его вдруг упал на темную фигуру среди поля: кто-то вышел из-за поворота и зашагал по широкой, извилистой дороге, ведущей к тэмфилдскому холму. Через несколько минут человек подошел настолько близко, что Роберт различил знакомое лицо, стоячий крахмальный воротник и мягкую черную шляпу викария.

— Доброе утро, мистер Сперлинг.

— А, доброе утро, Роберт! Как поживаешь? Нам не по пути? До чего скользко на дороге!

Его круглое приветливое лицо сияло добродушием, он шел, слегка подпрыгивая, как человек, с трудом сдерживающий радость.

— Есть ли письма от Гектора?

— Ну как же! В прошлую среду он благополучно отплыл из Спитхеда, теперь будем ждать от него вестей с Мадейры. Но вы в «Зеленых Вязах», наверное, получаете вести от Гектора прежде моего.

— Не знаю, получала ли сестра письма за последние дни. А вы еще не были у своего нового прихожанина?

— Я как раз от него.

— Он женат, этот мистер Рафлз Хоу?

— Нет, холост. И, кажется, у него вообще нет родных. Живет один, окруженный огромным штатом прислуги. Дом поистине изумителен. Невольно вспоминаешь «Тысячу и одну ночь».

— А сам владелец? Что он собой представляет?

— Ангел, сущий ангел! Кажется, не встречал еще подобной доброты. Он меня совершенно осчастливил.

Глаза старика сияли от радостного волнения, он громко высморкался в большой красный носовой платок.

Роберт Макинтайр посмотрел на него удивленно.

— Рад это слышать, — проговорил он. — А нельзя ли узнать, в чем, собственно, выразилась его ангельская доброта?

— Сегодня я явился к нему в назначенный час — накануне я писал ему, просил меня принять. Я рассказал ему о нашем приходе, о всех его нуждах, о своей давнишней борьбе за ремонт южного придела церкви, о наших усилиях поддержать беднейших прихожан в эту суровую зиму. Пока я рассказывал ему про все эти беды, он не проронил ни слова, и на лице у него было такое отсутствующее выражение, будто он и не слышит, о чем я говорю. Когда я окончил свой рассказ, он взялся за перо. «Сколько нужно для ремонта церкви?» — спросил он. «Тысяча фунтов, — ответил я, — но триста фунтов мы уже собрали. Сквайр внес щедрую лепту — пятьдесят фунтов». «Ну, а сколько у вас нуждающихся семейств?» «Около трехсот», — ответил я. «Если не ошибаюсь, тонна угля стоит фунт стерлингов. Трех тонн должно хватить на всю зиму. И можно купить пару отличных одеял за два фунта. Ну, что ж, по пяти фунтов на каждую семью и семьсот фунтов на церковь». Он окунул перо в чернильницу и, честное слово, Роберт, тут же написал мне чек на две тысячи двести фунтов. Не помню уж, что я ему сказал. Я просто поглупел от радости, двух слов не мог выговорить, чтоб поблагодарить его. В один миг он снял с моих плеч все заботы. Право, Роберт, я до сих пор не могу прийти в себя.

— Очевидно, очень отзывчивый человек.

— Необычайно! И так скромен! Со стороны можно было подумать, что это я делаю ему одолжение, а он мой проситель. Мне вспомнилось, как сказано в писании о вдовице, у которой сердце запело от радости. У меня у самого сердце поет от радости, уверяю тебя, Роберт. Ты не зайдешь к нам?

— Нет, благодарю вас, мистер Сперлинг. Мне по-

ра домой: хочу поработать над своей новой картиной. Это большое полотно, в пять футов, «Высадка римских легионов в Кенте». Попытаюсь еще раз послать на выставку в Академию. До свидания, мистер Сперлинг.

Роберт приподнял берет и продолжал путь, а викарий свернул к своему дому.

Роберт Макинтайр превратил просторную, пустую комнату на втором этаже в студию; туда-то он и направился после завтрака. Хорошо хоть, что у него есть собственный угол, где можно побыть одному! Отец, кроме как о гроссбухах и финансовых отчетах, больше ни о чем не может говорить, а Лаура стала как-то раздражительна и сварлива, с тех пор как оборвалась последняя связь, удерживавшая ее в Тэмфилде.

Обстановка в студии была скудная, и в ней было довольно неуютно: ни обоев, ни ковров, — но в камине трещал веселый огонь, и два широких окна давали необходимый для работы свет. Посреди комнаты помещался мольберт с огромным, натянутым на подрамник холстом, у стены стояли две последние, уже законченные работы художника: «Убийство Фомы Кентерберийского» и «Подписание Великой хартии вольностей». У Роберта была слабость к грандиозным темам и эффектным сценам. Пусть даже честолюбие у него превышало талант, все же в нем сохранилась искренняя преданность искусству и способность не падать духом при неудачах — качества, обычно присущие художникам, которые добиваются успеха. Дважды несколько его картин путешествовали в город, и дважды все они возвращались обратно, и под конец на золоченых рамах, расходы на которые порядком истощили кошелек Роберта, начали обнаруживаться следы этих путешествий. Но, несмотря на неприятное соседство отвергнутых произведений, Роберт принялся писать новое полотно с жаром, какой может быть только у человека, уверенного в конечном успехе.

Но в этот день художнику не работалось. Тщетно клал он мазок за мазком, делая фон, тщетно выписывал длинные, плавные формы римских галер. Несмотря на все усилия, ему не удавалось сосредоточить мысли на работе, они все время возвращались к утреннему разговору с викарием. Воображение Роберта взволновал странный человек, живущий одиноко среди чужих людей и в то же время обладающий таким могуществом, что одним росчерком пера он может обратить горе в радость и преобразить весь приход. Роберту вдруг вспомнился случай, о котором рассказывал Гектор. По всей вероятности, он повстречался именно с этим самым Рафлзом Хоу. Трудно предположить, чтоб в приходе оказалось двое таких богачей, для которых ничего не стоит дать пятьдесят фунтов случайному прохожему за пустяковую услугу. Ну, конечно, это был Рафлз Хоу! А у Лауры лежит ассигнация Гектора с поручением вернуть ее владельцу, если таковой обнаружится!

Роберт отложил палитру и, спустившись в гостиную, передал отцу и сестре свою утреннюю беседу с мистером Сперлингом и выразил уверенность, что незнакомец, наградивший Гектора пятьюдесятью фунтами, был не кто иной, как новый сосед, Рафлз Хоу.

— Ну-ну, — оживился старик Макинтайр. — Как это так, Лаура? Почему же ты мне ничего не рассказала? Что вы, женщины, смыслите в делах и деньгах? Дай-ка мне ассигнацию, я освобожу тебя от всякой ответственности за нее. Я все беру на себя.

— Нет, папа, — решительно заявила Лаура. — Я ни за что не выпущу из рук эти деньги.

— Что только делается на белом свете! — воскликнул старик, воздев к небесам тощие руки. — С каждым днем ты становишься все непочтительнее, Лаура. Я могу извлечь пользу из этих денег, понимаешь? Пользу! Они могут стать краеугольным камнем, на ко-

тором я снова воздвигну... ну, словом, поправлю свои дела. Я пущу эти деньги в оборот. Я возьму их у тебя под четыре или даже четыре с половиной процента и верну по первому требованию. Ручаюсь тебе, ручаюсь! Ну, хотя бы моим честным словом.

— Папа, это совершенно невозможно, — холодно повторила Лаура. — Это не мои деньги, они принадлежат Гектору. Гектор пожелал, чтобы я стала его банкиром, — это его собственное выражение. Я не вольна распоряжаться ими! А твое предположение, Роберт... не знаю, может, ты и прав, а может быть, и нет, но во всяком случае, я не отдам эти деньги ни мистеру Рафлзу Хоу, ни кому другому без разрешения Гектора.

— Тут ты вполне права: уж конечно, незачем отдавать деньги этому Рафлзу Хоу, — сказал старик, одобрительно кивая головой. — По-моему, нам незачем выпускать их из рук.

— Поступайте, как хотите, я только счел долгом высказать вам свое мнение.

Роберт взял берет и вышел из дому, не желая быть свидетелем спора, который, как он видел, готов был снова разгореться. Душе художника претили эти мелкие перебранки, и он, чтобы немного успокоиться, решил снова обратиться к созерцанию мирного зимнего ландшафта. Роберту была чужда корысть, постоянные разговоры отца о деньгах вызывали в нем подлинное отвращение и ненависть к этой теме.

Он не спеша зашагал по своей излюбленной тропинке, которая вилась вокруг холма. Мысли, занимавшие художника, были далеко от вторжения римлян на территорию Англии — он думал о таинственном миллионере, — как вдруг взгляд его упал на высокого, худощавого мужчину, неожиданно оказавшегося прямо перед ним: держа трубку во рту, незнакомец пытался зажечь спичку, загораживая ее от ветра шапкой. На нем была куртка грубого, толстого сукна,

на лице и на руках виднелись следы дыма и копоти. Но ведь известно, что все курильщики на свете как бы принадлежат к одному братству, подобно масонам, и тут уж рушатся всякие социальные перегородки. Вот почему Роберт остановился и предложил свой коробок.

— Не хотите ли огня?

— Благодарю. — Незнакомец взял спичку, чиркнул ею и пригнулся. У него было бледное, худощавое лицо, короткая негустая бородка и острый, с горбинкой нос; прямые густые брови, почти сросшиеся на переносице, придавали взгляду решительное и энергичное выражение. Очевидно, какой-нибудь квалифицированный рабочий или механик из тех, кто занимался внутренним оборудованием нового дома. Вот случай получить из первых рук ответы на вопросы, мучившие Роберта. Он подождал, пока незнакомец раскурит трубку, затем пошел с ним рядом.

— Вы идете к новому дому? — спросил Роберт.

— Да.

Голос прозвучал холодно и отчужденно.

— Вы, случайно, не принимали участия в его строительстве?

— Да, я в некотором роде к нему причастен.

— Я слыхал, внутри там просто какие-то чудеса. Все только об этом и говорят. Дом действительно так роскошен?

— Право, не могу сказать. Я не слышал того, что о нем рассказывают.

Судя по тону, незнакомец не хотел вступать в разговор, и Роберту даже показалось, что проницательные серые глаза спутника глянули на него настороженно. Но если этот рабочий так сдержан и скрытен, тем больше оснований предполагать, что он кое-что знает, — надо только суметь вытянуть из него сведения.

— А вот и пресловутый дворец! — заметил Роберт,

когда они очутились на самой вершине холма, и он еще раз посмотрел на громадное здание. — Что ж, он и в самом деле грандиозен и великолепен, но я лично предпочитаю свою каморку там, в деревне.

Рабочий молча пускал дым из трубки.

— Так вы не охотник до роскоши? — спросил он наконец.

— Нет. Я не хотел бы стать ни на йоту богаче, чем я есть. Конечно, мне бы хотелось продать свои картины. Надо же на что-то существовать! Но кроме этого, мне ничего не нужно. Я даже берусь утверждать, что я, бедный художник, или вы, человек, зарабатывающий себе на хлеб, мы больше получаем радостей от жизни, чем владелец этого пышного дворца.

— Да, пожалуй, вы правы, — ответил рабочий уже более миролюбиво.

— Искусство само по себе награда, — продолжал Роберт, воодушевляясь все больше, коль скоро разговор коснулся близкой его сердцу темы. — Разве купишь за деньги то чувство глубочайшего удовлетворения, какое испытывает художник, творящий нечто новое, прекрасное? Разве купишь тот восторг, какой охватывает его, когда день за днем он видит, как оно растет у него под рукой, — и вот оно завершено! Живя искусством и не будучи богат, я все же счастлив. Отнимите у меня искусство, и в жизни моей образуется пустота, которую не заполнить никаким богатством. Но, право, не знаю, почему я вам все это говорю.

Рабочий остановился, обратил к Роберту закопченное лицо и посмотрел на него серьезно и пытливо.

— Очень рад слышать такие речи, — сказал он. — Отрадно знать, что еще не все на свете поклоняются золотому тельцу. Значит, есть люди, стоящие выше этого! Разрешите пожать вам руку!

Это было довольно неожиданно, но втайне Роберт немножко гордился тем, что принадлежит к богеме и обладает счастливой способностью заводить

друзей в самых разнообразных слоях общества. Он с готовностью ответил на сердечное рукопожатие нового знакомого.

— Вас интересует этот дом? Я хорошо знаю его внутреннее устройство, если угодно, могу, пожалуй, вам там кое-что показать, может, будет для вас занятно. Мы как раз подходим к воротам, желаете пройти со мной?

Вот действительно удобный случай! Роберт охотно согласился, и они пошли по длинной аллее, обсаженной молодыми елками. Увидев, однако, что его скромно одетый спутник зашагал по широкой, усыпанной гравием площадке прямо к главному входу, Роберт испугался, как бы не поставить себя в неудобное положение.

— Но не через главный же вход? — шепнул он, слегка потянув своего спутника за рукав. — Мистеру Рафлзу Хоу это может не понравиться.

— Не думаю, что тут встретятся какие-либо препятствия, — ответил тот, спокойно улыбнувшись. — Я и есть Рафлз Хоу.

Глава III

ДОМ ЧУДЕС

На лице Роберта Макинтайра застыло выражение крайнего изумления, вызванного этим совершенно неожиданным оборотом дела. Сперва он решил, что его спутник шутит, но спокойная уверенность, с какой тот стал подниматься по лестнице, и глубокое почтение, с каким встретил его в холле разодетый мажордом, распахнувший перед ним дверь, доказывали, что он сказал правду. Рафлз Хоу оглянулся и, увидев растерянное и удивленное лицо молодого художника, чуть заметно усмехнулся.

— Простите, что я не сразу назвал себя, — сказал он, дружеским жестом коснувшись руки Роберта. — Узнай вы сразу, кто я такой, вы бы не были откровенны и я бы лишился возможности узнать вас по-настоящему. Едва ли, например, вы решили бы столь прямо выражать свое мнение о богатстве, если бы знали, что перед вами хозяин этого дома.

— Кажется, никогда в жизни я не был до такой степени поражен, — выговорил наконец Роберт.

— Вполне естественно. За кого вы могли принять меня, как не за рабочего? Да я, в сущности, и есть рабочий. Химия — мой конек, я часами не вылезаю из лаборатории. Сегодня я как раз разжигал горн, надышался не очень-то приятными газами и решил, что мне полезно прогуляться и выкурить трубку. Вот так мы и встретились. И, боюсь, костюм на мне был вполне под стать моей прокопченной физиономии. Но, мне кажется, я догадываюсь, кто вы. Вы Роберт Макинтайр, я не ошибся?

— Да. Но... откуда вы меня знаете?

— Я, конечно, постарался кое-что проведать о своих новых соседях. Мне сказали, что в деревне живет художник по имени Макинтайр, а в Тэмфилде, я полагаю, художники не так уж многочисленны. Но как вам нравится планировка и сам дом? Надеюсь, он не оскорбляет вашего тонкого вкуса?

— Чудесно, изумительно! У вас, должно быть, необычайно острый глаз на такие вещи.

— У меня нет никакого вкуса, ни малейшего. Я не отличу хорошего от дурного. Я самый типичный обыватель. Но я пригласил лучшего специалиста из Лондона и еще одного из Вены. Вот они вдвоем все это и устроили.

Хозяин провел гостя через двустворчатую дверь, и они остановились на огромном ковре из бизоньих шкур. Он был постлан у самого входа в большой квадратный двор, вымощенный разноцветным мрамором,

выложенным сложнейшим узором. Посреди двора из фонтана резной яшмы били пять тонких водяных струй: четыре из них изгибались к четырем углам двора, падая затем в широкие мраморные чаши, а пятая била высоко вверх и затем со звоном падала в центральный бассейн. С каждой стороны двора росла высокая, грациозная пальма; тонкие, прямые, как стрела, стволы их венчались на высоте пятидесяти футов кроной зеленых, клонящихся книзу листьев. Вдоль стен тянулись арки в мавританском стиле из яшмы и белого с красными прожилками корнуэллского мрамора; арки были завешены тяжелыми темно-пурпуровыми занавесями, скрывавшими находящиеся за ними двери. Впереди, справа и слева шли широкие мраморные лестницы, устланные пушистыми коврами из Смирны; они вели к верхним этажам здания, расположенного вокруг всего этого двора. Во дворе было тепло и в то же время чувствовалась свежесть — таким бывает в Англии воздух в мае.

— Тут все, как в Альгамбре, — заметил Рафлз Хоу. — Пальмы хороши. Корни их уходят глубоко в землю и окружены трубами с горячей водой. По-видимому, отлично принялись.

— Какая прекрасная филигранная работа по бронзе! — воскликнул Роберт, подняв восхищенный взгляд на блестящие, поразительно тонкой ажурной чеканки металлические экраны, заполнявшие промежутки между мавританскими арками.

— Да, довольно изящно. Но это не бронза. Бронза недостаточно ковкий материал, ее нельзя довести до такой тонкости. Это — золото. Но пройдемте дальше. Вы подождете, пока я смою с себя всю эту копоть?

Он повел гостя к двери с левой стороны двора. К изумлению Роберта, едва они подошли, дверь медленно распахнулась перед ними.

— Я ввел небольшое усовершенствование, — пояснил хозяин. — Стоит приблизиться к двери, и вес ва-

шего тела, давя на доски пола, освобождает пружину, а она вызывает вращение дверных петель. Прошу вас, войдите. Это мой собственный маленький кабинет, он обставлен по моему личному вкусу.

Если Роберт ожидал увидеть новое зрелище богатства и роскоши, то был горько разочарован, ибо очутился в просторной, но почти пустой комнате, где находилась лишь узкая железная кровать, несколько как попало расставленных деревянных стульев, старый, потускневший от времени ковер и большой стол, заваленный книгами, пузырьками, бумагами и всяким хламом, какой обычно скапливается на столе делового и не очень аккуратного человека. Жестом пригласив гостя сесть, Рафлз Хоу скинул куртку и, завернув рукава толстой фланелевой рубашки, стал старательно умываться горячей водой, текшей из крана в стене.

— Видите, как скромны мои собственные вкусы, — заметил Рафлз Хоу, вытирая полотенцем лицо и волосы. — Это единственная комната во всем моем громадном доме, где я чувствую себя в родной мне обстановке. Здесь мне уютно. Здесь я могу почитать, выкурить трубку в тишине и покое. Всякая роскошь мне противна.

— Вот как! Право, я никак не предположил бы...

— Это сущая правда, уверяю вас. Видите ли, даже вы, с вашим взглядом на богатство, взглядом весьма разумным и делающим вам честь, даже вы должны признать, что, если человек обладает несметным... ну, скажем лучше, значительным богатством, прямая его обязанность пустить свои деньги в обращение, и притом с пользой для общества. Вот весь секрет моих пышных перьев. Мне приходится пускать в ход всю свою изобретательность, чтобы истратить доходы, действуя в границах узаконенного. Очень легко, например, просто раздавать деньги кому попало; таким способом я, несомненно, быстро избавился бы от лишних

денег или хотя бы от части их. Но я не хочу никого превращать в нищих попрошаек или причинить какой-либо другой вред людям необдуманной благотворительностью. Я должен быть уверен, что истраченные мною деньги приносят соответствующую пользу. Вам понятна моя мысль?

— Абсолютно. Хотя, признаться, для меня ново слышать жалобы человека на то, что он затрудняется найти применение своим капиталам.

— Уверяю вас, для меня это действительно серьезная трудность. Но я кое-что придумал: у меня родились довольно интересные планы. Не желаете ли вымыть руки? Нет? В таком случае, хотите посмотреть еще что-нибудь в моем доме? Пройдите, пожалуйста, вон в тот угол комнаты и сядьте там в кресло, вот так. Теперь я сяду рядом в другое кресло, и мы готовы к отбытию.

Угол комнаты, где они теперь сидели, футов на шесть в обе стороны был окрашен в темно-шоколадный цвет; выступавшие из стены два крытых красным плюшем сиденья резко контрастировали с остальной обстановкой комнаты.

— Это лифт, — пояснил Рафлз Хоу. — Он вмонтирован в стену, и, если бы не иная окраска, вы бы и не угадали, где он находится. Лифт устроен таким образом, что может двигаться и в вертикальном и в горизонтальном направлениях. Вот ряд кнопок, на них указаны различные помещения. Видите? «Столовая», «курительная», «бильярдная», «библиотека» и так далее. Сейчас покажу, как он действует в вертикальном направлении. Я нажимаю кнопку с надписью «кухня».

Роберт почувствовал легкий толчок и вдруг, не сходя с кресла, увидел, что комната куда-то пропала и на ее месте оказалась большая дубовая дверь с полукруглым верхом.

— Эта дверь ведет в кухню, — сказал Рафлз Хоу.

— Кухня у меня расположена на самом верхнем этаже: терпеть не могу запахов стряпни. Мы поднялись на восемьдесят футов всего за полторы секунды. Теперь я снова нажимаю кнопку, и мы опять у меня в комнате.

Роберт, пораженный, смотрел во все глаза.

— Чудеса науки удивительнее всякого волшебства, — проговорил он наконец.

— Да, тут довольно сложный механизм. Теперь продвинемся по горизонтали. Нажимаю кнопку с надписью «столовая» — вот мы уже и прибыли. Шагните к двери, она сама распахнется перед вами.

Роберт сделал так, как ему было сказано, и вместе с хозяином очутился в большой комнате с высоким потолком, а лифт, освободившись от тяжести их тел, в ту же минуту вернулся в прежнее положение.

Ноги Роберта утопали в роскошном мягком ковре, точно он стоял по щиколотку во мху; взгляд его привлекли большие картины, развешанные по стенам.

— Неужели?.. Да, да, несомненно, это кисть Рафаэля.

Он указал на одно из полотен, висевшее как раз перед ним.

— Да, это Рафаэль — один из его шедевров. Я выдержал за него на аукционе настоящий бой с французским правительством. Картину хотели купить для Лувра, но, как всегда на аукционах, победил более толстый кошелек.

— А эта, «Арест Катилины», должно быть, Рубенс. Трудно не узнать его великолепных мужчин и бесстыдных женщин.

— Вы угадали, это Рубенс. А те две — Веласкес и Тенирс, отличные образцы испанской и нидерландской школ. Здесь у меня только старые мастера. Современная живопись — с бильярдной комнате. Мебель здесь необычная, я даже полагаю, уникальная. Она сделана из черного дерева и кости нарвала. Ви-

дите, витые ножки у столов и кресел костяные. Мебельщику стоило немалых хлопот раздобыть этот редкий материал в таком большом количестве. Любопытная подробность: китайский император сделал крупный заказ на кость нарвала для реставрации внутренней решетки какой-то древней пагоды, но я перебил его на аукционе, и «сыну неба» пришлось подождать. Вон в том углу лифт, но он нам не нужен. Пройдите, пожалуйста, в дверь. Это бильярдная комната, — продолжал он, войдя с Робертом в соседнее помещение. — Как видите, на стенах здесь картины новых больших художников: Коро, два Мейсонье, Бугро, Милле, Орчардсон, две работы Альма Тадема. Но даже как-то жаль завешивать картинами эти стены резного дуба, правда? Взгляните на тех птиц среди ветвей. Кажется, что они действительно порхают и щебечут, словно живые.

— Они восхитительны. Никогда мне не доводилось видеть такой тончайшей резьбы по дереву. Но почему вы называете эту комнату бильярдной, мистер Хоу? Я не вижу бильярдного стола.

— Это такой громоздкий и неудобный предмет — всегда мешает, когда вы в нем не нуждаетесь. Вот поэтому стол у меня скрыт под площадкой полированного клена, она перед вами на полу. Смотрите, я ставлю ногу на этот моторчик...

Не успел он закончить фразы, как центральная часть пола поднялась кверху, и великолепный, инкрустированный черепахой стол поднялся на высоту в четыре фута. Рафлз Хоу нажал вторую пружину, и в то же мгновение и таким же образом появился второй, на этот раз карточный, стол.

— Но это все пустяки, — заметил хозяин. — Вот в моем музее может сыскаться для вас что-нибудь поинтереснее.

Он провел гостя в следующую комнату, обставленную в античном стиле и всю увешанную редчайшими

и богатейшими драпировками и коврами. На мраморном мозаичном полу были раскиданы ценные меховые шкуры. Мебели в комнате было немного, лишь вдоль стен стояли шкафчики в стиле Людовика XIV; они были из черного дерева и отделаны серебром и изящными, тонко расписанными фарфоровыми медальонами.

— Возможно, комната эта и не заслуживает названия музея, — снова заговорил Рафлз Хоу. — Это всего-навсего собрание кое-каких изящных безделушек, я добывал их в самых разнообразных местах. Наиболее интересное здесь — драгоценные камни. Думаю, тут я мог бы соперничать с любой частной коллекцией. Я держу их на запоре, чтобы не вводить в искушение слуг.

Он снял с часовой цепочки серебряный ключ и стал отпирать и выдвигать ящики в шкафчиках. У Роберта вырвался невольный крик изумления и восторга; он переводил глаза от одного ящика к другому: в них лежали великолепнейшие драгоценные камни. Глубокое, ровное красное пламя рубинов, зеленые вспышки прозрачных изумрудов, ослепительное сверкание бриллиантов, тончайшие переливы бериллов, аметистов, ониксов, кошачьего глаза, опалов, агатов, сердоликов, казалось, наполнили всю комнату легкими многоцветными, мерцающими огнями. Длинные пластинки прекрасной голубой ляпис-лазури, превосходные гелиотропы, розовые, красные и белые кораллы, длинные нити светлого жемчуга — все это владелец их небрежно высыпал из ящиков, словно мальчуган свои мраморные шарики.

— Вот этот неплох, — заметил он, поднимая в руке золотистый кусок янтаря размером с человеческую голову. — Мне прислал его мой агент из Прибалтики. Чрезвычайно редкий экземпляр. Весит двадцать восемь фунтов. Мне не приходилось слышать о более крупном. Бриллианты у меня не особенно велики —

их не было на рынке, — но, в общем, довольно хороши. Красивые игрушки. Вам нравятся?

Он взял в обе горсти изумруды, затем медленно высыпал их обратно в ящик.

— Боже ты мой! — вырвалось у Роберта. Он переводил взгляд с одного ящика на другой. — Ведь уж одно это — огромное состояние! Такая великолепная коллекция, должно быть, стоит не меньше ста тысяч фунтов!

— Вы, как я вижу, не большой знаток камней, — засмеялся Рафлз Хоу. — Всего один ящичек с бриллиантами и тот нельзя приобрести за названную вами сумму. У меня в памятной книжке записано все, что я истратил на приобретение ценностей для коллекции, — впрочем, специальные мои агенты по закупке драгоценных камней в ближайшие же недели значительно увеличат эту сумму. Сейчас посмотрим. Так... На жемчуга истрачено сто сорок тысяч, на изумруды — семьсот пятьдесят, на рубины — восемьсот сорок... Бриллианты — девятьсот двадцать. Ониксы... У меня есть неплохие ониксы... двести тридцать. Карбункулы, агаты... Гм... Да, всего ровно четыре миллиона семьсот сорок тысяч. Для ровного счета, если учесть накладные расходы, скажем, пять миллионов.

— Господи! — воскликнул молодой художник, широко раскрыв глаза от удивления.

— Поймите, я почитаю это своим долгом. Отделка, шлифовка, продажа драгоценных камней — профессии эти целиком зависят от богатства. Если их не поддержать, они заглохнут, а это многим людям грозит нищетой. То же самое относится и к ювелирным работам по золоту — помните экраны во дворе? Богатство обязывает, поощрять подобные искусства и ремесла — долг богатого человека. Посмотрите, вот славный рубин. Он с Бирмы. Это пятый по величине из всех существующих в мире. Я склонен думать, что без шлифовки он был бы вторым по величине, но, ко-

нечно, шлифовка сильно уменьшает размер камня.

Он поддержал двумя пальцами сверкающий красным пламенем рубин величиной с каштан, затем небрежно бросил его обратно в ящик.

— Пройдем в курительную, — предложил он. — Вам следует немного подкрепиться. Осмотр достопримечательностей, говорят, самое утомительное занятие на свете.

Глава IV

ИЗ СТРАНЫ В СТРАНУ

Комната, в которой теперь очутился совершенно ошеломленный всем виденным Роберт, оказалась, может быть, не столь богатой, но еще более роскошно обставленной, чем те, в которых он уже побывал. По пышному восточному ковру в обдуманном беспорядке были разбросаны козетки, обитые светло-красным плюшем. Тут стояли также мягкие кушетки, оттоманки, диваны, американские качалки — удобная мебель на любой вкус. Одна из стен была стеклянной, за ней, очевидно, был роскошный зимний сад. В дальнем конце комнаты находился двойной ряд золоченых стендов с множеством последних номеров различных журналов. По обе стороны украшенного мозаикой камина на специальных полках расположились десятки всевозможных курительных трубок: английские черешневые, французские терновые, немецкие фарфоровые, резные пеньковые трубки, трубки из душистого кедра, восточные наргиле, турецкие чубуки и два больших кальяна в оправе из золота. Вдоль стен висели в три ряда небольшие закрытые ящички; на каждом из них была табличка из слоновой кости с обозначением сорта табака. Выше помещались шкафчики побольше из полированного дуба — в них были сигары и папиросы.

— Испытайте-ка мой дамасский диван, — пригласил хозяин, сам усевшись в кресло-качалку. — Он сделан поставщиком самого султана. Турки отлично понимают, что такое комфорт. Я заядлый курильщик, мистер Макинтайр, поэтому тут я мог давать советы архитектору, здесь все больше по моему вкусу, чем в остальных помещениях. В картинах, например, я ровно ничего не смыслю, как вы могли бы убедиться очень скоро. А по части табака я, смею сказать, могу подать неплохой совет. Вот, скажем, эти. — Он вытащил несколько больших сигар, отлично свернутых, мягкого, светло-коричневого оттенка. — Несколько необычные. Попробуйте.

Роберт закурил предложенную ему сигару и с наслаждением откинулся на пышные подушки, разглядывая сквозь голубые душистые облака дыма загадочного человека в грязной куртке, который о миллионах говорил так, как другой говорит о шиллингах. Бледное лицо, грустный, усталый взгляд, понурые плечи — казалось, он сгибался под тяжестью собственного богатства. В его разговоре, в манере держаться сквозило что-то вроде немой мольбы о прощении, какое-то чувство виноватости, что так не вязалось с могуществом, которым он обладал. Вся фантастическая встреча чрезвычайно заинтересовала и взволновала Роберта. Его душа артиста нежилась в атмосфере неслыханной роскоши и комфорта; он отдавался чувству покоя и полнейшего довольства, какого никогда доселе не испытывал.

— Что же мы выпьем — кофе, рейнвейн, токайское? Или, может быть, что-нибудь покрепче? — спрашивал Рафлз Хоу, протянув руку к выступавшей из стены доске с клавишами, напоминавшей клавиатуру рояля. — Рекомендую токайское. Меня снабдил им поставщик австрийского императора, и, полагаю, лучшие вина достались не императору, а мне.

Он дважды нажал клавишу на доске. Через не-

сколько секунд, резко щелкнув, одна из планок в стене откинулась, в образовавшемся отверстии оказался небольшой поднос, на котором стояли два высоких узких бокала венецианского стекла, наполненные вином.

— Механизм, как видите, действует неплохо, — сказал Рафлз Хоу. — Совершенно новое устройство, насколько мне известно. Видите, на клавишах написаны названия различных вин? Нажав на клавишу, я включаю электрический ток, под действием которого кран в погребе останется открытым ровно столько, сколько необходимо, чтобы наполнить стоящий под краном бокал. Бокалы помещаются на вращающемся цилиндре, так что один бокал всегда стоит наготове под краном. Затем он движется по пневматической трубе, которая приводится в действие тяжестью наполненного вином бокала. Не правда ли, забавная выдумка? Но, боюсь, я нагоняю на вас скуку всеми этими пустяками. Просто это моя слабость — механизировать все, что можно.

— Напротив, я преисполнен любопытства и изумления, — с жаром заверил его Роберт. — Мне кажется, будто меня вдруг перебросили из старой, прозаической Англии куда-то на Восток, во дворец джиннов. Если бы я не видел все это собственными глазами, я бы не поверил, что можно все так устроить, так освободить жизнь от тысячи ее досадных, мелких неудобств.

— Я покажу вам еще кое-что достойное внимания, — сказал Рафлз Хоу. — Но отдохнем здесь несколько минут, мне бы хотелось немного с вами побеседовать. Ну, как сигара?

— Превосходна!

— Она была свернута в Луизиане еще во времена рабства. Теперь таких уже не делают. Человек, продавший их мне, не знал подлинной их стоимости. Я купил эти сигары по нескольку шиллингов за штуку. А теперь я хотел бы попросить вас об одном одолжении, мистер Макинтайр.

— Буду очень рад.

— Теперь вы более или менее ясно представляете мое положение. Я здесь совершенно чужой. С людьми из зажиточных классов у меня мало общего. Я не светский человек. Я не люблю наносить визиты, не люблю принимать визитеров. Я ученый-любитель, человек самых скромных потребностей. У меня нет ни малейшего стремления блистать в обществе. Вы меня понимаете?

— Да, разумеется.

— С другой стороны, жизненный опыт показал мне, что труднее всего найти себе друга среди людей не столь богатых, то есть, я хочу сказать, тех, кто жаждет увеличить свои доходы. Они очень ценят ваше богатство и очень мало вас самих. Я уже испытал это на себе, я знаю, как это бывает.

Он умолк и взъерошил пальцами редкую бородку.

Роберт Макинтайр кивнул головой в знак полного понимания и согласия.

— Теперь вы видите, — снова начал Рафлз Хоу, — от богатых меня отвращают мои собственные склонности, а от тех, кто беден, — то, что я не доверяю их искренности, и потому оказываюсь в одиночестве. Не то чтобы я боялся одиночества, нет, я к нему привык. Но это сужает поле моей полезной деятельности. Я лишаюсь возможности получать достоверные и непосредственные сведения о людях, которым мог бы помочь. Я рад, что встретил сегодня здешнего викария, по-видимому, человека совершенно бескорыстного и честного. Он будет одним из посредников, связывающих меня с внешним миром. Могу я просить вас стать для меня вторым таким посредником?

— Буду счастлив! — с готовностью откликнулся Роберт.

Предложение это наполнило его восторгом: оно давало ему почти официальное право на вход в этот земной рай. Ему только того и надо было.

— По счастью, из нашего разговора я узнал, как благородны ваши взгляды в вопросе о деньгах и до какой степени вам чуждо стяжательство. Вы, наверное, заметили, как я вначале был резок, почти груб с вами? У меня есть основания бояться и подозревать всех случайных знакомых. Слишком часто оказывалось, что встречи со мной были подстроены заранее с самыми неблаговидными целями. Боже ты мой, что бы только я мог вам порассказать! Однажды я оказался свидетелем того, как за девушкой гнался бык. Рискуя жизнью, я бросился ей на помощь, а потом узнал, что все это было подстроено матушкой и дочкой, — быка взяли напрокат, и вся сцена была задумана как эффектная завязка знакомства. Но не буду подрывать вашу веру в людей. Мне самому пришлось пережить довольно тяжкие разочарования. Может, поэтому я и смотрю на всех предвзято. Тем нужнее мне человек, совету которого я мог бы довериться.

— Вы только скажите, в чем может быть вам полезен мой совет, и я с величайшей охотой помогу вам, — заверил его Роберт. — Сам я родом из Бирмингема, но знаю почти всех здешних жителей, знаю положение каждого.

— Именно это мне и нужно. Деньги могут принести много добра, но и много зла. Я буду обращаться к вам за советом в сомнительных случаях. Кстати, у меня есть один небольшой вопрос. Скажите, знакома ли вам девушка — брюнетка с серыми глазами, с тонкими, правильными чертами лица? Когда я встретил ее, на ней было синее пальто с барашковым воротником и манжетами.

Роберт усмехнулся про себя.

— Я отлично знаю это синее пальто: вы говорите о моей сестре Лауре.

— Это ваша сестра? Да что вы! Впрочем, теперь я и сам вижу, — конечно, есть сходство. Я встретил ее на днях, и мне захотелось узнать, кто она. Сестра, конечно, живет вместе с вами?

— Да. Мы живем втроем в «Зеленых Вязах»: сестра, отец и я.

— Надеюсь иметь честь познакомиться со всей вашей семьей. Вы кончили курить? Не желаете ли еще сигару или, может быть, трубку? Настоящий курильщик всегда предпочтет трубки. У меня здесь почти все сорта табака. Каждый понедельник запас в ящиках пополняется, а в субботу табак поступает в распоряжение стариков из дома призрения, поэтому табак у меня всегда свежий. Ну, если больше не угодно курить, пойдем посмотрим кое-какие другие мои выдумки. В соседней комнате оружейная, а за ней библиотека. Собрание книг у меня ограниченное, немногим больше ста тысяч томов. Но подбор не совсем обычный. У меня есть библия пятого века, полагаю, уникальная; есть Biblia Pauperum[1] тысяча четыреста тридцатого года; манускрипт «Книги Бытия» на тутовых листьях относится, по всей вероятности, ко второму веку; есть рукописный экземпляр «Тристана и Изольды» восьмого века. Есть несколько сотен старопечатных книг, среди них пять отличных экземпляров Шеффера и Фуста[2]. Но все это вы можете посмотреть, полистать в любой дождливый день, когда у вас не будет более интересных занятий. А сейчас я покажу вам одно интересное устройство, связанное с курительной комнатой, оно, вероятно, вас позабавит. Возьмите еще сигару. Теперь пересядем вон на тот диван в дальнем углу.

Диван стоял в нише и был с трех сторон и сверху окружен кристально-прозрачными стеклянными стенками. Когда оба они сели, Рафлз Хоу потянул за шнур, и тотчас позади них опустилась четвертая стенка: они оказались как бы в большом ящике из такого

---

[1] «Библия бедных» *(лат.)* — собрание иллюстраций на библейские сюжеты с пояснительными текстами.

[2] Шеффер и Фуст — немецкие первопечатники (XV в.).

чистого, столь тщательно отшлифованного стекла, что его почти не было заметно. Внутри этой маленькой прозрачной камеры свисали сверху золотые шнуры с хрустальными ручками; шнуры выходили наружу и, по-видимому, были соединены с длинной блестящей металлической полосой, находящейся снаружи.

— Ну, где бы вы предпочли выкурить сигару? — спросил Рафлз Хоу, и в его серьезных глазах мелькнул веселый огонек. — Может, отправимся в Индию, или в Египет, или в Китай, или...

— В Южную Америку, — пошутил Роберт.

Что-то мигнуло, послышался рокот колес. Роберт почувствовал, что стеклянная комнатка движется, и — что это?.. Молодой художник озирался кругом в полнейшем недоумении. Со всех сторон их окружали гигантские папоротники и пальмы, увитые длинными ползучими лианами, орхидеи ослепительно яркой окраски. Курительная комната, дом, Англия — все исчезло, и Роберт сидел на диване где-то в гуще девственного леса на берегу Амазонки. Это была не просто иллюзия, оптический обман. Он видел, как с земли поднимаются горячие испарения от тропических растений, как падают тяжелые капли влаги с огромных зеленых листьев, ясно различал узор толстой коры на стволах деревьев. А над головой бесшумно скользила по суку пестрая зеленая змея, из древесной листвы вылетел яркий попугай и снова скрылся в зелени. Онемев от изумления, Роберт поворачивал голову во все стороны и, наконец, встретился взглядом с сидевшим рядом с ним хозяином — в глазах Роберта было удивление, смешанное со страхом.

— В доброе старое время сжигали на костре за более невинные шутки, — смеясь от души, проговорил Рафлз Хоу. — Ну как, хватит с вам Амазонки? Не перебраться ли в Египет?

Вновь послышался шум какого-то механизма, все мгновенно переменилось, и вот, насколько хватал

глаз, вокруг раскинулась бесконечная пустыня. На переднем плане теснилось друг к другу пять пальм, у основания их росли колючие, напоминающие кактус растения. В стороне стоял серый, грубо обтесанный обломок скалы, низ у него был высечен в форме огромного жука-скарабея. На поверхности этого древнего камня резвились ящерицы. А в бесконечную даль уходили желтые пески, и на горизонте мерцала дымка миража.

Роберт ухватился за край дивана и бросал по сторонам ошеломленные взгляды.

— Мистер Хоу, я ровно ничего не понимаю!..

— Сильное впечатление, не правда ли? Эта египетская пустыня — излюбленное мое убежище, сюда я скрываюсь, когда мне хочется покурить и предаться на досуге размышлениям. Странно, что табак завезен к нам с делового, практического Запада. Так и кажется, что его родина — томный, мечтательный Восток. Но, может быть, для разнообразия вам хотелось бы перенестись в Китай?

— Нет, только не сегодня, — сказал Роберт, проводя рукой по лбу. — От всех этих чудес у меня голова кругом идет, и, право, я испытал нечто вроде нервного потрясения. Кроме того, мне пора вернуться в «Зеленые Вязы», наш прозаический дом, если только я смогу найти туда дорогу из этой пустыни, куда вы меня умчали. Но, мистер Хоу, разрешите мое недоумение: в чем тут секрет?

— Это просто забава, хитрая игрушка, и только. Сейчас я вам все объясню. От курительной идет длинная анфилада очень больших оранжерей. В каждой поддерживается особая температура и степень влажности, так, чтобы воспроизвести в точности климат Египта, Китая и других стран. Наша стеклянная камера — это просто трамвай, движущийся почти бесшумно по стальным рельсам. С помощью шнуров я направляю ход нашего трамвая, и он идет, как вы заме-

тили, с поразительной скоростью. Эффект еще усиливается тем, что потолки в оранжереях очень умело расписаны под небо, и повсюду обитают птицы и другие живые существа, которые, кстати сказать, чувствуют себя в этой искусственной обстановке не хуже, чем на родине. Вот вам весь секрет нашего путешествия в Южную Америку.

— А как же египетская пустыня?

— Да, здесь несколько сложнее. У меня работал лучший французский специалист по декорациям. Он написал весь идущий по окружности фон. Пальмы, кактусы, обелиск — это все, конечно, настоящее, так же как и песок, который тянется ярдов на пятьдесят, и я готов держать пари, что самый зоркий человек не отличит, где кончается настоящий песок и начинается иллюзия песка. Это обычный и даже довольно дешевый прием, используемый в круглой панораме, но только все очень тщательно выполнено. Что еще осталось для вас непонятным?

— Стеклянная камера. Для чего ее стены из стекла?

— Чтобы мои гости не чувствовали резкой перемены температуры. Я оказывал бы плохое гостеприимство, если б они возвращались в курительную, промокнув насквозь и схватив жестокий насморк. Стекло прогрето, иначе на нем осела бы влага и казалось бы, что все затянуто туманом. Но вы действительно спешите? В таком случае вот мы и снова в курительной. Надеюсь, ваш визит далеко не последний. И, если позволите, я с большой охотой побываю у вас в «Зеленых Вязах». Прошу вас, выход через музей.

Когда после благовонной, теплой атмосферы великолепного дворца Роберт Макинтайр вновь очутился в резком, колючем холоде английского зимнего вечера, у него было такое чувство, словно он надолго уезжал в дальние края. Протяженность времени измеряется нашими впечатлениями, и так живы, так новы были впечатления Роберта, что ему казалось, будто

уже много недель прошло с момента встречи на дороге с прокопченным «механиком». Голова у Роберта шла кругом, мысли неслись вихрем, он был словно одурманен безмерным богатством, колоссальным могуществом этого необыкновенного человека. Как мал, как убог показался ему их дом, когда Роберт переступил его порог, недовольный самим собой и всем окружающим.

Глава V

ПРОСЬБА ЛАУРЫ

В тот же вечер после ужина Роберт Макинтайр выложил отцу и сестре все, что ему довелось увидеть. Он был так переполнен впечатлениями, что ему не терпелось ими поделиться. Поэтому скорее ради собственного удовольствия, чем из желания доставить удовольствие близким, он живо обрисовал виденные им чудеса, несметные богатства, сокровищницу драгоценных камней, золото, мрамор, необычайные механические устройства, бьющую через край роскошь, полное пренебрежение к расходам, которое сказывалось во всем. Целый час он в самых красочных выражениях расписывал эти чудеса и под конец не без гордости сообщил о просьбе, с какой обратился к нему Рафлз Хоу, и о том полнейшем доверии, которое ему, Роберту, было оказано.

Рассказ Роберта подействовал на его слушателей совершенно по-разному. Старик Макинтайр откинулся на спинку стула, ядовитая усмешка искривила его губы, кожа на худом лице собралась в тысячи морщинок, глазки заблестели от зависти и жадности. Он с такой силой сжал край стола тощей желтой рукой, что при свете лампы суставы на пальцах казались совсем белыми. Лаура, напротив, вся подалась вперед, губы у

нее полураскрылись, щеки порозовели — она впитывала в себя каждое слово брата. Когда он поочередно взглянул на отца и сестру, ему показалось, что никогда еще не видел он отца таким злым, а Лауру — такой красивой.

— Да кто он, этот субъект? — спросил наконец старик после продолжительного молчания. — Надеюсь, состояние свое он нажил честным путем? На пять миллионов драгоценных камней, ты говоришь? Боже милостивый!.. И готов раздать их, только боится превратить людей в попрошаек? Можешь передать ему, Роберт, что тебе известен человек, вполне достойный и не имеющий ничего против того, чтобы его сделали попрошайкой!

— Но все же, Роберт, кто он такой? — воскликнула Лаура. — Едва ли Хоу — его настоящее имя. Может, он переодетый принц или даже король в изгнании? Да, хорошо бы полюбоваться на его бриллианты и изумруды! Я считаю, что изумруды особенно идут брюнеткам. Расскажи мне еще про этот музей, Роберт.

— Я думаю, что мистер Хоу именно тот, за кого себя выдает, — сказал Роберт. — У него простые, сдержанные манеры обыкновенного среднего англичанина. Какой-нибудь особой утонченности я в нем не заметил. Он разбирается в книгах, в картинах, но ровно настолько, чтоб оценить их прелесть, не больше. Нет, по-моему, он человек нашего круга и положения, но получивший по наследству огромное богатство. Конечно, мне судить трудно, но все то, что я видел сегодня — дом, картины, драгоценности, книги и все остальное, — меньше чем за двадцать миллионов не купишь, я даже уверен, что и этого будет недостаточно.

— Я знал когда-то одного Хоу, — сказал старик Макинтайр, барабаня пальцами по столу. — Он был у меня старшим мастером в цехе по изготовлению патронных гильз. Но это был пожилой, одинокий человек. Ну, во всяком случае, будем надеяться, что все это до-

бро досталось твоему Хоу не мошенничеством, деньги, надеюсь, ничем не запятнаны.

— И он в самом деле придет к нам? — Лаура захлопала в ладоши. — Скажи, Роберт, ну как ты думаешь, когда? Смотри предупреди меня заранее. А вдруг завтра, как ты думаешь?

— Право, не могу сказать тебе.

— Я просто жажду его увидеть. Никогда в жизни мне ничего не хотелось так сильно!

— А, ты получила письмо, — сказал вдруг Роберт. — От Гектора, конечно, судя по иностранной марке. Ну, как он там?

— Письмо пришло только сегодня вечером, я его еще не читала. Сказать по правде, я так увлеклась твоими рассказами, что совершенно про него забыла. Бедняга Гектор! Письмо с Мадейры. — Она бегло проглядела четыре страницы, исписанные неровным, ребячьим почерком молодого моряка. — У него все благополучно. Корабль попал в шторм в пути и тому подобное, но теперь у него все в порядке. Рассчитывает к марту вернуться. А может, он все-таки придет завтра, твой новый друг, твой рыцарь из очарованного замка?

— Едва ли так скоро.

— Если он ищет, куда бы поместить капитал, Роберт, — сказал отец, — не забудь передать ему, что сейчас особенно выгодно вкладывать средства в производство оружия. С моим опытом и при капитале в несколько тысяч я обеспечу ему барыш в тридцать процентов, точно, как в банке. В конце концов должен же твой Рафлз Хоу пустить в оборот свои капиталы. Нельзя же все растранжирить на всякие там книги и драгоценные камни? Я, безусловно, мог бы дать ему самые практические советы.

— Он навестит нас, возможно, еще очень не скоро, отец, — холодно ответил Роберт. — И когда он придет, я едва ли позволю себе использовать дружеское

его расположение ко мне в твоих коммерческих интересах.

— Папа, мы не ниже его! — воскликнула Лаура с горячностью. — Зачем ты хочешь выставить нас перед ним в роли нищих? Он вообразит, что мы проявляем внимание к нему только из-за его денег. Я просто не понимаю, как ты можешь допускать подобные мысли!

— Если бы я не допускал подобных мыслей, мисс, на какие бы, спрашивается, средства дал я вам образование? — сердито накинулся на нее старик.

Роберт тихонько вышел из комнаты. И у себя, среди своих полотен, он все еще слышал голоса из гостиной: один хриплый, другой звонкий — там шла нескончаемая семейная перебранка. Все более неприглядной казалась Роберту домашняя обстановка, в которой протекала его жизнь, все больше мечтал он о покое, который можно приобрести за деньги.

На следующее утро, едва убрали со стола после завтрака, а Роберт еще не успел приняться за работу, как раздался робкий стук в дверь — на пороге стоял Рафлз Хоу. Роберт бросился к нему навстречу, радостно его приветствуя.

— Боюсь, что я слишком ранний визитер, — произнес гость извиняющимся тоном, — но я обычно совершаю прогулку сразу после завтрака. — Во внешности его теперь не замечалось следов грязной работы, на нем был аккуратный темный костюм, волосы гладко причесаны. — Вчера вы рассказывали мне о вашей работе. Может быть, несмотря на ранний час, вы позволите побывать в вашей студии?

— Входите, мистер Хоу, прошу вас! — Роберт был приятно взволнован лестным вниманием столь щедрого мецената. — Сочту за честь показать вам те небольшие вещи, над которыми сейчас тружусь, хотя, признаться, побаиваюсь, — у вас перед глазами всегда столько настоящих шедевров! Разрешите представить вас отцу и сестре.

Старик Макинтайр отвесил глубокий поклон и потер высохшие, костлявые руки, а молодая леди, подавив возглас удивления, широко раскрытыми глазами смотрела на миллионера. Хоу сделал шаг вперед и спокойно пожал ей руку.

— Я так и думал, что это вы. Я уже имел честь встретить вашу сестру, мистер Макинтайр, в первый же день моего приезда в Тэмфилд. Мы оба прятались от метели под навесом и очень приятно беседовали.

— Я понятия не имела, что разговариваю с владельцем нового дома, — сказала Лаура несколько смущенно. — Какие странные бывают совпадения!

— Я часто думал, с кем же я тогда встретился, но только вчера это стало для меня ясно. Как у вас здесь мило! А летом, должно быть, просто очаровательно! Да позвольте, если бы не тот холм, ваш дом был бы виден из моих окон!

— Да, и он не закрывал бы вид на ваши чудесные ели, — сказала Лаура, став у окна рядом с мистером Рафлзом Хоу. — Только вчера я смотрела и думала: как жаль, что существует этот холм!

— Да? Я прикажу снести его. Буду счастлив доставить вам удовольствие.

— Боже мой! — воскликнула Лаура. — Снести холм? Но куда же его девать?

— Можно его весь срыть и насыпать в другом месте. Холм не так уж велик. Нужно только нанять несколько тысяч рабочих, снабдить их соответствующей техникой и провести железнодорожную ветку — через несколько месяцев от холма и следа не останется.

— А как же дом нашего бедного викария? — спросила Лаура смеясь.

— Ну, это не встретит особых затруднений. Мистеру Сперлингу можно будет предложить взамен такое же точно жилище, и еще более для него удобное. Ваш брат подтвердит, что я большой мастер проектировать здания. Нет, серьезно, если вы считаете, что

холм вам мешает, я приму меры и его снесут.

— Нет, мистер Хоу, ни за что на свете! Я оказала бы плохую услугу жителям Тэмфилда, если бы стала внушать вам такую идею. Ведь холм единственное, что придает Тэмфилду хоть некоторое своеобразие! Я оказалась бы отъявленной эгоисткой, если бы хотела уничтожить холм только для того, чтобы украсить вид из окон нашей гостиной.

— Наш дом, мистер Хоу, это просто конура, — заговорил старик Макинтайр. — Вы, наверное, чувствуете себя здесь как в коробке, после вашего величественного дворца, о котором сын рассказывает самые невероятные вещи. Но мы не всегда так жили, мистер Хоу. Теперь я существую более чем скромно, а было время, и не так давно, когда я мог предъявить в банк чек на сумму не меньшую, чем любой другой фабрикант оружия в Бирмингеме. Это было...

— Папочка, наш милый, старенький ворчун! — воскликнула Лаура, ласково обняв отца.

Старик вскрикнул, и лицо у него исказилось гримасой боли, однако он попытался скрыть ее за притворным кашлем.

— Не подняться ли нам наверх? — поспешно предложил Роберт, стремясь отвлечь внимание гостя от маленького семейного инцидента. — Моя студия — настоящая мансарда художника: она под самой крышей. Разрешите, я проведу вас туда, мистер Хоу?

Оставив Лауру и мистера Макинтайра-старшего в гостиной, они поднялись в мастерскую Роберта. Мистер Хоу долго стоял перед «Подписанием Великой хартии вольностей» и «Убийством Фомы Кентерберийского», щуря глаза и нервно пощипывая бородку; Роберт с беспокойством ждал.

— Сколько вы за них хотите? — обратился к нему наконец мистер Хоу.

— Я оценил их по сто фунтов за каждую, когда посылал в Лондон на выставку.

— В таком случае лучшее, что я могу вам пожелать, это чтобы наступил день, когда вы будете рады уплатить вдесятеро, только бы получить свои работы обратно. Я убежден, что у вас большие способности, и вижу, что в отношении композиции и смелости замысла вы уже достигли многого. Но рисунок у вас, если позволите быть откровенным, несовершенен, и в цвете вы не сильны. Так вот, мистер Макинтайр, предлагаю вам сделку. Я знаю, вы равнодушны к деньгам, но все же, как вы сами сказали при нашей первой встрече, человеку надо на что-то существовать. Я покупаю у вас обе картины по назначенной вами цене на том условии, что за вами сохраняется право выкупить их, как только пожелаете, за ту же сумму.

— Право, вы так добры!.. — Роберт не знал, радоваться ли ему продаже картин или обидеться на не очень лестные замечания покупателя.

— Разрешите сразу же написать вам чек, — продолжал Рафлз Хоу. — Вот я вижу перо и чернила. Сегодня же вечером пришлю за своей покупкой двоих лакеев. Не беспокойтесь, я сберегу ваши произведения. Когда вы станете знаменитостью, они будут цениться как образцы вашей ранней манеры.

— Поверьте, мистер Хоу; я чрезвычайно вам обязан, — сказал Роберт, пряча чек в записную книжку. Прежде чем свернуть его, молодой художник успел взглянуть на проставленную в нем цифру в смутной надежде, что богач с прихотями, быть может, пожелал дать ему более высокую цену, чем та, которую он сам назвал. Но нет, там значилось ровно «двести фунтов». В душу Роберта закралось неясное ощущение, что репутация бессребренника имеет и неприятную сторону. Жаль, что в присутствии Рафлза Хоу у него сорвалось тогда с языка несколько необдуманных слов, ведь они были не столько продиктованы убежденностью, сколько явились реакцией на отцовскую меркантильность.

— Надеюсь, мисс Макинтайр, — сказал Рафлз Хоу, когда они с Робертом снова спустились в гостиную, — вы окажете мне честь и придете посмотреть мои коллекции. Ваш брат, я думаю, охотно будет вас сопровождать, или, может быть, ваш отец не откажет в любезности посетить мой дом.

— Приду с большим удовольствием, мистер Хоу, — ответила Лаура, подарив ему свою самую милую улыбку. — Но сейчас у меня много времени отнимают заботы о бедняках, которым в такие холода приходится еще труднее, чем всегда.

Роберт поднял брови: он впервые слышал о благотворительной деятельности сестры, но мистер Рафлз Хоу одобрительно кивнул головой.

— Роберт рассказывал нам о ваших чудесных оранжереях, — продолжала Лаура. — Хорошо бы разместить в одной из них наших бедных прихожан, чтобы они там побыли в тепле.

— Ничего нет проще. Боюсь только, не покажется ли им потом еще труднее, когда придется снова вернуться в свои дома. У меня только что закончилась постройка одной новой оранжереи, я еще не успел показать ее вашему брату. Думаю, она будет самой подходящей: это уголок индийских джунглей, там жарко в полном смысле этого слова.

— Ах, как мне хотелось бы побывать в индийских джунглях! — воскликнула Лаура, хлопая в ладоши. — Увидеть Индию — моя давнишняя заветная мечта. Я так много о ней читала — о ее храмах, лесах, великих реках и тиграх. Вы не поверите, мистер Хоу, но я еще никогда в жизни не видела настоящего тигра — только на картинках!

— Это легко исправить, — спокойно улыбнувшись, сказал мистер Хоу. — Вам хочется увидеть живого тигра?

— Да, ужасно хочется!

— Я вам его пришлю. Позвольте... Сейчас около

двенадцати. До часа я успею протелеграфировать в Ливерпуль. Там есть человек, занимающийся такими вещами. Завтра утром, полагаю, тигра уже пришлют. Итак, надеюсь видеть вас у себя в ближайшее время. Я у вас засиделся, а мне еще предстоит несколько часов провести в лаборатории. У меня строгий распорядок дня.

Он сердечно пожал всем руки и, закурив в дверях трубку, вышел из дому.

— Ну, что вы скажете? — спросил Роберт.

Все трое провожали глазами удалявшуюся по снегу темную фигуру.

— Ему нельзя доверять деньги, прямо как младенцу! — визгливо крикнул старик. — Я еле сдержался, едва он начал болтать чепуху об уничтожении холмов, покупке тигров и прочий вздор, и это когда честные люди лишены возможности развернуть свои способности и вершить настоящие крупные дела и им только не хватает небольшого капитала! Это просто безбожно, вот как я это называю!

— Он очарователен — вот мое мнение! — сказала Лаура. — Не забудь, Роберт, ты обещал взять нас с собой посмотреть его дом. Он сам пожелал, чтобы мы его навестили в ближайшее время. Как ты думаешь, не пойти ли сегодня же вечером?

— Нет, Лаура, это неудобно. Положись на меня — я все устрою. А теперь надо пойти поработать, зимой так быстро темнеет.

Ночью, когда Роберт уже лег в постель и начал дремать, он вдруг почувствовал, как его кто-то тронул за плечо. Он приподнялся и увидел, что у постели в белой сорочке и в шали, накинутой на плечи, вся залитая лунным светом стоит сестра.

— Роберт, дорогой, — зашептала она, наклонясь над ним. — Я хотела кое о чем тебя попросить, но мне все время мешал папа. Ты обещаешь исполнить мою просьбу, Роберт?

— Конечно, Лаура. Что за просьба?

— Ты знаешь, дорогой, как я не люблю, когда обсуждают мои личные дела. Если мистер Рафлз Хоу заговорит обо мне и станет задавать какие-нибудь вопросы, не говори ему ничего о Гекторе. Ты сделаешь, как я прошу тебя, ты не откажешь твоей сестренке?

— Разумеется, раз ты этого хочешь.

— Какой ты милый, Роберт!

Лаура кинулась к брату и нежно его поцеловала. Она редко проявляла такие чувства, и Роберт потом, уже засыпая, долго недоумевал, не зная, как объяснить поведение сестры, пока, наконец, не заснул.

Глава VI

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ГОСТЬ

На следующее утро после визита Рафлза Хоу семья Макинтайр сидела за столом и завтракала, как вдруг, к их удивлению, со стороны деревни донесся шум и гул голосов. Шум становился все явственнее, и вдруг к садовой ограде подлетели два закусивших удила коня — они били копытами, вставали на дыбы, прядали ушами, в глазах у них светился страх. Коней еле удерживали под уздцы два конюха; третий со всех ног бросился по усыпанной гравием дорожке к дому. Не успели еще Макинтайры сообразить, что все это значит, как в столовую ворвалась Мэри, служанка, с выражением ужаса на круглом веснушчатом лице.

— Прошу прощения! — взвизгнула она. — Мисс Лаура! Ваш тигр приехал!

— Господи! — воскликнул Роберт, кидаясь к двери с недопитой чашкой в руке. — Это уж слишком! Полюбуйтесь, вон железная клетка на колесах, и в ней скачет огромный тигр. И, конечно, сбежалась вся деревня.

— Он не в своем уме! — закричал старый Макинтайр. — Да это сразу было видно! На деньги, какие он потратил на этого зверя, я мог бы начать большое дело! Ну, слыхано ли такое? Велите кучеру везти клетку в полицию.

— Ни в коем случае, папа! — заявила Лаура, с достоинством вставая из-за стола и окутывая плечи шалью. Глаза у нее сияли, щеки разрумянились, у нее был вид торжествующей королевы.

Роберт, все еще держа чашку в руке, забыл про странного гостя в клетке: он залюбовался красотой сестры.

— Мистер Рафлз Хоу прислал тигра из любезности ко мне, — проговорила она, плавной походкой направляясь к двери. — Я считаю это знаком большого ко мне внимания. Я непременно выйду и посмотрю на тигра.

— Прошу прощения, сэр, — сказал появившийся в дверях кучер. — Нам никак не сдержать коней.

— Давайте все выйдем и посмотрим, — предложил Роберт.

Макинтайры подошли к ограде: по ту сторону ее стояла вся деревня, от школьников до седых стариков из дома призрения, — все изумленно глядели на невиданное зрелище. Тигр, длинный, гибкий, грозного вида зверь, с горящими зелеными глазами, крадущимися шагами кружил по клетке, ударяя себя по бокам хвостом и тычась мордой в железные прутья.

— Какие вам даны распоряжения? — спросил Роберт у кучера.

— Тигр приехал из Ливерпуля специальным экспрессом, сэр. Поезд подтянули к Тэмфилду, он стоит на станции, ждет, чтобы забрать зверя обратно. Служащие на станции оказали ему такой почет, будто это не тигр, а какая-нибудь королевская особа. Нам приказано отвезти его обратно, как только вы скажете. Тяжелая была работка, сэр, просто руки

вывихнули, когда сдерживали коней.

— Чудное, прелестное создание! — восклицала Лаура. — Сколько в нем грации, изящества! Просто не понимаю, как люди могут бояться такого красавца!

— Прошу прощения, мисс, — заметил кучер, притрагиваясь рукой к козырьку кожаного картуза. — На станции он просунул лапу между прутьями, и, не успей я вовремя оттащить моего приятеля Билла, он угодил бы на тот свет. Прямо скажу, на волосок от смерти был!

— В жизни не видела ничего очаровательнее, — продолжала восхищаться Лаура, высокомерно пропуская мимо ушей рассказ кучера. — Я получила огромное удовольствие. Надеюсь, Роберт, ты не забудешь передать это мистеру Рафлзу Хоу при встрече?

— Кони очень беспокойны, — заметил брат. — Если ты достаточно налюбовалась на тигра, Лаура, не лучше ли отправить его на станцию?

Лаура кивнула ему все с тем же царственным видом, какой она так неожиданно приняла, Роберт крикнул конюхам — один из них вскочил на козлы, двое других отпустили поводья, и клетка с тигром покатила обратно, а за ней, изо всех сил стараясь не отставать, побежали все обитатели Тэмфилда.

— Какие чудеса могут творить деньги! — сказала Лаура, когда они все трое стояли на пороге, счищая с ботинок снег. — Кажется, нет такого желания, какое мистеру Хоу было бы не под силу выполнить.

— Твоего желания, ты хочешь сказать, — прервал ее отец. — Совсем другое дело, если бы нужно было что-нибудь сделать для старого, измученного человека, всю жизнь трудившегося для детей. Да, тут любовь с первого взгляда, это ясно.

— Ну как ты можешь говорить так грубо, папа! — воскликнула Лаура. Глаза ее, однако, искрились, зубки блестели, по-видимому, догадка отца показалась ей не так уж неприятна.

— Бога ради, будь осторожна, Лаура! — заволновался вдруг Роберт. — Мне сперва это не пришло в голову, но похоже, что отец прав. Лаура, ведь ты не свободна. А Рафлз Хоу не из тех, с кем можно играть.

— Милый мой Роберт. — Лаура положила руку ему на плечо. — Что ты понимаешь в таких делах? Занимайся лучше своей живописью да помни, что ты мне обещал вчера.

— Что за обещание, что такое? — подозрительно спросил старик Макинтайр.

— Ничего, папа, пустяки. Знай, Роберт, если ты нарушишь обещание, я не прощу тебе этого никогда в жизни!

Глава VII

СИЛА ЗОЛОТА

Неудивительно, что по прошествии нескольких недель имя и деятельность таинственного владельца Нового Дома приобрели известность по всей округе, и слух о нем шел все дальше, пока не докатился до самых отдаленных уголков Уоркшира и Стаффордшира. В Бирмингеме, с одной стороны, и в Ковентри и Лемингтоне — с другой, судачили о его неслыханном богатстве, о необыкновенных причудах, о странном образе его жизни. Его имя передавалось из уст в уста, тысячи усилий были направлены на то, чтобы разузнать, кто он такой. Однако, невзирая на все эти старания, любопытным не удавалось ни выяснить хоть что-нибудь о нем самом, ни раскрыть секрет его богатства.

Неудивительно также, что вокруг имени Рафлза Хоу росли все новые легенды, ибо не проходило дня без нового доказательства его неограниченного могущества и беспредельной доброты. От сельского викария, Роберта Макинтайра и других жителей Тэмфил-

да Рафлз Хоу разузнавал о нуждах деревни, и не один прихожанин, когда жизнь припирала его к стене, получал вдруг краткую записку с приложением чека, устраняющего разом все его беды и заботы. Сегодня старики в доме призрения получили по теплой двубортной куртке и паре крепких, добротных сапог, а завтра у мисс Свайр, престарелой женщины из хорошей семьи, кое-как шитьем добывавшей себе пропитание, внезапно появилась новенькая, первоклассная швейная машинка, взамен старой ножной, работать на которой мисс Свайр с ее ревматическими суставами было мучительно трудно. Бледный молодой учитель, долго и почти без отдыха бившийся с бестолковыми тэмфилдскими юнцами, получил по почте билет на двухмесячную туристскую поездку по Южной Европе и оплаченные квитанции номеров в отелях и все прочее. Фермер Джон Хэккет, мужественно боровшийся с судьбой долгих пять неурожайных лет кряду, на шестой не устоял, и к нему уже явились описывать имущество, когда неожиданно прибежал добрый викарий и, размахивая ассигнацией, сообщил, что не только вся задолженность фермера погашена, но и осталось достаточно, чтобы купить новые, усовершенствованные сельскохозяйственные машины и впредь быть увереннее в завтрашнем дне. Деревенских жителей охватывало почти суеверное чувство, когда они глядели на великолепный дом, на огромные, блестевшие на солнце оранжереи и особенно, когда видели ночью его бесчисленные окна, из которых лился ослепительный электрический свет. Им казалось, что в этом громадном дворце обитает какое-то божество, невидимое, но всевидящее, обладающее безграничной силой и добротой, всегда готовое помочь и утешить. Совершая свои благодеяния, Рафлз Хоу сам оставался в тени, приятная обязанность осыпать дарами сирых и убогих выпала на долю викария и Роберта.

Только однажды он выступил открыто — в том знаменитом случае, когда спас от краха известный банк братьев Гэрревег в Бирмингеме. Люди высокой честности, благожелательные и щедрые, оба брата, Льюис и Руперт, основали банк, отделения которого имелись теперь во всех городах четырех графств. Неудачные операции их лондонских агентов неожиданно привели к весьма крупным финансовым потерям, слух об этом как-то просочился наружу, и это вызвало внезапные и очень опасные изъятия вкладов. Из всех сорока отделений банка летели телеграммы с настоятельными требованиями наличности как раз тогда, когда центральное здание банка в Бирмингеме осаждали встревоженные клиенты, размахивая своими сберегательными книжками и требуя выдачи денег. Братья и с ними все служащие банка держались героически, храня на лицах улыбки, а тем временем слали гонцов и телеграммы: банк пускал в ход все свои ресурсы. Весь день не прекращался поток клиентов, и, когда пробило четыре часа и банк закрылся, улица все еще была забита толпой, а в подвалах не оставалось и тысячи фунтов наличности.

— Это только оттяжка, Льюис! — проговорил Руперт с отчаянием, когда ушел последний клерк и братьям можно было, наконец, согнать застывшую улыбку с измученных лиц.

— Эти ставни никогда больше не откроются! — воскликнул Льюис, и, упав друг другу в объятия, оба вдруг разрыдались, горюя не о себе, но о тех, кто им доверился и на кого они навлекли несчастье.

Но кто осмелится сказать, что надежды нет, пока он не поведал о своей беде людям? В тот же вечер миссис Сперлинг получила от своей старой школьной подруги, жены Льюиса Гэрревега, письмо, в котором та излила все свои опасения и надежды и рассказала о свалившемся на них несчастье. Тут же из дома викария весть пошла в Новый Дом, и на следующий день, рано

утром, мистер Рафлз Хоу вышел из дому с большим черным ковровым саквояжем в руках и затем каким-то образом добился, чтобы кассир местного отделения Английского банка встал из-за стола, не закончив завтрака, и открыл банк раньше обычного часа. К половине десятого возле банка братьев Гэрревег уже начала собираться толпа, но тут появился бледный, худощавый человек с большим, раздутым ковровым саквояжем и настойчиво потребовал, чтобы его провели в приемную банка.

— Ничего нельзя поделать, сэр, — смиренно сказал ему старший брат (братья стояли рядом, стараясь поддержать друг в друге мужество). — Мы бессильны. У нас почти ничего не осталось, и было бы несправедливо по отношению к другим, если бы мы вам уплатили. Можно лишь надеяться, что, когда будут исчерпаны все оставшиеся возможности, никто, кроме нас самих, не пострадает.

— Я пришел не взять, а внести деньги, — сказал Рафлз Хоу своим серьезным, как бы извиняющимся тоном. — У меня здесь с собой пять тысяч банковских ассигнаций, в сто фунтов каждая. Если вы будете так добры и примете этот вклад, я буду чрезвычайно вам обязан.

— Но, боже мой!.. — проговорил Руперт Гэрревег, запинаясь. — Разве вы, сэр, не слыхали, что... Разве вы не видели? Мы не можем допустить, чтобы вы пошли на это, не зная... Как ты думаешь, Льюис?

— Да, конечно! Сейчас мы не можем посоветовать вам, сэр, воспользоваться услугами нашего банка: идет непрерывное изъятие вкладов, и мы не знаем, чем все это может кончиться.

— Ну-ну, — сказал Рафлз Хоу. — Если изъятие вкладов будет продолжаться, пошлите мне телеграмму, я добавлю еще немного. Расписку вы мне пришлете по почте. Всего доброго, господа!

Он поклонился и вышел, прежде чем изумленные

братья поняли, что произошло, и успели оторвать глаза от огромного черного саквояжа и лежащей на столе визитной карточки посетителя. В Бирмингеме в тот день все обошлось благополучно, и банк братьев Гэрревег по сей день пользуется заслуженно высокой репутацией.

Эти случаи сделали Рафлза Хоу известным по всему Мидленду. Однако, несмотря на свою щедрость, он был не из тех, кого легко надуть. Тщетно канючил у его дверей здоровенный нищий, напрасно ловкий вымогатель испысывал страницу за страницей, изливая свои вымышленные горести. Роберта поражало, как безошибочно Рафлз Хоу, выслушав от него какую-нибудь трогательную историю, замечал всякое несоответствие, тотчас слушал фальшивую ноту. Если пострадавший был, по мнению Рафлза Хоу, достаточно силен и мог сам справиться со своей бедой или таков по своей натуре, что помощь не пошла бы ему на пользу, ничего нельзя было добиться от хозяина Нового Дома. И старик Макинтайр тоже тщетно осаждал миллионера тысячами намеков и недомолвок, стараясь дать ему понять, какой злой и несправедливой оказалась участь его, бывшего фабриканта, и как легко было бы ему вернуть прежнее величие. Рафлз Хоу вежливо выслушивал, кивал, улыбался, но не проявлял ни малейшей охоты помочь озлобленному неудачами фабраканту оружия подняться на прежний пьедестал.

Но если богатство странного отшельника манило к себе попрошаек, как огонь притягивает мотыльков, оно привлекало к себе и другие, более опасные общественные элементы. В деревне стали встречаться грубые, подозрительные физиономии, за елями возле Нового Дома по ночам рыскали какие-то темные фигуры, и городская и местная полиция предупреждала, что в Тэмфилд собираются пожаловать недобрые гости. Но, как полагал Рафлз Хоу, среди многих возможностей, какие дает огромное богатство, оно обеспечи-

вает и его защиту, в чем кое-кто скоро имел случай убедиться.

— Не хотите ли зайти ко мне? — сказал он однажды утром, заглянув в полуоткрытую дверь гостиной «Зеленых Вязов». — Покажу вам нечто забавное.

Рафлз Хоу близко сошелся с семьей Макинтайр, и редкий день проходил, чтобы они не встретились.

Все трое охотно откликнулись на приглашение, зная, что это, как всегда, сулит какой-нибудь приятный сюрприз.

— Я как-то показал вам тигра, — обратился Рафлз Хоу к Лауре, когда они входили в столовую, — а сегодня покажу зверя не менее опасного, хотя далеко не такого красивого.

В углу столовой находились особым образом расставленные зеркала, и наверху, под острым углом к ним, — еще одно большое круглое зеркало.

— Посмотрите в верхнее зеркало, — предложил Рафлз Хоу.

— Господи, какие страшные люди! — ужаснулась Лаура. — Их там двое, и я не знаю, который хуже.

— Что они там делают? — спросил Роберт. — Они как будто сидят на полу в каком-то подвале.

— Очень подозрительные личности, — заметил старик Макинтайр. — Рекомендую послать за полицией.

— Уже сделано. Но сажать их в тюрьму, пожалуй, излишне: они и так уже в надежном заключении. Впрочем, законная власть должна получить то, что полагается ей по праву.

— Да кто же они и как сюда попали? Объясните нам, мистер Хоу. — Нежный, почти умоляющий тон в сочетании с величественной красотой придавал Лауре особую прелесть.

— Я знаю о них не больше вашего. Вчера вечером их еще не было, а утром они оказались здесь, значит, они попали сюда ночью. Да и слуги, войдя в комнату утром, увидели, что окно открыто. А что касается про-

фессии и намерений этих субъектов, это, я думаю, легко прочесть на их физиономиях. Красавчики нечего сказать!

— Но я решительно не понимаю, где они находятся, — недоумевал Роберт, вглядываясь в зеркало. — Один из них бьется головой о стену. Нет, он просто пригнулся, чтобы другой мог стать ему на спину. Теперь тот уже у него на спине, свет падает ему прямо в лицо. Посмотрите, какая растерянная физиономия у этого типа! Интересно было бы сделать с него набросок. Он послужил бы мне этюдом к картине, которую я задумал. Я назову ее «Бунт».

— Это моя первая добыча и, уверен, не последняя. Я поймал их в мою патентованную ловушку для жуликов, — поясил Рафлз Хоу. — Сейчас покажу вам ее в действии. Это — совершенно новое изобретение. Пол под нами как нельзя более прочен, но на ночь он раздвигается, разъединяется на отдельные части. Это проделывается одновременно во всех комнатах нижнего этажа с помощью центрального механизма. И тогда стоит сделать два-три шага от окна или от двери, и весь настил поворачивается на больших винтах, вы соскальзываете в нижнее помещение на мягкую подстилку и можете сколько душе угодно бесноваться там и ждать, пока вас освободят. Посреди, между винтами, остается свободное место, куда составляется на ночь вся мебель. Пол, освободившись от веса непрошенного гостя, принимает прежнее положение, а гостю приходится сидеть внизу, и я могу в любое время поглядеть на него с помощью этого нехитрого оптического устройства. Я подумал, что вам будет любопытно взглянуть на моих пленников, прежде чем я передам их старшему констеблю, — он, кстати, уже идет по аллее к дому.

— Бедные жулики! — сказала Лаура. — Не мудрено, что у них такой озадаченный вид: они, очевидно, не понимают, где они и как туда попали. Я рада, что вы

так хорошо себя охраняете, я часто думала, что вам здесь небезопасно.

— Да? — Он обернулся к ней с улыбкой. — Не тревожьтесь, дом мой вполне воронепроницаем. Правда, есть одно окно в лаборатории, среднее из трех, которое никогда не запирается, потому что служит мне входом и выходом, — признаться, я люблю иногда побродить ночью и предпочитаю ускользнуть из дому незаметно, без церемоний. Однако надо, чтобы вору очень повезло, если он изберет именно это единственное безопасное для него окно. Но даже и тут ему будет не так просто проникнуть в дом. Вот и констебль. Но вы не уходите, мисс Макинтайр. В моем домишке, может быть, найдется еще что-нибудь, чем я смогу вас развлечь. Пройдите, пожалуйста, в бильярдную, через несколько минут я присоединюсь к вам.

Глава VIII

ПЛАНЫ МИЛЛИАРДЕРА

Все то утро, как и многие другие до и после него, Лаура провела в Новом Доме: рассматривала сокровища музея, любовалась драгоценными безделушками в коллекциях Рафлза Хоу; из курительной комнаты стеклянный лифт перенес ее в роскошные оранжереи — хозяин скромно следовал за ней, а она порхала, словно бабочка от цветка к цветку. Рафлз Хоу наблюдал за ней украдкой и про себя радовался ее восторгам. Единственной отрадой, какую он извлекал из своих богатств, была для него возможность сделать приятное другим.

Его внимание к Лауре Макинтайр было теперь так явно, что уже не приходилось сомневаться относи-

тельно его чувств. В ее присутствии он тотчас оживлялся и был неистощим на выдумки, только бы сделать ей приятный сюрприз, развлечь и порадовать. Каждое утро, когда в доме у Макинтайров все еще спали, лакей Рафлза Хоу приносил в «Зеленые Вязы» огромный букет прекрасных, редких цветов, чтобы украсить стол к завтраку. Малейшее ее желание, любой каприз выполнялись немедленно, если только это оказывалось в человеческих силах. Пока держались морозы, ручей, по распоряжению Рафлза Хоу, запрудили и отвели на луг только затем, чтобы устроить для Лауры каток. Когда начало таять, ежедневно к вечеру появлялся грум, ведя превосходную, с лоснящейся шерстью лошадку, — на тот случай, если мисс Макинтайр пожелает совершить верховую прогулку. Все указывало на то, что Лаура завладела сердцем затворника Нового Дома.

Лаура, со своей стороны, отлично играла свою роль. Женское чутье помогало ей угадывать оттенки настроений Рафлза Хоу и на все смотреть его глазами. Она только и говорила, что о приютах, бесплатных библиотеках, пожертвованиях, реформах. Выслушивая его проекты, она всегда умела подсказать какую-нибудь новую дельную мысль. Рафлзу казалось, что наконец-то он встретил родственную душу — вот помощница, подруга жизни, способная не только идти за ним, но и вести его по избранному им пути!

И отец и брат Лауры не могли не видеть, какой оборот принимает дело. Для старика ничего не могло быть желательней родственных отношений с таким баснословно богатым человеком, как Рафлз Хоу: это и его самого хоть как-то приближало к огромному состоянию. Блеск золота ослепил и Роберта — возражения замирали у него на губах. Так сладко было прикасаться ко всем этим сокровищам хотя бы в качестве доверенного лица! Зачем ему вмешиваться и портить установившиеся приятные отношения? Сест-

ра знает, как ей поступать, это не его дело, а что касается Гектора Сперлинга — ну что ж, пусть сам о себе заботится. Самое лучшее — предоставить все своему течению.

Но с тех пор, как он познакомился с Рафлзом Хоу, и работа и домашнее окружение становились Роберту все более в тягость. Наслаждение от занятий живописью утратило для него свою остроту. К чему, казалось, трудиться, изнурять себя работой, чтобы получить какие-то гроши, если деньги можно достать, попросив их? Правда, он не обращался к Рафлзу Хоу ни с какими денежными просьбами, но через его руки постоянно проходили крупные суммы для передачи нуждающимся, и если бы и сам он терпел в чем-либо нужду, его новый друг, конечно, не отказал бы ему в помощи. Поэтому римские галеры на огромном холсте оставались по-прежнему в виде наброска, а Роберт проводил дни в роскошной библиотеке Нового Дома или разгуливал по окрестностям и выслушивал жалобы, чтобы потом вновь вернуться, как некий добрый, облаченный в костюм из твида, ангел, неся беднякам помощь от Рафлза Хоу. Довольно скромная роль, но вполне под стать ему, человеку слабохарактерному и беспечному.

Роберт заметил, что на миллионера нередко нападают приступы мрачного уныния, и ему не раз приходило в голову, что, быть может, огромные растраченные суммы сильно подорвали капитал Рафлза Хоу и он начинает тревожиться за будущее. Отсутствующий взгляд, нахмуренный лоб, склоненная голова — все указывало на то, что душа Рафлза Хоу отягчена заботами, и только в присутствии Лауры он как будто сбрасывал с себя груз своих тайных тревог. Ежедневно, часов по пять подряд, он запирался в своей лаборатории, предаваясь любимой науке, но по какой-то странной причуде никому, ни слугам, ни даже Лауре или Роберту, не разрешалось входить в лабораторию. День за днем он исче-

зал в ней и затем возвращался бледный, усталый, и шум машин и густые клубы дыма, валившие из высокой трубы, показывали, как сложны были опыты, проводимые им без помощников.

— Не могу ли я быть чем-нибудь полезен вам в вашей работе? — как-то предложил ему Роберт, когда они после завтрака отдыхали в курительной комнате. — По-моему, вы слишком утомляете себя. Я бы так охотно помог вам, я ведь немного разбираюсь в химии.

— Вот оно что! — Рафлз Хоу поднял брови. — Никак не предполагал. Склонность к искусству и склонность к наукам редко идут рука об руку.

— Да, я, конечно, не очень большой знаток, но в свое время прошел курс химических наук и два года работал в лаборатории института сэра Мейсона.

— Очень, очень рад это слышать, — ответил Хоу каким-то многозначительным тоном. — Это может иметь для нас чрезвычайно важное значение. Весьма возможно, и даже почти наверное, мне придется воспользоваться вашими услугами и познакомить вас с некоторыми моими методами, которые, должен сказать, сильно отличаются от методов ортодоксальных химиков. Но пока для этого еще не наступило время. В чем дело, Джонз?

— Письмо, сэр. — Дворецкий подал конверт на серебряном подносе.

Хоу сломал печать и пробежал глазами листок бумаги.

— Ах, вот как! Приглашение на бал от леди Морзли. Вынужден решительно отклонить его. Очень любезно с ее стороны, но я предпочел бы, чтобы меня оставили в покое. Хорошо, Джонз, я пошлю ответ. Знаете, Роберт, порой у меня так тяжело на душе!

Теперь он часто называл молодого художника просто по имени, особенно в минуты наибольшей откровенности.

— Я это нередко замечал, — ответил Роберт сочувственно. — Но как странно, что вы, еще молодой, здоровый, кому доступны все житейские радости, и притом миллионер...

— Ах, Роберт! — воскликнул Хоу, откинувшись в кресле и пуская из трубки кольца густого голубого дыма. — Вы попали в самую точку! Будь я миллионером, я, может быть, был бы счастлив, но, увы, я не миллионер!

— Боже мой! — ахнул Роберт.

Он весь похолодел при мысли, что это, вероятно, — предисловие к признанию, что надвигается банкротство и весь блеск, все приятные волнения рассеются, как дым.

— Не миллионер... — еле мог он выговорить.

— Нет, Роберт, я миллиардер, может быть, единственный в мире. Вот что тяготит меня, вот почему я иногда чувствую себя несчастным. Я убежден, что должен тратить свои деньги, обязан пускать их в обращение, но как осторожно надо поступать, если хочешь действовать на благо людям, не нанося им вреда! Я глубоко сознаю свою ответственность. Она меня угнетает. Имею ли я право жить спокойно, когда вокруг миллионы людей, которых я мог бы спасти, поддержать в беде, если бы только знал, как это сделать?

Роберт вздохнул с облегчением.

— Быть может, вы слишком требовательны к себе и преувеличиваете свою ответственность перед людьми? Всем известно, как много вы сделали добра. Что же вас не удовлетворяет? Если вам хочется еще больше денег и сил отдать филантропии, то ведь повсюду имеются благотворительные общества, которые будут рады принять вашу помощь.

— У меня в списке уже двести семьдесят таких учреждений, — ответил Рафлз Хоу. — Просмотрите как-нибудь этот список; может, вы пополните его. Каждому из этих обществ я ежегодно высылаю скромную

лепту. Нет, не думаю, что мог бы сделать еще что-либо в этом направлении.

— Но, право же, вы внесли свою долю, она больше чем достаточна. На вашем месте я зажил бы спокойно и счастливо и больше не ломал бы над этим голову.

— Нет, так поступить я не могу, — серьезно сказал Хоу. — Не для того судьба дала мне в руки огромную силу, чтобы я жил спокойно и счастливо. Конечно, нет. Нет, Роберт, лучше пустите-ка в ход ваше воображение, придумайте еще какой-нибудь способ, чтобы человек, обладающий... ну, скажем, неограниченным богатством, мог оказать услугу человечеству, никого не лишая личной независимости, никому не нанося ущерба.

— Да, пожалуй, вы правы. Задача не из легких, — согласился Роберт.

— Некоторыми своими планами я с вами поделюсь: может, вы подадите мне дельный совет. Вот, послушайте. Что, если купить десять квадратных миль земли здесь, в Стаффордшире, и выстроить аккуратный городок из чистеньких, удобных четырехкомнатных домиков, обставленных хорошо, но просто, чтоб и магазины были и все, что нужно, но, конечно, никаких трактиров. Все жилища отдать безвозмездно людям, разорившимся, безработным, бездомным бродягам, каких немало в Великобритании. Собрать их в одно место, всем дать работу, которая длилась бы годы и приносила постоянную пользу человечеству. Чтобы труд их хорошо оплачивался и не изнурял, чтобы часы отдыха были приятны. Ведь, правда, таким образом сделаешь добро и этим людям и всему обществу в целом?

— Но какую придумать работу, чтобы занять такое огромное количество людей на большой срок и не вступить в конкуренцию с какой-нибудь существующей отраслью промышленности? Иначе вы просто переложите жизненные тяготы с одних плеч на другие.

— Совершенно верно. Нет, этого я не хочу. Я придумал другое: я хочу пробить земную кору и установить прямую связь с антиподами. Когда будет пробуравлена определенная толща земли (вычислить, какая именно — интереснейшая математическая задача), и если при этом бурить несколько в сторону от центра земного шара, — центр тяжести окажется под нами и можно будет проложить рельсы и тоннели, как это делается на поверхности земли.

Тут в первый раз у Роберта мелькнула мысль, что отец, пожалуй, прав и что перед ним в самом деле безумец. Несметные богатства затуманили ему мозг и превратили в маньяка. Роберт кивнул головой, делая вид, что соглашается, как не стал бы перечить ребенку.

— Это было бы неплохо, — сказал он. — Только я слышал, что внутренность земли расплавлена, и вашим рабочим придется стать саламандрами.

— Последние научные данные показывают, что земной шар внутри не так раскалён, как предполагалось ранее, — возразил Рафлз Хоу. — Вполне доказано, что повышенная температура в угольных шахтах объясняется атмосферным давлением. В земле есть газы, способные воспламеняться, и есть горючие вещества, какие встречаются в недрах вулканов, но если мы натолкнемся на что-либо подобное в процессе бурения земли, мы направим туда одну или две реки и одолеем это препятствие.

— Пожалуй, получится не совсем удачно, если вы выйдете на противоположном конце и очутитесь под Тихим океаном, — сказал Роберт, с трудом удерживаясь от смеха.

— У меня есть вычисления наилучших современных французских, английских и американских инженеров. Место выхода можно рассчитать с точностью до одного ярда. Вон в том портфеле масса всяких планов, диаграмм, расчетов. У меня уже наняты агенты

для закупки земли, и, если все пойдет гладко, осенью мы приступим к работам. Это первый из моих проектов. Второй — новые каналы.

— Тут вы непременно окажетесь конкурентом железнодорожным компаниям.

— Вы меня не поняли. Я хочу прорыть каналы повсюду, где это сможет способствовать развитию торговли. Если пошлины на суда будут сняты, такой план мне кажется разумным способом помочь всему человечеству.

— А где, скажите, вы собираетесь проводить каналы? — осведомился Роберт.

— Вот карта мира. — Хоу встал и снял карту со стенда. — Видите пометки синим карандашом? Это пункты, где я намерен рыть каналы. Первый мой долг — завершить постройку Панамского канала.

— Ну, конечно!

Да, безумие этого человека становилось все более явным, но в то же время держался он так спокойно и уверенно, что Роберт, помимо своей воли, выслушивал планы одобрительно и даже заинтересовался ими.

— Потом займемся Коринфским перешейком. Но это задача простая и в отношении самих инженерных работ и затрат на них. Затем проведем канал вот здесь, у Киля, чтобы связать Немецкое море с морем Балтийским. Это, как видите, сократит путь вдоль берегов Дании и облегчит нашу торговлю с Германией и Россией. Видите эту синюю линию?

— Да, да, разумеется.

— Проведем небольшой канал и вон там. Он свяжет Белое море и Ботнический залив. Нельзя же думать только о своей стране! Пусть наши благие дела послужат всему миру. Постараемся дать славным жителям Архангельска удобный порт для сбыта мехов и жира.

— Но канал здесь будет замерзать.

— Да, на шесть месяцев в году. И все же он будет

нужен. Затем надо что-то сделать и для Востока. Никогда не следует забывать про Восток!

— Это было бы неосмотрительно, — сказал Роберт.

Его разбирал смех: таким нелепым казался ему весь этот разговор. Рафлз Хоу, однако, говорил с глубочайшей серьезностью, делая на карте пометки синим карандашом.

— Вот здесь мы, пожалуй, тоже сумеем помочь. Если начать рыть от Батума до реки Куры, то откроется торговый путь для населения берегов Каспия, установится связь со всеми реками, которые в него впадают. Обратите внимание, какую большую территорию они охватывают. Затем хорошо бы прорыть канал между Бейрутом на Средиземном море и верховьем Евфрата, — это свяжет нас с Персидским заливом. Вот те самые необходимые каналы, которые теснее объединят все страны мира.

— Планы ваши, безусловно, грандиозны, — сказал Роберт, не зная, смеяться ему или пугаться. — Вы перестанете быть простым смертным и обратитесь в одну из тех великих сил природы, которые меняют, преобразуют, совершенствуют жизнь.

— Именно так я себя и мыслю. И вот почему я так остро сознаю свою ответственность.

— Программа действий у вас обширная. Но, совершив все это, вы уж, конечно, будете вправе отдохнуть.

— Ну нет! Я патриот и хотел бы оставить свое имя в анналах истории моей родины. Только пусть это будет после моей смерти, я не выношу широкой гласности и почестей. Я отложил — где именно, будет указано в моем завещании — восемьсот миллионов на погашение нашего национального долга. Не думаю, что это повредит Англии.

Роберт смотрел на этого странного человека во все глаза, онемев от дерзости его речей.

— Можно еще заняться обогреванием почвы. Здесь неограниченное поле деятельности. Вы, конечно, чи-

тали о необычайно высоких урожаях в Джерси и других местах, где были проведены под землей трубы с горячей водой? Урожай увеличился втрое и вчетверо. Я могу повторить этот опыт в расширенном масштабе. Остров Мэн, например, можно использовать в качестве тепловой станции. Главные трубопроводы пойдут в Англию, Ирландию и Шотландию, а от них сделаем отводы и образуем по всей стране целую сеть труб на глубине два фута под землей. Одна труба на расстоянии ярда от другой — этого, я думаю, будет достаточно.

— Боюсь, — заметил Роберт, — что горячая вода с острова Мэн несколько охладится, пока достигнет, скажем, Шотландии.

— Это препятствие обойти легко. Через каждые несколько миль можно установить особые печи, которые будут поддерживать должную температуру в трубах. Вот некоторые из моих планов на будущее, Роберт, и, чтобы осуществить их, мне необходима помощь вот таких, как вы, бескорыстных людей. Но как ярко светит солнце, как вокруг чудесно! Мир прекрасен, Роберт, и я хотел бы, чтобы после моей смерти людям жилось хоть немного лучше. Пройдемся, вы расскажете, кому и где еще я могу помочь.

Глава IX

НОВЫЙ ПОВОРОТ СОБЫТИЙ

Богатство Рафлза Хоу принесло, несомненно, много добра людям, но бывали случаи, когда оно оказывало им плохую услугу. Даже самые мысли о больших деньгах, соприкосновение с ними часто приносили вред. Пагубней всего повлияли они на старого фабриканта оружия. Если прежде этого был только жадный, ворчливый старик, то теперь он стал желч-

ным, угрюмым и даже опасным человеком. Он видел изо дня в день, как протекает через его собственный дом поток денег, а ему не удается отвести для себя даже самый крохотный ручеек, и это его озлобило, в глазах у него появился алчный блеск. Он меньше жаловался на превратности судьбы, но чаще впадал в мрачное настроение, часами стоял на тэмфилдском холме и глядел на величественный дворец внизу, как умирающий от жажды смотрит на мираж в пустыне.

Он повсюду выспрашивал, выведывал, подслушивал и в конце концов кое в чем оказался более осведомленным, чем сын и дочь.

— Ты, наверное, все еще понятия не имеешь, откуда твой новоявленный друг добывает деньги, — сказал он как-то Роберту во время утренней прогулки по деревне.

— Я знаю только, что он тратит их достойным образом.

— Как бы не так! — фыркнул старик. — «Достойным образом»! Помогает всякому бродяге, всякой потаскушке и последнему негодяю и не может дать в долг и фунта стерлингов под верное обеспечение, чтобы помочь уважаемому человеку поправить свои дела!

— Дорогой отец, право, я не могу спорить с тобой на эту тему, — сказал Роберт. — Я уже не раз высказывал тебе свое мнение об этом. Цель мистера Хоу — помогать тем, кто доведен до крайности. А на нас он смотрит, как на равных себе: ему и в голову не приходит покровительствовать нам, как будто мы слабы и беспомощны. Принять от него деньги — значит для нас унизиться.

— Что за вздор ты говоришь, Роберт! Речь идет лишь о том, чтобы взять у него заимообразно, это постоянно практикуется в деловом мире.

Было еще утро, но Роберт видел, что отец уже успел где-то порядком выпить, — он был раздражен, свар-

лив. Пристрастие к вину за последнее время у него усилилось: его редко видели трезвым.

— Мистер Рафлз Хоу без нас знает, кому дать деньги и кому отказать, — ответил Роберт холодно. — Он сам зарабатывает деньги и волен распоряжаться ими, как ему заблагорассудится.

— А как он, интересно, их «зарабатывает»? Ты этого, Роберт, не знаешь. Ты не подозреваешь, что, может быть, участвуешь в афере, когда помогаешь ему расшвыривать деньги. Слыхал ты, чтобы кто-нибудь зарабатывал такую уйму денег праведным путем? И могу тебя уверить: слитки золота для него не дороже, чем куски угля для шахтера. Он мог бы сложить дом из них и не моргнул бы глазом! — злобно выкрикивал старик.

— Я знаю, отец, Рафлз Хоу чрезвычайно богат. Знаю также, что порой он высказывает крайне экстравагантные мысли, что фантазия уносит его очень далеко. Он делится со мной некоторыми своими планами, осуществить которые нечего мечтать и богатейшему человеку в мире.

— Смотри, сын мой, не соверши ошибки. Твой бедный старик отец не так уж глуп, хотя он всего-навсего несчастный, разорившийся промышленник. — Он искоса посмотрел на сына, подмигнул ему и как-то неприятно усмехнулся. — Когда пахнет деньгами, я это сразу чую. У него горы денег. Не сомневаюсь, что другого такого богача и на свете нет. Но честным ли путем досталось ему богатство? За это я не поручусь. Я еще не совсем ослеп, Роберт. Ты видел фургон, который приезжает сюда каждую неделю?

— Фургон?

— Ну да. Видишь, мне еще удается разузнавать для тебя новости. Фургон должен прибыть сегодня утром, он всегда приезжает в субботу утром. Да вот он выезжает из-за поворота, видишь?

Роберт оглянулся и действительно увидел на дороге

к Новому Дому большой, тяжелый фургон, который тянули две сильные лошади. По тому, как они напрягались, как медленно двигался фургон, чувствовалось, что кладь весит необычайно много.

— Подождем здесь, — сказал старик Макинтайр, ухватив костлявой рукой сына за рукав. — Пусть проедет мимо. Посмотрим, что будет дальше.

Они стояли у дороги, дожидаясь, пока фургон поравняется с ними. Он был покрыт брезентом и спереди и с боков, но сзади можно было разглядеть, что находится внутри. Там были какие-то свертки, уложенные рядами, один на другом, — все одинаковой формы, в одинаковой упаковке, длиной фута в два и высотой приблизительно в шесть дюймов. Каждый сверток был обернут в грубый холст.

— Ну что ты на это скажешь? — торжествующе обратился старик к сыну, когда фургон, скрипя колесами, проехал дальше.

— Что это, по-твоему, такое?

— Я следил за ним, Роберт, я следил за этим фургоном кажду субботу, и однажды мне удалось заглянуть внутрь. Это произошло в тот день, когда, помнишь, бурей свалило вяз, он упал поперек дороги и его пришлось распилить пополам. Это случилось в субботу, и, пока расчищали дорогу, фургону пришлось остановиться. Я стоял неподалеку и воспользовался случаем. Я подошел сзади и ощупал сверток. Ведь не так уж он велик, верно? Но поднять его под силу только очень крепкому человеку. Они тяжелые и твердые, словно бы из металла! И я вот что скажу тебе, Роберт, фургон нагружен золотом!

— Золотом?!

— Это все слитки золота, Роберт. Но давай подойдем поближе.

Они прошли вслед за фургоном в ворота и там, свернув с аллеи, встали среди елок, откуда им все хорошо было видно. Фургон остановился у входа в зда-

кие с высокой трубой. Там его уже поджидал целый штат конюхов и лакеев: они тут же бросились разгружать фургон и потащили свертки в лабораторию. Первый раз Роберт видел, что туда входят посторонние. Самого хозяина сейчас нигде не было видно. Через полчаса весь груз перенесли в здание, и фургон тотчас укатил.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил Роберт, когда они с отцом возобновили прогулку. — Допустим, ты прав, — кто же присылает ему такое количество золота, откуда оно?

— Ага, в конце концов пришлось тебе согласиться с отцом! — Старик даже захихикал от удовольствия. — Я-то вижу, в чем тут фокус! Мне все ясно! Их двое, понимаешь? Тот, другой, достает золото. Каким образом? Этот вопрос на время оставим, но будем надеяться, что все идет честным путем. Предположим, что они напали на необыкновенные золотые россыпи, где золото можно грести лопатой. Добытое золото пересылают сюда, и этот Рафлз Хоу в своей лаборатории всякими там своими химическими обработками очищает и промывает его, чтобы можно было продать. Вот как я все это объясняю. А ты как считаешь, правильно я сообразил?

— Но если так, золото приходится снова вывозить отсюда?

— Ну да! Только вывозят его понемногу. Я знаю, я смотрел в оба. Каждую ночь золото увозят в небольшой тележке на станцию и поездом семь сорок отправляют в Лондон. Но оно уже не в слитках, а сложено в окованные железом ящики. Я их видел, мой мальчик, трогал собственными руками!

— Ну что ж, — проговорил молодой человек в раздумье. — Может, ты и прав. Да, возможно, что ты прав.

В то время как отец и сын пытались проникнуть в тайну Рафлза Хоу, сам он явился в «Зеленые Вязы».

Лаура была одна; она сидела у камина, читая «Королеву»[1].

— Ах, как жаль! — воскликнула она, отбрасывая газету и вскакивая с кресла. — Кроме меня, никого нет дома. Но отец и брат скоро вернутся. Роберт, во всяком случае, должен быть с минуты на минуту.

— Я как раз предпочел бы побеседовать с вами с глазу на глаз, — спокойно ответил Рафлз Хоу. — Прошу вас, сядьте, я хотел бы с вами поговорить.

Лаура снова села в кресло, щеки у нее вспыхнули, дыхание участилось. Она отвернула лицо и смотрела на огонь в камине, но глаза ее искрились своим, не отраженным светом.

— Помните, мисс Макинтайр, как мы встретились с вами впервые? — спросил он, стоя перед ней на ковре и глядя на ее темные волосы, на прекрасную, точеную шею цвета слоновой кости.

— Как будто все это было только вчера, — ответила Лаура самым мягким и нежным тоном.

— Тогда, значит, вы не забыли те нелепые слова, которые под конец вырвались у меня. Это было очень глупо с моей стороны. Очень сожалею, если напугал или смутил вас тогда. Но я давно живу отшельником и приобрел скверную привычку думать вслух. Ваш голос, лицо, манера держаться — все так отвечало моему идеалу женщины, любящей, преданной, способной понять, и мне невольно подумалось: будь я бедняком, мог бы я надеяться завоевать любовь такой девушки, как вы?

— Я очень дорожу вашим добрым мнением, мистер Хоу, — сказала Лаура. — Уверяю вас, я тогда ничуть не испугалась. Вам незачем извиняться за то, что, в сущности, было лишь комплиментом.

— Позже я убедился, что и душа у вас также пре-

---

[1] «Королева» — первая английская газета, посвященная исключительно вопросам мод, светским сплетням и т.п.

красна, что вы наделены тончайшими и благороднейшими качествами, какими только может природа одарить женщину. Вы знаете, что я человек состоятельный, но мне бы хотелось, чтобы это не влияло на ваше решение. Скажите, Лаура, могли бы вы быть счастливы, выйдя замуж за такого человека, как я?

Она не ответила, а продолжала сидеть, чуть отвернувшись, по-прежнему устремив искрящиеся глаза на огонь. Маленькая ножка ее часто постукивала по ковру.

— Вы имеете право узнать обо мне больше, прежде чем принять решение. Но рассказывать мне почти нечего. Я сирота, и, насколько мне известно, на всем свете у меня нет никого родных. Отец мой был уважаемым хирургом в Уэлсе, и я также получил медицинское образование. Но отец умер прежде, чем я успел закончить курс. Он оставил мне небольшие средства. Я увлекался химией и физикой, изучал свойства электричества и, вместо того чтобы продолжать занятия медициной, целиком посвятил себя химии. Наконец, я выстроил лабораторию и там продолжал научные исследования. К этому времени я получил крупную, чрезвычайно крупную сумму и почувствовал, что на меня ложится большая ответственность — я обязан правильно использовать эти деньги. Я все обдумал и решил построить дом где-нибудь в провинциальном уголке, но не слишком далеко от большого города. Там, думал я, у меня будет возможность держать связь с внешним миром, и в то же время я смогу жить спокойно, на досуге вынашивать свои замыслы. По чистой случайности я избрал Тэмфилд. Теперь моя задача — осуществлять задуманное и помогать людям бороться с их бедами, с несправедливостями судьбы. Я еще раз спрашиваю вас, Лаура, согласны вы соединить свою жизнь с моей и стать помощницей в деле моей жизни?

Лаура посмотрела на Рафлза Хоу и увидела сухопарую фигуру, бледное лицо, проницательные и в то же время ласковые глаза. Невольно перед ней возник дру-

гой образ — мужественные черты Гектора Сперлинга: четко очерченный рот, открытый взгляд... В эту минуту торжества Лауре вспомнилось, что Гектор остался верен ей в страшный час разорения их семьи, что он продолжал любить ее, бедную девушку, так же преданно, как в дни, когда она была богатой наследницей. Лауре вспомнился их последний поцелуй за дверью: она вновь ощутила прикосновение его губ на своих губах.

— Я считаю честью ваше предложение, мистер Хоу, — проговорила она медленно. — Но оно так неожиданно!.. Я не имела времени подумать. Я не знаю, что вам ответить.

— Нет, нет, я не хочу вас торопить! — сказал он. — Прошу вас, обдумайте все хорошенько. Я приду за ответом. Когда мне прийти? Сегодня вечером?

— Да, приходите вечером.

— Тогда я сейчас ухожу. Поверьте, ваша нерешительность заставляет меня уважать вас еще больше. Буду жить надеждой.

Он поцеловал ей руку и вышел, предоставив Лауру ее мыслям.

Вскоре можно было уже не сомневаться в том, какое они приняли направление. Все туманней и туманней становился образ далекого моряка, все ярче и заманчивей казались роскошный дворец, почти царственная власть, бриллианты, золото, будущие почести. Все это лежало у ее ног — стоило только нагнуться и взять. Как могла она колебаться хотя бы секунду? Лаура поднялась, подошла к письменному столу и взяла лист бумаги и конверт. На конверте она тут же написала:

«Гибралтар, флот его королевского величества,
лейтенанту Гектору Сперлингу».

Написать самое письмо было несколько сложнее, но наконец и оно было составлено так, как то диктовали ее чувства и намерения:

«Дорогой Гектор, я убеждена, что твой отец всегда не очень одобрял наше обручение, иначе он не стал бы чинить столько препятствий нашему браку. Я уверена также, что, когда разорился мой бедный отец, ты остался мне верен лишь из чувства долга и чести, и поэтому было бы гораздо лучше, если бы мы с тобой тогда же расстались. Я не могу допустить, Гектор, чтобы из-за меня ты жертвовал своей карьерой, и, тщательно все обдумав, я решила освободить тебя, расторгнуть нашу детскую помолвку, чтобы ты был совершенно, во всех отношениях независим. Тебе может показаться, что я поступаю жестоко, но я глубоко убеждена, дорогой Гектор, когда ты добьешься высокого положения, когда ты станешь адмиралом и оглянешься назад, ты убедишься, что я была тебе подлинным другом и помешала тебе сделать ложный шаг, который погубил бы твою карьеру. Что касается меня, то, выйду я замуж или нет, я решила остаток своей жизни посвятить людям, буду стараться делать им добро, чтобы после моей смерти им жилось хоть немного лучше.

Отец твой вполне здоров и в прошлое воскресенье прочитал отличную проповедь.

Возвращаю тебе банкнот, который ты просил меня сохранить. Прощай навсегда, милый Гектор, и, поверь, что бы ни случилось, я всегда останусь твоим преданным другом.

Лаура Макинтайр».

Она едва успела запечатать письмо, как вернулись с прогулки отец и Роберт. Она закрыла за ними дверь и сделала реверанс.

— Я жду поздравлений от родственников, — сказала она, высоко подняв голову. — Приходил Рафлз Хоу и просил моей руки.

— Да не может быть! — проговорил старик. — Что же ты ему сказала?

— Попросила прийти вечером за ответом.

— И что же ты ответишь?..

— Я приму предложение.

— Ты всегда была умной девушкой, Лаура, — сказал Макинтайр-старший. Он привстал на цыпочки и поцеловал дочь.

— Но, Лаура, а как же Гектор? — сдержанно упрекнул ее Роберт.

— Я написала ему, — ответила сестра небрежно. — Будь так добр, опусти письмо.

Глава X

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Итак, Лаура Макинтайр обручилась с Рафлзом Хоу, и у старика отца, когда он почувствовал себя на шаг ближе к источнику богатства, стал еще более алчный вид, а Роберт все меньше думал о работе и совсем забыл про холст, который так и стоял на мольберте, покрытый пылью. Хоу подарил невесте старинное кольцо с огромным сверкающим бриллиантом. О свадьбе, однако, говорили мало: Хоу предпочитал, чтообы все было как можно скромнее. Почти все вечера он проводил теперь в «Зеленых Вязах» и здесь вместе с Лаурой строил грандиозные планы. Разложив на столе географическую карту, молодые люди как бы парили над миром, обдумывая, рассчитывая, совершенствуя.

— Что за девушка! — восхищался дочерью Макинтайр. — Болтает о миллионах так, словно родилась быть миллионершей. Надеюсь, выйдя замуж, она не будет швырять деньги на всякие дурацкие затеи, какие взбредут в голову ее мужу.

— Лаура сильно переменилась, — заметил Роберт. — Она стала смотреть на все гораздо серьезнее.

— Дай срок, ты еще увидишь... — захихикал старик. — Лаура умница, она знает, что делает. Она не допустит, чтобы ее старенький папа так и остался ни с чем, когда она может ему помочь. Да, хорошие дела, нечего сказать! — проговорил он вдруг оскорбленно. — Дочь выходит замуж за человека, для которого золото значит не больше, чем для меня значил когда-то чугун для пушек. Сын берет у этого богача денег сколько вздумается и раздает их направо и налево всем бездельникам в Стаффордшире. А отец, любящий, заботливый отец, который воспитал их, часто не имеет шиллинга, чтобы купить себе бутылку коньяку! Что бы сказала ваша бедная мать!

— Тебе стоит только попросить у Рафлза Хоу, он тебе не откажет.

— Да, как будто я пятилетний ребенок! Но знай, Роберт, у меня есть свои права, и я так или иначе добьюсь своего. Я не позволю, чтобы меня почитали за пешку. И еще вот что: прежде чем стать дорогим тестюшкой этого субъекта, я хочу знать, откуда берутся его доходы. Мы, может, бедны, но честны. Я сегодня же пойду к нему и потребую объяснения.

Схватив шляпу и трость, он было направился к двери.

— Нет, нет, отец, ради бога! — остановил его Роберт, ухватив за рукав. — Лучше не вмешивайся. Мистер Хоу крайне щепетилен, ему не понравится, что его выспрашивают о таких вещах. Это может привести к серьезной ссоре. Прошу тебя, не ходи!

— Я не позволю, чтоб вы меня всегда отодвигали на задний план! — огрызнулся старик, успевший сильно захмелеть. — Я покажу, кто я такой!

Он все пытался вырваться от сына.

— Нет, во всяком случае, без ведома Лауры ты к Рафлзу Хоу не пойдешь. Сейчас я позову ее, мы с ней посоветуемся.

— Нет, уволь, с меня хватит сцен, — угрюмо про-

ворчал старик, сразу притихнув: он боялся дочери, и одно только имя Лауры способно было его усмирить, как бы воинственно он ни был настроен.

— Кроме того, — продолжал Роберт, — я не сомневаюсь, что Рафлз Хоу сам сочтет нужным объяснить нам все до свадьбы. Он должен понять, что мы теперь имеем право на его доверие.

Не успел он договорить, как в дверь постучали и вошел Рафлз Хоу.

— Доброе утро, мистер Макинтайр, — сказал он. — Роберт, вы не заглянете ко мне? Я хотел бы с вами серьезно поговорить.

Они вышли, не обменявшись ни словом. Рафлз Хоу весь погрузился в свои мысли. Роберт был взволнован — он чувствовал, что предстоит что-то важное.

Зима была на исходе. Наперекор мартовскому дождю и ветру из земли уже выглядывали первые, робкие ростки. Снег сошел, но вся округа, казалось, стала еще холоднее и неприветливее, окутанная туманами, тянувшимися с сырых полей.

— Между прочим, Роберт, — спросил вдруг Рафлз Хоу, когда они подходили к дому, — вы уже отправили в Лондон вашу картину с римлянами?

— Я ее еще не закончил.

— Но ведь вы работаете быстро, я думал, она давно готова.

— Нет, боюсь, что с того времени, как вы ее видели, она мало подвинулась вперед. Прежде всего было мало света.

Рафлз Хоу промолчал, но по лицу его как бы скользнула тень. Они вошли в дом, и хозяин повел гостя в музей. Там, на полу, столи два больших металлических ящика.

— Небольшое пополнение коллекции драгоценных камней, — бросил хозяин мимоходом. — Прибыли только вчера вечером, я еще не успел ничего посмотреть, но, судя по прилагаемым описям, тут должны

быть прекрасные экземпляры. Можно разобрать ящики сегодня же вечером, если хотите помочь мне. А сейчас пройдемте в курительную.

В курительной Рафлз Хоусел на диван и указал Роберту кресло напротив.

— Возьмите сигару, — предложил он. — И нажмите кнопку, если желаете подкрепиться. Ну, а теперь, мой милый Роберт, признайтесь, вы не раз принимали меня за сумасшедшего, а?

Это было так неожиданно и так верно, что молодой художник растерялся и не ответил.

— Дорогой Роберт, я не виню вас. Это так понятно! Я бы сам счел сумасшедшим всякого, кто говорил бы со мной вот так же, как я говорил с вами. Но, Роберт, вы ошибались. Среди проектов, которыми я с вами делился, не было ни одного, для меня невыполнимого. Я не шучу, я говорю с полнейшей серьезностью, размеры моих доходов безграничны, и все банкиры и финансисты, вместе взятые, не сумели бы собрать денег, какими я могу располагать когда угодно.

— У меня достаточно доказательств тому, как велико ваше богатство.

— И вам, естественно, любопытно, каким образом оно мне досталось. Могу сказать одно: деньги мои не запятнаны бесчестьем. Я никого не обманул, никого не ограбил, никого не угнетал, никого не заставлял на себя трудиться, чтобы добыть их. По глазам вашего отца я вижу, что он относится ко мне подозрительно. Ну что ж, может быть, его и нельзя винить. Как знать, может, и мне приходили бы в голову недобрые мысли, будь я на его месте. Но поэтому-то, Роберт, я открываюсь вам, а не ему, вы по крайней мере поверили мне, и вы имеете право, прежде чем я стану членом вашей семьи, узнать все, что я могу вам сообщить. Лаура также доверилась мне, и я хорошо знаю, что она будет верить мне и дальше, не требуя объяснений.

— Я не хочу вырывать у вас вашей тайны, мистер

Хоу, — запротестовал Роберт, — но не стану отрицать, я буду очень горд, если вы окажете мне доверие.

— Да, я раскрою вам секрет, но не весь: пока я жив, никто не узнает его до конца. Но я оставлю указания, чтобы после моей смерти вы продолжали то, что не успею завершить я сам. Я сообщу вам, где будут храниться эти указания. А пока вам придется довольствоваться тем, что я вам сейчас расскажу, не вдаваясь в подробности.

Роберт уселся поудобнее и приготовился внимательно слушать, а Рафлз Хоу слегка нагнулся вперед, и серьезное и напряженное выражение его лица ясно показывало, как важен для него этот разговор.

— Вам известно, — начал он, — что я отдал много времени и сил изучению химии?

— Да, вы говорили мне.

— Я начал занятия под руководством знаменитого английского химика, продолжал их под руководством лучшего химика Франции и закончил их в самой знаменитой химической лаборатории Германии. Я был небогат, но отец оставил мне небольшие деньги, на которые я мог жить, не зная нужды. Тратил я экономно и сумел собрать сумму, позволившую мне завершить курс обучения. Я вернулся в Англию и оборудовал собственную лабораторию в спокойном провинциальном местечке, где мог работать без помех. Там я сделал несколько исследований, и они завели меня в ту область науки, в которую не проникал ни один из трех обучавших меня химиков.

Вы говорили, Роберт, что несколько знакомы с химией, — тем легче вам будет меня понять. Химия в значительной мере наука эмпирическая, и случайный эксперимент подчас дает более важные результаты, чем может дать глубочайшее изучение данного вопроса или самые тонкие умозаключения. Крупнейшие открытия в химии — начиная с производства стекла и кончая производством рафинированного сахара — обязаны счаст-

ливой случайности, которая с таким же успехом могла выпасть на долю простого любителя, как и на долю величайшего ученого.

Вот такой случайности и я обязан своим великим открытием, может быть, величайшим в мире. Хотя, надо отдать себе должное, тут я многим обязан и собственным своим рассуждениям.

Я часто раздумывал над тем, какое действие оказывают на различные материалы мощные электрические токи, пропускаемые через них продолжительное время. Я имею в виду не те слабые токи, которые идут по телеграфному проводу, я говорю о токах высокого напряжения. Я проделал соответствующие опыты и установил, что, проходя через жидкости и различные соединения, они разлагают элементы. Вы, конечно, помните известный опыт с электролизом воды. Но я обнаружил, что в отношении простых твердых веществ эффект получается иной и весьма своеобразный. Металл, например, медленно уменьшается в весе, почти не меняясь качественно. Достаточно ли понятно я объясняю?

— Я отлично все понимаю, — сказал Роберт, слушавший с живейшим интересом.

— Я брал для опыта различные металлы и получал всегда один и тот же результат: каждый раз пропускаемый в течение часа ток приводил к заметной потере веса. Теория моя на этой стадии работы сводилась к следующему: электрический ток вызывает распад молекул, некоторое количество их отходит от основной массы, как от комка земли, в виде мельчайшей, неосязаемой пыли, и кусок металла, естественно, становится легче. Я уже полностью принял для себя эту теорию, как вдруг однажды необычайный случай заставил меня в корне изменить свои взгляды.

Как-то вечером в субботу я поместил кусок висмута в зажимы и провел к его концам электрические провода, чтобы проверить действие тока на этот металл. Я

проводил опыты над всеми металлами, подвергая каждый действию тока от одного до двух часов кряду. Едва я установил зажимы и пустил ток, как вдруг пришла телеграмма из Лондона, извещавшая меня, что Джон Стилингфлит, старый химик, с которым я был в дружеских отношениях, опасно болен и хочет повидаться со мной. Последний поезд в Лондон отходил через двадцать минут, а я жил в доброй миле от станции. Сунув в саквояж кое-какие необходимые вещи, я запер лабораторию и со всех ног бросился на станцию, чтобы поспеть на поезд.

Только в Лондоне я вспомнил, что забыл выключить ток и что он будет идти через висмут до тех пор, пока не разрядятся батареи. Впрочем, я этому особенного значения не придал и тотчас забыл про висмут. Я задержался в Лондоне до вечера вторника и только в среду вернулся к своей работе. Отпирая лабораторию, я опять вспомнил о своем незавершенном опыте, и мне пришло в голову, что, по всей вероятности, кусок висмута распался на отдельные молекулы. Я был совершенно не подготовлен к тому, что меня ожидало.

Подойдя к столу, я действительно убедился, что кусок металла исчез и зажимы пусты. Я уже хотел было заняться чем-то другим, как вдруг заметил, что стол, на котором были установлены зажимы, весь покрыт каплями и небольшими лужицами серебристой жидкости. Я очень ясно помню, что перед началом опыта очистил стол, следовательно, жидкость эта могла появиться, лишь пока я был в Лондоне. Странное явление меня очень заинтересовало, я аккуратно собрал жидкость в сосуд и тщательно ее исследовал. Сомнений быть не могло: это была чистейшая ртуть, без малейшей примеси висмута.

Я тотчас понял, что случай привел меня к химическому открытию чрезвычайной важности. Если висмут в определенных условиях подвергнуть воздейст-

вию электрического тока, он начнет терять вес и постепенно обратится в ртуть. Я уничтожил перегородки между элементами. Но ведь процесс на этом не остановится, и, очевидно, это есть проявление какого-то общего закона, а не отдельный, частный факт. Итак, висмут превращается в ртуть, ну, а ртуть во что превратится? Я не мог успокоиться, не разрешив этого вопроса. Я снова зарядил батареи и пропустил ток через сосуд с ртутью. Шестнадцать часов кряду я наблюдал, как ртуть постепенно густела, становилась все тверже, теряла серебристый блеск и принимала тусклый желтоватый оттенок. Когда, наконец, я вытащил металл щипцами и бросил его на стол, у него уже не было никаких признаков ртути, это был иной металл. Простейший анализ показал, что передо мной платина.

Химику последовательность этих переходов металла из одного в другой подсказывала очень многое. Может быть, вы уже догадываетесь, Роберт, что я имею в виду?

— Признаться, нет.

Роберт слушал странный рассказ, глядя во все глаза и приоткрыв рот.

— Сейчас я вам объясню. Висмут самый тяжелый металл, его атомный вес двести десять. Следующий за ним по весу свинец, атомный вес его двести семь; затем ртуть — ее вес двести. Возможно, что за время моего отсутствия ток сперва обратил висмут в свинец, а затем уже в ртуть. Атомный вес платины — сто девяносто семь и пять десятых, это как раз следующий в ряду металл, который должен получиться, если и дальше пропускать ток. Теперь понимаете?

— Да, все ясно.

— И тут сам собой возник вывод, от которого меня кинуло в жар и холод и голова пошла кругом. Следующим в ряду стоит золото. Его атомный вес сто девяносто семь. Мне припомнилось, и я впервые понял,

почему в старину алхимики всегда упоминали свинец и ртуть как два металла, обязательных для опытов. Дрожащими от волнения пальцами я снова включил ток и немногим больше чем через час — скорость процесса превращения всегда пропорциональна разнице веса металлов — передо мной был неровный кусок красноватого металла, на все пробы дающий реакцию золота.

Это длинная история, Роберт, но, я думаю, вы согласитесь со мной, что все это очень важно и не напрасно я так углубляюсь в подробности. Когда я окончательно убедился, что создал золото, я распилил слиток пополам. Одну часть я послал знакомому ювелиру, знатоку драгоценных металлов, с просьбой определить качество моего золотого самородка. Над другой частью слитка я продолжал экспериментировать, по очереди обращая его в серебро, цинк, марганец, пока не обратил его в литий, самый легкий металл.

— А во что он превратился потом? — не выдержал Роберт.

— Потом произошло то, что для химика в моем открытии, наверное, интереснее всего. Литий превратился в тонкий сероватый порошок, который так и оставался без изменений, сколько я ни подвергал его действию тока. Этот порошок — основа всех оснований, это первоэлемент, иначе говоря, та субстанция, существование которой недавно теоретически доказал один известный химик и которую он назвал «протил». Я открыл великий закон видоизменения металлов под действием электричества, и я первый, кто получил протил. Поэтому, Роберт, если все мои начинания в других направлениях не дадут больших плодов, мое имя по крайней мере останется в истории химии.

Вот, в сущности, и все. Знакомый ювелир вернул мне самородок, подтвердив все мои предположения относительно его природы и качеств. Я вскоре разра-

ботал приемы, упрощавшие процесс, главным образом научился регулировать ток и добиваться более значительных результатов. Добыв таким образом некоторое количество золота, я продал его за сумму, позволившую мне закупить материалы лучшего качества и более мощные батареи. Я расширил свои опыты и, наконец, построил этот дом и оборудовал лабораторию так, чтобы продолжать работу в еще значительно большем масштабе. Повторяю, я смело могу сказать, что размер моих доходов ограничен лишь моими желаниями.

— Невероятно! — От волнения у Роберта пересохло во рту. — Просто как сказка. Но, храня эту тайну, вы, наверное, испытывали сильное искушение поделиться ею с другими?

— Да, я думал над этим. Я очень серьезно все обдумал. Одно было очевидно: если я опубликую свое открытие, драгоценные металлы немедленно утратят свою ценность. На место золота станет что-нибудь другое — янтарь, например, или слоновая кость. А золото будет цениться дешевле меди, потому что оно тяжелее меди и в то же время не такое твердое. И никто от такой перемены не выиграет. Если же я сохраню свой секрет и буду пользоваться им мудро, я смогу оказать человечеству величайшую услугу. Вот главные причины и, надеюсь, не бесчестные, которые заставили меня дать себе обет молчания. Я нарушил его сегодня впервые.

— Я не выдам вашу тайну, — заверил его Роберт. — Клянусь, я никому не скажу ни слова, пока вы сами не снимете с меня зарок.

— Если бы я не знал, что могу довериться вам, я бы не открыл свой секрет. Но теория, милый Роберт, унылая вещь, практика бесконечно более интересна. Я уделил достаточно внимания первой. Если вы пройдете со мной в лабораторию, я дам вам представление и о второй.

Глава XI

ДЕМОНСТРАЦИЯ ОПЫТА

Рафлз Хоу прошел вперед и, выйдя из дома, пересек усыпанную гравием дорожку и открыл ведущую в лабораторию дверь, ту самую, через которую, как подглядели Роберт с отцом, проносили свертки, выгруженные из фургона. Но когда Роберт очутился за этой дверью, оказалось, что это еще не лаборатория, а просторная пустая передняя, вдоль стен ее громоздились штабелями те свертки, которые вызывали у него такое любопытство, а у отца — всякие домыслы. Таинственность, окружавшая тогда эти свертки, теперь, однако, исчезла, потому что хотя некоторые из них все еще оставались в холщовой упаковке, остальные были развернуты и оказались большими брусками свинца.

— Вот мое сырье, — бросил на ходу Рафлз Хоу, кивнув на бруски. — Каждую субботу мне присылают их полный фургон, этого хватает на неделю, но когда мы с Лаурой поженимся, придется работать вдвое, — к тому времени мы уже начнем осуществлять наши великие проекты. Очень важно качество свинца, всякая посторонняя примесь, естественно, сказывается и на качестве золота.

В конце коридора находилась тяжелая железная дверь. Хоу отпер ее, — в пяти футах за ней оказалась такая же вторая.

— На ночь пол здесь повсюду раздвинут, — заметил он. — Не сомневаюсь, что прислуга в доме много судачит по поводу этой опечатанной комнаты, поэтому я вынужден остерегаться какого-нибудь любознательного конюха или слишком предприимчивого дворецкого.

Третья дверь привела их в лабораторию, высокую, пустую комнату с выбеленными стенами и стеклянным потолком. В одном углу стоял мощный горн с

котлом, в щели по краям его закрытой дверцы вырывался свет ослепительного красного пламени, глухой рев огня разносился по всей лаборатории. У другой стены стояли один над другим ряды батарей, а еще выше — аккумуляторы. У Роберта загорелись глаза, когда он увидел всевозможные механизмы, сложные сети проводов, штативы, колбы, бутыли цветного стекла, мензурки, горелки Бунзена, фарфоровые изоляторы и всевозможный хлам, обычный для химической и физической лабораторий.

— Пройдем сюда, — сказал Рафлз Хоу, пробираясь через груды металла, кокса, упаковочных ящиков и оплетенных бутылей с разными кислотами. — Вы первый, не считая меня самого, кто проник в эту комнату после того, как отсюда ушли строители. Слуги вносят свинец в первое помещение и оставляют его там. Горн очищается и разжигается снаружи. У меня для этого нанят человек. Теперь взгляните вот сюда.

Он распахнул дверь в дальнем конце комнаты и жестом пригласил молодого художника войти. Тот остановился на пороге и в немом изумлении осмотрелся. Все помещение площадью около тридцати квадратных футов было завалено золотом. Большие, в форме кирпича, слитки тесными рядами лежали на полу, а у стены верхние ряды почти касались потолка. Свет единственной электрической лампы, освещавшей эту комнату без окон, вызывал тусклое, желтоватое мерцание сложенного у стен драгоценного металла и падал красноватым отблеском на устланный золотом пол.

— Вот моя сокровищница, — сказал владелец дома. — Как видите, здесь сейчас скопились довольно большие запасы. Импорт превышает у меня экспорт. Вы понимаете, на мне сейчас лежат иные и даже более важные обязанности, чем производство золота. Здесь я храню свою продукцию до момента отправки. Почти ежедневно я посылаю ящик золота в Лондон. Сбытом золота занимаются семнадцать моих агентов. Каждый

из них уверен, что он единственный, и каждому до смерти хочется узнать, где я достаю так баснословно много чистого золота. Они говорят, что лучшего золота на рынке не имеется. Кажется, наиболее распространенная версия — что я один из совладельцев какого-нибудь южноафриканского прииска и что местонахождение золота держится в секрете. Ну, во сколько оцените вы все золото, что в этой комнате? Оно должно стоить очень немало, ведь это итог моей почти недельной работы.

— Какая-нибудь совершенно головокружительная цифра, — сказал Роберт, поглядев на ряды золотых кирпичей. — Что-нибудь около полутораста тысяч фунтов?

— Да что вы, гораздо больше! — засмеялся Рафлз Хоу. — Сейчас я вам скажу точно. Один слиток стоит свыше двух тысяч фунтов. Здесь пятьсот слитков у каждой из трех сторон комнаты, у четвертой только триста из-за того, что там дверь. Но на полу не меньше двух сотен. Всего получается тысячи две слитков. Поэтому, дорогой мой друг, любой биржевик, купив все золото, которое находится в этой комнате, за четыре миллиона фунтов, счел бы, что совершил недурную сделку.

— И это итог работы одной недели! — ахнул Роберт. — У меня просто мысли путаются!

— Теперь вы станете мне верить, когда я говорю, что ни одному из моих обширных проектов не помешает отсутствие денег. Давайте перейдем в лабораторию, вы увидите, как я изготовляю золото.

Посреди лаборатории стоял аппарат, похожий на большие тиски и состоящий из двух широких металлических пластин, судя по цвету, бронзовых, и большого стального винта, с помощью которого они сдвигались. К пластинам шли бесчисленные провода от динамо-машин, находившихся у противоположной стены. Внизу под аппаратом стоял стеклянный изоля-

ционный стол, в средней его части шел ряд углублений.

— Сейчас вы поймете, как все это делается, — сказал Рафлз Хоу, сбрасывая пиджак и надевая прокопченную, измазанную холщовую куртку. — Сперва надо немного поднять температуру в горне. — Он налег на огромные мехи, и в ответ раздалось гудение пламени. — Этого достаточно. Чем выше температура, чем сильнее электрический ток, тем быстрее идет процесс. Теперь берем свинец. Помогите дотащить его сюда.

Они подняли с пола с десяток свинцовых брусков и положили на изоляционный стол. Зажав их с обеих сторон металлическими пластинами, Рафлз Хоу туго закрутил винт.

— Прежде на все это требовалась масса времени, — заметил Хоу, — но теперь у меня столько всяких приспособлений, что работа идет гораздо быстрее. Ну, осталось только пустить ток, и мы сможем начать.

Он взялся за длинный стеклянный рубильник, выступавший среди проводов, и опустил его. Что-то резко щелкнуло, затем начался непрерывный треск. От электродов рвались мощные огненные струи. Ореол золотистых искр окружил металл на стеклянном столе, искры свистели и щелкали, как пистолетные выстрелы. В воздухе остро пахло озоном.

— Действующая тут сила огромна, — сказал Рафлз Хоу. Он наблюдал за процессом, держа на ладони часы. — Органическую материю она обращает в протил мгновенно. Надо очень точно разбираться в устройстве аппарата, умело с ним обращаться, не то механик может серьезно пострадать. Мы имеем дело с колоссальной мощностью. Видите, свинец уже начинает видоизменяться.

В самом деле, на тусклом сером бруске выступали серебристые, как роса, капли и падали со звоном в углубление на стеклянном столе. Свинец медленно плавился, таял, как сосулька на солнце, электроды все

время плотно его сжимали, пока не сошлись вместе, и от твердого металла осталась лужица ртути. Рафлз Хоу опустил в нее два меньших электрода, и ртуть начала постепенно густеть, застывать и, наконец, обратилась в твердое тело с желтовато-бронзовым отливом.

— Это платина, — пояснил Рафлз Хоу. — Сейчас мы вытащим ее из углублений и снова подвергнем действию больших электродов, вот так. Включим ток. Видите, цвет металла становится все темнее, все гуще. Ну, полагаю, достаточно.

Он поднял рубильник, удалил электроды — перед Робертом лежал десяток кирпичей красноватого, тускло мерцающего золота.

— Согласно нашим расчетам, эта утренняя работа должна дать двадцать четыре тысячи фунтов, а она отняла у нас не больше двадцати минут, — заметил алхимик, снимая один за другим слитки только что изготовленного золота и бросая их на стол, уже покрытый золотыми брусками.

— Давайте продолжим опыт, — сказал затем Рафлз Хоу, оставив последний слиток на изоляционном столе. — Всякому он показался бы слишком дорогостоящим — целых две тысячи фунтов, но у нас, как видите, масштабы иные. Следите, сейчас металл пройдет всю шкалу изменений.

Первым на свете после самого изобретателя Роберт увидел, как золото под действием электродов быстро и последовательно превращалось в барий, олово, серебро, медь, железо. Длинные белые электрические искры становились ярко-красными от стронция, пурпурными от калия, желтыми от марганца. Наконец, после сотни всяких изменений, металл вовсе растаял прямо на глазах у Роберта, и на стеклянном столе осталась лишь горстка легкой серой пыли.

— Это и есть протил, — сказал Хоу, перебирая ее пальцами. — Может быть, химики будущего сумеют и протил разложить на составные части, но для меня

это Ultima Thule[1]. А теперь, Роберт, — продолжал он, помолчав, — я показал вам достаточно, вы узнали мою великую тайну. Тайна эта дает владеющему ею такое могущество, каким не обладал еще ни один человек от сотворения мира. И заветное мое желание — употребить свое открытие на служение людям. Клянусь вам, Роберт Макинтайр, если бы я убедился, что золото мое не приносит им добра, я бы покончил со всем этим навеки. Нет, я никогда не использую его ради собственного обогащения, клянусь всем, что свято, ни один человек не вырвет у меня мой секрет.

Глаза его сверкали, голос дрожал от волнения. Высокий, худой, он стоял среди своих электродов и реторт, и было что-то величественное в этом человеке, который, обладая сказочным богатством, сохранил высокие нравственные качества и не ослеп от блеска своего золота. Роберт, натура слабая, и не представлял прежде себе, какая сила заключена в этих тонких сжатых губах, в этих вдумчивых глазах.

— Можно не сомневаться, мистер Хоу, этот секрет в ваших руках будет служить только добру.

— Надеюсь, что так. От всей души на то уповаю. Знайте, Роберт, я открыл вам то, чего, пожалуй, не открыл бы и родному брату, будь у меня брат. И сделал я это потому, что верю и надеюсь, что вы человек, который не станет употреблять это могущество, если оно достанется вам от меня по наследству, в корыстных, эгоистических целях. Но и вам я не сказал всего. Есть одно звено, о котором я умолчал и о котором вы узнаете лишь после моей смерти. Взгляните!

Он подошел к большому, окованному железом сундуку, стоявшему в углу, и, открыв его, достал небольшую шкатулку резной слоновой кости.

— Внутри лежит документ, раскрывающий подробности процесса, пока еще вам неизвестные. Если со

---

[1] Предел *(лат.)*

мной что-нибудь случится, вы всегда сможете продолжать мое дело, выполнять мои планы, следуя указаниям, изложенным в этой бумаге. Теперь, — заключил он, опустив шкатулку на прежнее место, — я буду часто обращаться к вам за помощью. Но сегодня она мне не понадобится. Я и так отнял у вас слишком много времени. Если отсюда пойдете прямо домой, прошу вас, передайте Лауре, что я зайду к ней сегодня вечером.

Глава XII

СЕМЕЙНАЯ ССОРА

Итак, великая тайна раскрыта! Роберт шел домой, и в голове у него вился целый рой мыслей, кровь стучала в висках. Он поежился; когда утром выходил из «Зеленых Вязов» навстречу сырому, холодному ветру, в густую, туманную мглу. Но теперь он все ощущал иначе, все видел в розовом свете, он шагал по грязной, изрезанной глубокими колеями деревенской улочке — и ему хотелось петь, танцевать. Чудесный удел выпал на долю Рафлза Хоу, но и ему, Роберту, едва ли худший. Ведь он посвящен в великий секрет алхимика, ему достанется сказочное богатство, каким не обладают и монархи, и в придачу свобода и независимость, каких у монархов нет. Поистине завидная доля! Перед ним вставали тысячи радостных видений будущего, в мечтах он уже вознесся над всем миром: люди падали перед ним ниц, моля о помощи или вознося благодарения за милости.

Каким неприглядным показался ему запущенный их сад с редким кустарником и тощими вязами, каким жалким простой кирпичный фасад дома с окрашенным в зеленый цвет деревянным крыльцом! Все это и раньше оскорбляло его вкус художника, но сей-

час безобразие дома показалось ему нестерпимым. А комната! Стулья, обитые клеенкой, ковер унылой расцветки, на полу дорожка из разноцветных лоскутков — все вызывало в нем отвращение. Одно лишь было красиво в этой комнате — его сестра, и взгляд Роберта остановился на ней с удовольствием. Лаура сидела в кресле у камина, и прекрасное, тонкое, белое ее лицо четко выделялось на темном фоне стены.

— Знаешь, Роберт, — сказала она, кинув на него взгляд из-под длинных черных ресниц, — папа становится невозможен. Мне пришлось сказать ему прямо, что я выхожу замуж не ради его выгоды, а ради своей собственной.

— Где он сейчас?

— Право, не знаю. В «Трех голубках», вероятно. Он проводит там почти все свое время. Он выскочил из дому в страшной ярости, наговорил мне кучу глупостей о брачных договорах, родительских запретах и тому подобное. Его представление о брачном контракте сводится, по-видимому, к тому, что имущество надо записать на имя отца. Ему следовало бы вести себя смирно и ждать, пока о нем позаботятся.

— Знаешь, Лаура, все же нужно относиться к нему снисходительнее, — сказал Роберт обеспокоенно. — Последнее время я замечаю, что он очень переменился. Мне кажется, он не вполне душевно здоров. Надо бы обратиться за советом к врачу, но я сегодня все утро провел у Рафлза.

— Да? Ты виделся с Рафлзом? Он ничего не просил мне передать?

— Сказал, что зайдет к нам, как только закончит работу.

— Но что с тобой, Роберт? Ты разгорячен, глаза блестят, ты как-то даже похорошел, — с женской проницательностью заметила Лаура. — Рафлз что-нибудь сказал тебе? А, догадываюсь, он рассказал тебе, откуда у него деньги, верно?

— Да. Он мне многое объяснил. Поздравляю тебя, Лаура, поздравляю от всей души, ты будешь очень богата!

— Как все-таки странно, что именно теперь, когда мы обеднели, нам довелось познакомиться с таким человеком! Это все благодаря тебе, милый мой Роберт. Ведь если бы ты не полюбился ему, он никогда бы не попал к нам в «Зеленые Вязы» и ему не полюбился бы еще кое-кто.

— Вовсе нет, — ответил Роберт, усаживаясь подле сестры и ласково похлопывая ее по руке. — У него любовь к тебе с первого взгляда. Он влюбился в тебя, еще не зная твоего имени. Ведь он расспрашивал о тебе в первый же день, как мы с ним познакомились.

— Но расскажи, Боб, что ты узнал о его богатстве, — попросила Лаура. — Он мне еще ничего не говорил, а меня мучает любопытство. Откуда у него деньги? Во всяком случае, это не отцовское наследство — отец его был простым деревенским врачом, он мне сам рассказывал. Как же он добывает деньги?

— Я обещал держать это в тайне. В свое время он сам все тебе объяснит.

— Ну скажи хотя бы, угадала я или нет: он получил их от дяди? Да? Или от какого-нибудь друга? Или продал необыкновенный патент? Может, нашел золотую жилу? Или нефть? Ответь же, Роберт!

— Не проси, не могу, честное слово! — засмеялся брат. — И больше об этом я с тобой говорить не стану. Ты чересчур хитра. А я обязан хранить секрет. И, кроме того, мне необходимо пойти поработать.

— Очень нелюбезно с твоей стороны. — Лаура надула губки. — Но мне пора одеваться, поездом час двадцать я еду в Бирмингем.

— В Бирмингем?

— Да, мне надо заказать там кучу всяких вещей. Все надо купить заново. Вы, мужчины, забываете о таких пустяках. Рафлз хочет, чтобы мы обвенчались чуть

ли не через две недели. Конечно, все будет очень скромно, но все же надо кое о чем позаботиться.

— Так скоро? — задумчиво произнес Роберт. — Ну что ж, может, так оно и лучше.

— Конечно, гораздо лучше. Представь себе, какой ужас, если вдруг приедет Гектор и устроит сцену! А если к тому времени я успею выйти замуж, это уже не будет иметь никакого значения. Что мне до того? Но Рафлз, разумеется, понятия не имеет о Гекторе. Будет просто ужасно, если они встретятся.

— Да, этого допустить нельзя.

— Я не могу без страха подумать об этом. Бедный Гектор! Но что мне оставалось делать? Ты же знаешь, Роберт, ведь у нас с ним была просто старая детская дружба. И разве могу я из-за нее отказаться от такого предложения? Это просто мой долг перед семьей, ведь правда?

— Ты попала в трудное положение, очень трудное, — ответил ей брат. — Но все уладится, я не сомневаюсь, Гектор все поймет. А ты говорила старику Сперлингу, что выходишь замуж?

— Ни слова. Он был вчера у нас, завел разговор о Гекторе, но, право, я не знала, как ему сказать. Мы поженимся в Бирмингеме, поэтому, в сущности, незачем ему и говорить. Ну, я должна поторопиться, не то опоздаю на поезд.

Сестра ушла, а Роберт поднялся к себе в студию и, растерев краски на палитре, долго стоял перед большим пустым холстом, держа в руке кисть и мастихин. Какой бессмысленной, какой бесполезной показалась ему теперь его работа! Какая у него цель? Заработать деньги? Они будут у него и так, стоит лишь попросить или в конце концов даже взять без спроса. Или, может быть, он работает, чтобы создать прекрасное произведение? Нет, как художник он далек от совершенства. Рафлз Хоу именно так сказал и был прав. После стольких усилий убедиться, что все это зря? А имея деньги,

можно покупать картины, которые доставят ему радость, потому что будут действительно прекрасны. Какой же смысл в его работе?

Роберт не видел теперь этого смысла.

Он бросил кисть, разжег трубку и спустился обратно в гостиную.

Перед камином стоял отец отнюдь не в благодушном настроении, о чем свидетельствовало его красное лицо и опухшие глаза.

— Ну, Роберт, ты, конечно, как всегда, все утро провел, интригуя против отца!

— Что ты хочешь сказать, отец?

— Именно то, что говорю. Разве это не интриги, не заговор, когда вы все трое — ты, она и этот Рафлз Хоу — шепчетесь, совещаетесь и что-то замышляете, а мне ни о чем ни слова? Что мне известно о ваших планах?

— Я не вправе разглашать чужие секреты, отец.

— Секреты? Но я тоже имею право голоса! Секреты там или не секреты, а вы еще вспомните, что у Лауры есть отец, которого нельзя просто отшвырнуть в сторону! Пусть у меня были неудачи в делах, но я не настолько низко пал, я не позволю, чтобы меня третировали в собственной семье! Что, собственно, я выигрываю от этого прекрасного замужества?

— Что ты выигрываешь? Я полагаю, счастье Лауры — достаточная для тебя награда.

— Если бы этот человек искренне любил Лауру, он позаботился бы о ее отце. Не далее как вчера я попросил у него в долг, да, да, я снизошел до того, что обратился к нему с просьбой! Это я-то, который чуть не стал мэром Бирмингема! И что же? Он наотрез мне отказал!

— Ах, отец! Ну как ты мог пойти на такое унижение?

— Да, да, отказал наотрез! — возбужденно кричал старик. — Это, видите ли, противно его принципам!

Но я с ним еще поквитаюсь... вот увидишь! Я про него кое-что знаю. Как они там называют его в «Трех голубках»? Фальшивомонетчик, вот как! Зачем это ему без конца доставляют столько металла, и почему у него всегда идет дым из трубы?

— Отец, оставь ты его в покое! — взмолился Роберт. — Ты, кажется, только и думаешь, что о его деньгах. А по мне, не имей он ни гроша в кармане, он все равно милый, сердечный человек.

Старик Макинтайр разразился хриплым хохотом.

— И ты еще читаешь проповеди! — сказал он. — Не имей он ни гроша в кармане! Да разве стал бы ты так лебезить перед ним, будь он нищим? И ты воображаешь, Лаура бы тогда взглянула на него? Ты сам не хуже меня знаешь, что она выходит за него только из-за денег.

У Роберта вырвался крик ужаса: в дверях стоял Рафлз Хоу. Он был бледен и молча переводил испытующий взгляд с отца на сына.

— Прошу извинить, — сказал он сухо. — Я не имел намерения подслушивать, но я невольно слышал ваш разговор. Что касается вас, мистер Макинтайр, ваши слова продиктованы вашим недобрым сердцем. Они меня не задевают. Роберт же мой преданный друг. И Лаура любит меня ради меня самого. Вам не удастся подорвать мое доверие к ним. Но с вами, мистер Макинтайр, у нас нет ничего общего, и даже лучше, что мы откровенно выскажем это друг другу.

Он поклонился и вышел так быстро, что ни Роберт, ни его отец не успели сказать ни слова.

— Вот видишь! — сказал наконец Роберт. — Ты натворил такое, что уже не поправишь.

— Я еще с ним поквитаюсь! — яростно выкрикнул старик, грозя кулаком вслед темной, медленно проходившей за окном фигуре. — Подожди, Роберт, ты увидишь, можно ли шутить шутки с твоим старым отцом!

Глава XIII

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Лауре, когда она вернулась из Бирмингема, о случившемся не сказали ни слова. Она была в приподнятом настроении и весело болтала о покупках, о приготовлениях к свадьбе, время от времени выражая удивление, почему это Рафлз все не приходит. Наступил вечер, а от него по-прежнему не было вестей, и Лаура начала беспокоиться.

— Что его задерживает, почему он не идет? — спросила она брата. — Сегодня впервые после нашей помолвки мы с ним не виделись.

Роберт выглянул в окно.

— Очень ветрено, и сильный дождь, — сказал он. — Думаю, сегодня Хоу не придет.

— Гектор, бедняга, приходил в любую погоду: в дождь, в снег, когда угодно. Но, впрочем, Гектор — моряк. Ему все нипочем. Надеюсь, Рафлз не заболел?

— Он был совершенно здоров, когда я виделся с ним утром, — ответил брат, и оба они умолкли.

В оконные стекла бил дождь, в ветвях вязов у садовой ограды свистел ветер.

Старик Макинтайр весь день молча просидел в углу, глядя на огонь в камине, кусая ногти, и с его морщинистого лица не сходило выражение злобы. Вопреки своему обыкновению он не пошел в деревенский трактирчик, а рано поплелся спать, так и не сказав детям ни слова. Лаура и Роберт еще некоторое время сидели у камина, оживленно болтая. Лаура щебетала о том, сколько чудес сотворит она, когда станет хозяйкой Нового Дома. Роберт не мог не заметить, что сейчас сестра рассуждает о благотворительности меньше, чем при своем будущем муже. Кареты, платья, приемы, путешествия в далекие страны — вот о чем рассуждала она так же горячо, как прежде об устройстве приютов и работных домов.

— Я думаю, лучше всего лошади серой масти, — сказала она. — Гнедые тоже красивы, но все же серые эффектнее. Мы можем обойтись двухместной каретой и ландо, да еще нужна двуколка для Рафлза. У него полны конюшни лошадей и экипажей, но он никогда ни верхом не ездит, ни в экипаже. Если только на него надеяться, вся его полсотня коней просто перемрет от отсутствия моциона, или у них печень ожиреет, как у страсбургских гусей.

— Вы, наверное, останетесь жить здесь? — спросил брат.

— Да, но, кроме того, нам необходим дом в Лондоне, чтобы проводить там сезон. Конечно, пока я не хочу предлагать никаких изменений, но потом все будет по-другому. Я уверена, Рафлз не откажет мне, если я попрошу. Он может сколько угодно говорить, что ему не нужны почести и благодарности, но какой, интересно, смысл заниматься благотворительностью, если ничего за это не получаешь? Не сомневаюсь, если он доведет до конца хотя бы половину своих проектов, его сделают пэром. Допустим, он будет лорд Тэмфилд. И тогда я, конечно, стану леди Тэмфилд. Как это тебе нравится, Боб?

Она присела, делая реверанс, и вскинула голову так, словно была рождена носить корону.

— Отцу придется дать пенсию, — заговорила она немного погодя. — Он будет получать ежегодно определенную сумму при условии, что не станет мешать и поселится где-нибудь в другом месте. А для тебя, Роберт, право, не знаю, что придумать. Мы сделаем тебя президентом королевской академии, если только это звание можно купить за деньги.

Было уже поздно, когда они, наконец, перестали строить воздушные замки и разошлись по своим комнатам. Но воображение Роберта было возбуждено, и он не мог уснуть. События этого дня могли бы взвинтить человека и с более крепкими нервами. Утром ему

открыли необыкновенную тайну и показали фантастическое зрелище в лаборатории. Затем разговор с отцом, их размолвка, неожиданное появление Рафлза Хоу. И, наконец, болтовня сестры. Все это взбудоражило его и отогнало сон. Напрасно ворочался он с боку на бок, напрасно шагал по комнате, стараясь успокоиться. Ему не только не хотелось спать, но каждый нерв его был натянут, все чувства обострены до предела. Что же сделать, чтобы хоть ненадолго заснуть? Роберт вспомнил, что внизу стоит графин с коньяком, — стакан вина может нагнать сон.

Он только успел приоткрыть дверь своей комнаты, как до слуха его долетел звук медленных, крадущихся шагов: кто-то спускался по лестнице. Лампа у него в комнате не горела, и Роберт издали увидел на лестнице тусклый свет свечи и движущуюся вдоль стены тень. Он замер, напряженно прислушиваясь. Теперь шаги доносились из передней, послышался легкий скрип; кто-то осторожно повернул ключ в замочной скважине. В ту же минуту струя холодного воздуха задула свечу, и резкий короткий стук возвестил, что дверь захлопнули снаружи.

Роберт был поражен. Кто мог бродить здесь ночью? Вероятно, отец. Но что заставило его выйти из дому в три часа ночи? И в такую погоду! С каждым порывом ветра дождь ударял в окно спальни, точно стараясь выбить его. Стекла в раме дрожали, а за окном скрипело и стонало дерево, ветер раскачивал его громадные ветви. Что могло выгнать человека на улицу в такую ночь?

Роберт поспешно чиркнул спичкой и зажег лампу. Спальня отца находилась напротив, и дверь была слегка приоткрыта. Роберт распахнул ее и оглядел комнату. Она была пуста. Постель была даже не смята. У окна стоял единственный стул. Тут отец, должно быть, и сидел с тех пор, как ушел к себе наверх. Ни книги, ни газеты поблизости. Чем же он занимался все это вре-

мя? Ничего, только на подоконнике лежит ремень для правки бритвы.

Сердце Роберта похолодело от предчувствия беды. В ночном походе отца скрывалось недоброе. Ему вспомнилось, как старик вчера был угрюм, как хмурился, как яростно грозился. Да, тут что-то неладно. Но, может быть, он, Роберт, еще успеет предупредить возможное несчастье? Лауру звать незачем. Что она тут сделает? Роберт торопливо оделся, запахнулся в теплое пальто и, схватив шляпу и трость, бросился вслед за отцом.

На деревенской улице ветер бушевал с такой силой, что Роберту пришлось идти боком, чтобы его не сбило с ног. В переулке было тише — с одной стороны тут защищали высокая насыпь и живая изгородь. Но дорога была покрыта грязью, а сверху непрерывно хлестал дождь. И нигде ни души. Но Роберту незачем было искать прохожих, расспрашивать, не встретился ли им отец, он знал, куда тот отправился, знал наверняка, как если бы видел это собственными глазами.

Железные ворота Нового Дома были приоткрыты, и Роберт быстро зашагал по аллее среди елок, с которых падали капли дождя. Зачем пошел сюда отец? Только чтобы высмотреть, подкараулить что-нибудь, или он ищет Рафлза Хоу, хочет высказать ему свою обиду, возмущение? А может быть, за этим загадочным исчезновением из дому среди ночи скрывается более темный, более страшный умысел? Роберт вдруг вспомнил о ремне для правки бритвы, забытом на подоконнике отцовской спальни, и похолодел от ужаса. Зачем понадобилась старику бритва?

Роберт ускорил шаг, он почти бежал, пока не очутился у подъезда.

Слава богу, в доме все тихо! Роберт стоял у высокой двери, напряженно вслушиваясь в тишину. Нигде ни звука, только шум ветра и дождя. Где же отец? Если он задумал проникнуть в дом, то уж, во всяком случае, не

через окно: ведь он слышал, как Рафлз Хоу рассказывал о мерах, принятых против грабителей. И вдруг Роберта как громом поразило. А то ничем не защищенное окно! Хоу был так неосторожен, что рассказал о нем. Среднее окно лаборатории! Если он, Роберт, отлично помнит про него, то уж и отец, конечно, не забыл! Да, здесь таится опасность!

Едва Роберт завернул за угол дома, как убедился, что догадки его имели основание. В лаборатории горел свет и в темноте три широких окна выделялись яркими серебряными четырехугольниками. Среднее окно было раскрыто, и Роберт тут же увидел, как темная фигура с обезьяньими ухватками вспрыгнула на подоконник и исчезла внутри комнаты. Лишь на секунду на фоне яркого света мелькнули ее очертания, но этого было достаточно, чтобы Роберт узнал отца. Роберт на цыпочках подобрался к открытому окну и заглянул внутрь. То, что он увидел, потрясло его.

На стеклянном столе лежало пять или шесть слитков золота, очевидно, произведенного вечером, но еще не убранного в хранилище. И на эти слитки золота старик накинулся, как на свою законную добычу. Он лег грудью поперек стола, обхватив руками золотые бруски, прижимаясь к ним щекой, что-то напевая и бормоча про себя. В резком ярком свете среди огромных колес и странных механизмов эта маленькая темная фигура, жадно вцепившаяся в золото, являла собой мрачное и в то же время жалкое зрелище.

Минут пять Роберт стоял в темноте под дождем, не отрывая глаз от окна, а отец все лежал неподвижно, лишь крепче прижимаясь к золоту и поглаживая его костлявыми руками. Роберт не знал, как поступить, и вдруг у него вырвался возглас удивления, тут же заглушенный завыванием ветра.

В углу комнаты стоял Рафлз Хоу. Роберт не понимал, каким образом он там очутился, он готов был поклясться, что за минуту перед тем угол был пуст. Рафлз

Хоу молчал. Он стоял в длинном темном халате, скрестив на груди руки, на бледном лице его застыла горькая усмешка. Старик Макинтайр, очевидно, тоже его увидел, громко выругался и еще теснее обхватил свое сокровище, искоса бросая на хозяина дома злобный, бегающий взгляд.

— Вот до чего дошло! — произнес наконец Рафлз Хоу, делая шаг вперед. — Пасть так низко, прокрасться в мой дом ночью, как мелкий вор! Вы знали, мистер Макинтайр, что окно это не заперто. Я помню, что говорил об этом при вас. Однако я не сказал, что у меня есть способ тут же получить сигнал, если ко мне заберутся воры. Но чтобы грабителем оказались вы!..

Старый фабрикант оружия не пытался оправдаться, только бормотал ругательства и все цеплялся за слитки золота.

— Я люблю вашу дочь, — продолжал Рафлз Хоу, — и ради нее не выдам вас. Я сохраню ваш отвратительный, позорный поступок в тайне. Никто не узнает, что произошло сегодня ночью. Я не стану будить слуг и звать полицию. Но вы должны сейчас же покинуть мой дом. Больше мне вам сказать нечего. Уходите тем же путем, каким вы сюда попали.

Он шагнул вперед и протянул руку, словно хотел оттащить старика от золота. Неожиданно тот выхватил что-то из кармана пальто и, свирепо крикнув, бросился на алхимика. Нападение было так внезапно и яростно, что Рафлз Хоу не успел защититься. Костлявые пальцы сжали ему горло, в воздухе сверкнуло лезвие бритвы. По счастью, бритва, опускаясь, задела за один из бесчисленных проводов, тянувшихся по всей лаборатории, и, выскользнув из рук старика, со звоном упала на каменный пол. Но, лишившись оружия, старик был все же опасен. Не произнося ни звука, он с чудовищной энергией кидался на Рафлза Хоу, вынуждая его отступать, пока оба они не наткнулись на ска-

мью и не упали. Макинтайр оказался на Рафлзе Хоу. Он сжал алхимику горло, и тому пришлось бы плохо, если бы Роберт не вскочил в окно и не оттащил отца. Вместе с Хоу они повалили старика на пол и шейным платком скрутили ему руки. На него было страшно смотреть, лицо его искажала судорога, глаза вылезли из орбит, на губах выступила пена.

Хоу оперся о стеклянный стол, он задыхался, прижимая рукой левый бок.

— Роберт? — Он еле дышал. — Какой ужас!.. Но как вы здесь очутились?

— Я шел следом за отцом. Я слышал, как он уходил из дому.

— Он хотел ограбить меня. И готов был убить. Но он безумец, самый настоящий безумец!

В том не было сомнения. Старик приподнялся и внезапно разразился хриплым смехом. Он раскачивался из стороны в сторону, поглядывая то на Рафлза Хоу, то на сына хитрыми, сверкающими глазками. Оба поняли, что ум старика помутился от навязчивых мыслей о богатстве, что перед ними маньяк. Жуткая, беспричинная веселость старика была еще страшней его ярости.

— Что нам с ним делать? — спросил Хоу. — Его нельзя отвести домой. Это будет страшным ударом для Лауры.

— Необходимо пригласить врача. Нельзя ли оставить отца здесь до утра? Если мы возьмем его домой, по дороге может кто-нибудь встретиться, тогда не избежать огласки.

— Понимаю. Мы переведем его в комнату с пробковыми стенами, там он не причинит вреда ни себе, ни другим. Знаете, я просто сам не свой. Но теперь мне лучше. Возьмем его под руки — вы справа, я слева.

Наполовину ведя, наполовину волоча старика, они кое-как увели его из лаборатории и поместили на ночь

в надежном месте. В пять часов утра Роберт отправился в двуколке за врачом, а Рафлз Хоу все шагал по своим царственным покоям. На лице его застыла озабоченность, сердце сжималось тоской.

Глава XIV

ЗЛО РАСТЕТ

Лаура, очевидно, не была поражена горем оттого, что отца неожиданно увезли из дому. Ей ничего не сказали о том, при каких обстоятельствах это произошло, просто Роберт за завтраком сообщил сестре, что счел благоразумным послушаться совета врачей и поместил отца на некоторое время в больницу, где он будет под постоянным наблюдением. Она и сама не раз говорила, что странности отца усиливаются, поэтому новость эта не показалась ей слишком неожиданной, во всяком случае, не помешала ей с аппетитом пить кофе и есть яичницу и при этом оживленно болтать о предстоящей свадьбе.

Но на Рафлза Хоу случай этот подействовал совсем иначе. Он был потрясен до глубины души. Он всегда опасался, как бы его деньги не стали косвенной причиной чьей-нибудь гибели, а тут, прямо у него на глазах, они довели человека до преступления и безумия. Напрасно пытался он успокоиться, убеждая себя, что безумие Макинтайра вызвано иными, давнишними причинами, а он, Рафлз Хоу, и его богатство тут ни при чем. Он старался вспомнить, каким он впервые увидел старика: ворчлив, неумен, но явной порочности в нем заметно не было. Но с каждой неделей он менялся. Начались жадные взгляды исподтишка, намеки, недомолвки, и, наконец, вчера он открыто попросил денег. Совершенно очевидно, что все это — звенья одной цепи, ведшие к роковой встрече в лаборатории.

Он мечтал, что золото его принесет людям благо, а оно породило зло и преступление.

Рано утром к Рафлзу зашел мистер Сперлинг, викарий: до него уже дошли дурные вести. Хоу приятно было поговорить с викарием — свежий, бодрый старик казался прямой противоположностью самому Хоу.

— Ах, ах! — огорчился викарий. — Какое несчастье, поистине несчастье! Помрачение рассудка, вы говорите, и нет надежды, что поправится? Боже мой, боже мой... Да я и сам замечал в нем перемену за эти последние недели. Будто он что-то затаил. А как Роберт Макинтайр?

— С ним все благополучно. Он был у меня утром, когда с отцом случился припадок.

— Нет, наш Роберт тоже изменился. Он уже не тот, что прежде. Вы меня простите, мистер Хоу, если я позволю себе подать вам совет. И не как духовный пастырь, а как человек, который по возрасту годится вам в отцы. Вы очень состоятельны, и вы благородно распоряжаетесь вашим богатством. Да, сэр, благородно. Не думаю, чтобы из тысячи нашелся один, кто так поступал бы на вашем месте. Но не кажется ли вам иногда, что деньги ваши оказывают на окружающих дурное влияние?

— Порой я боюсь, что да.

— Оставим старого Макинтайра. Его как пример уж брать не будем. Но Роберт! Прежде он с жаром отдавался своему делу, он так любил свое искусство. Бывало, когда ни встретишь его, он тотчас заговорит о новых замыслах, о том, как подвигается последняя картина. В нем чувствовалось хорошее честолюбие, энергия, независимость. Теперь он ничего не делает. Я знаю наверное, что вот уже два месяца, как он не брал кисти в руки. Трудолюбивый художник стал лентяем и, еще того хуже, прихлебателем. Простите, что я говорю это вам так прямо.

Рафлз Хоу промолчал, только в отчаянии стиснул руки.

— Тоже и кое-кто из наших деревенских жителей, — продолжал мистер Сперлинг. — Боюсь, вы помогали слишком щедро, без разбору. И люди опустились, утратили чувство собственного достоинства. Вот, например, старик Блэкстон. У него на днях ветром сорвало крышу с сарая. Он всегда был человеком толковым, энергичным. Случись это три месяца назад, он взял бы лестницу и за два дня починил бы крышу. А теперь он сидит, бездельничает да строчит вам письма, потому что знает: стоит вам только услыхать о его беде, и вы поможете. А старик Элвари? Правда, он всегда был бедняком, но все-таки трудился, сохранял достоинство. Теперь он палец о палец не ударит, только знай курит да сплетничает с утра до вечера. И, что хуже всего, ваша щедрость вредит не только тем, кому вы помогли: она сбивает с пути и тех, кто от вас ничего не получил. Они чувствуют себя несправедливо обиженными, обойденными, как будто другие получили то, на что и они имеют такое же право. Дело уж дошло до того, что я счел долгом обратиться к вам. Для меня самого это урок. Я часто порицал своих прихожан за скупость, и мне как-то странно упрекать того, кто излишне щедр. Это благородный промах.

— Крайне признателен вам за то, что вы все это мне рассказали, — ответил Рафлз Хоу, пожимая руку викарию. — Впредь я буду осторожнее.

Пока не ушел мистер Сперлинг, Рафлз Хоу оставался спокойным, сдержанным. И только придя к себе, в свою скромную комнату, бросился на постель, зарылся лицом в подушку, из груди его вырвались рыдания. Самый богатый человек во всей Англии, он в тот день был и самым несчастным. Как ему поступить, куда направить ниспосланную судьбой силу? Он пытается осчастливить людей — и приносит им про-

клятие. Добрые его намерения дают такие горькие плоды! Как будто самый его разум поражен какой-то нравственной проказой, и он переносит ее на всех, кто находится под его влиянием. Благотворительность, которую он так тщательно обдумывал, словно бы пропитала отравой все окрестные селения. И если результаты даже малых дел так плачевны, чего ждать от его грандиозных проектов? Если он не может уплатить грошовый долг простого фермера, не нарушая великих законов причины и следствия, лежащих в основе жизни, как смеет он рассчитывать на то, что обогатит народы, вмешиваясь в сложную систему торговли или пытаясь обеспечить всем необходимым сотни тысяч человек?

Ужас охватил его, когда перед ним вдруг, как в тумане, предстали все эти неразрешимые задачи: что, если он совершит ошибки, которых потом не исправить никакими деньгами? Путь, начертанный провидением, — это прямой путь, а он, полуслепое создание, хочет изменить его, пытается повести человечество куда-то в сторону. Удастся ли ему стать благодетелем человечества, не окажется ли он величайшим его врагом?

Вскоре, однако, смятение его улеглось; он поднялся, умыл разгоряченное лицо, пылающий лоб. В конце концов, неужели нет поприща, где можно принести бесспорную пользу? Надо переделывать не столько природу, сколько жизнь человека. Не провидение же распорядилось, чтобы люди жили впроголодь, в тесноте, в жалких трущобах! Ведь все это результат искусственно созданных условий, их можно исправить искусственными же мерами. Может, ему все же посчастливится осуществить свои планы и мир станет лучше благодаря его, Рафлза Хоу, открытию. Неверно, что он несет только зло всем, с кем сталкивается. Лаура, например. Кто знает его лучше, чем она? А уж какая она добрая, нежная, преданная! Лаура, во всяком слу-

чае, не стала хуже от знакомства с ним. Надо пойти сейчас же повидаться с ней. Как отрадно будет услышать ее голос, получить ее сочувствие в этот тяжелый для него час.

Непогода утихла. Дул мягкий ветер, и в воздухе чувствовалось приближение весны. Шагая по извилистой дороге, Рафлз Хоу вдыхал смолистый запах елей. Перед ним расстилались широкие просторы, там и сям виднелись усадьбы фермеров красные кирпичные домики; утреннее солнце бросало косые лучи на серые крыши, сверкало на стеклах окон. Сердце Рафлза Хоу тянулось к людям с их постоянными тревогами, с их стремлениями и надеждами, с убивающими душу заботами. Как подойти к людям? Как облегчить им жизнь и при этом не сбить их с пути? Все яснее видел он, что горести очищают душу и жизнь без стремления к совершенствованию лишена смысла.

Лаура сидела одна в гостиной: Роберт ушел, ему надо было завершить некоторые формальности в связи с болезнью отца. Увидев жениха, Лаура вскочила и с милой девичьей грацией подбежала к нему.

— Ах, Рафлз, — воскликнула она, — я была уверена, что ты придешь! Но как ужасна эта история с папой!

— Не огорчайся, дорогая, — мягко ответил он. — Может оказаться, что болезнь его не так уж серьезна.

— Это случилось, когда я еще спала. Я обо всем узнала только за завтраком. Вероятно, они пошли к тебе очень рано.

— Да, они пришли рано.

— Что с тобой, Рафлз? — спросила Лаура, заглянув ему в лицо. — Ты такой печальный, утомленный.

— Я сегодня в плохом настроении. Дело в том, что утром я долго беседовал с мистером Сперлингом.

Лаура вздрогнула, губы у нее побелели. Долго беседовал с мистером Сперлингом? Неужели он выдал ее?

— Вот как! — только и смогла она выговорить.

— Он сказал мне, что благотворительность моя причинила больше вреда, чем пользы, и даже что я оказываю дурное влияние на всех, с кем сталкиваюсь. Он дал мне понять это в самой деликатной форме, но смысл его слов был именно таков.

— И только-то? — Лаура облегченно вздохнула. — Не обращай внимания на то, что говорит мистер Сперлинг. Ведь это сущая чепуха! Все знают, что десятки людей без твоей поддержки давно бы разорились, их просто выгнали бы на улицу. Как могли они из-за тебя стать хуже? Меня поражает, что мистер Сперлинг мог придумать такой вздор!

— Как подвигается картина Роберта?

— Он что-то разленился. Давно не прикасается к работе. Но почему ты спрашиваешь? Опять у тебя морщинка на лбу. Извольте сейчас же разгладить ее, сэр! — Белой ручкой она провела по его нахмуренному лбу.

— Во всяком случае, я знаю кое-кого, кто из-за меня не стал хуже, — сказал он, глядя на Лауру. — Есть человек — добрый, чистый, преданный, он все равно любил бы меня, даже если бы я был бедным клерком, с трудом зарабатывающим себе на пропитание. Ведь правда, Лаура, ты и тогда любила бы меня?

— Глупый! Ну, конечно!

— И все же, как странно, что ты, единственная женщина, какую я в жизни любил, ответила мне таким же чувством — чувством, свободным от корысти и расчета! Может, само провидение послало мне тебя, чтобы я вновь обрел веру в людей. Как холодно было бы на свете без женской любви! Утром я все видел в мрачном свете, я кинулся к тебе, к нашей любви, как к единственной своей опоре. Все остальное показалось мне изменчивым, ненадежным, всеми движут низменные побуждения. Только тебе, только тебе я верю!

— А я тебе, дорогой Рафлз! Я не знала, что такое

любовь, пока не встретилась с тобой.

Она шагнула к нему, протянула руки. В глазах ее светилась любовь, но тут же Рафлз увидел в них ужас, краска сбежала с ее лица. Она смотрела в сторону двери. Рафлз стоял спиной к двери и не видел, что так взволновало Лауру.

— Гектор... — еле произнесла она пересохшими губами.

Одно мгновение, и стройный, загорелый молодой человек вбежал в комнату и подхватил Лауру на руки, словно перышко.

— Дорогая моя! — воскликнул он. — Я знал, что устрою тебе сюрприз. Я только что из Плимута, приехал вечерним поездом. И у меня длинный отпуск и сколько угодно времени, чтобы сыграть свадьбу. Правда, чудесно, Лаура, дорогая?

В полном восторге он кружил Лауру по комнате. И вдруг увидел незнакомца, молча стоявшего в стороне. Гектор густо покраснел и неловко, по-матросски поклонился, все еще сжимая холодную, неподвижную руку Лауры.

— Простите, сэр, не заметил вас сразу, — сказал он. — Извините, что я так ворвался. Но если бы вы послужили во флоте, вы бы поняли, что такое избавиться от матросской муштры и почувствовать себя свободным человеком. Мисс Макинтайр подтвердит, что мы с ней знаем друг друга с детства и не позже чем через месяц, надеюсь, поженимся.

Рафлз Хоу стоял неподвижно. Он был потрясен, оглушен тем, что увидел и услышал. Лаура оттолкнула Гектора и пыталась вырвать у него свою руку.

— Разве ты не получил моего письма в Гибралтаре? — спросила она.

— Я не попал в Гибралтар. Нам дали приказ с Мадейры вернуться в Англию. Эти умные головы в адмиралтействе способны каждые два часа менять приказы. Но что нам теперь до этого письма, когда я сам здесь

и могу говорить с тобой! Однако ты не представила меня твоему другу.

— Одно слово, сэр, — произнес Рафлз Хоу дрожащим голосом. — Верно ли я вас понял? Я должен убедиться, что не ошибся. Вы обручены с мисс Макинтайр?

— Ну конечно! Я только что вернулся из четырехмесячного плавания и спешу сыграть свадьбу, пока не придется снова сниматься с якоря.

— Четыре месяца!.. — ахнул Рафлз Хоу. — Да ведь я приехал сюда ровно четыре месяца назад! Еще один, последний вопрос. Роберт Макинтайр знает о вашей помолвке?

— Роберт? Ну как же! Уезжая, я оставил Лауру на его попечении. Но что случилось? Что с тобой, Лаура? Почему ты такая бледная и молчишь? А что это с ним? Он теряет сознание...

— Ничего, сейчас пройдет. — Рафлз Хоу с трудом переводил дыхание, прислонясь к дверному косяку. Он был бел как бумага и держался рукой за сердце, словно его пронзила вдруг нестерпимая боль. Минуту он стоял, пошатываясь, затем крикнул что-то невнятное, повернулся и выбежал из комнаты.

— Вот бедняга, — сказал Гектор, с изумлением глядя ему вслед. — Что-то с ним стряслось. Но что все это значит, Лаура, объясни!

Лицо моряка потемнело, он плотно сжал губы.

За все это время Лаура не сказала ни слова и стояла, не двигаясь, с застывшим взглядом, но теперь она вырвалась от Гектора, бросилась на диван и, уткнувшись лицом в подушку, разразилась бурными рыданиями.

— Это значит, что ты погубил меня! — крикнула она. — Да, погубил, погубил! Почему ты не оставил меня в покое? Зачем явился так не вовремя? Еще несколько дней, и все было бы кончено. Неужели ты не получил моего письма?

— И что же было в этом письме? — спросил Гектор холодно. Он смотрел на нее, скрестив руки на груди.

— Я написала, что ты свободен, что я полюбила Рафлза Хоу и собираюсь стать его женой. О, теперь все погибло! Я ненавижу тебя, ненавижу! И буду ненавидеть всю жизнь! Ты встал между мной и единственной удачей, выпавшей мне на долю. Оставь меня и никогда не приходи к нам!

— Это твое последнее слово, Лаура?

— Да, больше ты от меня ничего не услышишь!

— Тогда прощай. Я повидаюсь с отцом и сразу же вернусь в Плимут.

Он подождал с минуту, надеясь, что она скажет ему еще что-нибудь, затем печально вышел из комнаты.

Глава XV

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

Поздно вечером в дом к Макинтайрам громко, настойчиво постучали. Лаура весь день провела у себя в спальне, а Роберт в подавленном настроении сидел у камина и курил трубку. Внезапный резкий стук прервал его мысли. Он открыл дверь; на пороге стоял Джонз, представительный дворецкий Рафлза Хоу. Лицо у Джонза было испуганное, он был без шапки, при свете лампы видно было, как по его лысой голове стекают дождевые капли.

— Прошу вас, сэр, будьте добры, зайдите к нам! — обратился он к Роберту. — Мы все очень тревожимся за нашего хозяина.

Роберт схватил шляпу и бросился бегом; перепуганный дворецкий бежал рядом, тяжело ступая. Весь день были только одни волнения и несчастья. На сердце молодого художника лежала тяжесть, его мучило предчувствие новой большой беды.

— Что же с вашим хозяином? — спросил он наконец, переходя на более ровный шаг.

— Не знаем, сэр, мы не можем достучаться к нему в лабораторию. Он не отвечает, и дверь заперта изнутри. Мы все напугались, сэр, уж очень он странно вел себя сегодня.

— Странно?

— Да, сэр. Утром вернулся с прогулки просто на себя не похож. Говорит сам с собой и смотрит в одну точку. Жутко глядеть! Потом долго ходил по коридорам, на завтрак даже не взглянул, а прошел в музей. Собрал драгоценности, все прочее и унес в лабораторию. Что он делал с тех пор, не знаем. Но слышно было, горн там у него все время горел, и из трубы валил дым, как на фабрике в Бирмингеме. Когда стемнело, нам стала видна тень мистера Хоу — окно-то было освещено. Он работал прямо как одержимый, таскал что-то тяжелое. И обедать не захотел, все работал и работал. А теперь все стихло, и горн остыл, и дым из трубы не идет, а мистер Хоу все в лаборатории и не отвечает нам. Вот мы и перепугались. Миллер побежал в полицию, а я к вам.

Они уже подошли к дому. У двери в лабораторию столпились слуги: только что прибывший деревенский полисмен, приставив электрический фонарик к замочной скважине, старался заглянуть внутрь.

— Ключ повернут наполовину, — сказал он. — Ничего не разглядеть, видно только, что там горит свет.

— Пришел мистер Макинтайр! — закричали сразу несколько голосов, едва Роберт подошел ближе.

— Придется взломать дверь, сэр, — сказал полисмен. — Никак не можем добиться ответа, что-то неладно.

Они несколько раз вместе налегли всей своей тяжестью на дверь; наконец послышался треск, замок сломался, и все, толпясь, прошли в узкий коридор. Дверь в лабораторию оказалась приоткрытой, и вот что они там увидели.

Посреди комнаты высилась, доходя до середины

стены, огромная куча легкого серого пепла, а рядом меньшая кучка сверкающей пыли — она вся искрилась в лучах электрического света. Вокруг царил хаос: валялись черепки, разбитые бутылки, исковерканная аппаратура, спутанные, изогнутые и перепачканные провода. И среди этого разрушения, откинувшись на спинку стула и стиснув на коленях руки, в спокойной позе человека, отдыхающего после трудной и завершенной работы, сидел Рафлз Хоу, владелец этого дворца, самый богатый человек на свете. Он был смертельно бледен, но сидел так непринужденно, так естественно, выражение его лица было так безмятежно, что, только когда его приподняли с кресла и коснулись холодных окоченевших рук, все поняли, что он мертв.

Рафлза Хоу понесли к нему в комнату — ступая медленно, благоговейно, ибо его любили все, кто ему служил. Роберт и полисмен остались в лаборатории. Словно во сне, пораженный Роберт бродил среди хаоса. На полу лежал тяжелый молот, очевидно, им-то Рафлз Хоу и разбил аппаратуру, сначала обратив с помощью электрических приборов все созданное им золото в протил. Сокровищница, так поразившая когда-то Роберта, теперь стала пустой комнатой с голыми стенами, и сверкающая пыль на полу говорила о том, какая судьба постигла великолепную коллекцию драгоценных камней, огромное, баснословное богатство. От машин не осталось ни одной целой детали, даже стеклянный изоляционный стол был расколот на три части. Непреклонная решимость чувствовалась во всем, что совершил Рафлз Хоу в тот день.

И вдруг Роберт вспомнил о секрете, спрятанном в шкатулке на дне окованного железом сундука. Ведь там оставлена ему разгадка последнего и самого важного звена процесса, раскрыта тайна создания золота! Сохранилась ли бумага? Задыхаясь и дрожа от волнения, Роберт открыл сундук и вытащил шкатулку слоновой кости. Она была заперта, но в замочной скважи-

не торчал ключ. Роберт повернул ключ, откинул крышку. Там белел лист бумаги, и на нем стояло его, Роберта, имя. Дрожащими руками он развернул бумагу. Суждено ему наследовать богатство Эльдорадо или оставаться бедным художником и всю жизнь бороться за кусок хлеба?

Записка была помечена сегодняшним числом, и в ней было написано:

«Дорогой Роберт! Тайна моя умрет со мной. Не могу передать вам, как благодарю я небо за то, что удержался и не доверил вам весь секрет сполна, ибо я мог передать вам в наследство лишь горе и для вас самого и для других. Я не знал ни одной счастливой минуты с тех пор, как сделал свое открытие. Но я бы все стерпел, если бы чувствовал, что творю добро. Увы, все мои старания приводили к тому, что труженики становились бездельниками, довольные своей судьбой — жадными тунеядцами, и, что хуже всего, чистые, благородные женщины — обманщицами и лицемерками. Если таковы плоды моего вмешательства в малом, то можно себе представить, что получится из моих грандиозных планов, которые мы с вами так часто обсуждали. Все мечты моей жизни рушились. Меня вы больше не увидите. Я вернусь к занятиям наукой. Там, если я принесу и не много пользы, зато по крайней мере не принесу и вреда. Завещаю все оставшиеся в доме ценности распродать, а вырученную сумму разделить между благотворительными обществами Бирмингема. Я уеду сегодня же ночью, если почувствую себя крепче, — сегодня весь день у меня резкая боль в боку. Кажется, богатство столь же пагубно влияет на тело, как и на дух. Прощайте, Роберт, и пусть никогда на сердце у вас не будет так тяжело, как у меня сегодня.

Преданный вам *Рафлз Хоу*».

— Это самоубийство, сэр? Он покончил самоубийством? — вмешался полисмен, заметив, что Роберт прячет записку в карман.

— Нет, — ответил Роберт, — я думаю, у него не выдержало сердце.

Итак, все чудесные декорации и механизмы Нового Дома были разобраны, резьба, золото, книги, картины — все пошло с торгов. И немало обездоленных горемык, никогда и не слыхавших о Рафлзе Хоу, пока тот был жив, стали его благословлять после его смерти. Дом купила какая-то компания и устроила там водолечебницу. Из тех, кто посещает ее, мало кто знает странную историю, связанную с этим домом.

Пагубное влияние, которое богатство Хоу распространяло на всех окружающих, казалось, не утратило своей силы и после его смерти. Старик Макинтайр все еще в больнице для душевнобольных. Он собирает кусочки дерева и металла, принимая их за слитки золота. Роберт Макинтайр, вечно хмурый и раздражительный, неустанно повторяет один и тот же научный опыт, — опыт этот ему никак не удается. Живопись он забросил и тратит все свои скудные доходы на химическую и электрическую аппаратуру для своих опытов, тщетно пытаясь найти утерянное звено. Сестра ведет его хозяйство; это неразговорчивая, угрюмая женщина, все еще красивая и величественная, но душа ее отравлена горечью. Впрочем, последнее время Лаура усиленно занимается благотворительностью и стала незаменимой для нового помощника викария, — полагают, что он, быть может, пожелает никогда уже более не расставаться с ней. Так, во всяком случае, сплетничают в деревне, а в маленьком местечке такие пересуды всегда не без причин. Что до Гектора Сперлинга, то он все еще во флоте и, по-видимому, следует мудрому отцовскому совету не думать о женитьбе, пока не получит чин капитана. Возможно, что среди всех, кто так или иначе соприкоснулся с золотом Рафлза Хоу, он — единственный, кому оно пошло на благо.

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Вот бесхитростный рассказ,
И пусть он позабавит вас —
Вас, юношей и ветеранов,
Кому стареть пока что рано.

Глава I

ЧЕЛОВЕК — САМ ТВОРЕЦ СВОЕЙ СЛАВЫ

Мистер Хангертон, отец моей Глэдис, отличался невероятной бестактностью и был похож на распушившего перья неопрятного какаду, правда, весьма добродушного, но занятого исключительно собственной особой. Если что-нибудь могло оттолкнуть меня от Глэдис, так только крайнее нежелание обзавестись глуповатым тестем. Я убежден, что мои визиты в «Каштаны» три раза на неделе мистер Хангертон приписывал исключительно ценности своего общества и в особенности своих рассуждений о биметаллизме — вопросе, в котором он мнил себя крупным знатоком.

В тот вечер я больше часу выслушивал его монотонное чириканье о снижении стоимости серебра, обесценивании денег, падении рупии и о необходимости установления правильной денежной системы.

— Представьте себе, что вдруг потребуется немедленная и одновременная уплата всех долгов в мире! — воскликнул он слабеньким, но преисполненным ужаса голосом. — Что тогда будет при существующем порядке вещей?

Я, как и следовало ожидать, сказал, что в таком случае мне грозит разорение, но мистер Хангертон, недовольный моим ответом, вскочил с кресла, отчитал

меня за мое всегдашнее легкомыслие, лишающее его возможности обсуждать со мной серьезные вопросы, и выбежал из комнаты переодеваться к масонскому собранию.

Наконец-то я остался наедине с Глэдис! Минута, от которой зависела моя дальнейшая судьба, наступила. Весь этот вечер я чувствовал себя как солдат, ожидающий сигнала к атаке, когда надежда на победу сменяется в его душе страхом перед поражением.

Глэдис сидела у окна, и ее гордый тонкий профиль оттеняла малиновая штора. Как она была прекрасна! И в то же время как далека от меня! Мы с ней были друзьями, большими друзьями, но мне никак не удавалось увести ее за пределы тех отношений, какие я мог поддерживать с любым из моих коллег-репортеров «Дейли-газетт», — чисто товарищеских, добрых и не знающих разницы между полами. Мне претит, когда женщина держится со мной слишком свободно, слишком смело. Это не делает чести мужчине. Если возникает чувство, ему должна сопутствовать скромность, настороженность — наследие тех суровых времен, когда любовь и жестокость часто шли рука об руку. Не дерзкий взгляд, а уклончивый, не бойкие ответы, а срывающийся голос, опущенная долу головка — вот истинные приметы страсти. Несмотря на свою молодость, я знал это, а может быть, такое знание досталось мне от моих далеких предков и стало тем, что мы называем инстинктом.

Глэдис была одарена всеми качествами, которые так привлекают нас в женщине. Некоторые считали ее холодной и черствой, но мне такие мысли казались предательством. Нежная кожа, смуглая, почти как у восточных женщин, волосы цвета воронова крыла, глаза с поволокой, полные, но прекрасно очерченные губы — все это говорило о страстной натуре. Однако я с грустью признавался себе, что до сих пор мне не удалось завоевать ее любовь. Но будь что будет — довольно

неизвестности! Сегодня вечером я добьюсь от нее ответа. Может быть, она откажет мне, но лучше быть отвергнутым поклонником, чем довольствоваться ролью скромного братца!

Вот какие мысли бродили у меня в голове, и я уже хотел было прервать затянувшееся неловкое молчание, как вдруг почувствовал на себе критический взгляд темных глаз и увидел, что Глэдис улыбается, укоризненно качая своей гордой головкой.

— Чувствую, Нэд, что вы собираетесь сделать мне предложение. Не надо. Пусть все будет по-старому, так гораздо лучше.

Я придвинулся к ней поближе.

— Почему вы догадались? — Удивление мое было неподдельно.

— Как будто мы, женщины, не чувствуем этого заранее! Неужели вы думаете, что нас можно застигнуть врасплох? Ах, Нэд! Мне было так хорошо и приятно с вами! Зачем же портить нашу дружбу? Вы совсем не цените, что вот мы — молодой мужчина и молодая женщина — можем так непринужденно говорить друг с другом.

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, в чем дело... столь непринужденно я мог бы беседовать... ну, скажем, с начальником железнодорожной станции. — Сам не понимаю, откуда он взялся, этот начальник, но факт остается фактом: это должностное лицо вдруг выросло перед нами и рассмешило нас обоих. — Нет, Глэдис, я жду гораздо большего. Я хочу обнять вас, хочу, чтобы ваша головка прижалась к моей груди. Глэдис, я хочу...

Увидев, что я собираюсь осуществить свои слова на деле, Глэдис быстро поднялась с кресла.

— Тэд, вы все испортили! — сказала она. — Как бывает хорошо и просто до тех пор, пока не приходит *это*! Неужели вы не можете взять себя в руки?

— Но ведь не я первый *это* придумал! — взмолился

я. — Такова человеческая природа. Такова любовь.

— Да, если любовь взаимна, тогда, вероятно, все бывает по-другому. Но я никогда не испытывала этого чувства.

— Вы с вашей красотой, с вашим сердцем! Глэдис, вы же созданы для любви! Вы должны полюбить!

— Тогда надо ждать, когда любовь придет сама.

— Но почему вы не любите меня, Глэдис? Что вам мешает — моя наружность или что-нибудь другое?

И тут Глэдис немного смягчилась. Она протянула руку — сколько грации и снисхождения было в этом жесте! — и отвела назад мою голову. Потом с грустной улыбкой посмотрела мне в лицо.

— Нет, дело не в этом, — сказала она. — Вы мальчик не тщеславный, и я смело могу признаться, что дело не в этом. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Мой характер?

Она сурово наклонила голову.

— Я исправлюсь, скажите только, что вам нужно. Садитесь, и давайте все обсудим. Ну, не буду, не буду, только сядьте!

Глэдис взглянула на меня, словно сомневаясь в искренности моих слов, но мне ее сомнение было дороже полного доверия. Как примитивно и глупо выглядит все это на бумаге! Впрочем, может, мне только так кажется? Как бы там ни было, но Глэдис села в кресло.

— Теперь скажите, чем вы недовольны?

— Я люблю другого.

Настал мой черед вскочить с места.

— Не пугайтесь, я говорю о своем идеале, — пояснила Глэдис, со смехом глядя на мое изменившееся лицо. — В жизни мне такой человек еще не попадался.

— Расскажите же, какой он! Как он выглядит?

— Он, может быть, очень похож на вас.

— Какая вы добрая! Тогда чего же мне не хватает? Достаточно одного вашего слова! Что он — трезвен-

ник, вегетарианец, аэронавт, теософ, сверхчеловек? Я согласен на все, Глэдис, только скажите мне, что вам нужно!

Такая податливость рассмешила ее.

— Прежде всего вряд ли мой идеал стал бы так говорить. Он натура гораздо более твердая, суровая и не захочет с такой готовностью приспосабливаться к глупым женским капризам. Но что самое важное — он человек действия, человек, который безбоязненно взглянет смерти в глаза, человек великих дел, богатый опытом, и необычным опытом. Я полюблю не его самого, но его славу, потому что отсвет ее падет и на меня. Вспомните Ричарда Бертона. Когда я прочла биографию этого человека, написанную его женой, мне стало понятно, за что она любила его. А леди Стенли? Вы помните замечательную последнюю главу из ее книги о муже? Вот перед какими мужчинами должна преклоняться женщина! Вот любовь, которая не умаляет, а возвеличивает, потому что весь мир будет чтить такую женщину как вдохновительницу великих деяний!

Глэдис была так прекрасна в эту минуту, что я чуть было не нарушил возвышенного тона нашей беседы, однако вовремя сдержал себя и продолжал спор.

— Не всем же быть Бертонами и Стенли, — сказал я. — Да и возможности такой не представляется. Мне, во всяком случае, не представилось, а я бы ею воспользовался!

— Нет, такие случаи представляются на каждом шагу. В том-то и сущность моего идеала, что он сам идет навстречу подвигу. Его не остановят никакие препятствия. Я еще не нашла такого героя, но вижу его как живого. Да, человек — сам творец своей славы. Мужчины должны совершать подвиги, а женщины — награждать героев любовью. Вспомните того молодого француза, который несколько дней назад поднялся на воздушном шаре. В то утро бушевал ураган, но подъем

был объявлен заранее, и он ни за что не захотел его откладывать. За сутки воздушный шар отнесло на полторы тысячи миль, куда-то в самый центр России, где этот смельчак и опустился. Вот о таком человеке я и говорю. Подумайте о женщине, которая его любит. Какую, наверно, она возбуждает зависть у других! Пусть же мне тоже завидуют, что у меня муж — герой!

— Ради вас я сделал бы то же самое!

— Только ради меня? Нет, это не годится! Вы должны пойти на подвиг потому, что иначе не можете, потому, что такова ваша природа, потому, что мужское начало в вас требует своего выражения. Вот, например, вы писали о взрыве на угольной шахте в Вигане. А почему вам было не спуститься туда самому и не помочь людям, которые задыхались от удушливого газа?

— Я спускался.

— Вы ничего об этом не рассказывали.

— А что тут особенного?

— Я этого не знала. — Она с интересом посмотрела на меня. — Смелый поступок!

— Мне ничего другого не оставалось. Если хочешь написать хороший очерк, надо самому побывать на месте происшествия.

— Какой прозаический мотив! Это сводит на нет всю романтику. Но все равно, я очень рада, что вы спускались в шахту.

Я не мог не поцеловать протянутой мне руки — столько грации и достоинства было в этом движении.

— Вы, наверное, считаете меня сумасбродкой, не расставшейся с девическими мечтами. Но они так реальны для меня! Я не могу не следовать им — это вошло в мою плоть и кровь. Если я когда-нибудь выйду замуж, то только за знаменитого человека.

— Как же может быть иначе! — воскликнул я. — Кому же и вдохновлять мужчин, как не таким женщинам! Пусть мне только представится подходящий слу-

чай, и тогда посмотрим, сумею ли я воспользоваться им. Вы говорите, что человек должен сам творить свою славу, а не ждать, когда она придет ему в руки. Да вот хотя бы Клайв! Скромный клерк, а покорил Индию! Нет, клянусь вам, я еще покажу миру, на что я способен!

Глэдис рассмеялась над вспышкой моего ирландского темперамента.

— Что ж, действуйте. У вас есть для этого все — молодость, здоровье, силы, образование, энергия. Мне стало очень грустно, когда вы начали этот разговор. А теперь я рада, что он пробудил в вас такие мысли.

— А если я...

Ее рука, словно мягкий бархат, коснулась моих губ.

— Ни слова больше, сэр! Вы и так уже на полчаса опоздали в редакцию. У меня просто не хватало духу напомнить вам об этом. Но со временем, если вы завоюете себе место в мире, мы, может быть, возобновим наш сегодняшний разговор.

И вот почему я, такой счастливый, догонял в тот туманный ноябрьский вечер кемберуэллский трамвай, твердо решив не упускать ни одного дня в поисках великого деяния, которое будет достойно моей прекрасной дамы. Но кто мог предвидеть, какие невероятные формы примет это деяние и какими странными путями я приду к нему.

Читатель, пожалуй, скажет, что эта вводная глава не имеет никакой связи с моим повествованием, но без нее не было бы и самого повествования, ибо кто, как не человек, воодушевленный мыслью, что он сам творец своей славы, и готовый на любой подвиг, способен так решительно порвать с привычным образом жизни и пуститься наугад в окутанную таинственным сумраком страну, где его ждут великие приключения и великая награда за них!

Представьте же себе, как я, пятая спица в колеснице «Дейли-газетт», провел этот вечер в редакции, когда

в голове моей созрело непоколебимое решение: если удастся, сегодня же найти возможность совершить подвиг, который будет достоин моей Глэдис. Что руководило этой девушкой, заставившей меня рисковать жизнью ради ее прославления, — бессердечие, эгоизм? Такие мысли могут смущать в зрелом возрасте, но никак не в двадцать три года, когда человек познает пыл первой любви.

Глава II

ПОПЫТАЙТЕ СЧАСТЬЯ У ПРОФЕССОРА ЧЕЛЛЕНДЖЕРА

Я всегда любил нашего редактора отдела «Последние новости», рыжего ворчуна Мак-Ардла, и полагаю, что он тоже неплохо ко мне относился. Нашим настоящим властелином был, разумеется, Бомонт, но он обычно обитал в разреженной атмосфере олимпийских высот, откуда взору его открывались только такие события, как международные кризисы или крах кабинета министров. Иногда мы видели, как он величественно шествует в свое святилище, устремив взгляд в пространство и витая мысленно где-нибудь на Балканах или в Персидском заливе. Для нас Бомонт оставался недосягаемым, и мы обычно имели дело с Мак-Ардлом, который был его правой рукой.

Когда я вошел в редакцию, старик кивнул мне и сдвинул очки на лысину.

— Ну-с, мистер Мелоун, судя по всему, что мне приходится слышать, вы делаете успехи, — приветливо сказал он.

Я поблагодарил его.

— Ваш очерк о взрыве на шахте превосходен. То же самое могу сказать и про корреспонденцию о пожаре в Саутуорке. У вас все данные хорошего журналис-

та. Вы пришли по какому-нибудь делу?

— Хочу попросить вас об одном одолжении.

Глаза у Мак-Ардла испуганно забегали по сторонам.

— Гм! Гм! А в чем дело?

— Не могли бы вы, сэр, послать меня с каким-нибудь поручением от нашей газеты? Я сделаю все, что в моих силах, и привезу вам интересный материал.

— А какое поручение вы имеете в виду, мистер Мелоун?

— Любое, сэр, лишь бы оно было сопряжено с приключениями и опасностями. Я не подведу газету, сэр. И чем труднее мне будет, тем лучше.

— Вы, кажется, не прочь распроститься с жизнью?

— Нет, я не хочу, чтобы она прошла впустую, сэр.

— Дорогой мой мистер Мелоун, вы уж слишком... слишком воспарили. Времена не те. Расходы на специальных корреспондентов перестали оправдывать себя. И, во всяком случае, такие поручения даются человеку с именем, который уже завоевал доверие публики. Белые пятна на карте давно заполнены, а вы ни с того ни с сего размечтались о романтических приключениях! Впрочем, постойте, — добавил он и вдруг улыбнулся. — Кстати, о белых пятнах. А что, если мы развенчаем одного шарлатана, современного Мюнхаузена, и поднимем его на смех? Отчего бы вам не разоблачить его ложь? Это будет неплохо. Ну, как вы на это смотрите?

— Что угодно, куда угодно — я готов на все!

Мак-Ардл погрузился в размышления.

— Есть один человек, — сказал он наконец, — только не знаю, удастся ли вам завязать с ним знакомство или хотя бы добиться интервью. Впрочем, у вас, кажется, есть дар располагать к себе людей. Не пойму, в чем тут дело — то ли вы такой уж симпатичный юноша, то ли это животный магнетизм, то ли ваша жизнерадостность, — но я сам на себе это испытал.

— Вы очень добры ко мне, сэр.

— Так вот, почему бы вам не попытать счастья у профессора Челленджера? Он живет в Энмор-Парке.

Должен признаться, что я был несколько озадачен таким предложением.

— Челленджер? Знаменитый зоолог профессор Челленджер? Это не тот, который проломил череп Бланделлу из «Телеграфа»?

Редактор отдела «Последние новости» мрачно усмехнулся:

— Что, не нравится? Вы же были готовы на любое приключение.

— Нет, почему же? В нашем деле бывает всякое, сэр, — ответил я.

— Совершенно верно. Впрочем, не думаю, чтобы он всегда бывал в таком свирепом настроении. Бланделл, очевидно, не вовремя к нему попал или не так с ним обошелся. Надеюсь, что вы будете удачливее. Полагаюсь также на присущий вам такт. Это как раз по вашей части, а газета охотно поместит такой материал.

— Я ровным счетом ничего не знаю об этом Челленджере. Помню только его имя в связи с судебным процессом об избиении Бланделла, — сказал я.

— Кое-какие сведения у меня найдутся, мистер Мелоун. В свое время я интересовался этим субъектом. — Он вынул из ящика лист бумаги. — Вот вкратце, что о нем известно: «*Челленджер Джордж Эдуард*. Родился в Ларгсе в 1863 году. *Образование*: школа в Ларгсе, Эдинбургский университет. В 1892 году — ассистент Британского музея. В 1893 году — помощник хранителя отдела в Музее сравнительной антропологии. В том же году покинул это место, обменявшись ядовитыми письмами с директором музея. Удостоен медали за научные исследования в области зоологии. Член иностранных обществ...» Ну, тут следует длиннейшее перечисление, строк на десять петита: Бельгийское общество, Американская академия, Ла-Плата и так далее,

экс-президент Палеонтологического общества, Британская ассоциация и тому подобное. *Печатные труды*: «К вопросу о строении черепа калмыков», «Очерки эволюции позвоночных» и множество статей, в том числе «Ложная теория Вейсмана», вызвавшая горячие споры на Венском зоологическом конгрессе. *Любимые развлечения*: пешеходные прогулки, альпинизм. *Адрес*: Энмор-Парк, Кенсингтон». Вот, возьмите это с собой. Сегодня я вам больше ничем не могу помочь.

Я спрятал листок в карман и, увидев, что вместо краснощекой физиономии Мак-Ардла на меня смотрит его розовая лысина, сказал:

— Одну минутку, сэр. Мне не совсем ясно, по какому вопросу нужно взять интервью у этого джентльмена. Что он такое совершил?

Глазам моим снова предстала краснощекая физиономия.

— Что он совершил? Два года назад отправился один в экспедицию в Южную Америку. Вернулся оттуда в прошлом году. В Южной Америке побывал, несомненно, однако указать точно, где именно, отказывается. Начал было весьма туманно излагать свои приключения, но после первой же придирки замолчал, как устрица. Произошли, по-видимому, какие-то чудеса, если только он не преподносит нам грандиозную ложь, что, кстати сказать, более чем вероятно. Ссылается на испорченные фотографии, как утверждают, фальсифицированные. До того его довели, что он стал буквально кидаться на всех, кто обращается к нему с вопросами, и уже не одного репортера спустил с лестницы. На мой взгляд, это просто-напросто профан, балующийся наукой и к тому же одержимый манией человекоубийства. Вот с кем вам придется иметь дело, мистер Мелоун. А теперь марш отсюда и постарайтесь выжать из него все, что можно. Вы человек взрослый и сумеете постоять за себя. В конце концов риск не так уж велик, принимая во

внимание закон об ответственности работодателей.

Ухмыляющаяся красная физиономия снова скрылась у меня из глаз, и я увидел розовый овал, окаймленный рыжеватым пушком. Наша беседа была закончена.

Я отправился в свой клуб «Дикарь», но по дороге остановился у парапета Адельфи-Террас и в раздумье долго смотрел вниз на темную, подернутую радужными масляными разводами реку. На свежем воздухе мне всегда приходят в голову здравые, ясные мысли. Я вынул лист бумаги с перечнем всех подвигов профессора Челленджера и пробежал его при свете уличного фонаря. И тут на меня нашло вдохновение, иначе это никак не назовешь. Судя по всему, что я уже узнал об этом сварливом профессоре, было ясно: репортеру к нему не пробраться. Но скандалы, дважды упоминавшиеся в его краткой биографии, говорили о том, что он фанатик науки. Так вот, нельзя ли сыграть на этой его слабости? Попробуем!

Я вошел в клуб. Было начало двенадцатого, и в гостиной уже толпился народ, хотя до полного сбора было еще далеко. В кресле у камина сидел какой-то высокий, худой человек. Он повернулся ко мне лицом в ту минуту, когда я пододвинул свое кресло ближе к огню. О такой встрече я мог только мечтать! Это был сотрудник журнала «Природа» — тощий, весь высохший Тарп Генри, добрейшее существо в мире. Я немедленно приступил к делу.

— Что вы знаете о профессоре Челленджере?

— О Челленджере? — Тарп недовольно нахмурился. — Челленджер — это тот самый человек, который рассказывал всякие небылицы о своей поездке в Южную Америку.

— Какие небылицы?

— Да он будто бы открыл там каких-то диковинных животных. В общем, невероятная чушь. В дальнейшем его, кажется, заставили отречься от своих слов. Во вся-

ком случае, он замолчал. Последняя его попытка — интервью, данное Рейтеру. Но оно вызвало такую бурю, что он сразу понял: дело плохо. Вся эта история носит скандальный характер. Кое-кто принял его рассказы всерьез, но вскоре он и этих немногочисленных защитников оттолкнул от себя.

— Каким образом?

— Своей невероятной грубостью и возмутительным поведением. Бедняга Уэдли из Зоологического института тоже нарвался на неприятность. Послал ему письмо такого содержания: «Президент Зоологического института выражает свое уважение профессору Челленджеру и сочтет за любезность с его стороны, если он окажет институту честь присутствовать на его очередном заседании». Ответ был совершенно нецензурный.

— Да не может быть!

— В сильно смягченном виде он звучит так: «Профессор Челленджер выражает свое уважение президенту Зоологического института и сочтет за любезность с его стороны, если он провалится ко всем чертям».

— Господи боже!

— Да, то же самое, должно быть, сказал и старик Уэдли. Я помню его вопль на заседании: «За пятьдесят лет общения с деятелями науки...» Старик совершенно потерял почву под ногами.

— Ну, а что еще вы мне расскажете об этом Челленджере?

— Да ведь я, как вам известно, бактериолог. Живу в мире, который виден в микроскоп, дающий увеличение в девятьсот раз, а то, что открывается невооруженному глазу, меня мало интересует. Я стою на страже у самых пределов Познаваемого, и, когда мне приходится покидать свой кабинет и сталкиваться с людьми, существами неуклюжими и грубыми, это всегда выводит меня из равновесия. Я человек сторонний, мне не до сплетен, но тем не менее кое-что из пересудов о Челленджере дошло и до меня, ибо он не из тех

людей, от которых можно просто-напросто отмахнуться. Челленджер — умница. Это сгусток человеческой силы и жизнеспособности, но в то же время он оголтелый фанатик и к тому же не стесняется в средствах для достижения своих целей. Этот человек дошел до того, что ссылается на какие-то фотографии, явно фальсифицированные, утверждая, будто они привезены из Южной Америки.

— Вы назвали его фанатиком. В чем же его фанатизм проявляется?

— Да в чем угодно! Последняя его выходка — нападки на теорию эволюции Вейсмана. Говорят, что в Вене он устроил грандиозный скандал по этому поводу.

— Вы не можете рассказать подробнее, в чем тут дело?

— Нет, сейчас не могу, но у нас в редакции есть переводы протоколов Венского конгресса. Если хотите ознакомиться, пойдемте, я покажу их вам.

— Это было бы очень кстати. Мне поручено взять интервью у этого субъекта, так вот надо подобрать к нему какой-то ключ. Большое вам спасибо за помощь. Если еще не поздно, то пойдемте.

Полчаса спустя я сидел в редакции журнала, а передо мной лежал объемистый том, открытый на статье «Вейсман против Дарвина» с подзаголовком «Бурные протесты в Вене. Оживленные прения». Мои научные познания не отличаются фундаментальностью, поэтому я не мог вникнуть в самую суть спора, тем не менее мне сразу стало ясно, что английский профессор вел его в крайне резкой форме, чем сильно разгневал своих континентальных коллег. Я обратил внимание на первые же три пометки в скобках: «Протестующие возгласы с мест», «Шум в зале», «Общее возмущение». Остальная часть отчета была для меня настоящей китайской грамотой. Я до такой степени мало разбирался в вопросах зоологии, что ничего не понял.

— Вы хоть бы перевели мне это на человеческий язык! — жалобно взмолился я, обращаясь к своему коллеге.

— Да это и есть перевод!

— Тогда я лучше обращусь к оригиналу.

— Действительно, непосвященному трудно понять, в чем тут дело.

— Мне бы только извлечь из всей этой абракадабры одну-единственную осмысленную фразу, которая заключала бы в себе какое-то определенное содержание! Ага, вот эта, кажется, подойдет. Я даже почти понимаю ее. Сейчас перепишем. Пусть она послужит связующим звеном между мной и вашим грозным профессором.

— Больше от меня ничего не потребуется?

— Нет-нет, подождите! Я хочу обратиться к нему с письмом. Если вы разрешите написать его здесь и воспользоваться вашим адресом, это придаст более внушительный тон моему посланию.

— Тогда этот субъект немедленно нагрянет сюда со скандалом и переломает нам всю мебель.

— Нет, что вы! Письмо я вам покажу. Уверяю вас, там не будет ничего оскорбительного.

— Ну что ж, садитесь за мой стол. Бумагу найдете вод здесь. И, прежде чем отсылать письмо, дайте его мне на цензуру.

Мне пришлось порядочно потрудиться, но в конце концов результаты получились неплохие. Гордый своим произведением, я прочел его вслух скептически настроенному бактериологу.

— «Глубокоуважаемый профессор Челленджер! Будучи скромным естествоиспытателем, я с глубочайшим интересом следил за теми предположениями, которые Вы высказывали по поводу противоречий между теориями Дарвина и Вейсмана. Недавно мне представилась возможность освежить в памяти Ваше...»

— Бессовестный лгун! — пробормотал Тарп Генри.

— «...Ваше блестящее выступление на Венском конгрессе. Этот предельно четкий по изложенным в нем мыслям доклад следует считать последним словом науки в области естествознания. Однако там есть одно место, а именно: «Я категорически возражаю против неприемлемого и сверхдогматического утверждения, будто каждый обособленный индивид есть микрокосм, обладающий исторически сложившимся строением организма, вырабатывавшимся постепенно в течение многих поколений». Не считаете ли Вы нужным в связи с последними изысканиями в этой области внести некоторые поправки в свою точку зрения? Нет ли в ней некоторой натяжки? Не откажите в любезности принять меня, так как мне крайне важно разрешить этот вопрос, а некоторые возникшие у меня мысли можно развить только в личной беседе. С Вашего позволения, я буду иметь честь посетить Вас послезавтра (в среду) в одиннадцать часов утра. Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой,

уважающий Вас *Эдуард Д. Мелоун*».

— Ну, как? — торжествующе спросил я.

— Что ж, если ваша совесть не протестует...

— Она меня никогда не подводила.

— Но что вы собираетесь делать дальше?

— Пойду к нему. Мне бы только пробраться в его кабинет, а там я соображу, как надо действовать. Может быть, даже придется чистосердечно во всем покаяться. Если в нем есть спортивная жилка, я ему только угожу этим.

— Угодите? Берегитесь, как бы он в вас сам не угодил чем-нибудь тяжелым. Советую вам облачиться в кольчугу или в американский футбольный костюм. Ну, всего хорошего. Ответ будет ждать вас здесь в среду утром, если только он соблаговолит ответить. Это свирепый, опасный субъект, предмет всеобщей неприязни и посмешище для студентов, поскольку они не боятся

дразнить его. Для вас, пожалуй, было бы лучше, если б вы никогда и не слыхали о нем.

Глава III

ЭТО СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Опасениям или надеждам моего друга не суждено было оправдаться. Когда я зашел к нему в среду, меня ждало письмо с кенсингтонским штемпелем. Адрес был нацарапан почерком, похожим на колючую проволоку. Содержание письма было следующее:

«Энмор-Парк, Кенсингтон.

Сэр!

Я получил Ваше письмо, в котором Вы заверяете меня, что поддерживаете мою точку зрения, каковая, впрочем, не нуждается ни в чьей поддержке. Говоря о моей теории по поводу дарвинизма, Вы взяли на себя смелость употребить слово «предположения». Считаю необходимым отметить, что в данном контексте оно является до некоторой степени оскорбительным. Впрочем, содержание Вашего письма убеждает меня, что Вас можно обвинить скорее в невежестве и бестактности, чем в каких-либо дурных намерениях, а посему это пройдет Вам безнаказанным. Вы цитируете выхваченную из моего доклада фразу и, видимо, не совсем понимаете ее. Мне казалось, что смысл этой фразы может остаться неясным только для существа, стоящего на самой низшей ступени развития, но если она действительно требует дополнительного толкования, то я согласен принять Вас в указанное Вами время, хотя всякие посещения и всякие посетители мне крайне неприятны. Что же касается «некоторых поправок» к мо-

ей теории, то да будет Вам известно, что, высказав по зрелом рассуждении свои взгляды, я не имею привычки менять их. Когда Вы придете, будьте любезны показать конверт от этого письма моему лакею Остину, ибо ему вменяется в обязанность ограждать меня от навязчивых негодяев, именующих себя репортерами.

Уважающий Вас *Джордж Эдуард Челленджер*».

Таков был полученный мною ответ, и я прочитал его вслух Тарпу Генри, который нарочно пришел пораньше в редакцию, чтобы узнать результаты моей смелой попытки. Тарп ограничился лишь следующим замечанием:

— Говорят, есть какое-то кровоостанавливающее средство — кутикура или что-то в этом роде, действует лучше арники.

Странным и непонятным чувством юмора наделены некоторые люди!

Я получил письмо в половине одиннадцатого, но кэб без опозданий доставил меня к месту моего назначения. Дом, у которого мы остановились, был весьма внушительного вида, с большим порталом и тяжелыми шторами на окнах, что свидетельствовало о благосостоянии этого грозного профессора. Дверь мне открыл смуглый, сухонький человек неопределенного возраста, в черной матросской куртке и коричневых кожаных гетрах. Впоследствии я узнал, что это был шофер, которому приходилось выполнять самые разнообразные обязанности, так как лакеи в этом доме не уживались. Его светло-голубые глаза испытующе оглядели меня с головы до ног.

— Вас ожидают? — спросил он.

— Да, мне назначено.

— Письмо при вас?

Я показал конверт.

— Правильно.

Этот человек явно не любил тратить слов попусту. Я последовал за ним по коридору, как вдруг навстречу мне из дверей, ведущих, должно быть, в столовую, быстро вышла женщина. Живая, черноглазая, она походила скорее на француженку, чем на англичанку.

— Одну минутку, — сказала эта леди. — Подождите, Остин. Пройдите сюда, сэр. Разрешите вас спросить, вы встречались раньше с моим мужем?

— Нет, сударыня, не имел чести.

— Тогда я заранее приношу вам свои извинения. Должна вас предупредить, что это совершенно невозможный человек, в полном смысле слова невозможный! Зная это, вы будете снисходительнее к нему.

— Я ценю такое внимание, сударыня.

— Как только вы заметите, что он начинает выходить из себя, сейчас же бегите вон из комнаты. Не перечьте ему. За такую неосторожность уже многие поплатились. А потом дело получает огласку, и это очень плохо отражается и на мне, и на всех нас. О чем вы собираетесь говорить с ним — не о Южной Америке?

Я не могу лгать женщинам.

— Боже мой! Это самая опасная тема. Вы не поверите ни единому его слову, и, по правде сказать, это вполне естественно. Только не выражайте своего недоверия вслух, а то он начнет буйствовать. Притворитесь, что верите ему, тогда, может быть, все сойдет благополучно. Не забывайте, он убежден в собственной правоте. В этом вы можете не сомневаться. Он сама честность. Теперь идите — как бы ему не показалась подозрительной такая задержка, — а когда увидите, что он становится опасен, по-настоящему опасен, позвоните в колокольчик и постарайтесь сдержать его до моего прихода. Я обычно справляюсь с ним даже в самые тяжелые минуты.

С этим ободряющим напутствием леди передала меня на попечение молчаливого Остина, который во время нашей краткой беседы стоял, словно вылитая из

бронзы статуя, олицетворяющая величайшую скромность. Он повел меня дальше. Стук в дверь, ответный рев разъяренного быка изнутри, и я оказался лицом к лицу с профессором.

Он сидел на вращающемся стуле за широким столом, заваленным книгами, картами, чертежами. Как только я переступил порог, вращающийся стул круто повернулся. У меня перехватило дыхание при виде этого человека. Я был готов встретить не совсем обычную личность, но такое мне даже не мерещилось. Больше всего поражали его размеры. Размеры и величественная осанка. Такой огромной головы мне в жизни не приходилось видеть. Если б я осмелился примерить его цилиндр, то, наверно, ушел бы в него по самые плечи. Лицо и борода профессора невольно вызывали в уме представление об ассирийских быках. Лицо большое, мясистое, борода квадратная, иссиня-черная, волной спадающая на грудь. Необычное впечатление производили и волосы — длинная прядь, словно приклеенная, лежала на его высоком, крутом лбу. У него были ясные серо-голубые глаза под мохнатыми черными бровями, и он взглянул на меня критически и весьма властно. Я увидел широчайшие плечи, могучую грудь колесом и две огромные руки, густо заросшие длинными черными волосами. Если прибавить ко всему этому раскатисто-рыкающий, громоподобный голос, то вы поймете, каково было мое первое впечатление от встречи со знаменитым профессором Челленджером.

— Ну? — сказал он, с вызывающим видом уставившись на меня. — Что вам угодно?

Мне стало ясно, что если я сразу во всем признаюсь, то это интервью не состоится.

— Вы были настолько добры, сэр, что согласились принять меня, — смиренно начал я, протягивая ему конверт.

Он вынул из ящика стола мое письмо и положил

его перед собой.

— Ах, вы тот самый молодой человек, который не понимает азбучных истин? Однако, насколько я могу судить, мои общие выводы удостоились вашей похвалы?

— Безусловно, сэр, безусловно! — Я постарался вложить в эти слова всю силу убеждения.

— Скажите пожалуйста! Как это подкрепляет мои позиции! Ваш возраст и ваша внешность делают такую поддержку вдвойне ценной. Ну что ж, лучше уж иметь дело с вами, чем со стадом свиней, которые набросились на меня в Вене, хотя их визг не более оскорбителен, чем хрюканье английского борова. — И он яростно сверкнул на меня глазами, сразу сделавшись похожим на представителя вышеупомянутого племени.

— Они, кажется, вели себя возмутительно, — сказал я.

— Ваше сочувствие неуместно! Смею вас уверить, что я сам могу справиться со своими врагами. Прите Джорджа Эдуарда Челленджера спиной к стене, сэр, и большей радости вы ему не доставите. Так вот, сэр, давайте сделаем все возможное, чтобы сократить ваш визит. Вас он вряд ли осчастливит, а меня и подавно. Насколько я понимаю, вы хотели высказать какие-то свои соображения по поводу тех тезисов, которые я выдвинул в докладе.

В его манере разговаривать была такая бесцеремонная прямолинейность, что хитрить с ним оказалось нелегко. Все-таки я решил затянуть эту игру в расчете на то, что мне представится возможность сделать лучший ход. На расстоянии все складывалось так просто! О, моя ирландская находчивость, неужели ты не поможешь мне сейчас, когда я больше всего в тебе нуждаюсь? Пронзительный взгляд стальных глаз лишал меня сил.

— Ну-с, не заставляйте себя ждать! — прогремел профессор.

— Я, разумеется, только начинаю приобщаться к науке, — сказал я с глупейшей улыбкой, — и не претендую на большее, чем звание скромного исследователя. Тем не менее мне кажется, что в этом вопросе вы проявили излишнюю строгость к Вейсману. Разве полученные с тех пор доказательства не... не укрепляют его позиции?

— Какие доказательства? — Он проговорил это с угрожающим спокойствием.

— Мне, разумеется, известно, что *прямых* доказательств пока еще нет. Я ссылаюсь, если можно так выразиться, на общий ход современной научной мысли.

Профессор наклонился над столом, устремив на меня сосредоточенный взгляд.

— Вам должно быть известно, — сказал он, загибая по очереди пальцы на левой руке, — что, во-первых, черепной указатель есть фактор постоянный.

— Безусловно! — ответил я.

— И что телегония пока еще sub judice [1]?

— Несомненно!

— И что зародышевая плазма отличается от партеногенетического яйца?

— Ну еще бы! — воскликнул я, восхищаясь собственной наглостью.

— А что это доказывает? — спросил он мягким, вкрадчивым голосом.

— И в самом деле, — промямлил я, — что же это доказывает?

— Сказать вам? — все так же вкрадчиво проговорил профессор.

— Будьте так любезны.

— Это доказывает, — с неожиданной яростью взревел он, — что второго такого шарлатана не найдется во всем Лондоне! Вы гнусный, наглый репортеришка, который имеет столь же отдаленное понятие о науке,

---

[1] Под сомнением *(лат.)*.

сколь и о минимальной человеческой порядочности!

Он вскочил со стула. Глаза его горели сумасшедшей злобой. И все же даже в эту напряженную минуту я не мог не изумиться, увидев, что профессор Челленджер маленького роста. Он был мне по плечо — эдакий приплюснутый Геркулес, вся огромная жизненная мощь которого словно ушла вширь, вглубь да еще в черепную коробку.

— Я молол чепуху, сэр! — возопил он, опершись руками о стол и вытянув вперед шею. — Я нес несусветный вздор! И вы вздумали тягаться со мной — вы, у которого весь мозг с лесной орешек! Эти проклятые писаки возомнили себя всесильными! Они думают, будто одного их слова достаточно, чтобы возвеличить человека или смешать его с грязью. Мы все должны кланяться им в ножки, вымаливая похвалу. Вот этому надо оказать протекцию, а этого изничтожить... Я знаю вашу подлую натуру! Уж очень высоко вы стали забирать! Было время, ходили смирненькие, а теперь зарвались, удержу вам нет. Пустомели несчастные! Я поставлю вас на место! Да, сэр, Джордж Эдуард Челленджер вам не пара. Этот человек не позволит собой командовать. Он предупреждал вас, но если вы все-таки лезете к нему, пеняйте потом на себя. Фант, любезнейший мистер Мелоун! С вас причитается фант! Вы затеяли опасную игру и, на мой взгляд, остались в проигрыше.

— Послушайте, сэр, — сказал я, пятясь к двери и открывая ее, — вы можете браниться, сколько вашей душе угодно, но всему есть предел. Я не позволю налетать на меня с кулаками!

— Ах, не позволите? — он начал медленно, с угрожающим видом наступать на меня, потом вдруг остановился и сунул свои огромные ручищи в карманы коротенькой куртки, приличествующей больше мальчику, чем взрослому мужчине. — Мне не впервой выкидывать из дома таких субъектов. Вы будете четвертым или

пятым по счету. За каждого уплачен штраф в среднем по три фунта пятнадцать шиллингов. Дороговато, но ничего не поделаешь: необходимость! А теперь, сэр, почему бы вам не пойти по стопам ваших коллег? Я лично думаю, что это неизбежно. — Он снова начал свое крайне неприятное для меня наступление, выставляя носки в стороны, точно заправский учитель танцев.

Я мог бы стремглав броситься в холл, но счел такое бегство позорным. Кроме того, справедливый гнев уже начинал разгораться у меня в душе. До сих пор мое поведение было в высшей степени предосудительно, но угрозы этого человека сразу вернули мне чувство собственной правоты.

— Руки прочь, сэр! Я не потерплю этого!

— Скажите, пожалуйста! — Его черные усы вздернулись кверху, между раздвинувшимися в злобной усмешке губами сверкнули ослепительно белые клыки. — Так вы этого не потерпите?

— Не стройте из себя дурака, профессор! — крикнул я. — На что вы рассчитываете? Во мне больше двухсот фунтов весу. Я крепок, как железо, и каждую субботу играю в регби в ирландской сборной. Вам со мной не...

Но в эту минуту он ринулся на меня. К счастью, я уже успел открыть дверь, иначе от нее остались бы одни щепки. Мы колесом прокатились по всему коридору, каким-то образом прихватив по дороге стул. Профессорская борода забила мне весь рот, мы стискивали друг друга в объятиях, тела наши тесно переплелись, а ножки этого проклятого стула так и крутились над нами. Бдительный Остин распахнул настежь входную дверь. Мы кувырком скатились вниз по ступенькам. Я видел, как братья Мэк исполняли нечто подобное в мюзик-холле, но, должно быть, этот аттракцион требует некоторой практики, иначе без членовредительства не обойтись. Ударившись о последнюю ступеньку, стул

рассыпался на мелкие кусочки, а мы, уже порознь, очутились в водосточной канаве. Профессор вскочил на ноги, размахивая кулаками и хрипя, как астматик.

— Довольно с вас? — крикнул он, еле переводя дух.

— Хулиган! — ответил я и с трудом поднялся с земли.

Мы чуть было не схватились снова, так как боевой дух еще не угас в профессоре, но судьба вывела меня из этого дурацкого положения. Рядом с нами вырос полисмен с записной книжкой в руках.

— Что это значит? Как вам не совестно! — сказал он. Это были самые здравые слова, которые мне пришлось услышать в Энмор-Парке. — Ну, — допытывался полисмен, обращаясь ко мне, — объясните, что это значит.

— Он сам на меня напал, — сказал я.

— Это верно, что вы первый напали? — спросил полисмен.

Профессор только засопел в ответ.

— И это не первый случай, — сказал полисмен, строго покачивая головой. — У вас и в прошлом месяце были неприятности по точно такому же поводу. У молодого человека подбит глаз. Вы предъявляете ему обвинение, сэр?

Я вдруг сменил гнев на милость.

— Нет, не предъявляю.

— Это почему же? — спросил полисмен.

— Тут есть и моя доля вины. Я сам к нему напросился. Он честно предостерегал меня.

Полисмен захлопнул книжку.

— Чтобы эти безобразия больше не повторялись, — сказал он. — Ну, нечего! Расходитесь! Расходитесь!

Это относилось к мальчику из мясной лавки, к горничной и двум-трем зевакам, которые уже успели собраться вокруг нас. Полисмен тяжело зашагал по тротуару, гоня перед собой это маленькое стадо. Профессор взглянул на меня, и в глазах у него

мелькнула смешливая искорка.

— Входите! — сказал он. — Наша беседа еще не кончилась.

Хотя эти слова прозвучали зловеще, но я последовал за ним в дом. Лакей Остин, похожий на деревянную статую, закрыл за нами дверь.

Глава IV

ЭТО ВЕЛИЧАЙШЕЕ В МИРЕ ОТКРЫТИЕ!

Не успела дверь за нами захлопнуться, как из столовой выбежала миссис Челленджер. Эта крошечная женщина была вне себя от гнева. Она стала перед своим супругом, точно растревоженная клушка, грудью встречающая бульдога. Очевидно, миссис Челленджер была свидетельницей моего изгнания, но не заметила, что я уже успел вернуться.

— Джордж! Какое зверство! — возопила она. — Ты искалечил этого милого юношу!

— Вот он сам, жив и невредим!

Миссис Челленджер смутилась, но быстро овладела собой.

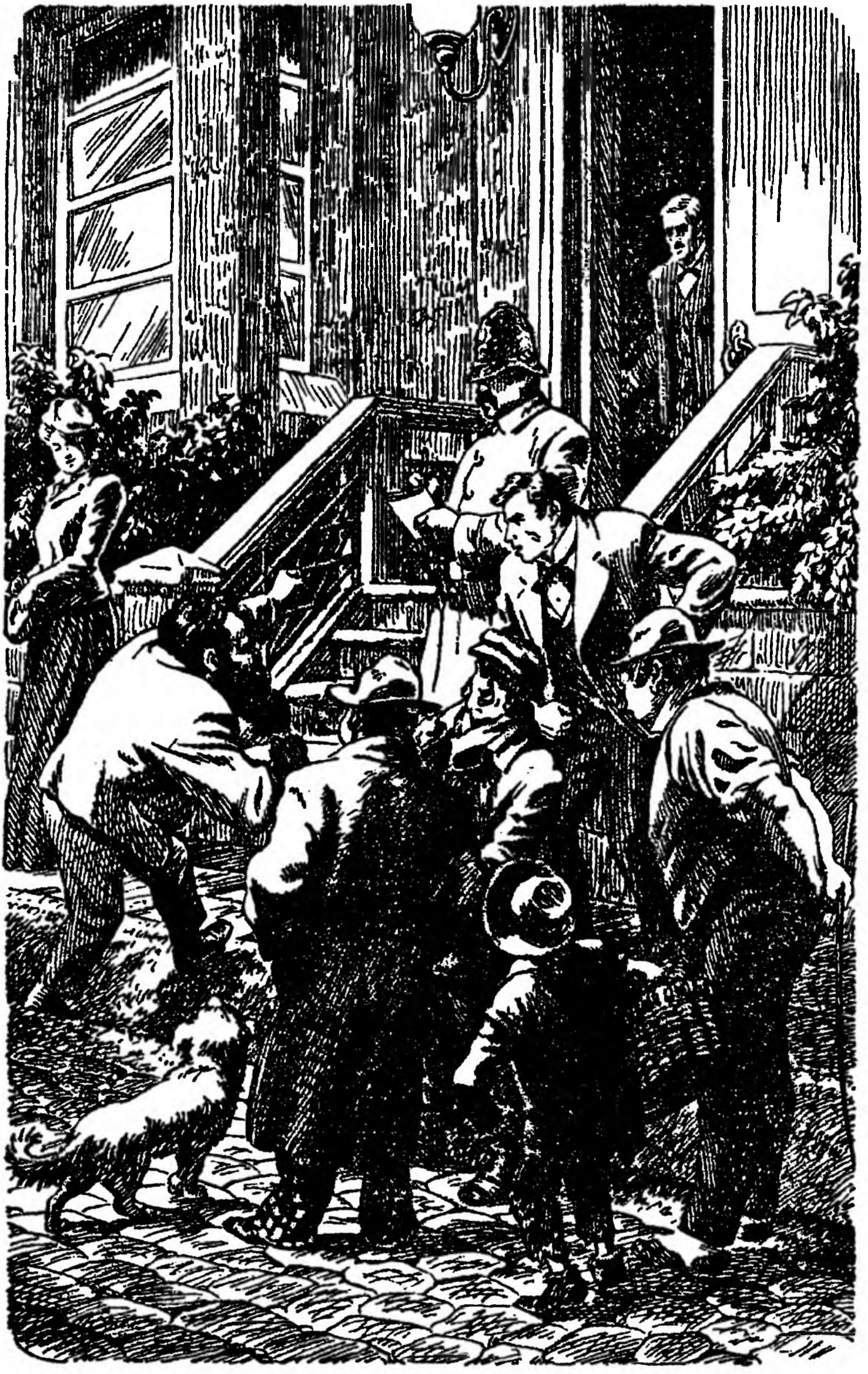
— Простите, я вас не видела.

— Не беспокойтесь, сударыня, ничего страшного не случилось.

— Но он поставил вам синяк под глазом! Какое безобразие! У нас недели не проходит без скандала! Тебя все ненавидят, Джордж, над тобой все издеваются! Нет, моему терпению пришел конец! Это переполнило чашу!

— Перетряхиваешь грязное белье на людях! — загремел профессор.

— Это ни для кого не тайна! — крикнула она. — Неужели ты думаешь, что всей нашей улице, да если

уж на то пошло — всему Лондону не известно... Остин, вы нам не нужны, можете идти. Тебе перемывают косточки все кому не лень. Ты забываешь о чувстве собственного достоинства. Ты, которому следует быть профессором в большом университете, пользоваться уважением студентов! Где твое достоинство, Джордж?

— А где твое, моя дорогая?

— Ты довел меня бог знает до чего! Хулиган, отъявленный хулиган! Вот во что ты превратился!

— Джесси, возьми себя в руки.

— Беспардонный скандалист!

— Довольно! К позорному столбу за такие слова! — сказал профессор.

И, к моему величайшему изумлению, он нагнулся, поднял жену и поставил ее на высокий постамент из черного мрамора, стоявший в углу холла. Постамент этот, вышиной по меньшей мере в семь футов, был такой узкий, что миссис Челленджер еле могла удержаться на нем. Трудно было представить себе более нелепое зрелище — боясь свалиться оттуда, она словно окаменела с искаженным от ярости лицом и только чуть переступала с ноги на ногу.

— Сними меня! — наконец взмолилась миссис Челленджер.

— Скажи «пожалуйста».

— Это безобразие, Джордж! Сними меня сию же минуту!

— Мистер Мелоун, пойдемте ко мне в кабинет.

— Но помилуйте, сэр!.. — сказал я, глядя на его жену.

— Слышишь, Джесси? Мистер Мелоун ходатайствует за тебя. Скажи «пожалуйста», тогда сниму.

— Безобразие! Ну, пожалуйста, пожалуйста!

Он снял ее с такой легкостью, словно она весила не больше канарейки.

— Веди себя прилично, дорогая. Мистер Мелоун —

представитель прессы. Завтра же он тиснет все это в своей ничтожной газетке и большую часть тиража распродаст среди наших соседей. «Странные причуды одной высокопоставленной особы». Высокопоставленная особа — это ты, Джесси, вспомни, куда я тебя посадил несколько минут назад. Потом подзаголовок: «Из быта одной оригинальной супружеской четы». Этот мистер Мелоун ничем не побрезгует, он питается падалью, подобно всем своим собратьям, — porcus ex grege diaboli — свинья из стада дьяволова. Правильно я говорю, мистер Мелоун?

— Вы и в самом деле невыносимы, — с горячностью сказал я.

Профессор захохотал.

— Вы двое, пожалуй, заключите против меня союз, — прогудел он, выпятив свою могучую грудь и поглядывая то в мою сторону, то на жену. Потом уже совсем другим тоном: — Простите нам эти семейные развлечения, мистер Мелоун. Я предложил вам вернуться совсем не для того, чтобы делать вас участником наших безобидных перепалок. Ну-с, сударыня, марш отсюда и не извольте гневаться. — Он положил свои огромные ручищи ей на плечи. — Ты права, как всегда. Если б Джордж Эдуард Челленджер слушался твоих советов, он был бы гораздо более почтенным человеком, но только не самим собой. Почтенных людей много, моя дорогая, а Джордж Эдуард Челленджер один на свете. Так что постарайся как-нибудь поладить с ним. — Он влепил жене звучный поцелуй, что смутило меня куда больше, чем все его дикие выходки. — А теперь, мистер Мелоун, — продолжал профессор, снова принимая величественный вид, — будьте добры пожаловать сюда.

Мы вошли в ту же самую комнату, откуда десять минут назад вылетели с таким грохотом. Профессор тщательно прикрыл за собой дверь, усадил меня в

кресло и сунул мне под нос ящик с сигарами.

— Настоящие «Сан-Хуан Колорадо», — сказал он. — На таких легковозбудимых людей, как вы, наркотики хорошо действуют. Боже мой! Ну кто же откусывает кончик! Отрежьте — надо иметь уважение к сигаре! А теперь откиньтесь на спинку кресла и слушайте внимательно все, что я соблаговолю сказать вам. Если будут какие-нибудь вопросы, потрудитесь отложить их до более подходящего времени. Прежде всего о вашем возвращении в мой дом после вполне справедливого изгнания. — Он выпятил вперед бороду и уставился на меня с таким видом, словно только и ждал, что я опять ввяжусь в спор. — Итак, повторяю: после вполне заслуженного вами изгнания. Почему я пригласил вас вернуться? Потому, что мне понравился ваш ответ этому наглому полисмену. Я усмотрел в нем некоторые проблески добропорядочности, не свойственной представителям вашей профессии. Признав, что вина лежит на вас, вы проявили известную непредвзятость и широту взглядов, кои заслужили мое благосклонное внимание. Низшие представители человеческой расы, к которым, к несчастью, принадлежите и вы, всегда были вне моего умственного кругозора. Ваши слова сразу включили вас в поле моего зрения. Мне захотелось познакомиться с вами поближе, и я предложил вам вернуться. Будьте любезны стряхивать пепел в маленькую японскую пепельницу вон на том бамбуковом столике, который стоит возле вас.

Все это профессор выпалил без единой задержки, точно читал лекцию студентам. Он сидел лицом ко мне, напыжившись, как огромная жаба, голова у него была откинута назад, глаза презрительно прищурены. Потом он вдруг повернулся боком, так что мне стал виден только клок его волос над оттопыренным красным ухом, переворошил кучу бумаг на столе и вытащил оттуда какую-то весьма потрепанную книжку.

— Я хочу рассказать вам кое-что о Южной Америке, — начал он. — Свои замечания можете оставить при себе. Прежде всего будьте любезны запомнить: то, о чем вы сейчас услышите, я запрещаю предавать огласке в какой бы то ни было форме до тех пор, пока вы не получите на это соответствующего разрешения от меня. Разрешение это, по всей вероятности, никогда не будет дано. Понятно?

— К чему же такая чрезмерная строгость? — сказал я. — По-моему, беспристрастное изложение...

Он положил книжку на стол.

— Больше нам говорить не о чем. Желаю вам всего хорошего.

— Нет, нет! Я согласен на любые условия, — вскричал я. — Ведь выбирать мне не приходится.

— О выборе не может быть и речи, — подтвердил он.

— Тогда обещаю вам молчать.

— Честное слово?

— Честное слово.

Он смерил меня наглым и недоверчивым взглядом.

— А почем я знаю, каковы ваши понятия о чести?

— Ну, знаете ли, сэр, — сердито крикнул я, — вы слишком много себе позволяете! Мне еще не приходилось выслушивать такие оскорбления!

Моя вспышка не только не вывела его из себя, но даже заинтересовала.

— Короткоголовый тип, — пробормотал он. — Брахицефал, серые глаза, темные волосы, некоторые черты негроида... Вы, вероятно, кельт?

— Я ирландец, сэр.

— Чистокровный?

— Да, сэр.

— Тогда все понятно. Так вот, вы дали мне слово держать в тайне те сведения, которые я вам сообщу. Сведения эти будут, конечно, весьма скупые. Но кое-какими интересными данными я с вами поделюсь.

Вы, вероятно, знаете, что два года назад я совершил путешествие по Южной Америке — путешествие, которое войдет в золотой фонд мировой науки. Целью его было проверить некоторые выводы Уоллеса и Бейтса, а это можно было сделать только на месте, в тех же условиях, в каких они проводили свои наблюдения. Если б результаты моего путешествия лишь этим и ограничились, все равно они были бы достойны всяческого внимания, но тут произошло одно непредвиденное обстоятельство, которое заставило меня направить свои исследования по совершенно иному пути.

Вам, вероятно, известно — впрочем, кто знает: в наш век невежества ничему не удивляешься, — что некоторые места, по которым протекает река Амазонка, исследованы не полностью и что в нее впадает множество притоков, до сих пор не занесенных на карту. Вот я и поставил перед собой задачу посетить эти малоизвестные места и обследовать их фауну, и это дало мне в руки столько материала, что его хватит на несколько глав того огромного, монументально труда по зоологии, который послужит оправданием всей моей жизни. Закончив экспедицию, я возвращался домой, и на обратном пути мне пришлось заночевать в маленьком индейском поселке, недалеко от того места, где в Амазонку впадает один из ее притоков — о названии и географическом положении этого притока я умолчу. В поселке жили индейцы племени кукама — мирный, но уже вырождающийся народ, умственный уровень которого вряд ли поднимается над уровнем среднего лондонца... Я вылечил нескольких тамошних жителей еще в первый свой приезд, когда поднимался вверх по реке, и вообще произвел на индейцев сильное впечатление, поэтому не удивительно, что меня ждали там. Они сразу же стали объяснять мне знаками, что в поселке есть человек, который нуждается в моей помощи, и я последовал за их

вождем в одну из хижин. Войдя туда, я убедился, что страждущий, которому требовалась помощь, только что испустил дух. К моему удивлению, он оказался не индейцем, а белым, белейшим из белых, если можно так выразиться, ибо у него были совсем светлые волосы и все характерные признаки альбиноса. От его одежды остались одни лохмотья, страшно исхудавшее тело свидетельствовало о долгих лишениях. Насколько я мог понять индейцев, они никогда раньше не видели этого человека; он пришел в поселок из лесной чащи, один, без спутников, и еле держался на ногах от слабости. Вещевой мешок незнакомца лежал рядом с ним, и я обследовал его содержимое. Внутри был вшит ярлычок с именем и адресом владельца: «Мепл-Уайт, Лейк-Авеню, Детройт, штат Мичиган». Перед этим именем я всегда готов обнажить голову. Не будет преувеличением сказать, что, когда важность сделанного мною открытия получит общее признание, его имя будет стоять рядом с моим.

Содержимое мешка ясно говорило о том, что Мепл-Уайт был художником и поэтом, отправившимся на поиски новых ярких впечатлений. Там были черновики стихов. Я не считаю себя знатоком в этой области, но мне кажется, что они оставляют желать лучшего. Кроме того, я нашел в мешке довольно посредственные речные пейзажи, ящик с красками, коробку пастельных карандашей, кисти, вот эту изогнутую кость, что лежит на чернильнице, том Бекстера «Мотыльки и бабочки», дешевенький револьвер и несколько патронов к нему. Предметы личного обихода он, по-видимому, растерял за время своих странствий, а может, их у него совсем не было. Никакого другого имущества у этого странного представителя американской богемы в наличии не оказалось.

Я уже собрался уходить, как вдруг заметил, что из кармана его рваной куртки что-то торчит. Это был альбом для этюдов — вот он, перед вами, и такой же

потрепанный, как тогда. Можете быть уверены, что с тех пор, как эта реликвия попала мне в руки, я отношусь к ней с не меньшим благоговением, чем относился бы к первоизданию Шекспира. Теперь я вручаю этот альбом вам и прошу вас просмотреть его страницу за страницей и вникнуть в содержание рисунков.

Он закурил сигару, откинулся на спинку стула и, не сводя с моего лица свирепого и вместе с тем испытующего взгляда, стал следить, какое впечатление произведут на меня эти рисунки.

Я открыл альбом, ожидая найти там какие-то откровения — какие, мне и самому было не ясно. Однако первая страница разочаровала меня, ибо на ней был нарисован здоровенный детина в морской куртке, а под рисунком стояла подпись: «Джимми Колвер на борту почтового парохода». Дальше последовало несколько мелких жанровых набросков из жизни индейцев. Потом рисунок, на котором изображался благодушный толстяк духовного звания, в широкополой шляпе, сидевший за столом в обществе очень худого европейца.

Подпись поясняла: «Завтрак у фра Кристоферо в Розариу». Следующие страницы были заполнены женскими и детскими головками, а за ними шла подряд целая серия зарисовок животных с такими пояснениями: «Ламантин на песчаной отмели», «Черепахи и черепашьи яйца», «Черный агути под пальмой» — агути оказался весьма похожим на свинью, — и, наконец, следующие две страницы занимали наброски каких-то весьма противных ящеров с длинными носами. Я не знал, что подумать обо всем этом, и обратился за разъяснениями к профессору:

— Это, вероятно, крокодилы?

— Аллигаторы! Аллигаторы! Настоящие крокодилы не водятся в Южной Америке. Различие между тем и другим видом заключается...

— Я только хочу сказать, что не вижу тут ничего особенного — ничего, что могло бы подтвердить ваши слова.

Он ответил мне с безмятежной улыбкой:

— Переверните еще одну страницу.

Но и следующая страница ни в чем не убедила меня. Это был пейзаж, чуть намеченный акварелью, один из тех незаконченных этюдов, которые служат художнику лишь наметкой к будущей, более тщательной разработке сюжета. Передний план этюда занимали бледно-зеленые перистые растения, поднимавшиеся вверх по откосу, который переходил в линию темно-красных ребристых скал, напоминавших мне чем-то базальтовые формации. На заднем плане эти скалы стояли сплошной стеной. Правее поднимался пирамидальный утес, по-видимому, отделенный от основного кряжа глубокой расщелиной; вершина его была увенчана огромным деревом. Надо всем этим сияло синее тропическое небо. Узкая кромка зелени окаймляла вершины красных скал. На следующей странице я увидел еще один акварельный набросок того же пейзажа, сделанный с более близкого расстояния, так что детали его выступали яснее.

— Ну-с? — сказал профессор.

— Формация, действительно, очень любопытная, — ответил я, — но мне трудно судить, насколько она исключительна, ведь я не геолог.

— Исключительна? — повторил он. — Да это единственный в своем роде ландшафт! Он кажется невероятным! Такое даже присниться не может! Переверните страницу.

Я перевернул и не мог сдержать возгласа удивления. Со следующей страницы альбома на меня глянуло нечто необычайное. Такое чудовище могло возникнуть только в видениях курильщика опиума или в бреду горячечного больного. Голова у него была птичья, тело как у непомерно раздувшейся ящерицы, волочащийся

по земле хвост щетинился острыми иглами, а изогнутая спина была усажена высокими шипами, похожими на петушьи гребешки. Перед этим существом стоял маленький человечек, почти карлик.

— Ну-с, что вы на это скажете? — воскликнул профессор, с торжествующим видом потирая руки.

— Это что-то чудовищное, гротеск какой-то.

— А что заставило художника изобразить подобного зверя?

— Не иначе, как солидная порция джина.

— Лучшего объяснения вы не можете придумать?

— Хорошо, сэр, а как вы сами это объясняете?

— Очень просто: такое животное существует. Совершенно очевидно, что этот рисунок сделан с натуры.

Я не расхохотался только потому, что вовремя вспомнил, как мы колесом прокатились по всему коридору.

— Без сомнения, без сомнения, — сказал я с той угодливостью, на какую обычно не скупятся в разговоре со слабоумными. — Правда, меня несколько смущает эта крошечная человеческая фигурка. Если б здесь был нарисован индеец, можно было бы подумать, что в Америке существует какое-то племя пигмеев, но это европеец, на нем пробковый шлем.

Профессор фыркнул, словно разъяренный буйвол.

— Вы обогащаете меня опытом! — крикнул он. — Границы человеческой тупости гораздо шире, чем я думал! У вас умственный застой! Поразительно!

Эта вспышка была так нелепа, что она меня даже не рассердила. Да и стоило ли впустую тратить нервы? Если уж сердиться на этого человека, так каждую минуту, на каждое его слово. Я ограничился усталой улыбкой.

— Меня поразили размеры этого пигмея, — сказал я.

— Да вы посмотрите! — крикнул профессор, наклоняясь ко мне и тыча волосатым, толстым, как сосиска, пальцем в альбом. — Видите вот растение позади жи-

вотного? Вы, вероятно, приняли его за одуванчик или брюссельскую капусту, ведь так? Нет, сударь, это южноамериканская пальма, именуемая «слоновой костью», а она достигает пятидесяти — шестидесяти футов в вышину. Неужели вы не соображаете, что человеческая фигура нарисована здесь не зря? Художник не смог бы остаться в живых, встретившись лицом к лицу с таким зверем, уж тут не до рисования. Он изобразил самого себя только для того, чтобы дать понятие о масштабах. Ростом он был... ну, скажем, пяти футов с небольшим. Дерево, как и следует ожидать, в десять раз выше.

— Господи боже! — воскликнул я. — Значит, вы думаете, что это существо было... Да ведь если подыскивать ему конуру, тогда и вокзал Чаринг-Кросс окажется маловат!

— Это, конечно, преувеличение, но экземпляр действительно крупный, — горделиво сказал профессор.

— Но нельзя же, — воскликнул я, — нельзя же отметать в сторону весь опыт человеческой расы на основании одного рисунка! — Я перелистал оставшиеся страницы и убедился, что в альбоме больше ничего нет. — Один-единственный рисунок какого-то бродяги-художника, который мог сделать его, накурившись гашиша, или в горячечном бреду, или просто в угоду своему больному воображению. Вы, как человек науки, не можете отстаивать такую точку зрения.

Вместо ответа профессор снял какую-то книгу с полки.

— Вот блестящая монография моего талантливого друга Рэя Ланкестера, — сказал он. — Здесь есть одна иллюстрация, которая покажется вам небезынтересной. Ага, вот она. Подпись внизу: «Предполагаемый внешний вид динозавра — стегозавра юрского периода. Задние конечности высотой в два человеческих роста». Ну, что вы теперь скажете?

Он протянул мне открытую книгу. Я взглянул на

иллюстрацию и вздрогнул. Между наброском неизвестного художника и этим представителем давно умершего мира, воссозданным воображением ученого, было, несомненно, большое сходство.

— В самом деле поразительно! — сказал я.

— И все-таки вы продолжаете упорствовать?

— Но, может быть, это — простое совпадение или же ваш американец видел когда-нибудь такую картинку и в бреду вспомнил ее.

— Прекрасно, — терпеливо сказал профессор, — пусть будет так. Теперь не откажите в любезности взглянуть на это.

Он протянул мне кость, найденную, по его словам, среди вещей умершего. Она была дюймов шести в длину, толще моего большого пальца, и на конце ее сохранились остатки совершенно высохшего хряща.

— Какому из известных нам животных может принадлежать такая кость? — спросил профессор.

Я тщательно осмотрел ее, призывая на помощь все знания, какие еще не выветрились у меня из головы.

— Это может быть ключица очень рослого человека, — сказал я.

Мой собеседник презрительно замахал руками:

— Ключица человека имеет изогнутую форму, а эта кость совершенно прямая. На ее поверхности есть ложбинка, свидетельствующая о том, что здесь проходило крупное сухожилие. На ключице ничего подобного нет.

— Тогда затрудняюсь вам ответить.

— Не бойтесь выставлять напоказ свое невежество. Я думаю, что среди зоологов Южного Кенсингтона не найдется ни одного, кто смог бы определить эту кость. — Он взял коробочку из-под пилюль и вынул оттуда маленькую косточку величиной с фасоль. — Насколько я могу судить, вот эта косточка соответствует в строении человеческого скелета той, которую вы держите в руке. Теперь вы имеете некоторое представле-

ние о размерах животного? Не забудьте и про остатки хряща — они свидетельствуют о том, что это был свежий экземпляр, а не ископаемый. Ну, что вы теперь скажете?

— Может быть, у слона...

Его так и передернуло, словно от боли.

— Довольно! Довольно! Слоны — в Южной Америке! Не смейте и заикаться об этом! Даже в нашей современной начальной школе...

— Ну, хорошо, — перебил я его. — Не слон, так какое-нибудь другое южноамериканское животное, например, тапир.

— Уж поверьте мне, молодой человек, что элементарными познаниями в этой отрасли науки я обладаю. Нельзя даже допустить мысль, что такая кость принадлежит тапиру или какому-нибудь другому животному, известному зоологам. Это кость очень сильного зверя, который существует где-то на земном шаре, но до сих пор неведом науке. Вы все еще сомневаетесь?

— Во всяком случае, меня это очень заинтересовало.

— Значит, вы еще не безнадежны. Я чувствую, что у вас что-то брезжит в мозгу, так давайте же терпеливо раздувать эту искорку. Оставим теперь покойного американца и перейдем снова к моему рассказу. Вы, конечно, догадываетесь, что я не мог расстаться с Амазонкой, не доискавшись, в чем тут дело. Кое-какие сведения о том, откуда пришел этот художник, у меня были. Впрочем, я мог бы руководствоваться одними легендами индейцев, ибо мотив неизведанной страны проскальзывает во всех преданиях приречных племен. Вы, конечно, слыхали о Курупури?

— Нет, не слыхал.

— Курупури — это лесной дух, нечто злобное, грозное; встреча с ним ведет к гибели. Никто не может толком описать Курупури, но имя это вселяет ужас в индейцев. Однако все племена, живущие на берегах

Амазонки, сходятся в одном: они точно указывают, где обитает Курупури. Из тех же самых мест пришел и американец. Там таится нечто непостижимо страшное. И я решил выяснить, в чем тут дело.

— Как же вы поступили?

От моего легкомыслия не осталось и следа. Этот гигант умел завоевать внимание и уважение к себе.

— Мне удалось преодолеть сопротивление индейцев — то внутреннее сопротивление, которое они оказывают, когда заводишь с ними разговор об этом. Пустив в ход всяческие увещания, подарки и, должен сознаться, угрозы, я нашел двоих проводников. После многих приключений — описывать их нет нужды, — после многих дней пути — о маршруте и его протяженности позволю себе умолчать — мы пришли, наконец, в те места, которые до сих пор никем не были описаны и где никто еще не бывал, если не считать моего злополучного предшественника. Теперь будьте любезны посмотреть вот это.

Он протянул мне небольшую фотографию.

— Ее плачевное состояние объясняется тем, что, когда мы спускались вниз по реке, нашу лодку перевернуло и футляр, в котором хранились непроявленные негативы, сломался. Результаты этого бедствия налицо. Почти все негативы погибли — потеря совершенно невознаградимая. Вот этот снимок — один из немногих более или менее уцелевших. Вам придется удовольствоваться таким объяснением его несовершенства. Ходят слухи о какой-то фальсификации, но я не расположен спорить сейчас на эту тему.

Снимок был действительно совсем бледный. Недоброжелательный критик мог бы легко придраться к этому. Вглядываясь в тускло-серый ландшафт и постепенно разбираясь в его деталях, я увидел длинную, огромной высоты линию скал, напоминающую гигантский водопад, а на переднем плане — пологую равнину с разбросанными по ней деревьями.

— Если не ошибаюсь, этот пейзаж был и в альбоме, — сказал я.

— Совершенно верно, — ответил профессор. — Я нашел там следы стоянки. А теперь посмотрите еще одну фотографию.

Это был тот же самый ландшафт, только взятый более крупным планом. Снимок был совсем испорчен. Все же я разглядел одинокий, увенчанный деревом утес, который отделяла от кряжа расщелина.

— Теперь у меня не осталось никаких сомнений, — признался я.

— Значит, мы не зря стараемся, — сказал профессор. — Смотрите, какие успехи! Теперь будьте добры взглянуть на вершину этого утеса. Вы что-нибудь видите там?

— Громадное дерево.

— А на дереве?

— Большую птицу.

Он подал мне лупу.

— Да, — сказал я, глядя сквозь нее, — на дереве сидит большая птица. У нее довольно солидный клюв. Это, наверное, пеликан?

— Зрение у вас незавидное, — сказал профессор. — Это не пеликан и вообще не птица. Да будет вам известно, что мне удалось подстрелить вот это самое существо. И оно послужило единственным неоспоримым доказательством, которое я вывез оттуда.

— Оно здесь, у вас? Наконец-то я увижу вещественное подтверждение всех этих рассказов!

— Оно было у меня. К несчастью, катастрофа на реке погубила не только негативы, но и эту мою добычу. Ее подхватило водоворотом, и, как я ни старался спасти свое сокровище, в руке у меня осталась лишь половина крыла. Я потерял сознание и очнулся только, когда меня вынесло на берег, но этот жалкий остаток великолепного экземпляра был цел и невредим. Вот он, перед вами.

Профессор вынул из ящика стола нечто, напоминающее, на мой взгляд, верхнюю часть крыла огромной летучей мыши. Эта изогнутая кость с перепончатой пленкой была по меньшей мере двух или более футов длиной.

— Летучая мышь чудовищных размеров? — высказал я свое предположение.

— Ничего подобного! — сурово осадил меня профессор. — Живя в атмосфере высокого просвещения и науки, я и не подозревал, что основные принципы зоологии так мало известны в широких кругах общества. Неужели вы не знакомы с элементарнейшим положением сравнительной анатомии, которое гласит, что крыло птицы представляет собой, в сущности, предплечье, тогда как крыло летучей мыши состоит из трех удлиненных пальцев с перепонкой между ними? В данном случае кость не имеет ничего общего с костью предплечья, и вы можете убедиться собственными глазами в наличии всего лишь одной перепонки. Следовательно, о летучей мыши нечего и вспоминать. Но если это не птица и не летучая мышь, тогда с чем же мы имеем дело? Что же это может быть?

Мой скромный запас знаний был исчерпан до дна.

— Право, затрудняюсь вам ответить, — сказал я.

Профессор открыл монографию, на которую уже ссылался раньше.

— Вот, — продолжал он, показывая мне какое-то чудовище с крыльями, — вот великолепное изображение диморфодона, или птеродактиля, — крылатого ящера юрского периода, а на следующей странице схема механизма его крыла. Сравните ее с тем, что у вас в руках.

При первом же взгляде на схему я вздрогнул от изумления. Она окончательно убедила меня. Спорить было нечего. Совокупность всех данных сделала свое дело. Набросок, фотографии, рассказ профессора, а те-

перь и вещественное доказательство! Что же тут еще требовать? Так я и сказал профессору — сказал со всей горячностью, на какую был способен, ибо теперь мне стало ясно, что к этому человеку относились несправедливо. Он откинулся на спинку стула, прищурил глаза и снисходительно улыбнулся, купаясь в лучах неожиданно блеснувшего на него солнца признания.

— Это величайшее в мире открытие! — воскликнул я, хотя во мне заговорил темперамент не столько естествоиспытателя, сколько журналиста. — Это грандиозно! Вы Колумб науки! Вы открыли затерянный мир! Я искренне сожалею, что сомневался в истине ваших слов. Все это казалось мне невероятным. Но я не могу не признать очевидных фактов, и они должны быть столь же убедительны для всех.

Профессор замурлыкал от удовольствия.

— Что же вы предприняли дальше, сэр?

— Наступил сезон дождей, мистер Мелоун, а мои запасы продовольствия пришли к концу. Я обследовал часть этого огромного горного кряжа, но взобраться на него так и не смог. Пирамидальный утес, с которого я снял выстрелом птеродактиля, оказался более доступным. Вспомнив свои альпинистские навыки, я поднялся на него примерно до середины. Оттуда уже можно было разглядеть плато, венчающее горный кряж. Оно было просто необъятно! Куда ни посмотреть — на запад, на восток, — конца не видно этим покрытым зеленью скалам. У подножия кряжа расстилаются болота и непроходимые заросли, кишащие змеями и прочими гадами. Настоящий рассадник лихорадки. Вполне понятно, что такие препятствия служат естественной защитой для этой необыкновенной страны.

— А вы видели там еще какие-нибудь признаки жизни?

— Нет, сэр, не видел, но за ту неделю, что мы провели у подножия этих скал, нам не раз приходилось

слышать какие-то странные звуки, доносившиеся откуда-то сверху.

— Но что же это за существо, которое нарисовал американец? Как он с ним встретился?

— Я могу только предположить, что он каким-то образом проник на самую вершину кряжа и увидел его там. Следовательно, туда есть какой-то путь. Путь, несомненно, тяжелый, иначе все эти чудовища спустились бы вниз и заполонили бы все вокруг. Уж в чем другом, а в этом не может быть сомнений!

— Но как они очутились там?

— На мой взгляд, ничего загадочного тут нет, — сказал профессор. — Объяснение напрашивается само собой. Как вам, вероятно, известно, Южная Америка представляет собой гранитный материк. В отдаленные века в этом месте, очевидно, произошло внезапное смещение пластов в результате извержения вулкана. Не забудьте, что скалы эти базальтовые, следовательно, они вулканического происхождения. Площадь величиной примерно с наше графство Суссекс выперло вверх со всеми ее обитателями и отрезало от остального материка отвесными скалами такой твердой породы, которой не страшно никакое выветривание. Что же получилось? Законы природы потеряли свою силу в этом месте. Всевозможные препятствия, обусловливающие борьбу за существование во всем остальном мире, либо исчезли, либо в корне изменились. Животные, которые в обычных условиях вымерли бы, продолжали размножаться. Как вы знаете, и птеродактиль и стегозавр относятся к юрскому периоду, следовательно, оба они древнейшие животные в истории Земли, уцелевшие только благодаря совершенно необычным, случайно создавшимся условиям.

— Но добытые вами сведения не оставляют места для сомнений! Вам нужно только представить их соответствующим лицам.

— Я сам так думал в простоте душевной, — с горе-

чью ответил профессор. — Могу сказать вам только одно: на деле все вышло по-другому — мне приходилось на каждом шагу сталкиваться с недоверием, в основе которого лежала людская тупость или зависть. Не в моем характере, сэр, пресмыкаться перед кем-нибудь и доказывать свою правоту, когда мои слова берут под сомнение. Я сразу же решил, что мне не подобает предъявлять вещественные доказательства, которые были в моем распоряжении. Самая тема стала мне ненавистной, я не хотел касаться ее ни единым словом. Когда мой покой нарушали люди, подобные вам, люди, угождающие праздному любопытству толпы, я был не в состоянии дать им отпор, не теряя при этом чувства собственного достоинства. По характеру я, надо признаться, человек довольно горячий и, если меня выведут из терпения, могу наделать всяких бед. Боюсь, что вам пришлось испытать это на себе.

Я потрогал свой заплывший глаз, но смолчал.

— Миссис Челленджер постоянно ссорится со мной из-за этого, но, по-моему, каждый порядочный человек поступал бы точно так же на моем месте. Впрочем, сегодня я намерен явить пример выдержки и показать, как воля может победить темперамент. Приглашаю вас полюбоваться этим зрелищем.

Он взял со стола карточку и протянул ее мне.

— Как видите, сегодня в восемь часов тридцать минут вечера в Зоологическом институте состоится лекция довольно популярного естествоиспытателя мистера Персиваля Уолдрона на тему «Скрижали веков». Меня приглашают занять место в президиуме специально для того, чтобы я от имени всех присутствующих выразил благодарность лектору. Так я и сделаю. Но это не помешает мне — конечно, с величайшим тактом и осторожностью! — обронить несколько замечаний, которые заинтересуют аудиторию и вызовут кое у кого желание более обстоятельно ознакомиться с поднятыми мною вопросами. Спорные моменты, разумеется,

не будут затронуты, но все поймут, какие глубокие проблемы таятся за моими словами. Я обещаю держать себя в руках. Кто знает, может быть, моя сдержанность приведет к лучшим результатам.

— А мне можно прийти туда? — поспешил спросить я.

— Разумеется... разумеется, можно, — радушно ответил профессор.

Его любезность была почти так же ошеломительна, как и грубость. Чего стоила одна его благодушная улыбка! Глаз почти не стало видно, а щеки вспухли, превратившись в два румяных яблочка, подпертые снизу черной бородой.

— Обязательно приходите. Мне будет приятно знать, что у меня есть по крайней мере один союзник в зале, хоть и весьма беспомощный и несведущий в вопросах науки. Народу соберется, вероятно, много, так как Уолдрон пользуется большой популярностью, несмотря на то, что он шарлатан чистейшей воды. Так вот, мистер Мелоун, я уделил вам гораздо больше времени, чем предполагал. Отдельная личность не может монополизировать то, что принадлежит всему человечеству. Буду рад увидеть вас сегодня вечером на лекции. А пока разрешите вам напомнить, что материал, с которым я вас ознакомил, ни в коей мере не подлежит огласке.

— Но мистер Мак-Ардл... это наш редактор... потребует от меня отчета о беседе с вами.

— Скажите ему первое, что придет в голову. Между прочим, можете намекнуть, что, если он пришлет ко мне кого-нибудь еще, я явлюсь к нему сам, вооружившись хорошей плеткой. Во всем остальном полагаюсь на вас: ни слова в печати! Так, прекрасно. Значит, в восемь тридцать — в Зоологическом институте.

Он помахал мне на прощание рукой. Я увидел в последний раз его румяные щеки, волнистую иссиня-черную бороду, дерзкие глаза и вышел из комнаты.

Глава V

ЭТО ЕЩЕ НЕ ФАКТ!

То ли на мне сказался физический шок, полученный в первый мой визит к профессору Челленджеру, то ли тут сыграло роль моральное потрясение — результат второго визита, но, очутившись снова на улице, я почувствовал, что как репортер я совершенно деморализован. Голова у меня разламывалась от боли, и все же в мозгу, не утихая ни на минуту, стучала мысль, что этот человек говорит правду, значение которой трудно переоценить, и что когда мне будет позволено использовать его рассказ для статьи, наша газета получит сенсационный материал. Увидев на углу кэб, я вскочил в него и поехал в редакцию. Мак-Ардл, как всегда, был на своем посту.

— Ну? — нетерпеливо крикнул он. — Говорите, сколько вам надо строк! У вас такой вид, молодой человек, точно вы явились сюда прямо с поля битвы. Неужели без драки не обошлось?

— Да, сначала мы немножно не поладили.

— Вот человек! Ну, а потом?

— Потом он образумился, и беседа прошла мирно. Но мне ничего не удалось у него выудить, даже для маленькой заметки.

— Это как сказать! А подбитый глаз разве не материал для заметки? Довольно ему нас терроризировать, мистер Мелоун! Поставим его на место. Завтра же помещу статейку, от которой ему жарко станет. Дайте мне только материал, и я раз и навсегда заклеймлю этого субъекта. «Профессор Мюнхаузен» — что вы скажете о такой шапке? «Воскресший Калиостро»! Вспомним всех мистификаторов и шарлатанов, которых знала история. Он у меня получит сполна за все свои мошенничества!

— Я бы не советовал, сэр.

— Почему?

— Потому что этот человек совсем не мошенник.

— Как! — взревел Мак-Ардл. — Вы что же, поверили его россказням про мамонтов, мастодонтов и морского змея?

— По-моему, у него этого и в мыслях нет. Во всяком случае, я ничего такого не слышал. Но мне теперь совершенно ясно, что Челленджер может внести нечто новое в науку.

— Тогда о чем же вы думаете? Садитесь и пишите статью.

— Я бы рад написать, да он обязал меня хранить все в тайне и только при этом условии согласился говорить со мной. — Я изложил в двух-трех словах рассказ профессора. — Видите, как обстоит дело?

Физиономия Мак-Ардла выразила глубочайшее недоверие.

— Тогда займемся этим заседанием, мистер Мелоун, — сказал он, наконец. — Уж в нем-то, наверное, нет ничего секретного. Другие газеты вряд ли им заинтересуются, потому что о лекциях Уолдрона писалось уже сотни раз, а о том, что там собирается выступить Челленджер, никто и не подозревает. Если нам повезет, мы получим сенсационный материал. Во всяком случае, поезжайте туда и представьте мне подробной отчет. До двенадцати часов придержу для вас свободную колонку.

Мне предстоял кропотливый день, поэтому я решил пообедать в клубе пораньше и, пригласив за столик Тарпа Генри, рассказал ему вкратце о своих приключениях. С его худого смуглого лица не сходила скептическая улыбка, а когда я признался, что профессор убедил меня в своей правоте, Тарп не выдержал и громко захохотал.

— Дорогой мой друг, таких чудес в жизни не бывает! Где это видано, чтобы люди случайно натыкались на величайшие открытия, а потом теряли все вещественные доказательства? Предоставьте сочинять небы-

лицы романистам. По части ловких проделок ваш профессор заткнет за пояс всех обезьян в зоологическом саду. Ведь это же невероятная чушь!

— А художник-американец?

— Вымышленная фигура.

— Я же сам видел его альбом!

— Это альбом Челленджера.

— Значит, вы думаете, что рисунок тоже его собственный?

— Ну, конечно! А чей же еще?

— А фотографические снимки?

— На них ведь ничего не видно. Вы же сами говорите, что разглядели только какую-то птицу.

— Птеродактиля.

— Да, если верить его словам. Вы поддались внушению и поверили.

— Ну, а кости?

— Первую он извлек из рагу, вторую смастерил собственными руками. Нужны только известная смекалка да знание дела, а тогда все что угодно сфальсифицируешь — и кость и фотографический снимок.

Мне стало как-то не по себе. Может быть, действительно, я слишком увлекся? И вдруг меня осенила счастливая мысль.

— Вы пойдете на эту лекцию? — спросил я.

Тарп Генри на минуту задумался.

— Ваш гениальный Челленджер не пользуется особой популярностью, — сказал он. — С ним многие не прочь свести счеты. Пожалуй, во всем Лондоне не найдется другого человека, который вызывал бы к себе такое неприязненное чувство. Если на лекцию прибегут студенты-медики, скандалов там не оберешься. Нет, что-то мне не хочется идти в этот сумасшедший дом.

— По крайней мере отдайте ему должное — выслушайте его.

— Да, пожалуй, справедливость этого требует. Хоро-

шо, буду вашим компаньоном на сегодняшний вечер.

Когда мы подъехали к Зоологическому институту, я увидел, что сверх моих ожиданий народу на лекцию собирается много. Электрические кареты одна за другой подвозили к подъезду седовласых профессоров, а более скромная публика потоком вливалась в сводчатые двери, свидетельствуя о том, что в зале будут присутствовать не только ученые, но и представители широких масс. И в самом деле, стоило нам занять места, как мы сразу убедились, что галерея и задние ряды ведут себя более чем непринужденно. Там сидели, судя по всему, студенты-медики. Вероятно, все крупные больницы отрядили сюда своих практикантов. Публика была настроена добродушно, но за этим добродушием крылось озорство. То и дело раздавались обрывки популярных песенок, распеваемых хором и с большим подъемом, — весьма странная прелюдия к научной лекции! Склонность аудитории к бесцеремонным шуткам ясно давала себя чувствовать. Это сулило в дальнейшем массу развлечений для всех, кроме тех лиц, к кому эти сомнительные шутки должны были непосредственно относиться.

Например, как только на эстраде появился доктор Мелдрам в своем знаменитом цилиндре с изогнутыми полями, со всех сторон раздались дружные крики: «Вот так ведро! Где вы его раздобыли?» Старик сейчас же стащил цилиндр с головы и украдкой сунул его под кресло. Когда страдающий подагрой профессор Уэдли заковылял к своему месту, шутники, к его величайшему смущению, хором осведомились о том, не болит ли у профессора пальчик на ноге. Но самый горячий прием был оказан моему новому знакомцу, профессору Челленджеру. Чтобы добраться до своего места — крайнего в первом ряду, — ему пришлось пройти через всю эстраду. Как только его черная борода показалась в дверях, аудитория разразилась такими бурными приветственными криками, что я подумал: опасения Тарпа

Генри подтвердились — публику привлекла сюда не столько сама лекция, сколько возможность посмотреть на знаменитого профессора, слухи о выступлении которого, по-видимому, успели разнестись повсюду.

При его появлении в передних рядах, занятых хорошо одетой публикой, раздались смешки — на сей раз партер относился сочувственно к бесчинству студентов. Публика приветствовала Челленджера оглушительным ревом, точно хищники в клетке зоологического сада, заслышавшие вдали шаги служителя в час кормежки. В этом реве ясно звучали неуважительные нотки, но, в общем, шумный прием, оказанный профессору, выражал скорее интерес к нему, чем неприязнь или презрение. Челленджер улыбнулся устало и снисходительно, как улыбается добродушный человек, когда на него налетает свора тявкающих щенков, потом медленно опустился в кресло, расправил плечи, любовно погладил бороду и, прищурившись, надменно глянул в переполненный зал. Рев еще не успел стихнуть, как на эстраде появились председатель, профессор Рональд Меррей, и лектор, мистер Уолдрон. Заседание началось. Надеюсь, профессор Меррей извинит меня, если я упрекну его в том, что он страдает недостатком, свойственным большинству англичан, а именно — невнятностью речи. По-моему, это одна из загадок нашего века. Почему люди, которым есть что сказать, не желают научиться говорить членораздельно? Это так же бессмысленно, как переливать драгоценную влагу через трубу с закрытым краном, отвернуть который до конца можно без всякого труда.

Профессор Меррей обратился с несколькими глубокомысленными замечаниями к своему белому галстуку и графину с водой, затем шутливо подмигнул серебряному канделябру, стоявшему по правую его руку, и опустился в кресло, уступив место известному популярному лектору мистеру Уолдрону, которого публика встретила аплодисментами. Физиономия у мистера

Уолдрона была мрачная, голос резкий, манеры заносчивые, но он обладал даром усваивать чужие мысли и преподносить их непосвященным в доступной и даже увлекательной форме, расцвечивая свои доклады множеством шуток на самые, казалось бы, неподходящие темы, так что в его изложении даже перемещение равноденствий или эволюция позвоночных приобретали юмористический характер.

В простой, а подчас и живописной форме, которой не мешала научность терминологии, лектор развернул перед нами картину возникновения мира, взятую как бы с высоты птичьего полета. Он говорил о земном шаре — огромной массе светящегося газа, пылавшей в небесной сфере. Потом рассказал, как эта масса начала охлаждаться и застывать, как образовались складки земной коры, как пар превратился в воду. Все это было постепенной подготовкой сцены к той непостижимой драме жизни, которой предстояло разыграться на нашей планете. Перейдя к возникновению всего живого на Земле, мистер Уолдрон ограничился несколькими туманными, ни к чему не обязывающими фразами. Можно почти с уверенностью сказать, что зародыши жизни не выдержали бы первоначальной высокой температуры земного шара. Следовательно, они возникли несколько позже. Откуда? Из остывающих неорганических элементов? Весьма вероятно. А может статься, они были занесены извне каким-нибудь метеором? Вряд ли. Короче говоря, даже мудрейшие из мудрых не могут сказать ничего определенного по этому вопросу. Пока что нам не удается создать в лабораторных условиях органическое вещество из неорганического. Наша химия не в силах перебросить мост через ту пропасть, которая отделяет живую материю от мертвой. Но природа, оперирующая огромными силами на протяжении многих веков, сама является величайшим химиком, и ей может удаться то, что непосильно для нас. И больше тут сказать нечего.

Вслед за этим лектор перешел к великой шкале животной жизни и ступенька за ступенькой — от моллюсков и беспозвоночных морских тварей к пресмыкающимся и рыбам — добрался наконец до производящей на свет живых детенышей кенгуру, прямого предка всех млекопитающих, а следовательно, и тех, что находятся в этом зале («Ну, положим!» — *голос какого-то скептика из задних рядов*). Если юный джентльмен в красном галстуке, крикнувший «Ну, положим!» и, по-видимому, имеющий основание думать, что он вылупился из яйца, соблаговолит задержаться после заседания, лектор будет очень рад ознакомиться с такой достопримечательностью. (*Смех*). Подумать только, что процессы, веками происходившие в природе, завершились созданием юного джентльмена в красном галстуке! Но разве эти процессы действительно завершились? Следует ли считать этого джентльмена конечным продуктом эволюции, так сказать, венцом творения? Лектор не хочет оскорблять джентльмена в красном галстуке в его лучших чувствах, но ему кажется, что, какими бы добродетелями ни обладал сей джентльмен, все же грандиозные процессы, происходящие во вселенной, не оправдали бы себя, если б конечным результатом их было создание вот такого экземпляра. Силы, обусловливающие эволюцию, не иссякли, они продолжают действовать и готовят нам еще большие сюрпризы.

Расправившись под общие смешки со своим противником, мистер Уолдрон вернулся к картинам прошлого и рассказал, как высыхали моря, обнажая песчаные отмели, как на этих отмелях появлялись живые существа, студенистые, вялые, рассказал о лагунах, кишащих всякой морской тварью, которую привлекало сюда тинистое дно и особенно изобилие пищи, что способствовало ее стремительному развитию.

— Вот, леди и джентльмены, откуда пошли те чудовищные ящеры, которые до сих пор вселяют в нас

ужас, когда мы находим их скелеты в вельдских или золенгофенских сланцах. К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— Это еще далеко не факт! — прогудел кто-то на эстраде.

Мистер Уолдрон был человек выдержанный, к тому же острый на язык, что особенно почувствовал на себе джентльмен в красном галстуке, и перебивать его было небезопасно. Но последняя реплика, очевидно, показалась ему настолько нелепой, что он даже несколько растерялся. Такой же растерянный вид бывает у шекспироведа, задетого яростным бэконианцем, или у астронома, столкнувшегося с фанатиком, который утверждает, что Земля плоская. Мистер Уолдрон умолк на секунду, а затем, повысив голос, с расстановкой повторил свои последние слова:

— К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— Это еще не факт! — снова прогудел тот же голос.

Уолдрон бросил удивленный взгляд на сидевших за столом профессоров и наконец остановился на Челленджере, который улыбался с закрытыми глазами, словно во сне, откинувшись на спинку стула.

— А, понимаю! — Уолдрон пожал плечами. — Это мой друг профессор Челленджер! — И под хохот всего зала он вернулся к прерванной лекции, как будто дальнейшие пояснения были совершенно излишни.

Но этим дело не кончилось. Какой бы путь ни избирал докладчик, блуждая в дебрях прошлого, все они неизменно приводили его к упоминанию об исчезнувших доисторических животных, что немедленно исторгало из груди профессора тот же зычный рев. В зале уже предвосхищали заранее каждую его реплику и встречали ее восторженным гулом. Студенты, сидевшие тесно, сомкнутыми рядами, не оставались в долгу, и, как только черная борода Челленджера приходила в

движение, сотни голосов, не давая ему открыть рот, дружно вопили: «Это еще не факт!» — а из передних рядов неслись возмущенные крики: «Тише! Безобразие!» Уолдрон, лектор опытный, закаленный в боях, окончательно растерялся. Он замолчал, потом начал что-то бормотать, запинаясь на каждом слове и повторяя уже сказанное, увяз в длиннейшей фразе и под конец набросился на виновника всего беспорядка.

— Это переходит всякие границы! — разразился он, яростно сверкая глазами. — Профессор Челленджер, я прошу вас прекратить эти возмутительные и неприличные выкрики!

Зал притих. Студенты замерли от восторга: высокие олимпийцы затеяли ссору у них на глазах! Челленджер не спеша высвободил свое грузное тело из объятий кресла.

— А я, в свою очередь, прошу вас, мистер Уолдрон, перестаньте утверждать то, что противоречит научным данным, — сказал он.

Эти слова вызвали настоящую бурю. В общем шуме и хохоте слышались только отдельные негодующие выкрики: «Безобразие!», «Пусть говорит!», «Выгнать его отсюда!», «Долой с эстрады!», «Это нечестно — дайте ему высказаться!»... Председатель вскочил с места и, слабо взмахивая руками, взволнованно забормотал что-то. Из тумана этой невнятицы выбивались только отдельные отрывочные слова: «Профессор Челленджер... будьте добры... ваши соображения... после...» Нарушитель порядка отвесил ему поклон, улыбнулся, погладил бороду и снова ушел в кресло. Разгоряченный этой перепалкой и настроенный весьма воинственно, Уолдрон продолжал лекцию. Высказывая время от времени какое-нибудь положение, он бросал злобные взгляды на своего противника, который, казалось, дремал, развалившись в кресле, все с той же блаженной широкой улыбкой на устах.

И вот лекция кончилась. Подозреваю, что несколь-

ко преждевременно, ибо заключительная ее часть была скомкана и как-то не вязалась с предыдущей. Грубая помеха нарушила ход мыслей лектора. Аудитория осталась неудовлетворенной и ждала дальнейшего развертывания событий.

Уолдрон сел на место, председатель чирикнул что-то, и вслед за этим профессор Челленджер подошел к краю эстрады. Памятуя об интересах своей газеты, я записал его речь почти дословно.

— Леди и джентльмены, — начал он под сдержанный гул в задних рядах. — Прошу извинения, леди, джентльмены и дети... Сам того не желая, я упустил из виду значительную часть слушателей. (*Шум в зале. Пережидая его, профессор благостно кивает своей огромной головой и высоко поднимает руку, словно осеняя толпу благословением.*) Мне было предложено выразить благодарность мистеру Уолдрону за его весьма картинную и занимательную лекцию, которую мы с вами только что прослушали. С некоторыми тезисами этой лекции я не согласен, о чем счел своим долгом заявить без всяких отлагательств. Тем не менее факт остается фактом: мистер Уолдрон справился со своей задачей, которая заключалась в том, чтобы изложить в общедоступной и занимательной форме историю нашей планеты, вернее, то, что он понимает под историей нашей планеты. Популярные лекции очень легко воспринимаются, но... (*тут Челленджер блаженно улыбнулся и бросил взгляд на лектора*) мистер Уолдрон, конечно, извинит меня, если я скажу, что такие лекции в силу особенностей изложения всегда бывают поверхностны и недоброкачественны с точки зрения науки, ибо лектор так или иначе, а должен приспосабливаться к невежественной аудитории. (*Иронические возгласы с мест.*) Лекторы-популяризаторы по сути своей паразиты. (*Протестующий жест со стороны возмущенного Уолдрона.*) Они используют в целях наживы или саморекламы работу своих безвестных, придавленных нуж-

дой собратьев. Самый незначительный успех, достигнутый в лаборатории, — один из тех кирпичиков, что идут на сооружение храма науки, — перевешивает все полученное из вторых рук, перевешивает всякую популяризацию, которая может поразвлечь часок, но не принесет никаких ощутимых результатов. Я напоминаю об этой общеизвестной истине отнюдь не из желания умалить заслуги мистера Уолдрона, но для того, чтобы вы не теряли чувства пропорции, принимая прислужника за высшего жреца науки. (*Тут мистер Уолдрон шепнул что-то председателю, который привстал с места и обратил несколько суровых слов к стоявшему перед ним графину с водой.*) Но довольно об этом. (*Громкие одобрительные крики.*) Позвольте мне перейти к вопросу, представляющему более широкий интерес. В каком месте я, самостоятельный исследователь, был вынужден поставить под вопрос осведомленность нашего лектора? В том, где речь шла об исчезновении с поверхности Земли некоторых видов животной жизни. Я не дилетант и выступаю здесь не как популяризатор, а как человек, научная добросовестность которого заставляет его строго придерживаться фактов. И поэтому я настаиваю на том, что мистер Уолдрон глубоко ошибается, утверждая, будто так называемые доисторические животные исчезли с лица Земли. Ему не приходилось видеть их, но это еще ничего не доказывает. Они действительно являются, как он выразился, нашими предками, но не только предками, добавлю я, а и современниками, которых можно наблюдать во всем их своеобразии — отталкивающем, страшном своеобразии. Для того, чтобы пробраться в те места, где они обитают, нужны только выносливость и смелость. Животные, которых мы относили к юрскому периоду, чудовища, которым ничего не стоит растерзать на части и поглотить самых крупных и самых свирепых из наших млекопитающих, существуют до сих пор... (*Крики*: «Чушь! Докажите! Откуда вы это знаете? Это еще

не факт!») Вы меня спрашиваете, откуда я это знаю? Я знаю это, потому что побывал в тех местах, где они живут. Знаю, потому что видел таких животных... (*Аплодисменты, оглушительный шум и чей-то голос:* «Лжец!») Я лжец? (*Единодушное:* «Да, да!») Кажется, меня назвали лжецом? Пусть этот человек встанет с места, чтобы я мог увидеть его. (*Голос:* «Вот он, сэр!» — *и над головами студентов взлетает яростно отбивающийся маленький человечек в очках, совершенно безобидный на вид.*) Это вы осмелились назвать меня лжецом? («Нет, сэр!» — *кричит тот и, словно петрушка, ныряет вниз.*) Если кто-либо из присутствующих сомневается в моей правдивости, я охотно побеседую с ним после заседания. («Лжец!») Кто это сказал? (*Опять безобидная жертва взмывает высоко в воздух, отчаянно отбиваясь от своих мучителей.*) Вот я сейчас сойду с эстрады, и тогда... (*Дружные крики:* «Просим, дружок, просим!» *Заседание на несколько минут прерывают. Председатель вскакивает с места и размахивает руками, словно дирижер. Профессор окончательно разъярен. Он стоит, выпятив вперед бороду, багровый, с раздувающимися ноздрями.*) Все великие новаторы встречали недоверие толпы, а недоверие — это клеймо дураков! Когда к вашим ногам кладут великие открытия, у вас не хватает интуиции, не хватает воображения, чтобы осмыслить их. Вы способны только поливать грязью людей, которые рисковали жизнью, завоевывая новые просторы науки. Вы поносите пророков! Галилей, Дарвин и я... (*Продолжительные крики и полный беспорядок в зале.*)

Все это я извлек из своих торопливых записей, которые хоть и были сделаны на месте, но не могут дать должного представления о хаосе, воцарившемся к этому времени в аудитории. Началось такое столпотворение, что некоторые дамы уже спасались бегством. Общему настроению поддались не только студенты, но и более солидная публика. Я сам видел, как седобородые

старцы вскакивали с мест и потрясали кулаками, гневаясь на закусившего удила профессора. Многолюдное собрание бурлило и кипело, точно вода в котле. Профессор шагнул вперед и воздел руки кверху. В этом человеке чувствовалась такая сила и мужественность, что крикуны постепенно смолкли, усмиренные его повелительным жестом и властным взглядом. И зал притих, приготовившись слушать.

— Я не стану вас задерживать, — продолжал Челленджер. — Стоит ли попусту тратить время? Истина остается истиной, и ее не поколебать никакими бесчинствами глупых юнцов и, с сожалением должен добавить, не менее глупых пожилых джентльменов. Я утверждаю, что мною открыто новое поле для научных исследований. Вы это оспариваете. (*Общие крики.*) Так давайте же проведем испытание. Согласны ли вы избрать из вашей среды одного или нескольких представителей, которые проверят справедливость моих слов?

Профессор сравнительной анатомии мистер Саммерли, высокий желчный старик, в суховатом облике которого было что-то придававшее ему сходство с богословом, поднялся с места. Он пожелал узнать, не являются ли заявления профессора Челленджера результатом его поездки в верховья реки Амазонки, предпринятой два года тому назад.

Профессор Челленджер ответил утвердительно.

Далее мистер Саммерли осведомился, каким это образом профессору Челленджеру удалось сделать новое открытие в местах, обследованных Уоллесом, Бейтсом и другими учеными, пользующимися вполне заслуженной известностью.

Профессор Челленджер ответил на это, что мистер Саммерли, по-видимому, спутал Амазонку с Темзой. Амазонка гораздо больше Темзы, и если мистеру Саммерли угодно знать, река Амазонка и соединяющаяся с ней притоком река Ориноко покрывают в общей сложности площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль.

Поэтому нет ничего удивительного, если на таком огромном пространстве один исследователь обнаружит то, чего не могли заметить его предшественники.

Мистер Саммерли возразил с кислой улыбкой, что ему хорошо известна разница между Темзой и Амазонкой, заключающаяся в том, что любое утверждение касательно первой легко можно проверить, чего нельзя сказать о второй. Он был бы премного обязан профессору Челленджеру, если б тот указал, под какими градусами широты и долготы лежит та местность, где обретаются доисторические животные.

Профессор Челленджер ответил, что до сих пор он воздерживался от сообщения подобных сведений, имея на это веские основания, но сейчас — конечно, с некоторыми оговорками — он готов представить их комиссии, избранной аудиторией. Может быть, мистер Саммерли согласен войти в эту комиссию и лично проверить правильность утверждения профессора Челленджера?

Мистер Саммерли. Да, согласен. (*Бурные аплодисменты.*)

Профессор Челленджер. Тогда я обязуюсь представить все необходимые сведения, которые помогут вам добраться до места. Но, поскольку мистер Саммерли намерен проверять меня, я считаю справедливым, чтобы его тоже кто-нибудь проверял. Не скрою от вас, что путешествие будет сопряжено со многими трудностями и опасностями. Мистеру Саммерли необходим спутник помоложе. Может быть, желающие найдутся здесь, в зале?

Вот так нежданно-негаданно наступает перелом в жизни человека! Мог ли я подумать, входя в этот зал, что я стою на пороге самых невероятных приключений, таких, которые мне даже не мерещились! Но Глэдис! Разве не об этом она говорила? Глэдис благословила бы меня на такой подвиг. Я вскочил с места. Слова сами собой сорвались у меня с языка. Мой со-

сед Тарп Генри тянул меня за пиджак и шептал:

— Сядьте, Мелоун! Не стройте из себя дурака при всем честном народе!

В ту же минуту я увидел, как в одном из первых рядов поднялся какой-то высокий рыжеватый человек. Он сердито сверкнул на меня глазами, но я не сдался.

— Господин председатель, я хочу ехать! — повторил я.

— Имя, имя! — требовала публика.

— Меня зовут Эдуард Дан Мелоун. Я репортер «Дейли-газетт». Даю слово, что буду совершенно беспристрастным свидетелем.

— А ваше имя, сэр? — обратился председатель к моему сопернику.

— Лорд Джон Рокстон. Я бывал на Амазонке, хорошо знаю эти места и поэтому имею все основания предлагать свою кандидатуру.

— Лорд Джон Рокстон пользуется мировой известностью как путешественник и охотник, — сказал председатель. — Но участие в этой экспедиции представителя прессы было бы не менее желательно.

— В таком случае, — сказал профессор Челленджер, — я предлагаю, чтобы настоящее собрание уполномочило обоих этих джентльменов сопровождать профессора Саммерли в его путешествии, целью которого будет расследование правильности моих слов.

Под крики и аплодисменты всего зала наша судьба была решена, и я, ошеломленный огромными перспективами, которые вдруг открылись перед моим взором, смешался с людским потоком, хлынувшим к дверям. Выйдя на улицу, я смутно, как сквозь сон, увидел толпу, с хохотом несущуюся по тротуару, и в самом центре ее чью-то руку, вооруженную тяжелым зонтом, который так и ходил по головам студентов. Потом электрическая карета профессора Челленджера тронулась с места под веселые крики озорников и стоны пострадавших, и я зашагал дальше по Риджент-стрит, поглощенный мыслями о Глэдис и о том, что ждало меня впереди.

Вдруг кто-то дотронулся до моего локтя. Я оглянулся и увидел, что на меня насмешливо и властно смотрят глаза того высокого, худого человека, который вызвался вместе со мной отправиться в эту необычайную экспедицию.

— Мистер Мелоун, если не ошибаюсь? — сказал он. — Отныне мы с вами будем товарищами, не так ли? Я живу в двух шагах отсюда, в Олбени. Может быть, вы уделите мне полчаса? Я очень хочу потолковать с вами кое о чем.

Глава VI

МЕНЯ НАЗЫВАЛИ БИЧОМ БОЖИИМ

Лорд Джон Рокстон свернул на Виго-стрит, и, миновав один за другим несколько мрачных проходов, мы углубились в Олбени, в этот знаменитый аристократический муравейник. В конце длинного темного коридора мой новый знакомый толкнул дверь и повернул выключатель. Лампы с яркими абажурами залили огромную комнату рубиновым светом. Оглядевшись с порога, я сразу почувствовал здесь атмосферу утонченного комфорта, изящества и вместе с тем мужественности. Комната говорила о том, что в ней идет непрестанная борьба между изысканностью вкуса ее богатого хозяина и его же холостяцкой беспорядочностью. Пол был устлан пушистыми шкурами и причудливыми коврами всех цветов радуги, вывезенными, вероятно, с какого-нибудь восточного базара. На стенах висели картины и гравюры, ценность которых была видна даже мне, несмотря на мою неискушенность.

Фотографии боксеров, балерин и скаковых лошадей мирно уживались с полотнами чувственного Фрагонара, батальными сценами Жирарде и мечтательным

Тернером. Но среди этой роскоши были и другие вещи, живо напоминавшие мне о том, что лорд Джон Рокстон — один из знаменитейших охотников и спортсменов наших дней. Два скрещенных весла над камином — темно-синее и красное — говорили о былых увлечениях гребным спортом в Оксфорде, а рапиры и боксерские перчатки, висевшие тут же, свидетельствовали, что их хозяин пожинал лавры и в этих областях. Всю комнату, подобно архитектурному фризу, опоясывали головы крупных зверей, свезенные сюда со всех концов света, а жемчужиной этой великолепной коллекции была голова редкостного белого носорога с надменно выпяченной губой.

Посреди комнаты на пушистом красном ковре стоял черный с золотыми инкрустациями стол эпохи Людовика XV — чудесная антикварная вещь, кощунственно испещренная следами от стаканов и ожогами от сигарных окурков. На столе я увидел серебряный поднос с курительными принадлежностями и полированный поставец в бутылками. Молчаливый хозяин сейчас же налил два высоких бокала и добавил в них содовой из сифона. Поведя рукой в сторону кресла, он поставил мой бокал на столик и протянул мне длинную глянцевитую сигару. Потом сел напротив и устремил на меня пристальный взгляд своих странных светло-голубых глаз, мерцающих, как ледяное горное озеро.

Сквозь тонкую пелену сигарного дыма я присматривался к его лицу, знакомому мне по многим фотографиям: нос с горбинкой, худые, запавшие щеки, темно-рыжие волосы, уже редеющие на макушке, закрученные шнурочком усы, маленькая, но задорная эспаньолка. В нем было нечто и от Наполеона III, и от Дон Кихота, и от типично английского джентльмена — любителя спорта, собак и лошадей, характерными чертами которого являются подтянутость и живость. Солнце и ветер закалили докрасна его кожу. Мохнатые, низко нависшие брови придавали и без того хо-

лодным глазам почти свирепое выражение, а изборожденный морщинами лоб только усугублял эту свирепость взгляда. Телом он был худощав, но крепок, а что касается неутомимости и физической выдержки, то не раз было доказано, что в Англии соперников по этой части у него мало. Несмотря на свои шесть с лишним футов, он казался человеком среднего роста. Виной этому была легкая сутулость.

Таков был знаменитый лорд Джон Рокстон, и сейчас, сидя напротив, он внимательно разглядывал меня, покусывая сигару, и ни единым словом не нарушал затянувшегося неловкого молчания.

— Ну-с, — сказал он наконец, — отступать нам теперь нельзя, милый юноша. Да, мы с вами прыгнули куда-то очертя голову. А ведь когда вы входили в зал, у вас, наверно, и в мыслях ничего подобного не было?

— Мне такое и не мерещилось.

— Вот именно. Мне тоже не мерещилось. А теперь мы с вами увязли в эту историю по уши. Господи боже, да ведь я всего три недели, как вернулся из Уганды, успел снять коттедж в Шотландии, подписал контракт и все такое прочее. Ну и дела! Ваши планы, наверно, тоже пошли прахом?

— Да нет, такое уж у меня ремесло: ведь я журналист, работаю в «Дейли-газетт».

— Да, конечно. Вы же сказали об этом. Кстати, тут есть одно дело... Вы не откажетесь помочь?

— С удовольствием.

— Но дело рискованное... Как вы на это смотрите?

— А в чем риск?

— Я поведу вас к Биллингеру, вот в чем риск. Вы о нем слышали?

— Нет.

— Помилуйте, юноша, на каком вы свете обретаетесь? Сэр Джон Биллингер — наш лучший жокей. На ровной дорожке я еще могу с ним потягаться, но в скачке с препятствиями он меня сразу заткнет за пояс.

Ну так вот, ни для кого не секрет, что как только у Биллингера кончается тренировка, он начинает пить горькую. Это у него называется «выводить среднее число». Во вторник он допился до белой горячки и с тех пор буйствует. Его комната как раз над моей. Врачи говорят, что если беднягу не покормить хотя бы насильно, то пиши пропало. Слуги сего джентльмена объявили забастовку, так как он лежит в кровати с заряженным револьвером и грозится всадить все шесть пуль в первого, кто к нему сунется. Надо сказать, что Джон вообще человек непокладистый и к тому же стреляет без промаха, но ведь нельзя допустить, чтобы жокей, взявший Большой национальный приз, погибал такой бесславной смертью! Как вы на это смотрите?

— А что вы думаете предпринять? — спросил я.

— Лучше всего насесть на него вдвоем. Может быть, он сейчас спит. В худшем случае один из нас будет ранен, зато другой успеет с ним справиться. Если бы нам удалось связать ему руки чехлом с дивана, а потом быстро вызвать по телефону врача с желудочным зондом, он, голубчик, роскошно бы у нас поужинал.

Когда на человека вдруг ни с того ни с сего сваливается такая задача, радоваться тут не приходится. Я не считаю себя очень уж большим храбрецом. Все новое, неизведанное рисуется мне заранее гораздо более страшным, чем оно оказывается на деле. Таково уж свойство чисто ирландского пылкого воображения. С другой стороны, меня всегда пугала мысль, как бы не навлечь на себя позорного обвинения в трусости, ибо мне с малых лет внушали ужас перед ней. Смею думать, что если б кто-нибудь усомнился в моей храбрости, я мог бы броситься в пропасть, но побудила бы меня к этому не храбрость, а гордость и боязнь прослыть трусом. Поэтому, хоть я и содрогался, мысленно представляя себе обезумевшее с перепоя существо в комнате наверху, все же у меня хватило самооблада-

ния, чтобы выразить свое согласие самым небрежным тоном, на какой я только был способен. Лорд Рокстон начал было расписывать опасность предстоящей нам задачи, но это только вывело меня из терпения.

— Словами делу не поможешь, — сказал я. — Пойдемте.

Я встал. Он поднялся следом за мной. Потом, коротко рассмеявшись, ткнул меня раза два кулаком в грудь и усадил обратно в кресло.

— Ладно, юноша... признать годным.

Я с удивлением воззрился на него.

— Сегодня утром я сам был у Джона Биллингера. Он прострелил мне всего лишь кимоно: слава богу, руки тряслись! Но мы все-таки надели на него смирительную рубашку, и через несколько дней старик будет в полном порядке. Вы на меня не сердитесь, голубчик? Строго между нами: эта экспедиция в Южную Америку — дело очень серьезное, и мне хочется иметь такого спутника, на которого можно положиться, как на каменную гору. Поэтому я устроил вам легкий экзамен и должен сказать, что вы с честью вышли из положения. Вы же понимаете, нам придется рассчитывать только на самих себя, потому что этому старикану Саммерли с первых же шагов потребуется нянька. Кстати, вы не тот Мелоун, который будет играть в ирландской команде на первенство по регби?

— Да, но, вероятно, запасным.

— То-то мне показалось, будто я вас где-то видел. Ваша встреча с ричмондцами — лучшая игра за весь сезон! Я стараюсь не пропускать ни одного состязания по регби: ведь это самый мужественный вид спорта. Однако я пригласил вас вовсе не для того, чтобы беседовать о регби. Займемся делами. Вот здесь, на первой странице «Таймса», расписание пароходных рейсов. Пароход до Пары отходит в следующую среду, и, если вы с профессором успеете собраться, мы этим пароходом и поедем. Ну, что вы на это скажете? Пре-

красно, я с ним обо всем договорюсь. А как у вас обстоит дело со снаряжением?

— Об этом позаботится моя газета.

— Стрелять вы умеете?

— Примерно как средний стрелок территориальных войск.

— Только-то? Боже мой! У вас, молодежи, это считается последним делом. Все вы пчелы без жала. Таким своего улья не отстоять! Вот попомните мое слово: нагрянет кто-нибудь к вам за медом, хороши вы тогда будете! Нет, в Южной Америке с оружием надо обращаться умело, потому что, если наш друг профессор не обманщик и не сумасшедший, нас ждет там нечто весьма любопытное. Какое у вас ружье?

Лорд Рокстон подошел к дубовому шкафу, открыл дверцу, и я увидел за ней поблескивающие металлом ружейные стволы, выставленные в ряд, словно органные трубки.

— Сейчас посмотрим, что я могу пожертвовать вам из своего арсенала, — сказал лорд Рокстон.

Он стал вынимать одно за другим великолепные ружья, открывал их, щелкал затворами и, ласково поглаживая, как нежная мать своих младенцев, ставил на место.

— Вот «бленд». Из него я уложил вон того великана. — Он взглянул на голову белого носорога. — Будь я на десять шагов ближе, этот зверь пополнил бы мной *свою* коллекцию. Надеюсь, вы хорошо знаете Гордона?

Судьба моя зависит от пули,
А пуля — защита в неравном бою.

Это поэт, воспевающий коня, винтовку и тех, кто умеет обращаться и с тем и с другим. Вот еще одна полезная вещица — телескопический прицел, двойной эжектор, прекрасная наводка. Три года назад мне пришлось выступить с этой винтовкой против перуанских рабовладельцев. В тех местах меня называли бичом бо-

жиим, хотя вы не найдете моего имени ни в одной Синей книге. Бывают времена, голубчик, когда каждый из нас обязан стать на защиту человеческих прав и справедливости, чтобы не потерять уважения к самому себе. Вот почему я вел там нечто вроде войны на свой страх и риск. Сам ее объявил, сам воевал, сам довел ее до конца. Каждая зарубка — это убитый мною мерзавец. Смотрите, целая лестница! Самая большая отметина сделана после того, как я пристрелил в одной из заводей реки Путумайо Педро Лопеса — крупнейшего из рабовладельцев... А, вот это вам подойдет! — Он вынул из шкафа прекрасную винтовку, отделанную серебром. — Прицел абсолютно точный, магазин на пять патронов. Можете смело вверить ей свою жизнь. — Лорд Рокстон протянул винтовку мне и закрыл шкаф. — Кстати, — продолжал он, снова садясь в кресло, — что вы знаете об этом профессоре Челленджере?

— Я его увидел сегодня впервые в жизни.

— Я тоже. Правда, странно, что мы с вами отправляемся в путешествие, полагаясь на слова совершенно неизвестного нам человека? Он, кажется, довольно наглый субъект и не пользуется любовью у своих собратьев по науке. Почему вы им заинтересовались?

Я рассказал вкратце о событиях сегодняшнего утра. Лорд Рокстон внимательно меня выслушал, потом принес карту Южной Америки и разложил ее на столе.

— Челленджер говорит правду, чистейшую правду, — серьезно сказал он. — И я, заметьте, утверждаю это не наобум. Южная Америка — моя любимая страна, и если, скажем, проехать ее насквозь, от Дарьенского залива до Огненной Земли, то ничего более величественного и более пышного не найдешь на всем земном шаре. Эту страну мало знают, а какое ее ждет будущее, об этом никто и не догадывается. Я изъездил Южную Америку вдоль и поперек, в периоды засухи побывал в тех местах, где у меня завязалась война с

работорговцами, о которой я вам уже рассказывал. Да, действительно, мне приходилось слышать там много разных легенд. Это всего лишь индейские предания, но за ними, безусловно, что-то кроется. Чем ближе узнаешь Южную Америку, друг мой, тем больше начинаешь верить, что в этой стране все возможно, решительно все! Люди передвигаются там по узким речным долинам, а за этими долинами начинается полная неизвестность. Вот здесь, на плоскогорье Мату-Гросу, — он показал сигарой место на карте, — или в этом углу, где сходятся границы трех государств, меня ничто не удивит. Как сказал сегодня Челленджер, Амазонка орошает площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль, поросших тропическим лесом, площадь, почти равную всей Европе. Не покидая бразильских джунглей, мы с вами могли бы находиться друг от друга на расстоянии, отделяющем Шотландию от Константинополя. Человек только кое-где смог продраться сквозь эту чащу и протоптать в ней тропинки. А что бывает в период дождей? Уровень воды в Амазонке поднимается по меньшей мере на сорок футов и превращает все кругом в непролазную топь. В такой стране только и следует ждать всяких чудес и тайн. И почему бы нам не разгадать их? А помимо всего прочего, — странное лицо лорда Рокстона озарилось довольной улыбкой, — там на каждом шагу придется рисковать жизнью, а мне, как спортсмену, ничего другого и не нужно. Я точно старый мяч для гольфа — белая краска с меня давно стерлась, так что теперь жизнь может распоряжаться мной как угодно: царапин не останется. А риск, милый юноша, придает нашему существованию особенную остроту. Только тогда и стоит жить. Мы слишком уж изнежились, потускнели, привыкли к благоустроенности. Нет, дайте мне винтовку в руки, безграничный простор и необъятную ширь горизонта, и я пущусь на поиски того, что стоит искать. Чего только я не испробовал в своей жизни: и воевал, и участвовал

в скачках, и летал на аэроплане, — но охота на чудовищ, которые могут присниться только после тяжелого ужина, — это для меня совсем новое ощущение! — Он весело рассмеялся, предвкушая то, что его ждало впереди.

Может быть, я слишком увлекся описанием своего нового знакомого, но нам предстоит провести много дней вместе, и поэтому мне хочется передать свое первое впечатление об этом человеке со всеми особенностями его характера, речи и мышления. Только необходимость везти в редакцию отчет о заседании и заставила меня покинуть лорда Рокстона. Когда я уходил от него, он сидел в кресле, залитый красноватым светом лампы, смазывал затвор своей любимой винтовки и негромко посмеивался, раздумывая о тех приключениях, которые нам готовила судьба. И я проникся твердой уверенностью, что если нас ждут опасности, то более хладнокровного и более отважного спутника, чем лорд Рокстон, мне не найти во всей Англии.

Как ни утомили меня необычайные происшествия этого дня, все же я долго сидел с редактором отдела «Последние новости» Мак-Ардлом, разъясняя ему все обстоятельства дела, которые он считал необходимым завтра же довести до сведения нашего патрона, сэра Джорджа Бомонта. Мы условились, что я буду присылать подробные отчеты обо всех своих приключениях в форме писем к Мак-Ардлу и что они будут печататься в газете либо сразу же по мере их получения, либо потом — в зависимости от санкции профессора Челленджера, ибо мы еще не знали, каковы будут условия, на которых он согласится дать нам сведения, необходимые для путешествия в Неведомую страну. В ответ на запрос по телефону мы не услышали от профессора ничего другого, кроме яростных нападок на прессу, но потом он все же сказал, что, если его известят о дне и часе нашего отъезда, он доставит на пароход те инструкции, которые сочтет нужными. Наш второй запрос

остался совсем без ответа, если не считать жалобного лепета миссис Челленджер, умолявшей нас не приставать более к ее супругу, так как он и без того разгневан сверх всякой меры. Третья попытка, сделанная в тот же день, была пресечена оглушительным треском, и вскоре вслед за этим центральная станция уведомила нас, что у профессора Челленджера разбита телефонная трубка. После этого мы уже не пытались говорить с ним.

А теперь, мои терпеливые читатели, я прекращаю свою беседу с вами. Отныне (если только продолжение этого рассказа когда-нибудь дойдет до вас) вы будете узнавать о моих дальнейших приключениях только через газету. Я вручаю редактору отчет о событиях, послуживших толчком к одной из самых замечательных экспедиций, какие знает мир, и если мне не суждено будет вернуться в Англию, вы узнаете по крайней мере, что ей предшествовало.

Я дописываю свой отчет в салоне парохода «Франциск». Лоцман заберет его с собой и передаст на хранение мистеру Мак-Ардлу. В заключение, пока я не захлопнул записную книжку, позвольте мне набросать еще одну картину — картину, которая останется со мной как последнее воспоминание о родине.

Поздняя весна, промозглое, туманное утро; моросит холодный, мелкий дождь. По набережной шагают три фигуры в глянцевитых макинтошах. Они направляются к сходням большого парохода, на котором уже поднят синий флаг. Впереди них носильщик везет тележку, нагруженную чемоданами, портпледами и винтовками в чехлах.

Долговязый, унылый профессор Саммерли идет, волоча ноги и понурив голову, как человек, горько раскаивающийся в содеянном. Лорд Джон Рокстон в охотничьем кепи и кашне шагает бодро, и его живое, тонкое лицо сияет от счастья. Что касается меня, то я нисколько не сомневаюсь, что всем своим видом выра-

жаю радость: ведь предотъездная суета и горечь прощания остались позади.

Мы уже совсем близко от парохода — и вдруг сзади раздается чей-то голос. Это профессор Челленджер, который обещал проводить нас. Он бежит за нами, тяжело отдуваясь, весь красный и страшно сердитый.

— Нет, благодарю вас, — говорит профессор. — Не имею ни малейшего желания лезть на пароход. Мне надо сказать вам несколько слов, а это можно сделать и здесь. Не воображайте, пожалуйста, что вы так уж меня разодолжили своей поездкой. Мне это глубоко безразлично, и я ни в коей мере не считаю себя обязанным вам. Истина остается истиной, и все те расследования, которые вы собираетесь производить, никак на нее не повлияют и смогут лишь разжечь страсти разных невежд. Необходимые вам сведения и мои инструкции находятся вот в этом запечатанном конверте. Вы вскроете его лишь тогда, когда приедете в город Манаус на Амазонке, но не раньше того дня и часа, которые указаны на конверте. Вы меня поняли? Полагаюсь на вашу порядочность и надеюсь, что все мои условия будут соблюдены в точности. Мистер Мелоун, я не намерен налагать запрет на ваши корреспонденции, поскольку целью вашего путешествия является освещение фактической стороны дела. Требую от вас только одного: не указывайте точно, куда вы едете, и не разрешайте опубликовывать отчет об экспедиции до вашего возвращения. Прощайте, сэр! Вам удалось несколько смягчить мое отношение к той презренной профессии, представителем которой, к несчастью, являетесь и вы сами. Прощайте, лорд Джон! Насколько мне известно, наука для вас — книга за семью печатями. Но охотой в тех местах вы останетесь довольны. Не сомневаюсь, что со временем в «Охотнике» появится ваша заметка о том, как вы подстрелили диморфодона. Прощайте и вы, профессор Саммерли. Если в вас еще не иссякли способности к самоусовершенство-

ванию, в чем, откровенно говоря, я сомневаюсь, то вы вернетесь в Лондон значительно поумневшим.

Он круто повернулся, и минуту спустя я увидел с палубы его приземистую фигуру, пробирающуюся сквозь толпу к поезду.

Мы уже вышли в Ла-Манш. Раздается последний звонок, оповещающий о том, что пора сдавать письма. Сейчас мы распрощаемся с лоцманом.

А теперь «вперед, корабль, плыви вперед!». Да хранит бог всех нас — и тех, кто остался на берегу, и тех, кто надеется на благополучное возвращение домой.

Глава VII

ЗАВТРА МЫ УХОДИМ В НЕВЕДОМОЕ

Я не стану утруждать тех, до кого дойдет этот рассказ, описанием нашего переезда на комфортабельном океанском пароходе, не буду говорить о неделе, проведенной в Паре (ограничусь только благодарностью компании «Перейра-да-Пинта», оказавшей нам помощь при закупке снаряжения), и лишь коротко упомяну о нашем путешествии вверх по широкой, мутной, ленивой Амазонке — путешествии, проделанном на судне, почти не уступавшем размерами тому, на котором мы пересекли Атлантический океан.

После многих дней пути наша группа высадилась в городе Манаус, за Обидосским проходом.

Там нам удалось избежать весьма сомнительных прелестей местной гостиницы благодаря любезности агента Британско-Бразильской торговой компании мистера Шортмена. Мы прожили в его гостеприимной асьенде до срока, указанного на конверте, который дал нам профессор Челленджер. Прежде чем приступить к описанию неожиданных событий этого дня, мне хоте-

лось бы несколько подробнее обрисовать моих товарищей и тех людей, которых мы завербовали в Южной Америке для обслуживания нашей экспедиции. Я пишу с полной откровенностью и полагаюсь на присущий вам такт, мистер Мак-Ардл, ибо до опубликования этот материал пройдет через ваши руки.

Научные заслуги профессора Саммерли слишком хорошо известны — о них нет нужды распространяться. Он оказался гораздо более приспособленным к такой тяжелой экспедиции, чем можно было предположить с первого взгляда. Его худое, жилистое тело не знает усталости, а сухая, насмешливая и подчас просто недружелюбная манера остается неизменной при любых обстоятельствах. Несмотря на свои шестьдесят пять лет, он ни разу не пожаловался на трудности, с которыми нам часто приходилось сталкиваться. Вначале я боялся, что профессор Саммерли окажется тяжкой обузой для нас, но как выяснилось из дальнейшего, его выносливость ничуть не уступает моей. Саммерли — человек желчный и большой скептик. Он не считает нужным скрывать свою твердую уверенность, что Челленджер — шарлатан чистейшей воды и что наша безумная, опасная затея не принесет нам ничего, кроме разочарований в Южной Америке и насмешек в Англии. Профессор Саммерли не переставал твердить нам это всю дорогу от Саутгемптона до Манауса, корча презрительные гримасы и тряся своей жиденькой козлиной бородкой.

Когда мы высадились, его несколько утешило великолепие и богатство мира пернатых и насекомых Южной Америки, ибо он предан науке всей душой. Теперь профессор Саммерли с раннего утра носится по лесу с охотничьим ружьем и сачком для бабочек, а вечерами препарирует добытые экземпляры. Из присущих ему странностей отмечу всегдашнюю небрежность туалета, полное невнимание к своей внешности, крайнюю рассеянность и пристрастие к короткой пенковой трубке,

которую он почти не вынимает изо рта. В молодости профессор участвовал в нескольких научных экспедициях (был, например, с Робертсоном в Папуа), и поэтому кочевая жизнь ему не в новинку.

У лорда Джона Рокстона есть кое-что общее с профессором Саммерли, но, по существу, они прямо противоположны друг другу. Хотя лорд Джон лет на двадцать моложе, тело у него такое же поджарое и костлявое. Я, помнится, подробно описал его внешность в той части моего повествования, которая осталась в Лондоне. Он очень опрятен, следит за собой, одет обычно в белое, носит высокие коричневые башмаки на шнуровке и бреется по меньшей мере раз в день. Как почти всякий человек действия, лорд Джон немногословен и часто задумывается, но на обращенные к нему вопросы отвечает тотчас же и охотно принимает участие в общей беседе, сдабривая ее отрывистыми, наполовину серьезными, наполовину шутливыми репликами. Его знание разных стран и в особенности Южной Америки просто поражает своей широтой, а что касается нашей экспедиции, то он всем сердцем верит в ее целесообразность, не смущаясь насмешками профессора Саммерли. Голос у лорда Рокстона мягкий, манеры спокойные, но в глубине его мерцающих голубых глаз таится нечто свидетельствующее о том, что обладатель этих глаз способен приходить в бешенство и принимать беспощадные решения, а его обычная сдержанность только подчеркивает, насколько опасен может быть этот человек в минуты гнева. Он не любит распространяться о своих поездках в Бразилию и Перу, и поэтому мне и в голову не приходило, что его появление так взволнует туземцев, населяющих берега Амазонки. Эти люди видят в нем поборника своих прав и надежного защитника. Вокруг подвигов Рыжеволосого Вождя, как его здесь называют, уже сложились легенды, но с меня было достаточно и фактов, которые я мало-помалу

узнавал, — они были поразительны сами по себе.

Так, например, выяснилось, что несколько лет назад лорд Джон очутился на «ничьей земле», существование которой объясняется неточностью границ между Перу, Бразилией и Колумбией. На этом огромном пространстве в изобилии произрастает каучуковое дерево, принесшее туземцам, как и на Конго, не меньше зла, чем подневольный труд на дарьенских серебряных рудниках во времена владычества испанцев. Кучка негодяев метисов завладела всей этой областью, вооружила тех индейцев, которые оказывали им поддержку, а остальных обратила в рабство и, подвергая их нечеловеческим пыткам, вынуждала рубить каучуковые деревья и сплавлять их вниз по реке к Паре.

Лорд Джон Рокстон попробовал было вступиться за несчастных, но, кроме угроз и оскорблений, ничего не добился. Тогда он по всем правилам объявил войну главарю рабовладельцев, некоему Педро Лопесу, собрал беглых рабов, вооружил их и начал военные действия, закончившиеся тем, что изверг метис погиб от его пули, а возглавляемая им система рабства была уничтожена.

Не удивительно, что этот рыжеволосый человек с бархатным голосом и непринужденными манерами приковал к себе всеобщее внимание на берегах великой южноамериканской реки. Впрочем, чувства, которые он возбуждал, были, как и следовало ожидать, разные, ибо туземцы испытывали к нему благодарность, а их бывшие поработители — ненависть. Несколько месяцев, проведенных в Бразилии, не прошли для лорда Рокстона без пользы: он свободно овладел местным наречием, состоящим на одну треть из португальских слов и на две трети из индейских.

Я уже упоминал, что лорд Джон Рокстон буквально бредил Южной Америкой. Он увлекался, говоря о ней, и его увлечение было заразительно, ибо даже у такого невежды, как я, пробудился интерес к этой стране.

Как бы мне хотелось передать прелесть его рассказов, в которых точное знание так тесно переплеталось с игрой пылкой фантазии, что даже профессор Саммерли внимательно слушал их и скептическая улыбка постепенно сбегала с его худой, длинной физиономии! Лорд Джон рассказывал нам историю этой величественной реки. Она была исследована еще первыми завоевателями, проплывшими по ней от одного конца материка до другого, и все же до сих пор скрывала много тайн за своей узкой и вечно меняющейся береговой линией.

— Что там, в той стороне? — восклицал он, показывая на север. — Топи и непроходимые джунгли. Кто знает, что в них таится? А там, южнее? Болотистые заросли, где еще не ступала нога белого человека. Неведомое окружает нас со всех сторон. Кто может знать наверное, чего следует ждать за этой узкой прибрежной линией? Можно ли поручиться, что старик Челленджер был неправ?

Профессор Саммерли расценивал такие слова как прямой вызов, — упрямая усмешка снова появлялась на его лице, он иронически покачивал головой, пускал клубы дыма из трубки и ни единым словом не нарушал враждебного молчания. Но довольно говорить о моих двух белых спутниках: их характер и недостатки, так же как и мои собственные, выявятся из дальнейшего. Расскажу лучше о людях, которые, возможно, будут играть немаловажную роль в грядущих событиях.

Начнем с великана-негра по имени Самбо. Это черный Геркулес, работающий, как лошадь, и наделенный примерно таким же интеллектом. Мы наняли его в Паре по рекомендации пароходной компании, на судах которой он научился кое-как объясняться по-английски.

Там же, в Паре, мы завербовали двух метисов, которые сплавляли в город красное дерево с верховьев Амазонки. Их звали Гомес и Мануэль. Оба они были смуглые, бородатые и свирепые на вид, а их ловкости

и силе могла бы позавидовать и пантера. Гомес и Мануэль провели всю свою жизнь в верхней части бассейна Амазонки, которую мы должны были исследовать, и это обстоятельство и побудило лорда Джона взять их. У одного из метисов, Гомеса, было еще то достоинство, что он прекрасно говорил по-английски. Эти люди согласились прислуживать нам — стряпать, грести и вообще делать все, что от них потребуется, за жалованье в пятнадцать долларов в месяц. Кроме них, мы наняли троих боливийских индейцев племени можо, представители которого славятся среди других приречных племен как искусные рыболовы и гребцы. Старшего из них мы так и назвали — Можо, а двое других получили имена Жозе и Фернандо. Итак, трое белых, двое метисов, один негр и трое индейцев — вот состав нашей маленькой экспедиции, которая ждала в Манаусе дальнейших инструкций, чтобы двинуться в путь и выполнить возложенную на нее столь необычную задачу.

Наконец прошла томительная неделя и настал долгожданный день и час. Представьте же себе полутемную гостиную асьенды Сант-Игнасио, расположенной в двух милях от города Манаус. За спущенными шторами ослепительно сияло отливающее медью солнце, тени от пальм чернели на свету так же четко, как и сами пальмы. Не было ни малейшего ветерка, в воздухе стояло несмолкаемое жужжание насекомых, и в этот тропический многооктавный хор входил и густой бас пчел и пронзительный фальцет москитов. Позади веранды начинался небольшой, обнесенный кактусовой изгородью сад с цветущими кустами, над которыми, искрясь на солнце, порхали большие голубые бабочки и крохотные колибри.

Мы сидели за камышовым столом, а на нем лежал запечатанный конверт. На конверте неровным почерком профессора Челленджера было нацарапано следующее:

«Инструкция лорду Джону Рокстону и его спутникам. Вскрыть в городе Манаус 15 июля ровно в 12 часов дня».

Лорд Джон положил часы на стол рядом с собой.

— Еще семь минут, — сказал он. — Старикашка весьма пунктуален.

Профессор Саммерли криво усмехнулся и протянул к конверту свою худую руку.

— По-моему, безразлично, когда вскрыть, сейчас или через семь минут, — сказал он. — Это все то же шарлатанство и кривляние, которыми, к сожалению, славится автор письма.

— Нет, уж если играть, так по всем правилам, — возразил лорд Джон. — Парадом командует старик Челленджер, и нас занесло сюда по его милости. С нашей стороны будет просто неприлично, если мы не выполним его распоряжений в точности.

— Бог знает что! — рассердился профессор. — Меня и в Лондоне это возмущало, а чем дальше, тем становится все хуже и хуже! Я не знаю, что заключается в этом конверте, но если в нем нет совершенно точного маршрута, я сяду на первый же пароход и постараюсь захватить «Боливию» в Паре. В конце концов у меня найдется работа поважнее, чем разоблачать бредни какого-то маньяка. Ну, Рокстон, теперь уже пора.

— Да, время истекло, — сказал лорд Джон. — Можете давать сигнал.

Он вскрыл конверт перочинным ножом, вынул оттуда сложенный пополам лист бумаги, осторожно расправил его и положил на стол. Бумага была совершенно чистая. Лорд Джон перевернул лист другой стороной. Там тоже ничего не было. Мы растерянно переглядывались и молчали, но наступившую тишину вдруг прервал презрительный смех профессора Саммерли.

— Это же чистосердечное признание! — воскликнул он. — Что вам еще нужно? Человек сам подтвердил собственное мошенничество. Нам остается только вер-

нуться домой и назвать его во всеуслышание наглым обманщицом, кем он и является на самом деле.

— Симпатические чернила! — вырвалось у меня.

— Вряд ли, — ответил лорд Рокстон, поднимая бумагу на свет. — Нет, дорогой юноша, незачем себя обманывать. Ручаюсь чем угодно, что на этом листке ничего не было написано.

— Разрешите войти? — прогудел чей-то голос с веранды.

Приземистая фигура появилась в освещенном квадрате двери. Этот голос! Эта непомерная ширина плеч! Мы дружно вскрикнули и повскакали с мест, когда перед нами в нелепой детской соломенной шляпе с цветной ленточкой, в парусиновых башмаках, носки которых он при каждом шаге выворачивал в стороны, вырос сам Челленджер. Он остановился на ярком свету, засунул руки в карманы куртки, выпятил вперед свою роскошную ассирийскую бороду и устремил на нас дерзкий взгляд из-под полуопущенных век.

— Все-таки опоздал на несколько минут, — сказал он, вынимая из кармана часы. — Вручая вам этот конверт, я, признаться, не рассчитывал, что вы вскроете его, так как мною с самого начала было решено присоединиться к вам раньше указанного часа. Виновники этой досадной задержки — болван лоцман и в равной степени некстати подвернувшаяся мель. Боюсь, что я волей-неволей предоставил моему коллеге профессору Саммерли прекрасный повод поиздеваться надо мной.

— Должен вам заметить, сэр, — довольно строгим тоном сказал лорд Джон, — что ваш приезд несколько облегчает создавшееся неприятное положение, так как мы уже решили, что наша экспедиция подошла к преждевременному концу. Тем не менее я отказываюсь понимать, что вас заставило пуститься на такие странные шутки.

Вместо ответа профессор Челленджер подошел к столу, поздоровался за руку со мной и с лордом Джо-

ном, отвесил оскорбительно вежливый поклон профессору Саммерли и сел в плетеное кресло, которое скрипнуло и так и заходило ходуном под его тяжестью.

— У вас все готово, чтобы двинуться в путь? — спросил он.

— Можно выехать хоть завтра.

— Так и сделаем. Теперь вам не понадобится никаких карт, никаких указаний — я сам буду вашим проводником, цените это! Я с самого начала решил возглавить экспедицию, и вы убедитесь, что ни одна, даже самая подробная карта не заменит вам моего опыта, моего руководства. Что же касается этой невинной хитрости с конвертом, так если б я посвятил вас заранее в свои планы, мне пришлось бы отбиваться от ваших настоятельных просьб ехать сюда всем вместе.

— От меня вы бы этого не дождались, сэр! — с жаром воскликнул профессор Саммерли. — Разве лишь если б на всем Атлантическом океане не нашлось другого парохода!

Челленджер только махнул в его сторону волосатой ручищей.

— Здравый смысл подскажет вам, что я руководствовался правильными соображениями. Мне нужно было сохранить за собой свободу действий, с тем чтобы появиться здесь в тот момент, когда мое присутствие окажется необходимым. Этот момент наступил. Теперь ваша судьба в надежных руках. Вы доберетесь до места. Отныне руководить экспедицией буду я. Прошу вас закончить за сегодняшний день все приготовления, чтобы завтра ранним утром мы могли сняться с места. Мое время драгоценно, ваше тоже, хоть и в меньшей степени. Поэтому предлагаю как можно скорее проделать весь путь, а в конце его я покажу вам то, ради чего вы сюда приехали.

Лорд Джон Рокстон уже несколько дней назад зафрахтовал большой паровой катер «Эсмеральда», на котором мы должны были отправиться вверх по Ама-

зонке. Время года не играло никакой роли при отправке нашей экспедиции, так как температура здесь держится в пределах двадцати пяти — тридцати градусов и зимой и летом. Другое дело — период дождей: он длится с декабря по май, и вода в реке постепенно поднимается больше, чем на двенадцать метров сверх обычного уровня. Амазонка выходит из берегов, заливает огромные пространства, превращая обширный район — местное название его Гапо — в сплошные топи, по которым если пойти пешком, то увязнешь, а на лодке не проедешь из-за мелководья. К июню вода начинает спадать, а в октябре или ноябре уровень ее достигает низшей точки. Отправка нашей экспедиции совпадала именно с тем периодом, когда величественная река со всеми ее притоками держится более или менее в берегах.

Течение в Амазонке довольное медленное, так как уклон ее русла не превышает восьми дюймов на милю. Вряд ли есть на свете река, более удобная для навигации. Преобладающие ветры здесь юго-восточные, и до границы Перу парусные суда добираются быстро, а обратно идут вниз по течению. Что касается нашей «Эсмеральды», то ход ее благодаря прекрасной машинной части не зависел от ленивой реки, и мы двигались с такой быстротой, точно это была не Амазонка, а стоячий пруд.

Первые три дня наш катер держал курс на северо-запад, вверх по течению. Хотя устье Амазонки находится от этих мест на расстоянии нескольких тысяч миль, она настолько широка здесь, что с середины реки оба берега кажутся еле заметной линией где-то у самого горизонта. На четвертый день после нашего отплытия из Манауса мы свернули в один из притоков, который в устье почти не уступал по ширине самой Амазонке, но вскоре начал быстро суживаться. Прошло еще два дня, и мы подошли к какому-то индейскому поселку, где профессор предложил нам выса-

диться, а «Эсмеральду» отправил обратно в Манаус. Скоро начнутся пороги, пояснил он, и катеру тут делать нечего. По секрету же добавил, что мы приблизились к преддверию Неведомой страны и, следовательно, чем меньше народу будет посвящено в нашу тайну, тем лучше. С этой же целью он взял с каждого из нас честное слово, что мы не опубликуем и не разгласим устно точных сведений о географическом положении того места, куда направляется экспедиция, а всех слуг заставил торжественно поклясться в соблюдении тайны. Все это вынуждает меня к известной сдержанности в изложении событий, и я предупреждаю читателей, что на тех картах или чертежах, которые, возможно, придется приложить к моему повествованию, будет правильно только взаимное расположение отдельных мест, но не координаты их, и, следовательно, пользоваться этими данными, для того чтобы проникнуть в Неведомую страну, не рекомендуется. Чем бы ни руководствовался профессор Челленджер, столь ревностно сохраняя свою тайну, мы не могли не повиноваться ему, ибо он действительно был способен скорее сорвать экспедицию, чем хоть на йоту отступить от поставленных нам условий.

Второго августа мы простились с «Эсмеральдой», тем самым порвав последнее звено, связующее нас с миром. За четыре дня, которые прошли с тех пор, профессор нанял у индейцев два больших челна, настолько легких (они были сделаны из звериных шкур, натянутых на бамбуковый каркас), что в случае необходимости мы могли бы перетаскивать их на руках. В эти челны было погружено все наше снаряжение, а в качестве добавочных гребцов мы наняли еще двух индейцев по имени Ипету и Атака, кажется, тех самых, которые сопровождали профессора Челленджера в его первом путешествии. Оба они, по-видимому, были вне себя от ужаса, когда им предложили снова отправиться в те края, но в быту индейцев вождь до сих пор поль-

зуется патриархальной властью, и, если какая-либо сделка кажется ему выгодной, его соплеменникам рассуждать не приходится.

Итак, завтра мы уходим в Неведомое. Первую свою корреспонденцию я отправлю с попутной лодкой, и, быть может, для тех, кто интересуется нашей судьбой, эта весточка о нас будет последней. Я посылаю ее на ваше имя, дорогой мистер Мак-Ардл, как мы и условились. Сокращайте, правьте мои письма, словом, делайте с ними все, что найдете нужным, — полагаюсь на присущий вам такт.

Судя по весьма уверенному виду нашего предводителя, он собирается доказать свою правоту на деле, и я вопреки упорному скептицизму профессора Саммерли не сомневаюсь, что мы действительно накануне величайших и поразительных событий.

Глава VIII

НА ПОДСТУПАХ К НОВОМУ МИРУ

Пусть наши друзья на родине порадуются вместе с нами — мы добрались до цели своего путешествия и теперь можем сказать, что утверждения профессора будут проверены. Правда, на плато наша экспедиция еще не поднималась, но оно тут, перед нами, и при виде его даже профессор Саммерли несколько смирился духом. Он, конечно, не допускает и мысли, что его соперник прав, но спорить стал меньше и большей частью хранит настороженное молчание.

Однако вернусь назад и продолжу свой рассказ с того места, на котором он был прерван. Мы отсылаем обратно одного из индейцев, сильно поранившего руку, и я отправлю письмо с ним, но дойдет ли оно когда-нибудь по назначению, в этом я очень сомневаюсь.

Последняя моя запись была сделана в тот день, ког-

да мы собрались покинуть индейский поселок, к которому нас доставила «Эсмеральда». На сей раз приходится начинать с неприятного, так как в тот вечер между двумя членами нашей группы произошла первая серьезная ссора, чуть было не закончившаяся трагически. Постоянные стычки между профессорами, конечно, в счет не идут. Я уже писал о нашем метисе Гомесе, который говорит по-английски. Он прекрасный работник, очень услужливый, но страдает болезненным любопытством — пороком, свойственным большинству людей. В последний вечер перед отъездом из поселка Гомес, по-видимому, спрятался где-то около хижины, в которой мы обсуждали наши планы, и стал подслушивать. Великан Самбо, преданный нам, как собака, и к тому же ненавидящий метисов, подобно всем представителям своей расы, схватил его и притащил в хижину. Гомес взмахнул ножом и заколол бы негра, если б тот, обладая поистине неимоверной силой, не ухитрился обезоружить его одной рукой. Мы отчитали их обоих, заставили обменяться рукопожатием и надеемся, что тем дело и кончится. Что же касается вражды между нашими двумя учеными мужами, то она не только не утихает, но разгорается все пуще и пуще. Челленджер, надо сознаться, ведет себя крайне вызывающе, а злой язык Саммерли ни в коей мере не способствует их примирению. Вчера, например, Челленджер заявил, что он не любит гулять по набережной Темзы — ему, видите ли, грустно смотреть на то последнее пристанище, которое его ожидает. У профессора нет ни малейших сомнений, что его прах будет покоиться в Вестминстерском аббатстве. Саммерли кисло улыбнулся и сказал:

— Насколько мне известно, Милбенкскую тюрьму давно снесли.

Огромное самомнение Челленджера не позволяет ему обижаться на такие шпильки, и поэтому он только усмехнулся в бороду и проговорил снисходи-

тельным тоном, словно обращаясь к ребенку:

— Ишь ты, какой!

По уму и знаниям эти два человека могут занять место в первом ряду светил науки, но, приглядеться к ним — они настоящие дети: один сухонький, брюзгливый, другой тучный, властный. Ум, воля, душа — чем больше узнаешь жизнь, тем яснее видишь, как часто одно не соответствует другому!

На следующий день после описанного происшествия мы двинулись в путь, и эту дату можно считать началом нашей замечательной экспедиции. Все снаряжение прекрасно поместилось в двух челнах, а мы сами разбились на две группы, по шести человек в каждой, причем в интересах общего спокойствия профессоров рассадили по разным челнам. Я сел с Челленджером, который пребывал в состоянии безмолвного экстаза и всем своим видом излучал благостность. Но мне уже приходилось наблюдать его в другом настроении, и я готов был каждую минуту услышать гром среди ясного неба. С этим человеком никогда нельзя чувствовать себя спокойным, но зато в его обществе и не соскучишься, ибо он все время заставляет тебя трепетать в ожидании внезапной вспышки его бурного темперамента.

Два дня мы поднимались вверх по широкой реке, вода в которой была темная, но такая прозрачная, что сквозь нее виднелось дно. Такова половина всех притоков Амазонки, в других же вода мутно-белого цвета — все зависит от местности, по которой они протекают: там, где есть растительный перегной, вода в реках прозрачная, а в глинистой почве она замутнена. Пороги нам встретились дважды, и оба раза мы делали обход на полмили, перетаскивая все свое имущество на руках. Лес по обоим берегам был вековой давности, а через такой легче пробираться, чем сквозь густую поросль кустарника, поэтому наша поклажа не причиняла нам особых неудобств. Мне никогда не за-

быть ощущения торжественной тайны, которое я испытал в этих лесах. Коренной горожанин не может даже представить себе таких могучих деревьев, почти на недосягаемой для взора высоте сплетающих готические стрелы ветвей в сплошной зеленый шатер, сквозь который лишь кое-где, пронизывая на миг золотом эту торжественную тьму, пробивается солнечный луч. Густой мягкий ковер прошлогодней листвы приглушал наши шаги. Мы шли, охваченные таким благоговением, которое испытываешь разве только под сумрачными сводами Вестминстерского аббатства, и даже профессор Челленджер понизил свой зычный бас до шепота. Будь я здесь один, мне так бы никогда и не узнать названий этих гигантских деревьев, но наши ученые то и дело показывали нам кедры, огромные капоки, секвойи и множество других пород, благодаря обилию которых этот континент стал для человека главным поставщиком тех даров природы, что относятся к растительному миру, тогда как его животный мир крайне беден.

На темных стволах пламенели яркие орхидеи и поражающие своей окраской лишайники, а когда случайный луч солнца падал на золотую алламанду, пунцовые звезды жаксонии или густо-синие гроздья ипомеи, казалось, что так бывает только в сказке. Все живое в этих дремучих лесах тянется вверх, к свету, ибо без него — смерть. Каждый побег, даже самый слабенький, пробивается все выше и выше, заплетаясь вокруг своих более сильных и более рослых собратьев. Ползучие растения достигают здесь чудовищных размеров, а те, которым будто и не положено виться, волей-неволей постигают это искусство, лишь бы вырваться из густого мрака. Я видел, например, как обыкновенная крапива, жасмин и даже пальма яситара оплетали стволы кедров, пробиваясь к самым их вершинам.

Внизу, под величественными сводами зелени, не

было слышно ни шороха, ни писка, но где-то высоко у нас над головой шло непрестанное движение. Там в лучах солнца ютился целый мир змей, обезьян, птиц и ленивцев, которые, вероятно, с изумлением взирали на крохотные человеческие фигурки, пробирающиеся внизу, на самом дне этой наполненной таинственным сумраком бездны.

На рассвете и при заходе солнца лесная чаща оглашалась дружным воем обезьян-ревунов и пронзительным щебетом длиннохвостых попугаев, но в знойные часы мы слышали лишь жужжание насекомых, напоминающее отдаленный шум прибоя, и больше ничего... Ничто не нарушало торжественного величия этой колоннады стволов, уходящих вершинами во тьму, которая нависала над нами. Только раз в густой тени под деревьями неуклюже проковылял какой-то косолапый зверь — не то муравьед, не то медведь. Это был единственный признак того, что в лесах Амазонки живое передвигается и по земле.

А между тем некоторые другие признаки свидетельствовали и о присутствии человека в этих таинственных дебрях — человека, который держался не так далеко от нас. На третий день мы услышали какой-то странный ритмический гул, то затихавший, то снова сотрясавший воздух своими торжественными раскатами, и так все утро. Когда этот гул впервые донесся до нас, челны шли на расстоянии нескольких ярдов один от другого. Индейцы замерли, точно превратившись в бронзовые статуи, на их лицах был написан ужас.

— Что это? — спросил я.

— Барабаны, — небрежным тоном ответил лорд Джон. — Боевые барабаны. Мне уже приходилось слышать их.

— Да, сэр, это боевые барабаны, — подтвердил метис Гомес. — Индейцы — злой народ. Они следят за нами. Индейцы убьют нас, если смогут.

— Каким это образом они ухитрились нас высле-

дить? — спросил я, вглядываясь в темную, неподвижную чащу.

Метис пожал плечами.

— Индейцы, они все умеют. У них всегда так. Они следят. Барабаны переговариваются между собой. Индейцы убьют нас, если смогут.

К полудню — в моей записной книжке отмечено, что это было во вторник восемнадцатого августа, — гул по меньшей мере шести-семи барабанов окружал нас со всех сторон. Они то учащали ритм, то замедляли. Вот где-то на востоке послышалась четкая, отрывистая дробь... Пауза... Густой гул откуда-то с севера. Этот непрестанный рокот звучал почти как вопрос и ответ. В нем было что-то грозное, невероятно действующее на нервы. Он сливался в слова — те самые, которые не переставал твердить наш метис: «Если сможем, убьем. Если сможем, убьем». В безмолвном лесу не было ни малейшего движения. Темная завеса зелени дышала покоем и миром, присущим только природе, но из-за нее безостановочно неслась одна и та же весть, которую слал нам собрат-человек. «Если сможем, убьем», — говорили те, кто был на востоке. «Если сможем, убьем» — отвечали им с севера.

Барабаны рокотали и перешептывались весь день, и угроза, звучавшая в их голосах, отражалась ужасом на лицах наших цветных спутников. Даже смелый, хвастливый метис, видимо, трусил. Зато в тот же день у меня был случай убедиться, что Саммерли и Челленджер обладают высшим мужеством — мужеством просвещенного ума. С такой же отвагой держался Дарвин среди гаучосов Аргентины и Уоллес — среди малайских охотников за черепами. Так уж положено милостивой природой: человек не может думать о двух вещах сразу, и там, где говорит научная любознательность, соображениям личного порядка места не остается.

Оба профессора не пропускали ни одной пролетавшей птицы, ни одного кустика на берегу и то и дело

принимались яростно спорить, не обращая внимания на таинственный грозный гул. Саммерли по-прежнему огрызался на Челленджера, который по своему обыкновению гудел басом, и ни тот, ни другой не считали нужным хотя бы одним словом обмолвиться об индейских барабанах, будто все это происходило в курительной комнате клуба Королевского общества на Сент-Джеймс-стрит. Они только раз удостоили индейцев своим вниманием.

— Каннибалы племени миранью, а может быть, амажуака, — сказал Челленджер, ткнув большим пальцем в сторону леса, откуда неслись барабанные раскаты.

— Совершенно верно, сэр, — ответил Саммерли, — и, как все здешние племена, они принадлежат к монгольской расе, а язык у них полисинтетический.

— Разумеется, полисинтетический, — снисходительно согласился Челленджер. — Насколько мне известно, других языков на этом континенте не существует. У меня записано более сотни разных наречий. Но что касается монгольской расы, то в этом я сомневаюсь.

— А казалось бы, достаточно самого поверхностного знакомства со сравнительной анатомией, чтобы признать эту теорию правильной, — ядовито заметил Саммерли.

Челленджер с воинственным видом выпятил вперед подбородок. Поля соломенной шляпы и борода — вот все, что предстало нашим взорам.

— Вы правы, сэр, поверхностное знакомство ничего другого дать не может. Но исчерпывающие знания заставляют приходить к иным выводам.

Они злобно ели друг друга глазами, а в это время по лесу еле слышным шепотом проносилось эхо: «Убьем, убьем... Если сможем, убьем».

Вечером мы вывели челны на середину реки, приспособив вместо якорей тяжелые камни, и подготовились к возможному нападению. Однако ночь прошла

спокойно, и с рассветом мы двинулись дальше под затихавшую вдали барабанную дробь. Около трех часов дня нам преградили путь высокие пороги, тянувшиеся мили на полторы, те самые, на которых профессор Челленджер потерпел крушение в свою первую экспедицию.

Сознаюсь, что вид этих порогов подбодрил меня: это было первое, хоть и слабое подтверждение достоверности рассказов Челленджера.

Индейцы перенесли сквозь густой кустарник сначала челны, потом снаряжение, а мы, четверо белых, с винтовками в руках шли цепочкой, прикрывая их от той опасности, которая могла нагрянуть из лесу. К вечеру наша партия благополучно миновала пороги, поднялась миль на десять вверх по реке и остановилась на ночлег. По моим примерным расчетам, к этому времени Амазонка была уже по меньшей мере на сотни миль позади нас.

Рано утром на следующий день произошли важные события. Профессор Челленджер с самого рассвета вглядывался в оба берега, явно чем-то обеспокоенный. Но вот он радостно вскрикнул и показал на дерево, низко нависшее над водой.

— Как, по-вашему, что это? — спросил он.

— Пальма ассаи, конечно, — сказал Саммерли.

— Правильно. И эта самая пальма служила мне главной приметой. Еще с полмили вверх по тому берегу, и мы подойдем к скрытому в чаще протоку. Удивительнее всего, что деревья стоят там сплошной стеной. Вон видите: темный кустарник сменяется светло-зеленым тростником. Там среди высоких тополей и есть потайная дверь в Неведомую страну. Сейчас вы сами во всем убедитесь. Ну, вперед!

И действительно, нам оставалось только поражаться. Подплыв к тому месту, где начинались заросли светло-зеленого тростника, мы врезались в них, потом ярдов сто вели оба челна, отталкиваясь от берега шес-

тами, и наконец вышли в тихую, неглубокую речку с песчаным дном, видневшимся сквозь прозрачную воду. Ее узкие берега были одеты пышной зеленью.

Тот, кто не заметил бы, что вместо густого кустарника здесь растет тростник, никогда бы не догадался о существовании этой речки и открывающегося за ней волшебного царства.

Да, это было поистине волшебное царство! Такое великолепие может нарисовать только самая пылкая фантазия. Густые ветви сплетались у нас над головой, образуя естественный зеленый свод, а сквозь этот живой туннель струилась прозрачно-зеленая река. Прекрасная сама по себе, она казалась еще чудеснее от тех причудливых бликов, которые роняли на нее смягченные зеленью яркие лучи солнца. Чистая, как хрусталь, недвижная, как зеркало, зеленеющая у берегов, как айсберг, водная гладь сверкала сквозь резную арку листвы, подергиваясь рябью под ударами наших весел. Это был путь, достойный страны чудес, в которую он вел.

Теперь индейцы никак не давали о себе знать, зато животные стали попадаться чаще, и их доверчивость свидетельствовала о том, что они еще не встречались с охотником. Пушистые бархатисто-черные обезьянки с ослепительно-белыми зубами и лукавыми глазками провожали нас пронзительной трескотней. Иногда с тяжелым всплеском срывался с берега в воду кайман. Раз как-то грузный тапир выглянул из кустов и, постояв минуту, побрел в чащу. Потом среди деревьев мелькнуло гибкое тело крупной пумы; она обернулась на ходу, и из-за рыжего плеча на нас сверкнули полные ненависти зеленые глаза. Птиц здесь было множество, особенно болотных. На каждом стволе, нависшем над водой, стайками сидели ибисы, цапли, аисты — голубые, ярко-красные, белые, а кристально чистая вода так и кишела рыбами всех цветов радуги.

Мы плыли по этому золотисто-зеленому туннелю

три дня. Глядя вдаль, трудно было отличить, где кончается зеленая вода и где начинается зеленый свод над ней. Ничто не нарушало глубокого покоя этой реки, следов человека здесь не было.

— Индейцев нет. Они боятся Курупури, — сказал как-то Гомес.

— Курупури — это лесной дух, — пояснил лорд Джон. — Здесь этим именем называют все, что несет в себе злое начало. Бедняги туземцы боятся даже заглянуть сюда: им кажется, будто в этих местах кроется нечто страшное.

На третий день нам стало ясно, что с челнами надо расстаться: так как река начинала быстро мелеть, они то и дело скребли днищем о песок. Под конец мы вытащили их из воды и расположились на ночь в прибрежном кустарнике. Утром лорд Джон и я прошли мили две лесом параллельно реке и, убедившись, что она мелеет все больше и больше, вернулись с этой вестью к профессору Челленджеру, тем самым подтвердив его предположение, что мы достигли крайней точки, дальше которой на челнах идти нельзя. Тогда мы втащили их еще выше на берег, спрятали в кустах и сделали на соседнем дереве зарубку, чтобы разыскать свой тайник на обратном пути. Потом, распределив между собой поклажу: винтовки, патроны, провизию, одеяла, палатку и прочий скарб, — взвалили тюки на плечи и снова двинулись в путь, последний этап которого сулил нам гораздо большие трудности, чем начало.

Это выступление, к несчастью, было ознаменовано стычкой между нашими двумя петухами. Присоединившись к нам, Челленджер сразу же взял экспедицию под свое начало, к явному неудовольствию Саммерли. И в этот день, как только Челленджер отдал распоряжение своему коллеге (нести анероидный барометр всего-навсего!), последовал взрыв.

— Разрешите спросить, сэр, — с грозным спокойствием проговорил Саммерли, — по какому праву

вы командуете нами?

Челленджер вдруг вспыхнул и весь так и ощетинился:

— По праву начальника экспедиции, профессор Саммерли!

— Вынужден заявить, сэр, что я вас таковым не признаю.

— Ах, вот как! — Челленджер с поистине слоновьей грацией отвесил ему насмешливый поклон. — Тогда, может быть, вы соблаговолите указать мне мое место среди вас?

— Пожалуйста, сэр. Вы человек, слова которого взяты под сомнение, а мы — члены комиссии, созданной для того, чтобы проверить вас. Вы идете со своими судьями, сэр!

— Боже милостивый! — воскликнул Челленджер, садясь на перевернутый челн. — В таком случае будьте добры следовать своей дорогой, а я не торопясь пойду за вами. Поскольку я не возглавляю эту экспедицию, мне незачем идти во главе ее.

Благодарение богу, в нашей партии нашлись два здравомыслящих человека — лорд Джон и я, — иначе сумасбродство и горячность наших ученых мужей привели бы к тому, что мы вернулись бы в Лондон с пустыми руками. Сколько понадобилось пререканий, уговоров, объяснений, прежде чем мы утихомирили их! Наконец Саммерли двинулся вперед, попыхивая трубкой и презрительно усмехаясь, а Челленджер с ворчанием последовал за ним. К счастью, мы еще за несколько дней до того успели обнаружить, что оба наших мудреца ни во что не ставят доктора Иллингворта из Эдинбурга, и это спасло нас. В дальнейшем стоило нам только упомянуть имя шотландского зоолога, как назревающие ссоры моментально стихали, оба профессора заключали временный союз и дружно накидывались на своего общего соперника.

Двигаясь гуськом вдоль берега, мы скоро обнаружили, что река постепенно превратилась в узкий ручей, а

он, в свою очередь, затерялся в трясине, заросшей зеленым губчатым мхом, в который наши ноги уходили по колено. В этом месте вились густые тучи москитов и всякой другой мошкары, так что мы с чувством облегчения ступили наконец на твердую землю и, сделав большой крюк лесом, обошли эту злачную трясину, которая еще долго напоминала нам о себе органным гулом насекомых.

На второй день после того, как мы бросили челны, характер местности резко изменился. Нам приходилось все время идти в гору, лесная чаща заметно редела и утрачивала свою тропическую пышность. Огромные деревья, вскормленные илистой почвой долины Амазонки, уступили место кокосовым и финиковым пальмам, которые стояли группами среди густого кустарника. В сырых низинах росли пальмы с изящными ниспадающими листьями. Мы шли почти только по компасу, и раза два между Челленджером и двумя индейцами разгорался спор о выборе пути, причем оба раза вся наша партия предпочла, как выразился возмущенный профессор, «довериться обманчивому инстинкту первобытных дикарей, а не совершеннейшему продукту современной европейской культуры». На третий день выяснилось, что мы были правы, отдав предпочтение индейцам. Челленджер сам опознал кое-какие приметы, запомнившиеся ему с первого путешествия, а в одном месте мы даже наткнулись на четыре обожженных камня — след его лагерной стоянки.

Подъем все еще продолжался; два дня ушло на то, чтобы преодолеть усеянный валунами холм. Растительность снова изменилась, и от прежней тропической роскоши здесь оставались только пальмы «слоновая кость» да множество чудесных орхидей, среди которых я научился распознавать редкостную Nuttoma Vexillaria, розовые и пунцовые цветы великолепной катлеи и одонтоглоссум. В расщелинах холма журчали по мелким камням ручейки, затененные зарослями папорот-

ника. На ночь мы обычно располагались среди валунов на берегу какой-нибудь заводи, где стаями носились рыбки с синевато-черными спинками вроде нашей английской форели, служившие нам прекрасным блюдом на ужин.

На девятый день нашего пути, когда мы проделали, по моим расчетам, около ста двадцати миль от того места, где были спрятаны челны, лес совсем измельчал и мало-помалу перешел в кустарник. Кусты, в свою очередь, сменились бескрайними бамбуковыми зарослями, настолько густыми, что нам приходилось прорубать в них дорогу ножами и индейскими томагавками. На это у нас ушел целый день, от семи утра до восьми вечера, всего с двумя короткими перерывами на отдых. Трудно представить себе занятие более однообразное и утомительное!

Даже в просеках мой горизонт ограничивался какими-нибудь десятью — двенадцатью ярдами; все остальное время я видел перед собой только спину лорда Джона в белой парусиновой рубашке да по сторонам почти вплотную желтую стену бамбука. Узкие, как лезвие, лучи солнца кое-где пронизывали ее; футах в пятнадцати у нас над головой на фоне ярко-синего неба покачивались бамбуковые метелки. Я не знаю, какие животные населяли эту чащу, но мы не раз слышали совсем близко от себя чью-то грузную поступь. Лорд Джон думал, что это были какие-то крупные копытные. Только к ночи выбрались мы из зарослей бамбука и, измученные за этот показавшийся нам бесконечным день, сейчас же разбили лагерь.

Следующее утро застало нас уже в пути. Характер местности опять начал меняться. Желтая стена бамбука четко, словно речное русло, виднелась позади. Перед нами же расстилалась открытая равнина, поросшая кое-где древовидными папоротниками и постепенно поднимавшаяся к длинному гребню, который напоминал очертаниями спину кита. Мы перевалили через не-

го около полудня и увидели за ним долину, а дальше снова пологий откос, мягко круглившийся на горизонте. Здесь, у первой гряды холмов, и произошло некое событие, полное, быть может, серьезного значения, но так ли это — покажет дальнейшее.

Профессор Челленджер, шагавший впереди вместе с двумя индейцами, вдруг остановился и взволнованно замахал рукой, показывая куда-то вправо. Посмотрев в ту сторону, мы увидели примерно в миле от нас нечто похожее на огромную серую птицу, которая неторопливо взмахнула крыльями, низко и плавно пронеслась над самой землей и скрылась среди деревьев.

— Вы видели? — ликующим голосом крикнул Челленджер. — Саммерли, вы видели?

Его коллега, не отрываясь, смотрел туда, где скрылась эта странная птица.

— Что же это такое, по-вашему? — спросил он.

— Как что? Птеродактиль!

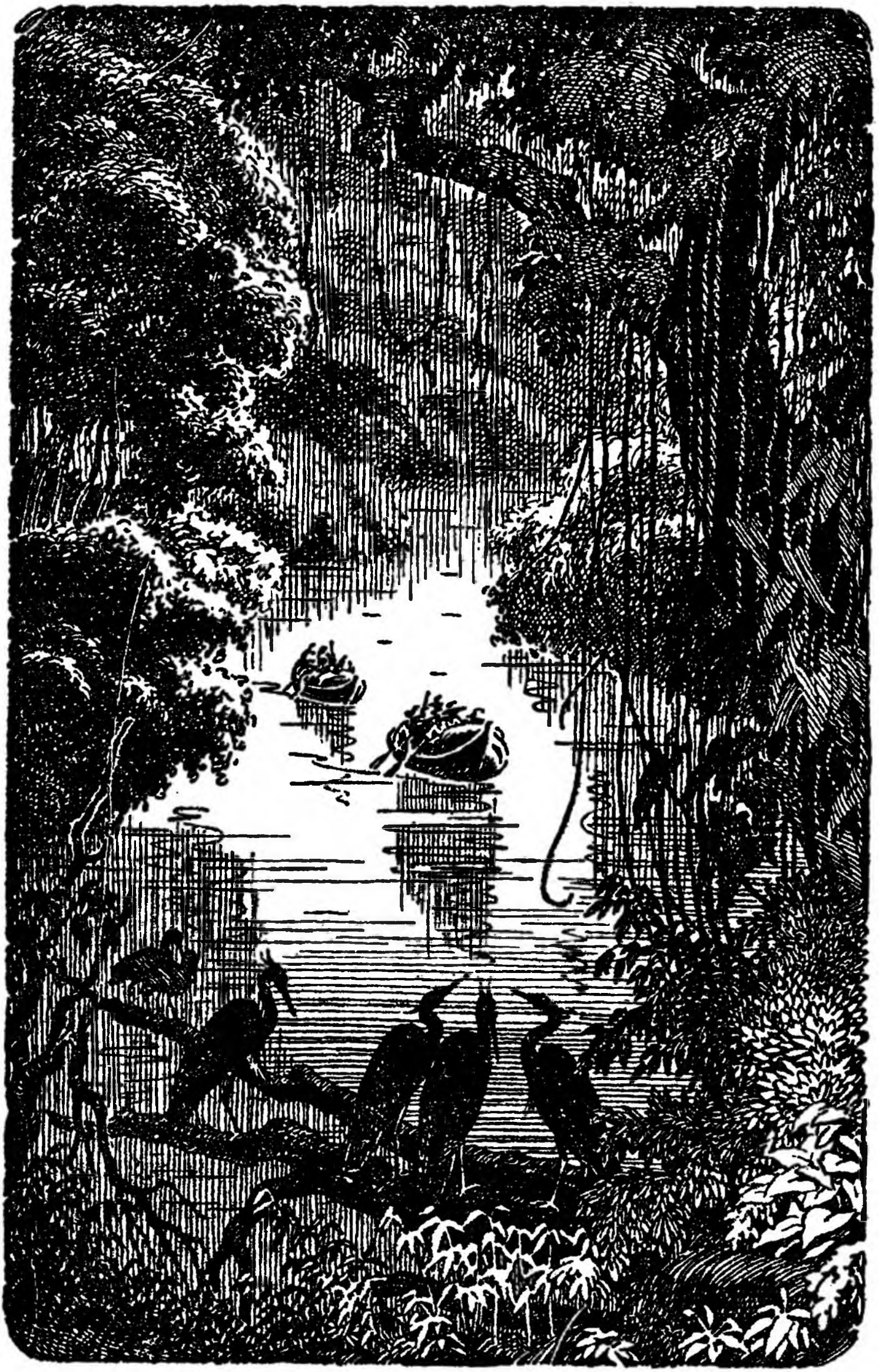
Саммерли презрительно расхохотался.

— Птерочушь! — сказал он. — Это аист, самый обыкновенный аист.

Челленджер лишился дара речи от бешенства. Вместо ответа он взвалил на плечи свой тюк и зашагал дальше. Но у лорда Джона, который вскоре поравнялся со мной, вид был куда серьезнее обычного. Он держал в руках цейссовский бинокль.

— Я все-таки успел ее разглядеть, — сказал он. — Не берусь судить, что это за штука, но таких птиц я еще в жизни не видывал, могу поручиться в этом всем своим опытом охотника.

Вот так и обстоят наши дела. Подошли ли мы действительно к Неведомой стране, стоим ли на подступах к Затерянному миру, о котором не перестает твердить наш руководитель? Все записано так, как было, и вы знаете столько же, сколько и я. Такие случаи больше не повторялись, никаких других важных событий с нами не произошло.

Итак, мои дорогие читатели — если только когда-нибудь у меня будут таковые, — вы поднялись вместе со мной по широкой реке, проникли сквозь тростник в зеленый туннель, прошли по откосу среди пальм, преодолели заросли бамбука, спустились на равнину, поросшую древовидными папоротниками. И теперь цель нашего путешествия лежит прямо перед нами.

Перевалив через вторую гряду холмов, мы увидели узкую долину, густо заросшую пальмами, а за ней длинную линию красных скал, которая запомнилась мне по рисунку в альбоме. Сейчас я пишу, но стоит мне оторваться от письма, и вот она у меня перед глазами: ее тождество с рисунком несомненно. Кратчайшее расстояние между ней и нашей стоянкой не превышает семи миль, а потом она изгибается и уходит в необозримую даль.

Челленджер, как петух, с боевым видом расхаживает по лагерю; Саммерли хранит молчание, но настроен по-прежнему скептически. Еще один день — и многие из наших сомнений разрешатся. Пока же я отправлю это письмо с Жозе, который поранил себе руку в бамбуковых зарослях и требует, чтобы его отпустили. Надеюсь, что письмо все-таки попадет по назначению. При первой же возможности напишу еще. К письму прилагаю приблизительный план нашего путешествия в расчете на то, что он поможет вам уяснить все здесь изложенное.

Глава IX

КТО МОГ ПРЕДУГАДАТЬ ЭТО?

Нас постигло страшное несчастье. Кто мог предугадать это? Теперь я не вижу конца нашим бедам. Может быть, нам суждено остаться на всю жизнь в этом загадочном, неприступном месте. Я так

потрясен случившимся, что до сих пор не могу хорошенько разобраться в настоящем, не могу и заглянуть вперед, в будущее. Первое кажется моему смятенному мозгу ужасным, второе — беспросветным, как ночь.

Вряд ли кто-нибудь еще попадал в такое положение. Оно столь безвыходно, что я даже не считаю нужным открывать вам точные координаты этой горной цепи и взывать к друзьям о высылке спасательной партии. Если такая партия и будет выслана, наша судьба, по всей вероятности, решится задолго до ее прибытия в Южную Америку.

Да, мы отрезаны от всякой помощи, все равно как если бы нас занесло на Луну. Если же мы выйдем с честью из этой беды, то будем обязаны спасением только самим себе. Мои три спутника — люди незаурядные, люди замечательного ума и непоколебимого мужества. В этом, и только в этом, вся наша надежда. Стоит мне взглянуть на спокойные лица товарищей, и мрак вокруг меня рассеивается. Смею думать, что внешне я держусь с таким же спокойствием. На самом же деле меня мучают тяжкие сомнения.

А теперь позвольте мне изложить со всеми подробностями ход событий, который привел нас к катастрофе.

В последнем своем отчете я писал, что мы находимся в семи милях от цепи красных скал, опоясывающих кольцом то самое плато, о котором говорил профессор Челленджер. Когда наша партия подошла к ним поближе, мне показалось, что профессор даже преуменьшил их высоту, так как в некоторых местах они достигают по крайней мере тысячи футов. Бросается в глаза также слоистость этих скал, по-видимому, характерная для базальтовых образований. Нечто подобное можно наблюдать в Селисберийских утесах близ Эдинбурга. Вершина горной цепи покрыта пышной растительностью — по краям поднимаются кусты, а за ними высокие деревья. Живых существ здесь, очевидно, нет.

Той ночью мы разбили лагерь у самого подножия горной цепи, в пустынном и мрачном месте. Красные скалы, поднимающиеся над нами, не только совершенно отвесны, но и загибаются по краям наружу, так что о подъеме с этой стороны нечего и думать. Невдалеке от нашего лагеря стоит высокий, суживающийся кверху, утес. Я, кажется, уже говорил о нем в свое время. Он напоминает утолщенный церковный шпиль. Вершина его, на которой растет высокое дерево, приходится вровень с плато, но их разделяет расщелина. Этот утес и ближайшие к нему отроги горной цепи не очень высоки — на мой взгляд, футов пятьсот — шестьсот, не больше.

— Вот на этом самом дереве, — сказал профессор, — сидел птеродактиль, которого я подстрелил. Мне пришлось вскарабкаться до половины утеса. Думаю, что хороший альпинист, вроде меня, сможет подняться и на вершину, хотя оттуда на плато все равно не переберешься.

Пока Челленджер говорил о своем птеродактиле, я приглядывался к профессору Саммерли и впервые уловил в нем нечто новое: он явно начинал верить своему сопернику и даже проявлял некоторые признаки раскаяния. Язвительная усмешка исчезла с его губ, он стоял бледный и не старался скрыть своего изумления. Челленджер тоже не преминул заметить это и уже упивался победой.

— Профессор Саммерли, разумеется, думает, что, говоря о птеродактиле, я имею в виду обыкновенного аиста, — сказал он, неуклюже пытаясь сострить, — но этот аист лишен оперения, у него необычайно твердый кожный покров, перепончатые крылья и усаженный зубами клюв.

Челленджер отвесил низкий поклон, ухмыльнулся, подмигнул своему коллеге, а тот не выдержал и отошел прочь.

Утром после скромного завтрака, состоявшего из

кофе и маниока — провизию приходилось экономить, — мы созвали военный совет и стали обсуждать, каким образом подняться на плато.

Профессор Челленджер председательствовал с необычайной торжественностью — ни дать ни взять верховный судья.

Представьте себе такую картину: этот бородач в сдвинутой на затылок нелепой соломенной шляпе восседает на камнях, надменно поглядывая на нас из-под полуопущенных век, и медленно, с расстановкой говорит о нашем теперешнем положении и дальнейших планах действия. Перед ним разместились мы трое: ваш покорный слуга — загорелый, сильно окрепший на свежем воздухе; Саммерли, с важным и по-прежнему скептическим видом попыхивающий трубкой, и худощавый, острый, как лезвие бритвы, лорд Джон, который опирается на винтовку, устремив на Челленджера орлиный взор. Позади нас двое смуглых метисов и сбившиеся в кучку индейцы, а впереди красноватые ребристые скалы, закрывающие нам доступ к желанной цели.

— Вряд ли стоит говорить, — так начал наш руководитель, — что в свой первый приезд сюда я испробовал все способы подняться на плато, и если уж это не удалось мне, опытному альпинисту, то другому и подавно не удастся. Правда, у меня не было никаких альпинистских приспособлений, но теперь я об этом позаботился и с их помощью во что бы то ни стало доберусь до вершины утеса. Впрочем, о подъеме на главный кряж с этой стороны пока что нечего и думать. В прошлый раз мне пришлось торопиться: приближался период дождей, кроме того, мои запасы подходили к концу. Все это крайне стеснило меня во времени, и я успел обогнуть хребет в восточном направлении миль на шесть и не нашел сколько-нибудь подходящего места для подъема. Что же мы предпримем теперь?

— По-моему, здравый смысл подсказывает нам

только один выход, — заговорил профессор Саммерли. — Если вы обследовали хребет в восточном направлении, то теперь надо идти на запад и посмотреть, нельзя ли подняться с той стороны.

— Правильно, — поддержал его лорд Джон. — Есть основания предполагать, что этот кряж не так уж велик. Мы обойдем его вокруг и либо отыщем то, что нам нужно, либо вернемся к исходной точке.

— Я уже разъяснил нашему юному другу, — сказал Челленджер (он всегда говорил обо мне, как о десятилетнем школьнике), — что на легкий подъем рассчитывать не приходится, и по весьма простой причине: если б таковой существовал, плато не было бы отрезано от остального мира и на нем не создались бы условия, которые нарушают все известные нам законы выживания видов. Тем не менее я вполне допускаю, что на склонах есть места, доступные опытному альпинисту, но непреодолимые для тяжелых, неповоротливых животных. В существовании по крайней мере одного такого места я просто уверен.

— Что же вам дало эту уверенность, сэр? — резко спросил его Саммерли.

— А то, что моему предшественнику, американцу Мепл-Уайту, каким-то образом удалось подняться на плато. Иначе как бы он увидел то чудовище, которое зарисовано у него в альбоме?

— Следовательно, вы забегаете вперед, не дожидаясь, когда все это будет проверено, — упрямо возразил Саммерли. — Я признаю существование плато, потому что оно у меня перед глазами, но есть ли на нем жизнь, этого мне еще никто не доказал.

— Признаете ли вы что-нибудь или не признаете, — это, сэр, совершенно неважно. Впрочем, я рад, что наличие самого плато все же дошло до вашего сознания. — Челленджер поднял голову и вдруг, вскочив с места, схватил Саммерли за шиворот и задрал ему подбородок кверху. — Ну, сэр, — крикнул он хриплым от

волнения голосом, — теперь вы убедились, что на плато есть животный мир?

Я уже говорил о густой бахроме зелени, окаймлявшей края каменной гряды. Так вот, из этих зарослей вдруг показалось какое-то черное блестящее существо. Оно медленно подползло к обрыву, свесилось над ним, и тут мы разглядели, что это огромная змея с плоской, похожей на лопату головой. С минуту она качалась над обрывом, играя на солнце своими гладкими, словно отполированными кольцами, потом медленно подалась назад и исчезла в кустах.

Это зрелище так увлекло Саммерли, что сначала он даже не пытался вырваться из лап Челленджера. Но потом опомнился и, оттолкнув от себя своего коллегу, снова принял достойный вид.

— Профессор Челленджер, — сказал он, — я был бы очень рад, если бы вы нашли какой-нибудь другой способ привлекать внимание к своим словам, вместо того чтобы задирать мне подбородок кверху. Такую вольность не оправдывает даже появление весьма обыкновенного питона.

— А все-таки на плато есть жизнь! — торжествующе воскликнул его коллега. — И теперь, когда этот мой тезис получил столь наглядное подтверждение, что оспаривать его не станут даже самые предубежденные и тупые умы, я предлагаю немедленно покинуть стоянку и двинуться в западном направлении на поиски того места, откуда можно будет совершить подъем.

Подножие хребта было каменистое, неровное, так что мы подвигались вперед медленно и с большим трудом. Но неожиданная находка подбодрила нас: мы наткнулись на следы чьей-то давней стоянки. Среди камней валялись несколько жестянок из-под чикагских мясных консервов, сломанный нож к ним, бутылка с этикеткой «Коньяк» и много другой обычной в таких случаях мелочи. Скомканная рваная газета оказалась «Чикагским демократом», но от како-

го она была числа, обнаружить нам не удалось.

— Не мое, — сказал Челленджер. — Это, должно быть, Мепл-Уайт оставил.

Лорд Джон внимательно разглядывал ствол высокого древовидного папоротника, в тени которого была разбита стоянка.

— Посмотрите-ка, — сказал он. — По-моему, это нечто вроде указательного столба.

К дереву острым концом на запад была прибита щепка.

— Совершенно верно! — воскликнул Челленджер. — Ничего другого и быть не может. Наш предшественник понимал, что предстоящий ему путь сопряжен с опасностями, и оставил эту веху на тот случай, если его будут разыскивать. Подождите, может быть, мы еще встретим какие-нибудь другие следы.

Он оказался прав, но как неожиданно и страшно было то, что мы увидели! У самого подножия хребта тянулись высокие заросли бамбука, такие же, как те, сквозь которые нам приходилось продираться в начале нашего путешествия. Стебли его достигали порой двадцати футов, а острые, крепкие верхушки торчали кверху, словно настоящие колья. Мы шли вдоль этих зарослей и вдруг заметили, что там блеснуло что-то белое. Я просунул голову между стеблями и увидел череп. В нескольких шагах от него, ближе к краю, лежал и весь скелет.

Индейцы быстро расчистили ножами это место, и разыгравшаяся здесь трагедия предстала перед нами во всех подробностях. От одежды погибшего остались одни лохмотья, но башмаки на голых костях сохранились в целости, и по ним можно было судить, что бывший их обладатель — европеец. Среди костей лежали золотые часы нью-йоркской фирмы «Гудзон» и стилографическое перо на цепочке. Тут же валялся серебряный портсигар с выгравированной на крышке надписью: «Дж., К. от А. Э. С.». Портсигар не успел по-

темнеть, следовательно, несчастный случай произошел не так давно.

— Кто же это? — спросил лорд Джон. — Вот бедняга! Ни одной целой косточки не осталось!

— И бамбук торчит сквозь ребра, — сказал Сам-мерли. — Правда, он растет необычайно быстро, но все же трудно предположить, что стебли могли вытянуться до двадцати футов за то время, пока скелет лежит здесь.

— Что касается личности погибшего, — сказал Челленджер, — то на этот счет у меня нет никаких сомнений. До того как присоединиться к вам в асьенде, я навел точные справки о Мепл-Уайте. В Паре о нем ничего не знали. К счастью, меня навел на след один рисунок из его альбома. Помните, завтрак в Розариу у какого-то священника. Так вот этого священника мне удалось разыскать, и хотя он оказался большим спорщиком и страшно разобиделся, когда я стал ему доказывать, что религиозные верования не устоят перед разлагающим действием современной науки, все же наша беседа не прошла даром. Мепл-Уайт приезжал в Розариу четыре года назад, то есть за два года до смерти. Он был не один, с ним путешествовал его друг, американец по имени Джеймс Колвер, который на берег не сходил и со священником не виделся. Поэтому мы можем не сомневаться, что перед нами останки этого самого Джеймса Колвера.

— Еще меньше сомнений вызывают у меня обстоятельства его гибели, — сказал лорд Джон. — Он упал со скалы или же был сброшен оттуда и напоролся на бамбук. Иначе никак не объяснишь переломанные кости. Да и бамбук не мог бы так быстро прорасти сквозь его тело.

Мы молча смотрели на лежавшие перед нами останки, вдумываясь в значение того, что сказал лорд Джон Рокстон. Выступ скалы тяжким молотом нависал над бамбуковой чащей. Американец свалился оттуда.

Но сам ли он свалился? Действительно ли это был несчастный случай? А может быть... И чем-то зловещим и страшным повеяло на нас при мысли об этой неведомой стране.

Не прерывая молчания, мы двинулись дальше вдоль каменной стены, такой же отвесной и гладкой, как те бескрайние ледяные поля Антарктики, которые, если верить описаниям, простираются от горизонта до горизонта, высоко вздымаясь над мачтами затерявшихся среди них судов. На протяжении первых пяти миль мы не увидели ни единой расщелины, даже ни единой трещины в этой гряде скал. Но вдруг перед нами блеснул луч надежды. В небольшом углублении, куда не могли попасть струи дождя, была нарисована мелом стрела, указывающая по-прежнему на запад.

— Опять Мепл-Уайт, — сказал профессор Челленджер. — Он, очевидно, предчувствовал, что по его стопам пойдут люди, достойные всяческой заботы.

— Значит, у него был при себе мел?

— Ну как же! В его дорожном мешке был целый ящик с пастельными карандашами. Помню, я обратил внимание, что от белого карандаша остался один огрызок.

— Весьма убедительное доказательство, — сказал Саммерли. — Что ж, последуем его указаниям и пойдем дальше, на запад.

Мы прошли еще пять миль и снова увидели белую стрелу на скале. В этом месте в каменной стене появилась первая узкая расщелина. В расщелине снова была нарисована стрела, но на этот раз она указывала куда-то вверх.

Какой торжественностью дышало это место! Гигантские скалы, клочок голубого неба над ними и густая тьма, потому что свет почти не проникал сюда сквозь двойную бахрому зелени. Мы уже несколько часов ничего не ели, утомительный путь по камням изнурил нас, но разве можно было задерживаться

здесь! Приказав индейцам разбить лагерь, мы четверо в сопровождении двух метисов двинулись дальше, в глубь тесного ущелья.

У входа оно было не больше сорока футов шириной, но потом быстро начало суживаться и наконец уперлось в откос, такой крутой и скользкий, что о подъеме здесь не приходилось и думать. Наш предшественник явно имел в виду нечто другое. Мы вернулись назад — ущелье было всего лишь в четверть мили глубиной, — и вдруг острый глаз лорда Джона нашел то, что нам требовалось. Высоко, над самой головой у нас, из общего мрака выступало еще более темное пятно. Это был, несомненно, вход в какую-то пещеру.

На дне ущелья лежали груды камней, и мы без труда взобрались по ним вверх. Все наши сомнения рассеялись. Вот он, вход в пещеру, а рядом с ним опять нарисованная мелом стрела! Значит, отсюда, с этого самого места, Мепл-Уайт и его злополучный спутник начали подъем на плато.

Мы были так взволнованы, что не могли и помышлять о возвращении в лагерь. Нам хотелось немедленно обследовать пещеру. Лорд Джон вынул из заплечного мешка электрический фонарик, который должен был служить нам единственным источником света, и двинулся вперед, поводя им по сторонам. Мы шли за ним, не отставая.

Судя по гладким стенам и грудам круглых камней, это углубление в скалах было вымыто водой. Проникнуть в него нам удалось лишь поодиночке, да и то низко пригибаясь. На протяжении первых пятидесяти ярдов пещера углублялась прямо в толщу скал, а потом начала подниматься под углом в сорок пять градусов. Вскоре подъем стал еще круче, и нам пришлось карабкаться вверх на четвереньках по мелкой осыпающейся гальке. Прошло еще несколько минут, и вдруг лорд Джон крикнул:

— Дальше хода нет!

Столпившись позади него, мы увидели в желтом свете фонаря нагромождение базальтовых обломков, доходивших до самого потолка пещеры.

— Обвал!

Мы вытащили несколько камней, но это ничему не помогло и лишь расшатало более крупные глыбы, которые, того и гляди, могли рухнуть вниз и придавить нас. Преодолеть такое препятствие нам было явно не под силу. Путь, которым шел Мепл-Уайт, больше не существовал.

Мы были так подавлены этим, что, не обменявшись ни словом, повернули назад и побрели по темному ущелью. Но тут произошло одно событие, которое в ряду других оказалось весьма знаменательным.

Мы кучкой стояли на дне ущелья, футах в сорока ниже пещеры, как вдруг мимо нас пролетел огромный камень. Нам чудом удалось избежать смерти. С нашего места не было видно, откуда сорвалась эта глыба, но, по словам обоих метисов, задержавшихся у входа в пещеру, она пролетела и мимо них, следовательно, ей неоткуда было упасть, кроме как с самой вершины. Мы посмотрели туда, но в зеленых зарослях, окаймлявших края скал, не было заметно ни малейшего движения. И все же никто из нас не сомневался, что камень был предназначен нам. Значит, на плато есть люди — люди, от которых следует ждать всего самого худшего!

Мы поспешно вышли из ущелья, размышляя о том, как это неожиданное событие может повлиять на наши планы. Положение было и без того трудное, но если к препятствиям, которые чинит на нашем пути природа, прибавятся еще и злоумышления человека, тогда нам придется совсем плохо. И все же кто из нас отважился бы вернуться в Лондон, не узнав, что скрывается за этой пышной каймой зелени, раскинувшейся в какой-нибудь сотне футов над нами? Обсудив все это, мы решили продолжать обход плато и отыскивать другое

место, откуда можно будет подняться на его вершину. Гряда скал, значительно снизившаяся, шла теперь уже не в западном, а в северном направлении, и если принять пройденную нами часть за сектор окружности, то вся окружность, видимо, была не особенно велика. В худшем случае мы могли через несколько дней вернуться к той точке, откуда начали обход.

Двадцать две мили, проделанные нами за этот день, не принесли ничего нового. Кстати сказать, анероидный барометр показывает, что, считая с того места, где у нас были оставлены челны, мы постепенно поднялись по меньшей мере на три тысячи футов над уровнем моря. Этим объясняются и заметные изменения температуры и растительности. Мы почти отделались от насекомых, от этого проклятья, которое в тропиках отравляет жизнь путешественнику. Некоторые виды пальм еще попадаются, древовидного папоротника по-прежнему много, а вот высокие деревья, которыми так богат бассейн Амазонки, исчезли без следа. Зато как приятно было встретить среди этих негостеприимных скал наш вьюнок, страстоцвет и бегонию — цветы, напоминающие о родных краях! Вот такая же точно красная бегония цветет в окне одной виллы в Стритеме... Впрочем, я, кажется, незаметно уклонился в сторону, в область личных воспоминаний!

В тот вечер — я все еще рассказываю о первом дне похода вокруг горного кряжа — с нами случилось то, после чего уже никто не сомневался, что в самом недалеком будущем нас ждут чудеса.

Дорогой мистер Мак-Ардл! Читая эти строки, вы, может быть, впервые почувствуете, что редакция послала меня сюда не зря и что этот материал, который можно будет напечатать с разрешения профессора, необычайно интересен. Да я сам осмелюсь опубликовать его лишь в том случае, если вернусь в Англию с вещественными доказательствами, подтверждающими правоту моих слов, иначе меня ославят как нового Мюнхаузена.

Вы, наверное, тоже так думаете и не захотите рисковать репутацией «Дейли-газетт» до тех пор, пока мы не сможем достойным образом защититься против той волны критики и скептицизма, которую неизбежно вызовут мои статьи. Посему пусть отчет об этом поразительном случае — какую сенсационную шапку можно было бы дать в нашей старушке «Дейли»! — лежит у вас в столе и ждет свого часа.

А ведь все произошло в одно мгновение, и след от этого события остался только у нас в мозгу.

Вот как было дело. Лорд Джон подстрелил агути — небольшое животное вроде свиньи. Половину туши мы отдали индейцам, другую жарили для себя на костре. С наступлением темноты здесь становится прохладно, и каждый из нас жался поближе к огню. Ночь была безлунная, но звезды немного разрежали темноту, нависшую над равниной. И вдруг из этой темноты, из этого ночного мрака со свистом, напоминающим свист аэроплана, к костру ринулось сверху какое-то существу. Перепончатые крылья на миг прикрыли нас, словно пологом, и я успел разглядеть длинную, как у змеи, шею, свирепые, блеснувшие красным огоньком глаза и огромный разверстый клюв, усаженный, к моему величайшему изумлению, мелкими, ослепительно белыми зубами. Секунда — и это существо унеслось прочь... вместе с нашим ужином. Огромная черная тень футов двадцати в поперечнике взмыла к небу, чудовищные крылья на миг погасили звезды и скрылись за скалами, возвышавшимися над нами. Пораженные, мы молча сидели у костра, словно те герои Вергилия, на которых напали гарпии. Саммерли первый нарушил молчание.

— Профессор Челленджер, — торжественным, дрожащим от волнения голосом проговорил он, — я должен извиниться перед вами. Я был не прав, сэр, но надеюсь, что вы предадите прошлое забвению.

Это было хорошо сказано, и оба наших ученых впервые обменялись рукопожатием. Вот что дало нам

непосредственное знакомство с птеродактилем. Не жаль было поступиться ужином ради примирения двух таких людей.

Но если плато и населяют доисторические животные, то их, по-видимому, не так уж много, потому что в ближайшие три дня нам ничего такого не попалось. Все это время мы шли вдоль северной и восточной стен плато по голой, угнетающе суровой местности. Сначала это была каменистая пустыня, потом унылые болота, изобилующие дикой птицей. Эти места совершенно неприступны, и если б не твердый выступ у самого подножия скал, то нам пришлось бы поворачивать обратно.

Сколько раз мы уходили по пояс в жидкий кисель полутропических болот! Но что было хуже всего — это яракаки, самые ядовитые и злые змеи Южной Америки, которыми полны эти болота. Они полчищами выползали из зловонной топи и кидались нам вслед. Нас спасали только винтовки, которые мы всегда держали наготове. Я, вероятно, во веки вечные не отделаюсь от кошмарного воспоминания об одной воронкообразной впадине в трясине, поросшей серо-зеленым лишайником. Там было настоящее гнездо этих гадов, откосы впадины кишели ими, и они тотчас же устремлялись в нашу сторону, ибо яракака тем и знаменита, что стоит ей только завидеть человека, как она немедленно кидается на него. Всех змей нельзя было перестрелять, и мы бросились наутек и бежали до тех пор, пока не выбились из сил. Остановившись, я оглянулся назад и увидел, как наши страшные преследователи извивались среди камышей, не желая прекращать погоню, и этого зрелища мне никогда не забыть. На карте, которую мы чертим, это место так и будет названо: Змеиное болото.

С восточной стороны плато скалы были уже не красного, а темно-шоколадного цвета, растительность, окаймлявшая их вершины, заметно поредела, но, не-

смотря на то, что общий уровень горного кряжа снизился до трехсот — четырехсот футов, нам и здесь не удалось найти места для подъема. Скалы, пожалуй, стали даже еще отвеснее, чем там, где мы начали свой обход. О совершенной неприступности их можно судить по прилагаемому снимку, который сделан со стороны каменистой пустыни.

— Но ведь дождевая вода должна как-то сбегать вниз, — сказал я, когда мы обсуждали, что нам предпринять дальше. — Значит, на склонах не может не быть промоин.

— У нашего юного друга бывают иногда проблески здравого смысла, — ответил профессор Челленджер, похлопав меня по плечу.

— Дождевая вода должна куда-то деваться, — повторил я.

— Нет, какая у него хватка! Какой трезвый ум! Беда лишь в том, что мы воочию убедились в отсутствии таких промоин.

— Тогда куда же она девается? — настаивал я.

— Очевидно, задерживается где-то внутри, поскольку стоков нет.

— Значит, в центре плато есть озеро?

— Полагаю, что так.

— И, по всей вероятности, оно образовалось на месте старого кратера, — сказал Саммерли. — Формация этого кряжа явно вулканического происхождения. Во всяком случае, я склонен думать, что поверхность плато имеет уклон к центру, а там есть значительный резервуар, вода из которого стекает каким-нибудь подземным путем в Змеиное болото.

— Либо испаряется, что тоже способствует сохранению должного уровня, — заметил Челленджер, после чего оба ученых по своему обыкновению затеяли научный спор, который для нас, непосвященных, был поистине китайской грамотой.

На шестой день мы закончили обход горного кряжа

и вернулись к своей прежней стоянке у пирамидального утеса. Вернулись удрученные, так как обход окончательно убедил нас, что даже самые ловкие и самые сильные не смогут подняться на это плато. Ущелье, к которому вели указательные стрелки Мепл-Уайта и которым он, по-видимому, сам воспользовался, было теперь непроходимо.

Что же нам оставалось делать? Провизии и того, что мы добывали охотой, у нас было вполне достаточно, но ведь наступит день, когда запасы надо будет пополнить. Месяца через два начнутся дожди, и тогда в лагере не усидишь. Эти скалы тверже мрамора, у нас не хватит ни времени, ни сил, чтобы высечь тропинку на такую высоту. Поэтому нет ничего удивительного, что весь тот вечер мы мрачно поглядывали друг на друга и, наконец, не тратя лишних слов, забрались под одеяла. Перед тем как уснуть, я полюбовался на следующую картину: Челленджер, словно огромная жаба, сидел на корточках у костра, подперев руками свою массивную голову, и, по-видимому, был так погружен в размышления, что даже не отозвался на мое «спокойной ночи».

Но утром перед нами предстал совсем другой Челленджер. Этот Челленджер, видимо, был в восторге от собственной персоны и всем своим существом излучал самодовольство. За завтраком он то и дело посматривал на нас с притворной скромностью, словно говоря: «Все ваши похвалы мною заслужены, я это знаю, но умоляю вас, не заставляйте меня краснеть от смущения!» Борода у него так и топорщилась, грудь была выпячена вперед, рука заложена за борт куртки. Таким он, вероятно, видел себя на одном из пьедесталов Трафальгар-сквера, еще не занятом очередным лондонским пугалом.

— Эврика! — крикнул наконец Челленджер, сверкнув зубами сквозь бороду. — Джентльмены, вы можете поздравить меня, а я могу поздравить вас. Задача решена!

— Вы нашли, откуда можно подняться на плато?

— Осмеливаюсь так думать.

— Откуда же?

Вместо ответа Челленджер показал на пирамидальный утес, возвышавшийся направо от нашей стоянки. Физиономии у нас вытянулись — по крайней мере за свою ручаюсь. Со слов Челленджера мы знали, что на этот утес можно подняться. Но ведь между ним и плато лежит страшная пропасть!

— Нам не перебраться через нее, — еле выговорил я.

— На вершину мы так или иначе поднимемся, — ответил он. — А там посмотрим, может быть, я сумею вам доказать, что моя изобретательность еще не исчерпана до конца.

После завтрака мы развязали тюк, в котором наш руководитель держал все свои альпинистские приспособления. Оттуда были извлечены железные кошки, скобы и необычайно крепкий и легкий канат длиной в полтораста футов. Лорд Джон был опытный альпинист, Саммерли тоже приходилось совершать трудные восхождения, следовательно, из всех нас новичком в этом деле был один я. Но сила и ретивость должны были возместить мне отсутствие опыта.

Задача оказалась не такой уж трудной, хотя бывали минуты, когда у меня волосы шевелились на голове. Первая половина подъема прошла совсем просто, но дальше утес становился все круче, и последние пятьдесят футов мы подвигались, цепляясь руками и ногами за каждый выступ, за каждую трещину в камнях. Ни я, ни профессор Саммерли не одолели бы всего подъема, если б не Челленджер. Он первый добрался до вершины (странно было видеть такую ловкость в этом грузном человеке) и привязал канат к стволу большого дерева, которое росло там. С его помощью мы скоро вскарабкались вверх по неровной каменной стене и очутились на небольшой, заросшей травой площадке футов в двадцать пять в

поперечнике. Это и была вершина утеса.

Отдышавшись немного, я глянул назад и был поражен открывшимся передо мной видом. Казалось, вся бразильская равнина лежала перед нами, уходя вдаль, к голубоватой дымке, застилавшей горизонт. У самых наших ног поднимался пологий каменистый склон, поросший кое-где древовидным папоротником, а дальше, за седловиной холмов, отчетливо выступали желто-зеленые заросли бамбука, через которые мы не так давно пробирались. Потом кусты и деревья стали гуще и, наконец, слились в сплошную стену джунглей, тянувшуюся покуда хватал глаз и, наверно, еще на добрых две тысячи миль в глубь страны.

Я все еще, как зачарованный, упивался этой волшебной панорамой, как вдруг тяжелая рука профессора опустилась на мое плечо.

— Смотрите сюда, мой юный друг, — сказал он. — Vestigia nulla retrorsum![1] Стремитесь вперед, к нашей славной цели!

Я перевел взгляд на плато. Оно лежало на одном уровне с нами, и зеленая кайма кустарника с редкими деревьями была так близко от утеса, что я невольно усомнился: неужели она действительно недосягаема? На глаз эта пропасть была не больше сорока футов шириной, но не все ли равно — сорок футов или четыреста? Я ухватился за ствол дерева и заглянул вниз, в бездну. Там, на самом ее дне, чернели крохотные фигурки индейцев, смотревших на нас. Обе стены — и утеса и горного кряжа — были совершенно отвесные.

— Любопытная вещь! — послышался сзади меня скрипучий голос профессора Саммерли.

Я оглянулся и увидел, что он с величайшим интересом разглядывает дерево, которое удерживало меня над бездной. В этой гладкой коре и маленьких ребристых листьях было что-то страшно знакомое.

— Да ведь это бук! — воскликнул я.

---

[1] Ни шагу назад! *(лат.)*.

— Совершенно верно, — подтвердил Саммерли. — Наш земляк тоже попал на чужбину.

— Не только земляк, уважаемый сэр, но и верный союзник, если уж на то пошло, — сказал Челленджер. — Этот бук окажется нашим спасителем.

— Мост! — крикнул лорд Джон. — Боже милостивый, мост!

— Правильно, друзья мои, мост! Недаром я вчера целый час ломал себе голову, все старался найти какой-нибудь выход. Если наш юный друг помнит, ему уже было сказано однажды, что Джордж Эдуард Челленджер чувствует себя лучше всего, когда его припирают к стене. А вчера — вы, конечно, не станете этого отрицать — мы все были приперты к стене. Но там, где интеллект и воля действуют заодно, выход всегда найдется. Через эту пропасть надо перекинуть мост. Вот он, перед вами!

Действительно, блестящая мысль! Дерево было не меньше шестидесяти футов вышиной, и если оно ляжет так, как надо, пропасть будет перекрыта. Готовясь к подъему, Челленджер захватил с собой топор. Теперь он протянул его мне.

— У нашего юного друга завидная мускулатура. Он лучше всех справится с этой задачей. Тем не менее прошу вас, делайте только то, что вам будет сказано, и не старайтесь утруждать свои мозги.

Следуя его указаниям, я сделал несколько зарубок на дереве с таким расчетом, чтобы оно упало в нужном направлении. Задача оказалась нетрудной, так как ствол его сам по себе кренился к плато. Затем я принялся за работу всерьез, чередуясь с лордом Джоном. Примерно через час раздался громкий треск, дерево закачалось и рухнуло, утонув вершиной в кустах на противоположной стороне пропасти. Ствол откатился к самому краю площадки, и на одно страшное мгновение нам показалось, что дерево свалится вниз. Но оно дрогнуло в нескольких дюймах от края и остановилось.

Мост в Неведомую страну был переброшен!

Все мы, не говоря ни слова, пожали руку профессору Челленджеру, а он снял свою соломенную шляпу и отвесил каждому из нас глубокий поклон.

— Мне принадлежит честь первым ступить на землю Неведомой страны, — сказал он. — Не сомневаюсь, что художники будущего запечатлеют этот исторический момент на своих полотнах.

Он уже подошел к краю пропасти, когда лорд Джон вдруг ухватил его за куртку.

— Мой дорогой друг, — сказал он, — я ни в коем случае не допущу этого!

— То есть как, сэр! — Голова Челленджера откинулась назад, борода вздернулась кверху.

— Во всем, что касается науки, я признаю ваше первенство, потому что вы ученый. Но это по моей части, так что будьте добры слушаться меня.

— Как это «по вашей части», сэр?

— У каждого из нас есть свое ремесло, и мое ремеслу солдатское. Насколько я понимаю, мы собираемся вторгнуться в неизведанную страну, быть может, битком набитую врагами. Немножко здравого смысла и выдержки. Я не привык действовать очертя голову.

Доводы лорда Джона были настолько убедительны, что спорить с ним не приходилось. Челленджер вскинул голову и пожал плечами.

— Хорошо, сэр, что же вы предлагаете?

— Кто знает, может быть, в этих кустах притаилось целое племя каннибалов, которым сейчас самое время позавтракать? — сказал лорд Джон, глядя через мост на скалы. — Вот попадем в кипящий котел, тогда поздно будет раздумывать. Поэтому давайте надеяться, что ничего дурного нас не ожидает, но действовать будем на всякий случай с осмотрительностью. Мы с Мелоуном спустимся вниз, возьмем все четыре винтовки и вернемся обратно с обоими метисами. Потом один из нас под прикрытием винтовок перейдет на ту сторону,

и если все обойдется благополучно, тогда за ним последуют и остальные.

Челленджер сел на пенек срубленного дерева и застонал от нетерпения, но мы с Саммерли единодушно поддержали лорда Джона, считая, что в таких делах право руководства должно принадлежать ему. Взбираться по утесу теперь было гораздо легче, потому что в самом трудном месте нам помогал канат. Через час мы явились обратно с винтовками и дробовиком. Метисы по распоряжению лорда Джона перенесли наверх мешок со съестными припасами на тот случай, если наша первая вылазка в Неведомую страну затянется. Патроны были у каждого при себе.

— Ну-с, Челленджер, если вы непременно хотите быть первым... — сказал лорд Джон, когда все приготовления были закончены.

— Премного вам обязан за столь милостивое разрешение! — злобно ответил профессор, не признающий никаких авторитетов, кроме своего собственного.

— Если вы ничего не имеете против, я воспользуюсь вашей любезностью и выступлю на сей раз в роли пионера.

Он перебросил топорик за спину, сел на дерево верхом и, отталкиваясь обеими руками, быстро перебрался по стволу на ту сторону. А там стал на землю и вскинул вверх руки.

— Наконец-то! — крикнул он. — Наконец-то!

Я со страхом следил за ним, ожидая, какую же судьбу готовит ему эта зеленая завеса. Но кругом было тихо, только какая-то странная пестрая птица вспорхнула у профессора из-под ног и скрылась среди деревьев.

Вторым через пропасть перебрался Саммерли. Просто поразительно, сколько силы в этом тщедушном теле! Он пожелал непременно захватить с собой две винтовки, так что теперь оба профессора были вооружены. Потом наступил мой черед. Я старался не смот-

реть в разверзшуюся подо мной страшную бездну. Саммерли протянул мне приклад винтовки, а секундой позже я уже ухватил его за руку. Что касается лорда Джона, то он просто перешел по мосту — перешел без всякой поддержки! Железные нервы у этого человека!

И вот мы четверо в волшебной стране, в Затерянном мире, куда до сих пор проник один Мепл-Уайт! Настала минута величайшего торжества. Но кто мог подумать, что эта минута будет для нас началом величайших бедствий? Позвольте же мне рассказать в нескольких словах, как грянул над нами этот страшный удар.

Мы отошли от края пропасти и успели футов на пятьдесят пробраться сквозь густой кустарник, как вдруг позади раздался оглушительный грохот. Мы инстинктивно бросились назад. Нашего моста больше не существовало!

Заглянув вниз, я увидел на самом дне пропасти пу-
танищу ветвей и щепок — все, что осталось от бука. Неужели край площадки не выдержал такой тяжести и осыпался под ней? Это была первая мысль, которая пришла нам в голову. А потом из-за выступа пирамидального утеса медленно показалась чья-то коричневая физиономия. Это был наш метис Гомес. Но куда девалась его сдержанная улыбка и непроницаемость сфинкса? Лицо, смотревшее на нас, искажала ненависть, утоленная месть зажгла сумасшедшим восторгом его глаза.

— Лорд Рокстон! — крикнул он. — Лорд Джон Рокстон!

— Что нужно? — отозвался наш спутник. — Я здесь!

До нас донесся взрыв хохота.

— Да, ты там, английская собака, и тебе оттуда не выбраться! Я ждал, долго ждал, когда настанет мой час. Вам трудно было взбираться наверх, а спускаться вниз будет еще труднее. Эх, дурачье! Попались в ловушку?

Все до одного попались!

Пораженные, мы не находили слов и молча смотрели на метиса. Большой сломанный сук, лежавший на траве, объяснил нам, что послужило ему рычагом, когда он сбрасывал наш мост. Его лицо исчезло в кустах, но через секунду появилось снова, еще больше искаженное ненавистью.

— Мы чуть не убили вас камнем у пещеры, — крикнул он, — но так будет лучше! Медленная смерть страшнее. Побелеют ваши косточки, и никто не узнает, где они покоятся, никто не придет прикрыть их землей. Когда будешь издыхать, вспомни Лопеса, которого ты убил пять лет тому назад у реки Путумайо! Я его брат, и какая бы смерть ни настигла меня, я умру спокойно, потому что он отомщен.

Метис яростно погрозил нам кулаком и скрылся. Наступила тишина.

Если б Гомес утолил свою месть и тем ограничился, все сошло бы ему с рук. Его погубила безрассудная страсть с драматическим эффектам, свойственная всем людям латинской расы, а Рокстон, прослывший «бичом божиим» в трех странах Южной Америки, не позволял с собой шутить. Метис уже спускался по противоположному склону утеса, но ему так и не удалось ступить на землю. Лорд Джон побежал по краю плато, чтобы не терять его из виду. Грянул выстрел, мы услышали пронзительный вопль и через секунду — глухой стук упавшего тела. Рокстон вернулся к нам; лицо у него было окаменевшее.

— Я слепец, простофиля! — с горечью сказал он. — Моя глупость погубила вас всех. Вольно же мне было забывать, что эти люди не прощают кровных обид, что с ними всегда надо быть начеку!

— Зачем же вы пощадили другого метиса? Ведь без его помощи Гомес не справился бы с деревом.

— Я бы мог покончить и с ним, да пожалел. Может, он тут ни при чем. Но, пожалуй, вы правы. Лучше бы-

ло бы пристрелить и его: он, наверно, помогал Гомесу.

Теперь, когда истинная подоплека этого предательства разъяснились, мы начали вспоминать, что поведение метиса во многом было подозрительно. Все стало понятно: и его упорное стремление проникнуть в планы экспедиции, и ссора у хижины, когда Самбо помешал ему подслушать наш разговор, и полные ненависти взгляды, которые нам частенько приходилось перехватывать. Мы продолжали толковать обо всем этом, в то же время стараясь освоиться с новым поворотом событий, как вдруг внимание наше привлекла любопытная сцена, разыгравшаяся внизу, у подножия каменной гряды. Человек, одетый в белое — очевидно, оставшийся в живых метис, — во все лопатки бежал по равнине, будто удирая от настигающей его смерти. За ним огромными прыжками несся черный, как смоль, великан — наш преданный негр Самбо. У нас на глазах он нагнал беглеца, вскочил ему на спину и обхватил его руками за шею. Они покатились по земле. Минуту спустя Самбо поднялся на ноги, взглянул на распростертое перед ним тело и, радостно помахав нам руками, побежал к утесу. Неподвижная белая фигура так и осталась лежать посреди равнины.

Возмездие настигло обоих предателей, но содеянное ими было непоправимо. Мы не могли вернуться на утес. Когда-то нашим обиталищем был весь мир, теперь он сузился до размеров этого плато. То и другое существовало раздельно. Вот равнина, которая ведет к тому месту, где у нас спрятаны челны. А там, за лиловатой дымкой горизонта, река, обратный путь к цивилизации. Исчезло лишь одно-единственное связующее звено. Никакой изобретательности не хватит на то, чтобы перекинуть мост через пропасть, зияющую между нашим настоящим и прошлым. Достаточно было одного мига — и как все изменилось!

И тут я понял, из какого теста слеплены мои три товарища. Правда, вид у них был очень серьезный и сосредоточенный, но ничто не могло нарушить невозмутимое спокойствие этих людей. Нам не оставалось ничего другого, как сидеть в кустах и терпеливо поджидать Самбо. И вскоре его добродушная черная физиономия выглянула из-за камней, и он стал на вершине утеса во весь свой могучий рост.

— Что я теперь сделать? — крикнул Самбо. — Вы мне говорить, и я все буду сделать.

Задать такой вопрос ничего не стоило, а ответить на него было трудно. Мы знали лишь одно: Самбо — наша единственная надежная связь с внешним миром. Только бы он не оставил нас!

— Нет, нет! — крикнул Самбо. — Я вас не оставит. Я всегда здесь. Индейцы хотел уходить. Самбо не может удержать индейцы. Они говорят, здесь живет Курупури, пойдем домой. Вас нет, а Самбо один не может уговорить.

Действительно, за последнее время индейцы не скрывали, что им хочется бросить нас и вернуться восвояси. Самбо говорил правду: удержать их теперь не было никакой возможности.

— Самбо! Скажи им, пусть подождут до завтра! Тогда я пошлю с ними письмо! — крикнул я.

— Хорошо, сэр! Индейцы будут ждать завтра. Самбо дал слово.

Дел для нашего верного негра нашлось много, и он справился со всем как нельзя лучше. Прежде всего мы велели ему отвязать канат, обмотанный вокруг пня, и перебросить один его конец к нам. Канат был не толще бельевой веревки, но очень крепкий; хотя в качестве моста он не годился, все же в нашем положении такая вещь была необходима. Потом Самбо привязал к своему концу мешок со съестными припасами, уже поднятый на утес, и мы перетащили его к себе. Этого нам должно было хватить

по крайней мере на неделю, даже если не пополнять запасов охотой. Наконец, Самбо принес наверх еще два мешка, в которых были патроны и много других вещей. Все это мы перетащили на канате к себе. Был уже вечер, когда наш негр в последний раз спустился вниз, твердо заверив нас, что индейцы останутся до утра.

Вот почему почти всю эту ночь — нашу первую ночь на плато — я просидел с фонарем, записывая то, что произошло с нами.

Мы расположились на ночлег у самого края обрыва и тут же поужинали, запивая еду аполлинарисом, две бутылки которого нашлись в одном из мешков с провизией. Отыскать воду — для нас вопрос жизни и смерти, но я думаю, что на сегодня приключений достаточно даже для лорда Джона, а другие и подавно не испытывают никакого желания отправиться на разведку в Неведомую страну. Костра мы решили не разжигать и вообще стараемся производить как можно меньше шума.

Завтра, вернее сегодня, потому что я досидел до рассвета, мы совершим первую вылазку в этот загадочный мир. Когда мне удастся продолжить свои записи и удастся ли, — я не знаю. Пока что индейцы все еще здесь — мне видно их отсюда, и я уверен, что наш Самбо скоро явится за письмом. Очень надеюсь, что оно попадет по адресу.

P.S. Чем больше я раздумываю над нашим положением, тем безотраднее оно мне кажется. Надежды на возвращение у меня нет. Если бы у края плато росло высокое дерево, мы могли бы перебросить через пропасть новый мост, но ближе пятидесяти футов деревьев нет, а подтащить к обрыву такую тяжесть нам не удастся даже вчетвером. Канат же слишком короток, на нем не спустишься. Нет, наше положение безнадежно, безнадежно!

Глава X

ВОТ ОНИ, ЧУДЕСА!

С нами произошли и все еще происходят самые настоящие чудеса. Мои бумажные запасы состоят из пяти потрепанных блокнотов да кучи разрозненных листков, а стилографический карандаш у меня всего-навсего один. Но пока рука моя сохранит способность двигаться, я не перестану вести подробную запись всех наших приключений и, памятуя, что мы одни из всего рода человеческого свидетели этих чудес, поспешу описать их, пока они еще свежи у меня в памяти и пока нас не постигла злая участь, которой нам, по-видимому, не избежать.

Сможет ли Самбо доставить мои письма к берегам Амазонки, привезу ли я их с собой в Лондон, чудесным образом вырвавшись отсюда, попадут ли они в руки какого-нибудь смельчака, который, быть может, доберется до плато на усовершенствованном монопла-не, — ничего этого я не знаю, но, как бы там ни было, меня не покидает твердая уверенность, что эти записи станут классической повестью об истинных приключениях и что им суждено бессмертие.

На другой же день, после того как негодяй Гомес устроил нам ловушку на плато, мы во многом пополнили свой жизненный опыт. Впрочем, первое испытание, выпавшее в то утро на мою долю, не внушило мне особых симпатий к месту, куда нас занесла судьба. Я заснул только с рассветом и, проснувшись, увидел у себя на икре что-то странное. Во время сна правая штанина у меня немного вздернулась, и теперь между ней и носком на ноге сидела большая багрово-красная виноградина. Удивленный этим, я только дотронулся до нее, и вдруг, к моему величайшему ужасу и отвращению, виноградина лопнула у меня между пальцами, брызнув во все стороны кровью. На мой крик прибежали оба профессора.

— Чрезвычайно любопытно! — сказал Саммерли, нагнувшись надо мной. — Громадный клещ и, насколько мне известно, не занесенный ни в один определитель.

— Мы пожинаем первые плоды наших трудов, — назидательным тоном прогудел Челленджер. — Придется назвать его Ioxodes Maloni. Но, мой юный друг, что значит такой пустяк, как укус клеща, по сравнению с тем, что ваше имя будет напечатано в славных анналах зоологии! К несчастью, вы раздавили этот великолепный экземпляр в момент его насыщения.

— Какая мерзость! — воскликнул я.

В знак протеста профессор Челленджер поднял свои мохнатые брови и успокоительно потрепал меня по плечу.

— Учитесь смотреть на вещи с научной точки зрения, развивайте в себе беспристрастность ученого, — сказал он. — Для человека с философическим складом мышления, вроде меня, например, этот клещ с его ланцетовидным хоботком и растягивающимся желудком является таким же прекрасным творением природы, как, скажем, павлин или северное сияние. Мне больно слышать, что вы отзываетесь о нем столь неодобрительно. При известном старании мы сможем раздобыть второй такой же экземпляр, в этом я не сомневаюсь.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — мрачно проговорил Саммерли, — ибо этот второй экземпляр только что залез вам за шиворот.

Челленджер так и подскочил на месте и, взревев, как бык, начал рвать на себе куртку и рубашку. Мы с Саммерли так развеселились, что даже не могли помочь ему. Наконец нам кое-как удалось обнажить могучий торс Челленджера (обхват груди пятьдесят четыре дюйма по мерке портного) и поймать клеща, который запутался в дебрях черных волос, покрывавших его грудь, и не успел причинить ему никакого вреда.

Оказалось, что кругом все кусты кишат этой гадостью, и мы решили перенести стоянку на другое место.

Но сначала надо было еще договориться с нашим верным негром, который вскоре же появился на вершине утеса с банками какао и пачками сухарей. Все это было переправлено к нам, а из оставшейся внизу провизии мы велели ему отложить себе запас месяца на два, остальное же раздать индейцам в награду за службу и в виде залога за доставку наших писем на Амазонку. Спустя несколько часов мы увидели, как они гуськом, каждый с узлом на голове, потянулись по равнине той самой дорогой, которой мы пришли сюда. Самбо устроился в нашей маленькой палатке у подножия пирамидального утеса и остался единственным звеном, связующим нас с внешним миром.

Теперь нам предстояло выработать план действий на ближайшее время. Мы перенесли стоянку из полного клещей кустарника на небольшую поляну, окруженную со всех сторон деревьями. Посредине поляны лежало несколько гладких больших камней, тут же поблизости был прекрасный источник, и мы, довольные чистотой и комфортом, принялись разрабатывать планы вторжения в неизведанную страну. В густой листве перекликались птицы — громче всех раздавался протяжный свист какой-то совсем незнакомой нам певуньи. Никаких других признаков жизни мы здесь не заметили.

Первое, что нам надо было сделать, это составить подробный инвентарь нашего имущества, чтобы твердо знать, на сколько времени можно считать себя обеспеченными. Оказалось, что запасов у нас вполне достаточно. Мы учли все: и принесенное с собой, и переправленное по канату негром. Но что было важнее всего — принимая во внимание те опасности, которых нам, вероятно, не миновать, у нас имелись все четыре винтовки, тысяча триста патронов к ним, дробовик и около полутораста пуль среднего калибра. Провизии

нам должно было хватить на несколько недель, табака хоть отбавляй. Был и кое-какой научный инструмент, включая сильный телескоп и хороший полевой бинокль. Все это мы сложили на поляне, а в качестве первой меры предосторожности нарезали ножами колючих веток и соорудили из них изгородь ярдов пятнадцати в диаметре. На первое время эта площадка должна была служить нам штаб-квартирой, убежищем в случае какого-нибудь неожиданного нападения и складом всего имущества. Этот лагерь получил название Форт Челленджера.

Мы покончили с устройством на новом месте только к полудню, но жара не очень нас мучила. Вообще температура и характер растительности на плато ближе к умеренному поясу. Среди деревьев, кольцом окружавших поляну, были бук, дуб и даже береза. Огромный гингко, возвышавшийся над всеми своими соседями, затенял наш форт могучими ветвями с веерообразной листвой. Под его сенью мы и продолжали беседу, предоставив слово лорду Джону, который принял на себя командование экспедицией в эти решительные для нас часы.

— Пока нас не услышат и не увидят какие-нибудь живые существа — зверь или человек, безразлично, — мы в безопасности, — сказал он. — Но стоит только им проведать о нашем появлении на плато, и спокойной жизни конец. Пока что мы, кажется, не вызываем никаких подозрений. Поэтому на первое время надо затаиться и вести разведку очень осторожно. Не мешает исподволь присмотреться к соседям, прежде чем начинать обмен визитами.

— Но ведь нам надо продвигаться дальше, — неуверенно сказал я.

— Милый юноша, вы совершенно правы. Мы будем продвигаться в пределах, дозволенных здравым смыслом. Заходить слишком далеко я не советую, надо делать такие концы, чтобы в любую минуту можно было

вернуться сюда, в наш форт. И, что самое важное, ни одного выстрела, разве лишь в том случае, если от него будет зависеть ваша жизнь.

— Однако вы вчера выстрелили, — сказал Саммерли.

— Ну, знаете ли, выбирать мне не приходилось. Да и вряд ли звук отнесло далеко вглубь: вчера был сильный ветер со стороны плато. Кстати, как мы его назовем? Ведь это наше дело — решать.

Было внесено несколько предложений, более или менее удачных, но последнее слово осталось за Челленджером.

— Тут долго думать нечего, — сказал он. — Плато будет названо в честь пионера, который его открыл: это Страна Мепл-Уайта.

Так мы и назвали плато, под этим именем оно занесено на карту, составление которой поручено мне; под этим именем, надеюсь, войдет и в будущие атласы.

Перед нами лежала неотложная задача — проникнуть мирным путем в Страну Мепл-Уайта. Мы успели убедиться собственными глазами, что в ней обитают какие-то странные существа, а зарисовки Мепл-Уайта сулили нам появление других, еще более страшных чудовищ. Наконец, у нас были все основания думать, что на плато есть и люди, о свирепости которых говорил скелет, пропоротый бамбуком.

Не питая никаких надежд на спасение, мы знали, что опасности подстерегают нас на каждом шагу, и решили принять все меры предосторожности, которые подсказывал лорду Джону его опыт. Но разве мы могли долго задерживаться на пороге этого таинственного мира, если нас томило желание как можно скорее проникнуть в самое его сердце!

Итак, мы завалили кустами вход в лагерь и, оставив все наши запасы под защитой колючей изгороди, медленно и с величайшей осторожностью двинулись в Неведомое вдоль русла небольшого ручейка, который

брал начало в источнике на поляне и должен был служить нам путеводной нитью по возвращении.

Не успев как следует отойти от лагеря, мы уже сразу наткнулись на первые признаки ожидающих нас чудес. В густом лесу было много деревьев, совершенно незнакомых мне, но наш ботаник Саммерли опознал тут цикадеи и несколько видов хвойных, давно исчезнувших с лица земли. Пройдя лесом несколько сот ярдов, мы вышли к месту, где ручей разливался довольно широкой заводью. По краям ее рос густой высокий тростник, который профессор Саммерли отнес к разряду хвощей; тут же на ветру раскачивали верхушками и древовидные папоротники. Лорд Джон, шедший впереди, вдруг остановился и поднял руку.

— Смотрите! — сказал он. —. Вот так след! Тут, наверно, ходил прародитель всех птиц!

На вязкой тине были четко видны огромные трехпалые следы. Они вели через болото к лесу. Мы остановились у этих чудовищных отпечатков. Если тут прошла действительно птица — а какое животное могло оставить такие следы? — то лапа у нее настолько больше, чем у страуса, что размеры этого гиганта даже трудно себе представить. Лорд Джон внимательно огляделся по сторонам и вложил два патрона в свою крупнокалиберную винтовку.

— Ручаюсь честью охотника, — сказал он, — что следы совсем свежие. Это существо прошло здесь каких-нибудь десять минут назад. Видите: вода еще не успела заполнить вон ту ямку, где лапа глубже погрузилась в тину. Господи боже! А вот и след детеныша.

И действительно, параллельно большим следам шли такие же, но маленькие.

— А что вы скажете об этом? — торжествующе воскликнул профессор Саммерли, показывая след, похожий на отпечаток пятипалой человеческой руки.

— Вельд! — крикнул Челленджер, не помня себя от восторга. — Я видел такие отпечатки в вельдских сло-

ях. Это существо передвигается на задних, трехпалых, конечностях, выпрямившись во весь рост, а передними, пятипалыми, помогает себе при ходьбе. Нет, дорогой мой Рокстон, это отнюдь не птица!

— Зверь?

— Нет, пресмыкающееся — динозавр. Это он, и никто другой! Девяносто лет назад такие следы сбили с толку одного весьма почтенного ученого из Сассекса. Но кто мог мечтать... кто мог мечтать... что нам придется увидеть...

Последние слова Челленджер договорил шепотом, а мы так и замерли от изумления. Следы увели нас от болота к густым зарослям кустарника. За ним, среди деревьев, была большая прогалина, и по этой прогалине разгуливало пять странных существ — таких мне еще никогда не приходилось видеть. Мы притаились за кустами и долго-долго разглядывали их.

Как я уже сказал, они гуляли впятером — двое взрослых и три детеныша. Размеры их поразили нас. Даже маленькие были ростом со слона, а о взрослых уж и говорить не приходится. Их чешуйчатая, как у ящериц, кожа поблескивала на солнце аспидно-черными переливами. Все пятеро стояли на задних лапах, опираясь на широкие, толстые хвосты, а передними, пятипалыми, притягивали к себе зеленые ветки и обгладывали с них листья. Чтобы у вас было полное представление об этих чудовищах, скажу, что они напоминали гигантских, футов в двадцать высотой, кенгуру, покрытых темной крокодиловой кожей.

Я не знаю, сколько времени мы простояли там как зачарованные, глядя на это необычайное зрелище. Сильный ветер дул в нашу сторону, кусты служили хорошим укрытием, следовательно, можно было не опасаться, что чудовища обнаружат нас. Время от времени детеныши принимались неуклюже резвиться, подпрыгивая и с глухим стуком шлепаясь на землю. Их родители, по-видимому, обладали неслыханной си-

лой, ибо один из них, не дотянувшись до листьев на верхушке довольно высокого дерева, обхватил его передними лапами и переломил ствол пополам, как тоненькую ветку. Поступок этот свидетельствовал одновременно о двух вещах: о сильно развитой мускулатуре и недоразвитом мозге, так как дерево рухнуло чудовищу прямо на голову, и оно разразилось громкими воплями. Огромные размеры явно не соответствовали степени выносливости, дарованной ему от природы. Происшествие с деревом, очевидно, заставило его насторожиться, потому что оно медленно побрело в лес в сопровождении своей пары и трех гигантских детенышей. Некоторое время мы видели, как их аспидно-черные спины поблескивали в чаще, а головы ныряли вверх и вниз над кустарником. Потом они исчезли среди деревьев.

Я посмотрел на своих товарищей. Лорд Джон стоял, держа палец на спусковом крючке, а глаза его так и горели охотничьим азартом. Чего бы он только не дал за то, чтобы повесить одну такую голову над камином у себя в комнате рядом с двумя скрещенными веслами! И все-таки благоразумие взяло в нем верх, ибо он знал, что мы только в том случае сможем проникнуть в тайны этой неведомой страны, если ее обитатели не будут и подозревать о нашем существовании.

Оба профессора словно онемели от радости. Забыв обо всем на свете, они бессознательно схватились за руки и так и замерли на месте, точно двое маленьких ребятишек, безмолвно глазеющих на какое-нибудь чудо из чудес. На губах Челленджера играла ангельская улыбка, отчего щеки его вздулись яблочками; желчная гримаса исчезла с лица Саммерли, уступив место выражению благоговейного восторга.

— Nunc dimittis! [1] — воскликнул он наконец. — Что же скажут об этом в Англии?

---

[1] Ныне отпущаеши! *(лат.)*.

— Дорогой мой Саммерли, по секрету могу вам сообщить, что именно будет сказано в Англии, — ответил Челленджер. — Там скажут, что вы отъявленный лжец и шарлатан, не имеющий никакого отношения к науке. То же самое, что вы и вам подобные говорили обо мне.

— А если мы предъявим фотографические снимки?

— Подделка, Саммерли! Грубая подделка!

— А если мы предъявим вещественные доказательства?

— А! Вот тогда они от нас не отвертятся! Мелоун и его банда с Флит-стрит еще будут петь нам хвалу. Запомните! Двадцать восьмого августа мы видели в Стране Мепл-Уайта пять живых игуанодонов. Сделайте соответствующую запись в своей книжечке, мой юный друг, и сообщите об этом в ваш жалкий газетный листок.

— И приготовьтесь к тому, что редактор вас вышвырнет, — добавил лорд Джон. — На тех широтах, где стоит Лондон, все выглядит несколько по-иному, дорогой мой юноша. Мало ли есть людей, которые никогда не рассказывают о своих приключениях из боязни, что им не поверят! Кто их осудит за это! Пройдет месяц-другой, и нам самим все будет казаться сном. Как вы их назвали, этих чудовищ?

— Игуанодоны, — сказал Саммерли. — Отпечатки их ног найдены в гастингских песчаниках, в Кенте, в Суссексе. Они водились во множестве в Южной Англии, пока там не было недостатка в зелени, которой они питаются. А потом условия изменились, и звери мало-помалу вымерли. Здесь, по-видимому, все осталось как было, потому что игуанодоны продолжают существовать до сих пор.

— Если мы когда-нибудь выберемся отсюда живыми, я без такой головы домой не вернусь, — сказал лорд Джон. — Подождите, африканские охотнички, вы еще у меня позеленеете от зависти! Однако, друзья, не

знаю, как вам, а мне все время кажется, что мы того и гляди наткнемся на какую-нибудь серьезную неприятность.

То же самое ощущение грозной тайны было и у меня. В лесном сумраке таились ужасы, и сердце невольно сжималось от страха, когда мы вглядывались в эту густую зеленую чащу. Правда, исполинские игуанодоны были совершенно безобидные увальни, и они не могли причинить нам особого вреда, но почем знать, не сохранились ли в этом мире чудес другие исполины, которые таятся сейчас в своих логовищах среди скал и кустарника и только выжидают минуты, чтобы броситься на нас. Я имею весьма смутное представление о доисторической жизни, но, помнится, мне как-то попала в руки одна книга, где говорилось о зверях, для которых наши львы и тигры были такой же легкой добычей, как мышь для кошки. Что, если такие чудовища живут в лесных дебрях Страны Мепл-Уайта?

В то утро — наше первое утро в неизведанной стране — мы убедились, что опасности подстерегают нас здесь на каждом шагу. Приключение это было просто отвратительное, и мне даже неприятно говорить о нем. Если лорд Джон прав, и прогалину, где паслись игуанодоны, мы будем вспоминать, как сон, то болото с птеродактилями останется у нас в памяти страшным кошмаром. Сейчас расскажу, как все это было.

Мы шли по лесу очень медленно, отчасти потому, что лорд Джон в качестве разведчика не позволял нам догонять себя, отчасти из-за обоих профессоров, которые то и дело приходили в восторг от какого-нибудь неизвестного им вида цветка или насекомого. Мили через три-четыре деревья вдоль правого берега ручья поредели, и перед нами открылась еще одна прогалина. За густой каймой кустарника громоздились каменные глыбы — они встречаются на плато повсюду. Мы медленно двинулись туда через кусты, доходившие нам до пояса, и вдруг услышали где-то совсем близко зву-

ки — не то курлыканье, не то шипение, — сливавшиеся в невнятный гул, от которого дрожал воздух. Лорд Джон подал нам знак остановиться и, пригибаясь на бегу, бросился к камням. Он посмотрел поверх них, вздрогнул и, видимо, забыв о нашем существовании, долго стоял, поглощенный открывшимся перед ним зрелищем. Наконец, он поманил нас к себе, показывая знаками, что необходимо соблюдать осторожность. Я понял по его виду, что каменными глыбами скрывается какое-то чудо, а может быть, и серьезная опасность.

Подкравшись к лорду Джону, мы заглянули вниз. Перед нами зияла глубокая котловина, вероятно, один из тех небольших кратеров, каких много на плато. На дне этой котловины, ярдах в ста от того места, где мы лежали, за кромкой камыша, поблескивали подернутые зеленью стоячие лужи. Место было мрачное само по себе, но, глядя на его обитателей, мне невольно вспомнились сцены из седьмого круга Дантова «Ада». Здесь гнездились птеродактили — сотни и сотни птеродактилей! Котловина так и кишела ими — детеныши ползали у воды, а их отвратительные мамаши высиживали на отмели яйца в твердой желтоватой пленке. Вся эта копошащаяся, бьющая крыльями масса ящеров сотрясала воздух криками и распространяла вокруг себя такое страшное зловоние, что у нас тошнота подступила к горлу. А повыше, каждый на своем камне, восседали огромные серые самцы, похожие на иссохшие чучела, восседали совершенно неподвижно, как мертвые, и только поводили налившимися кровью глазами да изредка щелками клювами вслед пролетавшим стрекозам. Их гигантские перепончатые крылья, согнутые в предплечьях, были прижаты к бокам, и от этого в облике их мне мерещилось что-то человеческое: они напоминали старух, кутающихся в мерзкие, цвета паутины шали, из которых выглядывали только хищные птичьи головы. Считая и больших, и маленьких, в

котловине было не меньше тысячи этих гнусных тварей.

Оба наших профессора так обрадовались возможности изучать вблизи жизнь доисторического мира, что охотно просидели бы здесь весь день. Они показывали нам дохлую рыбу и птиц, валявшихся среди камней и, очевидно, служивших пищей птеродактилям, и поздравляли друг друга с тем, что внесут наконец ясность в вопрос, почему кости этих летающих ящеров в таком количестве встречаются в ряде мест, например, в кембриджских песчаниках. Теперь уже не подлежит сомнению, говорили они, что птеродактили, подобно пингвинам, жили стаями.

В конце концов, желая доказать коллеге какой-то свой тезис, Челленджер высунул голову из-за камней и чуть не навлек гибель на всех нас. Ближайший к нам самец вдруг пронзительно зашипел, взмахнул перепончатыми двадцатифутовыми крыльями и поднялся в воздух. Самки с детенышами сбились в кучу поближе к воде, а часовые один за другим взмыли в небо. Удивительное зрелище представляли собой эти отвратительные твари, которые сотнями парили над нами, быстро, словно ласточки, разрезая воздух крыльями. Впрочем, мы вскоре поняли, что любование этим зрелищем к добру не приведет. Сначала птеродактили кружили высоко в небе, видимо, проверяя, насколько велика опасность. Потом, постепенно сжимая круг, стали опускаться все ниже и ниже, наконец, сухой шелест их аспидно-черных крыльев достиг такой силы, что мне невольно вспомнился Хендонский аэродром в дни состязаний.

— Берегитесь! — крикнул лорд Джон, хватая винтовку за дуло. — Бегите прямо к лесу, держитесь все вместе!

Но круг над нами уже сомкнулся. Птеродактили почти задевали нас крыльями по лицу. Мы били их прикладами, но удары приходились во что-то мягкое и не

причиняли им никакого вреда. И вдруг из этого аспидно-черного блестящего круга высунулась длинная шея: свирепый клюв целился прямо в нас. За ним еще и еще один. Саммерли вскрикнул и закрыл руками окровавленное лицо. Я почувствовал сильный толчок в затылок и чуть не потерял сознание от боли. Челленджер упал, я нагнулся помочь ему и повалился на него, сраженный еще одним ударом сзади. В ту же минуту лорд Джон выстрелил. Я поднял голову и увидел, что один из птеродактилей бьется на земле с перебитым крылом, брызжет слюной из разверстого клюва и яростно вращает выпученными, налитыми кровью глазами — ни дать ни взять дьявол с картины какого-нибудь средневекового художника. Его собратья, испуганные звуком выстрела, взмыли кверху и стали кружить у нас над головой.

— Теперь спасайтесь! — кринул лорд Джон.

Мы побежали напролом сквозь кустарник, но у самой опушки гарпии снова настигли нас. Саммерли был сбит с ног, мы подняли его и бросились под деревья. В лесу опасность миновала, потому что птеродактилям с их огромными крыльями негде было развернуться между ветвей.

Мы возвращались в лагерь в довольно жалком состоянии, а они еще долго провожали нас, паря кругами в голубом небе на такой высоте, что снизу их можно было принять за самых обыкновенных голубей. И лишь тогда, когда нас скрыла лесная чаща, птеродактили прекратили погоню.

— Необычайно интересное и поучительное происшествие, — сказал Челленджер, обмывая в ручье распухшее колено. — Теперь, Саммерли, мы с вами прекрасно знаем, как ведут себя разъяренные птеродактили.

Саммерли в это время вытирал кровь, лившуюся из ссадины на лбу, а я перевязывал довольно глубокую рану на шее. Лорд Джон отделался легче нас — чудовище только оцарапало ему плечо и разорвало рубашку.

— Следует отметить, — продолжал Челленджер, — что наш юный друг получил колотую рану, а вырвать такой клок из рубашки лорда Джона можно было только зубами. Меня же били крыльями по голове. Таким образом, мы познакомились с разнообразнейшими способами нападения птеродактилей.

— Еще немного, и нам пришел бы конец, — серьезным тоном проговорил лорд Джон. — Более гнусную смерть трудно себе представить — пасть жертвой этих мерзких тварей! Мне очень не хотелось стрелять, но выбора не было.

— Мы бы не сидели сейчас у ручейка, если б не ваш выстрел, — убежденно проговорил я.

— Будем надеяться, что моя пальба делу не повредит, — сказал лорд Джон. — В здешних лесах, наверно, часто раздаются звуки не менее громкие: то отломится ветка, то рухнет целое дерево. Однако на сегодня сильных ощущений хватит. Пойдемте-ка лучше к лагерю, поищем в нашей аптечке карболки. Кто этих гадин знает — может быть, их укусы ядовиты.

Но с тех пор, как стоит мир, вряд ли на долю человека выпадало столько приключений за один день. Нас подстерегала новая неожиданность. Мы вышли по берегу ручья на поляну и, увидев колючую изгородь, окружавшую наш форт, решили, что на сей раз испытания наши кончились. Однако отдыхать нам не пришлось. Вход в Форт Челленджера был завален по-прежнему, изгородь была цела, а все же мы сразу поняли, что в наше отсутствие здесь кто-то побывал. Непрошенный гость не оставил на земле никаких следов, и только нависшая над лагерем огромная ветка дерева гингко выдавала его с головой. Что же касается его силы и дерзости, то об этом ясно говорило состояние нашего склада. Все вещи были раскиданы по поляне, одна жестянка с мясом раздавлена — очевидно, таким способом он пытался извлечь ее содержимое. От ящика с патронами остались одни щепки, а подле него ва-

лялась смятая в лепешку гильза. Смутный страх снова сжал нам сердце, и мы стали испуганно вглядываться в густые тени под деревьями, ожидая, что оттуда вот-вот появится нечто чудовищное.

Какое же облегчение мы испытали, когда услышали в эту минуту голос Самбо и, подойдя к краю плато, увидели на вершине утеса его ухмыляющуюся физиономию!

— Все хорошо, мистер Челленджер! Все хорошо! — крикнул он. — Самбо здесь. Не бойся. Когда позовешь Самбо, он всегда будет здесь.

Глядя на честного негра и на необъятную равнину, простиравшуюся чуть ли не до притоков Амазонки, мы вспомнили, что это все же двадцатый век, что мы живем на Земле, а не на какой-нибудь полной первобытного хаоса планете, куда нас перенесло волшебной силой. Но как трудно было представить себе, что от фиолетовой линии горизонта рукой подать до великой реки, по которой ходят большие пароходы, что люди там толкуют о своих маленьких житейских делишках, в то время как мы, заброшенные в первобытный мир, к первобытным существам, можем только смотреть в ту сторону и тосковать о мире, полном для нас стольких радостей.

У меня осталось еще одно воспоминание, связанное с этим необыкновенным днем, и на нем я закончу свое письмо. Полученные ранения явно подействовали на нервы обоих профессоров, и они затеяли горячий спор о том, к какому роду доисторических ящеров принадлежат наши враги — к птеродактилям или к диморфодонам. Дело дошло до обмена колкостями. Чтобы не слышать их перепалки, я отошел в сторону и, сев на ствол упавшего дерева, машинально закурил трубку. Через несколько минут передо мной выросла фигура лорда Джона.

— Слушайте, Мелоун, — сказал он, — вы хорошо запомнили то место, где гнездятся эти твари?

— Конечно, запомнил.

— Нечто вроде вулканического кратера, правда?

— Совершенно верно, — сказал я.

— А какая там почва, вы обратили внимание?

— Одни скалы, камни.

— Нет, возле самой воды, где растет тростник?

— Что-то синеватое, вроде глины.

— Вот именно... Вулканический кратер и синяя глина.

— А почему это вас интересует? — спросил я.

— Да нет, это я так, — ответил лорд Джон и неторопливо зашагал туда, где все еще раздавались голоса наших ученых спорщиков — напряженный, резкий тенор Саммерли и зычный бас Челленджера.

Я, вероятно, позабыл бы слова лорда Джона, но в ту ночь мне пришлось услышать их от него еще раз: «Синяя глина... синяя глина в вулканическом кратере...» Это было последнее, что донеслось до меня сквозь дремоту, после чего, измучившись за день, я погрузился в крепкий сон.

Глава XI

Я СТАНОВЛЮСЬ ГЕРОЕМ ДНЯ

Опасения лорда Джона Рокстона оправдались: укусы напавших на нас чудовищ были ядовитыми. На следующее утро после нашего первого приключения на плато у меня и у Саммерли начались сильные боли и озноб, а у Челленджера так распухло колено, что он едва мог ступить на больную ногу. Поэтому мы провели весь день в лагере, стараясь по мере сил помогать лорду Джону, который занимался укреплением колючей изгороди — нашей единственной защиты от врагов. Помню как сейчас, меня с самого утра преследовало тогда странное ощущение: мне все ка-

залось, что за нами внимательно следят, но кто и откуда, этого я не мог сказать.

Я не утерпел и поделился своими опасениями с Челленджером, который не замедлил приписать их умственному расстройству, будто бы вызванному моим лихорадочным состоянием. Как бы там ни было, но я то и дело продолжал озираться по сторонам, готовясь увидеть что-то и ничего не видя, кроме темной груды веток, из которых была сложена наша колючая изгородь, да сумрачных сводов зелени, венчавших стволы огромных деревьев. И все же уверенность, что какой-то недоброжелательный наблюдатель прячется в двух шагах от нас, не только не покидала меня, но становилась все сильнее и сильнее. Я вспомнил суеверный страх индейцев перед грозным Курупури, таящимся в лесной глуши, и уже был готов поверить, что этот злобный дух лишает покоя тех смельчаков, которые вторгаются в тайная тайных его священной обители.

В эту ночь — нашу третью ночь в Стране Мепл-Уайта — одно событие произвело на нас очень тяжелое впечатление и заставило лишний раз поблагодарить лорда Джона, не пожалевшего трудов, чтобы укрепить Форт Челленджера. Мы спали возле потухающего костра, как вдруг нас разбудил, вернее, буквально поднял на ноги, неистовый рев и визг. Я не знаю, с чем можно сравнить эти крики, раздававшиеся где-то совсем рядом с нашим лагерем, — мне не приходилось слышать ничего более страшного. Они раздирали воздух, словно паровозный свисток, не обладая ни чистотой, ни четкостью этого звука. Мы зажали уши, стараясь не слышать густых вибрирующих раскатов, полных беспредельного ужаса и муки. Нервы не выдерживали такого напряжения. Я весь покрылся холодным потом, сердце замерло у меня в груди. Казалось, все горести жизни, все ее неисчислимые страдания — все, в чем она может обвинить небеса, слилось воедино в этом страшном, мучительном крике. И, как бы аккомпани-

руя звенящим воплям, как бы оттеняя их, там же рокотал чей-то прерывистый, низкий смех, чье-то ликующее гортанное рычание. Этот кошмарный дуэт длился минуты три-четыре; он переполошил всех птиц, спавших на деревьях, и так же внезапно стих. Мы долго молчали, потрясенные слышанным. Потом лорд Джон подбросил хвороста в костер. Красноватые отблески огня осветили напряженные лица моих товарищей и заиграли в листве у нас над головой.

— Что это было? — шепетом спросил я.

— Утром узнаем, — сказал лорд Джон. — Это где-то совсем близко, не дальше той прогалины.

— Мы удостоились чести подслушать издали доисторическую трагедию, разыгравшуюся в тростниках у лагуны юрского периода, когда крупный ящер прикончивал в тине своего более слабого собрата! — провозгласил Челленджер с необычной даже для него торжественностью. — Да, человек много выиграл, появившись на Земле несколько позднее. На заре мироздания ему пришлось бы встретиться с такими чудовищами, которые не устрашились бы ни его мужества, ни его изобретательности. Разве помогли бы ему стрелы, праща и копье при столкновении с теми силами, которые разгулялись сегодня ночью? Даже современная винтовка не даст вам перевеса при встрече с таким сильным чудовищем.

— Тем не менее я ставлю на моего милого дружка, — сказал лорд Джон, поглаживая дуло своего «Экспресса». — Но не спорю, у этого страшилища были бы немалые шансы на победу.

Саммерли поднял руку.

— Тсс! — прошептал он. — Мне что-то послышалось.

Мертвую тишину нарушил глухой, мерный топот. Какое-то животное пробиралось в чаще, осторожно ступая тяжелыми лапами. Оно медленно обошло наш форт и остановилось у входа. Мы услышали его свис-

тящее дыхание. Только легкая изгородь отделяла нас от этого ночного чудища. Мы схватились за винтовки, а лорд Джон, вытащив куст из колючей изгороди, проделал в ней нечто вроде амбразуры.

— Бог мой! — шепнул он. — Я, кажется, вижу его!

Я заглянул в амбразуру поверх плеча лорда Джона. Да! Верно! В густой тени под деревом виднелась тень, еще более густая. Дикая мощь и свирепость чувствовались в этом припавшем к земле первобытном звере. Ростом он был не выше лошади, но его грузные контуры говорили о необычайной силе. Только у сверхмощного организма могло быть такое дыхание — наполненное, ровное, как у парового котла. Чудовище шевельнулось, и я увидел его страшные, блеснувшие зеленым огнем глаза. И тут же послышался шорох — оно медленно двинулось вперед.

— Сейчас прыгнет! — сказал я и взвел курок.

— Не стреляйте! — шепнул лорд Джон. — Разве можно стрелять в такую тихую ночь? Звук отнесет на несколько миль. Приберегите это напоследок.

— Если оно перемахнет через изгородь, мы пропали, — сказал Саммерли с нервным смешком.

— Перемахнуть мы ему не дадим! — крикнул лорд Джон. — Но стреляйте только в самом крайнем случае. Может быть, я и так с ним справлюсь. Надо попробовать.

Трудно представить себе более смелый поступок, чем тот, который совершил лорд Джон. Он нагнулся над костром, выхватил из огня горящую ветку и в одно мгновение проскользнул сквозь узкое отверстие, проделанное в изгороди. Чудовище с грозным рычанием двинулось вперед. Не колеблясь ни минуты, лорд Джон быстро и легко подбежал к нему и ткнул горящей веткой в самую его морду. Передо мной всего лишь на секунду мелькнула отвратительная маска гигантской жабы — бородавчатая, словно изъеденная проказой кожа и огромная пасть, вся в свежей крови. И тут же следом в кустах послышался треск, и наш страшный гость исчез в лесной чаще.

— Я так и думал, что он испугается огня, — со смехом сказал лорд Джон, вернувшись за ограду и швырнув ветку в костер.

— Вы рисковали жизнью! — хором воскликнули мы.

— А что мне оставалось делать? Если б это чудовище очутилось среди нас, мы бы уложили друг друга в перестрелке. Стрелять через ограду тоже не имело смысла: тогда оно наверняка перемахнуло бы сюда, а такая пальба выдала бы нас с головой, и больше ничего. В общем, по-моему, мы легко отделались. Но что это за зверь?

Наши ученые мужи нерешительно переглянулись.

— Я не берусь сколько-нибудь точно определить это существо, — сказал Саммерли, раскуривая трубку у костра.

— Такая осторожность свойственна людям с истинно научным складом мышления. — Челленджер снизошел даже до комплиментов. — Я тоже ограничусь лишь общим утверждением, что сегодня ночью мы столкнулись с одним из видом плотоядного динозавра. О возможности их существования на плато вы уже от меня слышали.

— Ведь о многих доисторических видах до нас не дошло никаких сведений, — сказал Саммерли. — С нашей стороны было бы опрометчиво думать, что мы сможем назвать каждое живое существо, которое нам встретится здесь.

— Вы совершенно правы. Наши возможности ограничиваются самой приблизительной классификацией. Подождем до завтра, там будет виднее, а пока что давайте-ка лучше вернемся к прерванному сну.

— Но при условии, что один из нас останется дежурить, — решительно сказал лорд Джон. — В такой стране шутки плохи, друзья. Впредь предлагаю установить ночные дежурства, по два часа в смену.

— Тогда первым часовым буду я, мне как раз хочет-

ся докурить трубку, — сказал профессор Саммерли.

И с тех пор мы никогда не ложились спать без охраны.

Утром причина неистовых криков, разбудивших нас, разъяснилась. Прогалина, где мы видели игуанодонов, стала ареной настоящего побоища. Глядя на эти лужи крови и огромные куски мяса, разбросанные по зеленой траве, можно было предположить, что здесь полегло немало зверей, но при ближайшем рассмотрении все эти останки оказались частью туши одного игуанодона, буквально растерзанного на клочки другим зверем, если не более крупным, то более свирепым, безусловно.

Оба профессора погрузились в научный спор, тщательно осматривая каждый кусок, носивший на себе отметины безжалостных клыков и огромных когтей.

— Делать сейчас какие-либо выводы преждевременно, — сказал профессор Челленджер, глядя на лежавший у него на коленях кусок беловатого мяса. — Судя по некоторым данным, нападающим был тигр с саблевидными клыками. Скелеты таких тигров находят среди конгломератов в пещерах, но зверь, которого мы видели собственными глазами, гораздо крупнее и похож скорее на пресмыкающееся. Я лично склонен думать, что это был аллозавр.

— Или мегалозавр, — сказал Саммерли.

— Может быть. Словом, любой из крупных плотоядных динозавров. Среди них попадаются самые страшные чудовища, которые когда-либо оскверняли наш земной шар или служили украшением музеев. — Челленджер захохотал над собственной остротой. Обладая весьма примитивным чувством юмора, он радовался каждой своей шутке, даже самой грубой.

— Чем меньше мы будем шуметь, тем лучше! — резко осадил его лорд Джон. — Почем знать, кто здесь бродит поблизости? Если этот молодчик вздумает вернуться сюда завтракать и наткнется на нас,

тогда будет не до смеха. Кстати, что это за пятно?

На чешуйчатой тускло-черной коже игуанодона чуть повыше плеча ясно выступала темная нашлепка, похожая по цвету на асфальтовую. Никто из нас не мог определить это пятно, хотя Саммерли вспомнил, что два дня назад он видел точно такое же на одном из молодых игуанодонов. Челленджер сидел надутый и хранил многозначительное молчание, выражая всем своим видом: вот, знаю, да не скажу! Лорду Джону не оставалось ничего другого, как обратиться с тем же вопросом непосредственно к нему.

— Если ваша милость разрешит мне открыть рот, я буду счастлив высказать свое мнение, — ироническим тоном начал Челленджер. — Мне впервые в жизни приходится выслушивать такие нотации. Я не подозревал, что без вашего разрешения нельзя даже посмеяться невиннейшей шутке.

И только после того, как лорд Джон принес свои извинения нашему обидчивому другу, тот соблаговолил сменить гнев на милость. Когда же возмущение его окончательно улеглось, он влез на ствол упавшего дерева и обратился к нам с длинной и, как всегда, чрезвычайно торжественной речью, точно перед ним была не наша маленькая группа из трех человек, а тысячная аудитория, ожидающая от профессора драгоценных сведений.

— Что касается вышеупомянутого пятна, — начал Челленджер, — то я склонен присоединиться к мнению моего друга и коллеги профессора Саммерли, который утверждает, что это асфальт. Страна Мепл-Уайта явно вулканического происхождения, асфальт же, как известно, принадлежит к глубинным образованиям и, несомненно, имеется здесь в жидком состоянии, следовательно, он мог оказаться на коже игуанодонов. Впрочем, сейчас перед нами стоит другой вопрос, гораздо более важный: каким образом здесь могут существовать плотоядные хищники, один из которых посе-

тил эту прогалину и оставил на ней такие страшные следы? Мы знаем, что по своим размерам плато не больше среднего графства у нас в Англии. На этом замкнутом со всех сторон пространстве в течение многих веков живут некоторые виды, давно исчезнувшие с лица земли. Казалось бы — для меня это не подлежит сомнению, — что плотоядные животные, беспрепятственно размножаясь, должны были бы давно уничтожить предоставленные им природой запасы пищи и в силу этого либо умереть с голоду, либо перейти с мяса на какой-нибудь другой корм. Как видим, ни того, ни другого не случилось. Следовательно, остается предположить, что ограничение числа этих свирепых хищников, без чего немыслимо равновесие в природе, достигается здесь какими-то иными способами. Каковы эти способы и как они применяются — вот одна из многих интереснейших проблем, которые ждут своего разрешения. Я позволю себе выразить надежду, что нам еще представится случай наблюдать плотоядных динозавров с более короткой дистанции.

— А я позволю себе выразить надежду, что такого случая нам не представится, — сказал я.

В ответ на это профессор поднял брови, словно школьный учитель, услыхавший неуместное замечание озорного ученика.

— Может быть, профессору Саммерли угодно высказать свои соображения по этому вопросу? — предложил он.

И оба они воспарили к горным высям науки, в разреженной атмосфере которых только и можно было обсуждать такие проблемы, как связь между борьбой за существование и понижением рождаемости при неуклонном уменьшении кормов.

В то утро мы отправились к востоку от ручья, чтобы не выходить опять к болоту с птеродактилями, и нанесли небольшую часть плато на карту. В этой стороне подлесок в чаще был такой густой, что нам

приходилось буквально продираться сквозь него.

До сих пор я рассказывал только об ужасах Страны Мепл-Уайта, но это несправедливо по отношению к ней, ибо все то утро мы бродили среди чудесных цветов, главным образом двух оттенков — белого и желтого. По словам Челленджера и Саммерли, первобытная гамма этими двумя красками и ограничивается. Во многих местах земля была сплошь покрыта цветами, и наши ноги по щиколотку уходили в этот великолепный мягкий ковер, распространявший вокруг такое сильное и сладостное благоухание, что от него кружилась голова. Повсюду жужжали пчелы, совсем такие же, как у нас в Англии. Ветви деревьев низко сгибались под тяжестью плодов, отчасти известных нам, отчасти совсем незнакомых. Мы выбирали надклеванные птицами и, не боясь отравиться, вносили приятное разнообразие в свое меню. В этой части джунглей всюду бежали тропы, проложенные дикими зверями, а болотистые низины были испещрены множеством следов; среди них попадались и следы игуанодонов. На одной из лесных прогалин паслось небольшое стадо этих исполинов, и лорд Джон рассмотрел в бинокль, что у них тоже есть асфальтовые пятна на теле, хотя не в тех местах, что у растерзанного игуанодона. Как объяснить это странное явление, никто из нас не знал.

По пути нам то и дело попадались мелкие животные — дикобразы, чешуйчатый муравьед, пегий кабан с длинными, закрученными кверху клыками. Как-то раз в просвете между деревьями мы увидели вдали зеленый склон холма, по которому быстро взбегал какой-то крупный зверь серовато-коричневой масти. Он промелькнул так стремительно, что мы не успели разглядеть его. Но если это был олень, как утверждал лорд Джон, то размерами он не уступал тем гигантским лосям, скелеты которых до сих пор еще находят в болотах моей родной Ирландии.

После загадочного посещения мы стали с опаской

возвращаться к себе в лагерь. Однако больше ничего такого не случилось. В тот вечер у нас завязался горячий спор о планах на будущее. Изложу его подробно, ибо он повлиял на наш дальнейший образ действий и помог нам в несколько дней ознакомиться со Страной Мепл-Уайта гораздо лучше, чем это можно было сделать за долгие недели.

Прения открыл Саммерли. Он еще с утра был чем-то недоволен, и когда лорд Джон заговорил о планах на завтрашний день, профессор не выдержал и вскипел.

— И сегодня, и завтра, и послезавтра нам надо искать выход из этой мышеловки, — сказал он. — Вы все ломаете себе голову, как бы пробраться внутрь страны, а, по-моему, думать надо только о том, как бы выбраться отсюда.

— Я просто поражаюсь, сэр, что человек науки может пасть столь низко! — загудел Челленджер, поглаживая свою пышную бороду. — Вы попали в страну, полную таких соблазнов для любознательного натуралиста, равных которым нет и не было с тех пор, как стоит мир! И вы предлагаете покинуть этот заповедник, предлагаете нам ограничиться лишь самым поверхностным знакомством с ним и с его обитателями! Я не ожидал от вас этого, профессор Саммерли!

— Не забывайте, пожалуйста, — сердито заговорил тот, — что в Лондоне меня ждет большая группа студентов, которые оставлены на попечение моего весьма бестолкового заместителя. У меня несколько иное положение, чем у вас, профессор Челленджер, ибо, насколько мне известно, вам никто и никогда не поручал такой ответственной работы, как обучение молодежи.

— Совершенно верно, — согласился Челленджер. — Зачем загружать пустяками ум, способный на творческие искания высшего порядка? По-моему, это кощунство! Вот почему я всегда самым решительным образом отказываюсь от подобных предложений.

— От каких же это? — с язвительной усмешкой осведомился Саммерли.

Но тут лорд Джон поспешил перевести разговор на другую тему.

— Должен вам сказать, — начал он, — что я считаю просто позором возвращаться в Лондон, не ознакомившись как следует с этой страной.

— А у меня не хватит духа перешагнуть порог редакции и показаться на глаза нашему старику Мак-Ардлу, — вставил я. — Вы не будете сердиться, сэр? Он мне не простит, если я пренебрегу таким материалом. Но, по-моему, эти споры излишни: ведь мы при всем желании не можем спуститься вниз.

— Примитивный здравый смысл в какой-то степени возмещает нашему юному другу недостаток умственного развития, — сказал Челленджер. — Нам, разумеется, нет никакого дела до его презренных профессиональных интересов, но что правда, то правда: мы не можем спуститься вниз, следовательно, нечего зря тратить силы на бессмысленные споры.

— А по-моему, все, что вы задумали, будет тоже бессмысленной тратой сил, — пробурчал Саммерли, не вынимая трубки изо рта. — Разрешите вам напомнить, что мы приехали сюда с совершенно определенной целью, поставленной перед нами научным собранием Лондонского зоологического института. Цель эта — проверить утверждения профессора Челленджера. Должен сказать, что мы уже вполне можем подтвердить их правильность. Следовательно, миссия наша выполнена. Что же касается детального изучения плато и его обитателей, то эта огромная задача будет под силу только большой, специально снаряженной экспедиции. Если мы возьмемся за это сами, тогда кто же доставит в Англию добытые нами сведения, которые послужат ценным вкладом в науку? Профессор Челленджер изобрел способ подняться на это неприступное с виду плато. Давайте же попросим его еще раз пу-

стить в ход присущую ему изобретательность и вернуть нас в тот мир, откуда мы пришли.

Доводы Саммерли показались мне в высшей степени разумными. Челленджер, и тот призадумался, сообразив, что ему не удастся посрамить своих врагов, если подтверждение его правоты не дойдет до тех, кто сомневался в ней.

— Проблема спуска с плато на первый взгляд кажется неразрешимой, — сказал он, — но я не сомневаюсь, что человеческий интеллект найдет выход и из этого положения. Уважаемый коллега, по-видимому, прав: нам не следует затягивать свое пребывание в Стране Мепл-Уайта, пора подумать о том, как вернуться домой. Однако я наотрез отказываюсь покинуть плато до тех пор, пока мы не обследуем его и не составит хоть какой-нибудь карты.

Профессор Саммерли нетерпеливо фыркнул.

— У нас ушло уже целых два дня на разведку, — сказал он, — и это почти ничего не дало. Мы по-прежнему не имеем никакого представления о топографии плато. Выяснилось только одно: Страна Мепл-Уайта покрыта густыми лесами. Но ведь на более подробное обследование потребуются месяцы! Другое дело, если б здесь была какая-нибудь возвышенность. Однако плато имеет уклон к центру, значит, сколько бы мы ни забирались вглубь, его общий вид все равно перед нами не откроется.

И тут на меня нашло вдохновение. Я случайно остановился взглядом на огромном узловатом дереве гингко, простиравшем над нами свои могучие ветви. Судя по его мощному стволу, оно должно быть выше других деревьев. Если плато действительно поднимается по краям, то почему бы этому гиганту не послужить нам наблюдательной вышкой для обозрения всей Страны Мепл-Уайта? Я еще в мальчишеские годы славился своим искусством лазить по деревьям. Мои спутники лучше меня карабкаются по скалам, но тут

им за мной не угнаться. Только бы поставить ногу на нижнюю ветку, а все остальное пустяки — доберусь и до вершины.

Моя идея была принята восторженно.

— Наш юный друг способен проделывать акробатические трюки, немыслимые для людей с более массивной и в то же время более представительной фигурой, — сказал Челленджер, и его щеки надулись двумя румяными яблочками. — Я приветствую такое решение.

— Юноша, да вы просто гениальны! — воскликнул лорд Джон, хлопнув меня по спине. — Не понимаю, как это нам раньше не пришло в голову! До захода солнца остался какой-нибудь час, но вы еще успеете набросать план местности, хотя бы самый приблизительный. Лезьте туда прямо с блокнотом. Сейчас мы подставим под дерево три ящика, один на другой, и уж я как-нибудь подсажу вас.

Лорд Джон взобрался на ящики и стал осторожно помогать мне, но тут в дело вмешался Челленджер. Он подбежал к нам и буквально подбросил меня кверху одним движением своей мощной длани. Я ухватился за толстый сук и, перебирая ногами по стволу, сначала подтянулся до половины туловища, а потом стал на сук коленями. Три нижние ветки послужили мне настоящими ступеньками, другие, потоньше, тоже облегчили подъем, и я так быстро взобрался по ним кверху, что вскоре земля совсем скрылась у меня из глаз.

Время от времени случались задержки, один раз пришлось даже подниматься по лиане футов в десять длиной, но, в общем, все шло хорошо, и мне уже казалось, что густой бас Челленджера скоро совсем перестанет доноситься сюда. Но дерево было гигантской высоты; я вглядывался в зеленую листву у себя над головой и не замечал, чтобы она начинала хоть сколько-нибудь редеть.

Вскоре на моем пути встретилась ветка, на которой

сидел плотный зеленый клубок — вероятно, какое-нибудь паразитическое растение. Я вытянул шею, стараясь заглянуть за него, и, потрясенный тем, что неожиданно предстало моим глазам, чуть не свалился с дерева.

На меня смотрело чье-то лицо — какие-нибудь два фута отделяли нас друг от друга. Существо, которому оно принадлежало, пряталось за зеленым клубком и высунуло из-за него голову одновременно со мной. Лицо было человеческое, во всяком случае, более человеческое, чем у любой обезьяны. Длинное, белесое, все в прыщах, приплюснутый нос, массивная нижняя челюсть, на подбородке и скулах жесткая щетина, совсем как бакенбарды. Чудовище ощерило пасть и зарычало, будто изрыгая проклятия по моему адресу, и я увидел острые, загнутые книзу собачьи клыки. Свирепые глаза под нависшими бровями метнули на меня взгляд, полный ненависти и угрозы, и мгновенно помертвели от беспредельного страха. Чудовище камнем ринулось вниз. Раздался громкий треск ломающихся ветвей, рыжее, волосатое, как у свиньи, тело на секунду мелькнуло у меня перед глазами и исчезло в вихре взметенной листвы.

— В чем дело? — послышался снизу голос лорда Рокстона. — Что-нибудь случилось?

— Вы видели? — крикнул я, весь дрожа от волнения и крепко держась обеими руками за сук.

— Слышали какой-то шум, подумали, что вы оступились. А в чем все-таки дело?

Внезапное появление этой странной человекообезьяны так взволновало меня, что я уже хотел спуститься с дерева и рассказать о случившемся моим спутникам. Но до вершины оставалось совсем немного, и мне было стыдно возвращаться вниз, не выполнив взятой на себя задачи.

Поэтому я сделал долгую остановку, отдышался и полез дальше. Раз как-то нога моя ступила на подгнивший сук, и я удержался только на руках, но, в общем,

подъем был нетрудный. Мало-помалу листва стала редеть, в лицо мне пахнуло ветром, а это значило, что гингко уже поднялось над окружающими деревьями.

Но я лез все выше и выше, твердо решив не смотреть по сторонам до тех пор, пока не доберусь до самой вершины. Наконец ветки стали гнуться под моей тяжестью. Тогда я выбрал надежый развилок, уселся в нем поудобнее и глянул вниз на изумительную панораму этой таинственной страны, в которую нас занесла судьба.

Солнце уже спустилось к самой линии горизонта, но вечер был такой ясный и тихий, что плато, раскинувшееся подо мной, виднелось от края до края. Оно представляло собой овал длиной миль в тридцать, шириной в двадцать и имело форму неглубокой воронки, так как поверхность его шла под уклон к центру, где было довольно большое озеро, миль десяти в окружности. По берегам этого прекрасного озера рос густой тростник, сквозь зеленоватую воду кое-где проступали желтые песчаные отмели, отливавшие золотом в мягких лучах солнца. На отмелях виднелось множество каких-то черных предметов. Для аллигаторов они были слишком велики, для челнов — слишком длинны. Я разглядел в бинокль, что это живые существа, но какие, так и не догадался.

С той стороны плато, где был наш лагерь, лесистые склоны, изрезанные кое-где прогалинами, тянулись миль на шесть по направлению к центральному озеру. Почти у самых своих ног я различил прогалину игуанодонов, а дальше, среди редеющих деревьев, виднелся проход к болоту птеродактилей. Зато по другую сторону озера облик плато резко менялся. Там поднимались точно такие же красноватые базальтовые скалы, какие мы видели снизу, с равнины. Эта гряда была футов двести вышиной, и у подножия ее рос лес. В нижней части красноватых скал, немного выше земли, я разглядел в бинокль ряд темных отверстий, служивших,

по-видимому, входами в пещеры. У входа в одну из них что-то белело, но что именно, мне так и не удалось разобрать.

Я бросил свою работу только после захода солнца, когда уже ничего не было видно, и спустился к товарищам, с нетерпением ожидавшим меня под деревом. Вот когда я стал героем дня! Этот замысел принадлежал мне, и я сам привел его в исполнение. Вот она, карта, которая сбережет нам месяц времени и избавит от необходимости блуждать вслепую по Неведомой стране. Последовал обмен торжественными рукопожатиями. Но прежде чем показать карту товарищам, надо было рассказать им и о моей встрече с человекообезьяной.

— Она была там все время, — сказал я.

— Откуда вы это знаете? — спросил лорд Джон.

— Меня не оставляло ощущение, что за нами следят чьи-то злобные глаза. Помните, профессор Челленджер? Я говорил вам об этом.

— Действительно, нечто подобное я слышал. Наш юный друг обладает той впечатлительностью, которая характерна для представителей кельтской расы.

— Теория телепатии... — начал было Саммерли, набивая трубку.

— Это чересчур сложная проблема, не будем ее обсуждать сейчас, — решительно прервал его Челленджер. — Скажите лучше вот что, — обратился он ко мне с величественным видом, словно епископ, экзаменующий ученика воскресной школы, — вы не заметили, может это существо прижать большой палец к ладони?

— Вот уж чего не заметил, того не заметил.

— Хвост у него есть?

— Нет.

— Задние конечности хватательные?

— По всей вероятности, иначе он не смог бы так быстро скакать с ветки на ветку.

— Если память мне не изменяет, в Южной Америке насчитывается до тридцати шести видов обезьян... профессор Саммерли, прошу вас воздержаться от замечаний... Но человекообразных среди них нет. Теперь не подлежит сомнению, что здесь они водятся, но это какая-то другая разновидность, а не те волосатые гориллоподобные обезьяны, которые встречаются только в Африке и на Востоке. (У меня чуть было не сорвалось с языка, что двоюродного братца этих гориллоподобных я видел и в Кенсингтоне.) Для здешней разновидности характерны наличие растительности на лице и белый цвет кожи, последнее же объясняется тем, что эти обезьяны живут на деревьях, среди густой листвы. Перед нами стоит вопрос: к кому же больше приближается здешняя разновидность — к обезьяне или к человеку? В последнем случае она, видимо, представляет собой то, что зовется в просторечии «недостающим звеном». Наш долг — немедленно приступить к разрешению этой проблемы...

— Возражаю! — резко оборвал его Саммерли. — Теперь, когда у нас есть карта, а этим мы обязаны сообразительности и энергичному образу действий мистера Мелоуна (я вынужден привести его слова), наш единственный долг — принять все меры, чтобы немедленно же выбраться здравыми и невредимыми из этого ужасного места.

— Блага цивилизации не дают вам спать! — простонал Челленджер.

— Да, сэр! И самым большим благом цивилизации я считаю чернила, сэр! Мы должны отчитаться во всем, что видели здесь, а дальнейшим исследованием пусть занимаются другие. Вы же сами с этим согласились до того, как мистер Мелоун показал нам свою карту.

— Хорошо, — сказал Челленджер. — Мне тоже сразу полегчает, когда я буду окончательно уверен, что результаты экспедиции дойдут до сведения наших

друзей. Но пока что я понятия не имею, как нам отсюда выбраться. Впрочем, Джорджу Эдуарду Челленджеру еще не приходилось сталкиваться с задачами, которые были бы не под силу его изобретательному уму, и он обещает вам завтра же заняться этим вопросом вплотную.

На этом спор был закончен. А в тот же вечер при свете костра и единственной свечи мы вычертили по моему наброску первую карту Затерянного мира. Детали, только намеченные мною с вершины дерева, были занесены на соответствующие места. Карандаш Челленджера задержался над большим белым пятном, изображавшим озеро.

— Как же мы его назовем? — спросил он.

— Почему бы вам не воспользоваться случаем увековечить свое имя? — с обычной язвительностью сказал Саммерли.

— Я уверен, сэр, что у потомства найдутся более веские основания, чтобы запомнить Челленджера. И эти основания будут покоиться на его личных заслугах, — сурово ответил профессор. — Каждый невежда может навязать свое имя какой-нибудь реке или горной вершине. Мне таких монументов не нужно.

Саммерли криво улыбнулся, готовясь к новому выпаду, но лорд Джон поспешил прервать спорщиков.

— Милый юноша, окрестить озеро должны вы, — сказал он. — Вы первый его увидели, и, если вам захочется проставить на карте «озеро Мелоун», перечить вам никто не будет.

— Конечно, конечно! Пусть наш юный друг даст название озеру, — поддержал его Челленджер.

— В таком случае, — сказал я и сам почувствовал, что краснею, — пусть оно зовется озером Глэдис.

— А вам не кажется, что «Центральное» даст более ясное понятие о его местоположении? — спросил Саммерли.

— Нет, пусть будет озеро Глэдис.

Челленджер бросил на меня сочувственный взгляд и с шутливой укоризной покачал головой.

— Ах, молодость, молодость! — сказал он. — Ну что же, Глэдис так Глэдис!

Глава XII

КАК СТРАШНО БЫЛО В ЛЕСУ!

В предыдущем письме уже упоминалось... а может, и нет? — последнее время память играет со мной злые шутки, — что я был сам не свой от гордости, когда трое таких незаурядных людей, как мои спутники, с благодарностью пожали мне руку. По их словам, я спас или по крайней мере значительно облегчил наше положение. Будучи самым младшим членом экспедиции и уступая моим товарищам во всем, что касалось опыта и твердости характера, я с первых же дней нашего путешествия оставался в тени. Но теперь настал и мой час. Увы! Гордыня к добру не приводит. Чувство самодовольства и новая для меня уверенность в своих силах привели к тому, что в ту же ночь мне пришлось выдержать такое испытание, о котором я до сих пор не могу вспомнить без ужаса.

Вот как это случилось. Взбудораженный сверх всякой меры своим удачным подъемом на вершину дерева гинкго, я никак не мог уснуть. В ту ночь первым дежурил Саммерли. В неярком свете костра виднелась его нелепая, угловатая фигура. Он сидел, сгорбившись, положив винтовку на колени, и так клевал носом, что его козлиная бородка то и дело вздрагивала. Лорд Джон лежал, завернувшись в свое южноамериканское одеяло — пончо, и его совсем не было слышно. Зато густой и громкий храп Челленджера разносился по всему лесу.

Полная луна светила ярко; ночной воздух так и пробирал холодком. Какая ночь для прогулки! И вдруг меня осенило: а почему бы и в самом деле не прогуляться? Что, если я тихонько выйду из лагеря, найду дорогу к центральному озеру и утром вернусь с целым ворохом новостей? Ведь тогда акции мои поднимутся еще выше! И если Саммерли заставит нас найти какой-нибудь способ выбраться отсюда, мы вернемся в Лондон с самыми точными сведениями о центральной части Страны Мепл-Уайта, где, кроме меня, не побывал никто. Я вспомнил Глэдис... «Человек — сам творец своей славы», — прозвучало у меня в ушах. Вспомнил и Мак-Ардла. Какой материал для газеты — на целую полосу! Какая карьера ждет меня впереди! Начнется война, и, может быть, меня пошлют корреспондентом на театр военных действий. Я схватил первую попавшуюся винтовку — патроны были у меня в карманах — и, разобрав завал у входа в форт, проскользнул за его ограду. Оглянувшись напоследок, я увидел нашего горе-часового Саммерли, который по-прежнему дремал у затухающего костра, мерно, словно китайский болванчик, покачивая головой.

После первых же ста ярдов мне стало ясно, сколько безрассудства в моем поступке. Я, кажется, уже упоминал на страницах этой хроники, что пылкость воображения мешает мне стать по-настоящему смелым человеком, упоминал и о том, что больше всего на свете боюсь прослыть трусом. Вот эта боязнь и толкала меня вперед. Я просто не мог бы вернуться в лагерь с пустыми руками. Если б товарищи и не хватились меня и не узнали бы о моем малодушии, все равно я не нашел бы себе места от жгучего стыда. А в то же время меня то и дело кидало в дрожь, и я готов был отдать все, лишь бы найти достойный выход из этого нелепого положения.

Как страшно было в лесу! Деревья стояли такой плотной стеной, листва у них была такая густая, что

лунный свет почти не проникал сюда, и лишь самые верхние ветки филигранным узором сквозили на фоне звездного неба. Привыкнув мало-помалу к темноте, глаза мои начали кое-что различать в ней. Некоторые деревья все же виднелись в этом мраке, другие совсем тонули в угольно-черных провалах, от которых я в ужасе шарахался, так как порой они казались мне входами в какие-то пещеры. Я вспомнил отчаянный вопль обреченного на гибель игуанодона, разнесшийся по всему лесу. Вспомнил и бородавчатую, окровавленную морду, мелькнувшую передо мной при свете факела лорда Джона. Безымянное страшное чудовище охотится в этих самых местах. Оно может в любую минуту броситься на меня из лесной тьмы. Я остановился, вынул из кармана патрон и открыл затвор винтовки. И вдруг сердце замерло у меня в груди. Это была не винтовка, а дробовик.

И я снова подумал: «Уж не вернуться ли?» Повод вполне достаточный, никто не посмеет сомневаться в причинах моей неудачи. Но глупая гордость восставала даже против одного этого слова. Нет, я не хотел, я не мог допустить, чтобы меня постигла неудача. Если уж на то пошло, так перед лицом тех опасностей, которые мне здесь, по всей вероятности, угрожают, винтовка окажется столь же бесполезным оружием, сколь и охотничье ружье. Возвращаться в лагерь и исправлять ошибку не имеет смысла — второй раз мне не удастся уйти оттуда незамеченным. Придется объяснить свои намерения, и тогда инициатива уйдет у меня из рук. После недолгих колебаний я все же собрался с духом и двинулся дальше, держа бесполезное ружье под мышкой.

Лесная тьма пугала меня, но на прогалине игуанодонов, залитой ровным лунным светом, мне стало еще страшнее. Я внимательно оглядел ее, спрятавшись в кустах. Чудовищ не было видно. Трагедия, злополучным героем которой стал один из игуанодонов, вероят-

но, заставила остальных уйти с этого пастбища. Туманная, серебристая ночь была безмолвна — ни шороха, ни звука. Набравшись храбрости, я быстро перебежал прогалину и по ту сторону опять вышел к ручью, служившему мне путеводной нитью. Этот веселый спутник бежал, болтая и журча, как тот дорогой моему сердцу ручей в родной стороне, где я еще мальчиком ловил по ночам форель. Если идти вниз по течению, он выведет меня к озеру; если подыматься вверх, — вернешься обратно в лагерь. Ручей то и дело терялся среди кустов, но его неумолчное журчание все время стояло у меня в ушах.

Чем ниже под уклон, тем больше и больше редел лес, постепенно уступая место зарослям кустарника, среди которых лишь кое-где поднимались высокие деревья. Идти становилось легче, и теперь я мог смотреть по сторонам, оставаясь незамеченным. Мой путь проходил мимо болота птеродактилей, и оттуда навстречу мне с сухим шелестом и свистом взмыл в воздух один из этих гигантов, размах крыльев которого был футов двадцать по меньшей мере. Вот его перепончатые крылья пронизало ослепительно-белым тропическим сиянием лунного диска, и словно скелет пролетел у меня над головой. Я кинулся в кусты, зная по опыту, что достаточно этому чудовищу подать голос, и на меня тучей налетят его омерзительные собратья. И только после того, как птеродактиль опустился в чащу кустов, я осторожно двинулся дальше.

Ночь была на редкость тихая, но вот тишину нарушил глухой, ровный рокот, с каждым моим шагом становившийся все громче и громче. Наконец я остановился совсем рядом с источником, из которого исходил этот звук, напоминавший клокотание кипятка в котле, и понял, в чем тут дело. Посередине небольшой лужайки виднелось озеро, вернее, большая лужа, ибо в диаметре она была не больше водоема в Трафальгар-сквере. Ее черная, как деготь, поверхность не-

престанно вздувалась пузырями, которые лопались, выделяя газ. Воздух над лужей дрожал от жара, а земля вокруг была до того горячая, что, коснувшись ее ладонью, я тут же отдернул руку. По-видимому, мощный вулканический процесс, много веков назад вздыбивший плато над земной поверхностью, еще не закончился. Нам уже приходилось видеть здесь, среди пышной зелени, черные обломки скал и застывшую лаву, но этот резервуар с жидким асфальтом был первым неоспоримым доказательством того, что древний вулкан продолжает действовать и по сию пору. К сожалению, мне надо было спешить, чтобы вернуться в лагерь до рассвета, и я не стал задерживаться здесь.

До конца дней своих я не забуду этого страшного пути. Освещенные луной прогалины я обходил по самым краям, стараясь держаться в густой тени; в джунглях то и дело замирал от страха, слыша треск веток, сквозь которые пробирался какой-нибудь зверь. Огромные тени возникали передо мной и снова исчезали, бесшумно скользя на мягких лапах. Я часто останавливался с твердым намерением повернуть обратно, и всякий раз гордость побеждала страх и гнала меня вперед, к намеченной цели.

Наконец (на моих часах было начало второго) в просвете между деревьями блеснула вода, и минут через десять я уже стоял в камышах, на берегу центрального озера. Меня давно мучила жажда, и я лег ничком и припал к воде; она оказалась холодной и очень свежей на вкус. В этом месте к берегу вела широкая, испещренная множеством следов тропинка — очевидно, звери приходили сюда на водопой. У самой воды огромной глыбой поднималась застывшая лава. Я взобрался на нее, лег и осмотрелся по сторонам.

Первое, что предстало моему взору, поразило меня своей неожиданностью. Описывая вид, открывавшийся с вершины дерева гингко, я упоминал о темных пятнах на скалистой гряде, которые можно было принять за

входы в пещеры. Взглянув теперь в ту сторону, я увидел множество круглых отверстий, светящихся ярким, красноватым огнем, словно иллюминаторы океанского парохода в ночной темноте. Сначала я подумал, что это отблеск лавы, бурлящей в непотухшем вулкане, но тут же отказался от такого предположения. Лава бурлила бы где-нибудь внизу, а не высоко среди скал. Тогда что же это значит? Невероятно, но, по-видимому, другого объяснения не подыщешь: эти красноватые пятна не что иное, как отблески костров, горящих в пещерах, костров, разжечь которые могла только человеческая рука. Следовательно, на плато есть люди. Какие блестящие результаты дала моя ночная прогулка! Уж с такими известиями нам не стыдно будет вернуться в Лондон.

Я долго смотрел на эти красные мерцающие отблески. Меня отделяло от них не меньше десяти миль, но даже на таком расстоянии можно было разглядеть, как они то затухали, то вспыхивали ярче, то совсем исчезали у меня из глаз, когда их заслоняли чьи-то тени. Чего бы я только не дал, чтобы подобраться к этим пещерам, заглянуть в них и потом поведать моим спутникам о внешнем облике и образе жизни человеческой расы, населяющей этот таинственный уголок земного шара! Сейчас об этом нечего было и думать, но вряд ли кто-нибудь из нас захочет покинуть плато, не узнав толком, что скрывается в этих пещерах.

Озеро Глэдис — мое озеро! — сверкало передо мной, словно ртуть, а в самом центре его отражался светлый диск луны. Оно было неглубокое: из воды в нескольких местах проглядывали песчаные отмели. Гладкая поверхность озера жила своей жизнью — на ней появлялись то круги, то легкая рябь; вот рыба блеснула серебряной чешуей, вот показалась горбатая аспидно-черная спина какого-то чудовища. Странное существо, похожее на огромного лебедя с длинной гибкой шеей, прошло по краю отмели, потом грузно

плюхнулось в озеро и поплыло. Его изогнутая шея и юркая голова долго виднелись над водой. Потом оно нырнуло и больше уже не показывалось.

Вскоре я устремил все свое внимание на то, что происходило почти у самых моих ног. На берегу появились два зверя, похожих на крупных армадиллов. Они припали к воде и быстро заработали длинными красными лентами языков. Вслед за ними на водопой явился огромный ветвисторогий олень с самкой и двумя оленятами. Такого царственного существа, наверно, больше нигде не найдешь, кроме как в Стране Мепл-Уайта; и лось и американский олень были бы ему по плечо. Все семейство мирно пило воду, но вдруг самец предостерегающе фыркнул, и они мигом исчезли в камышах. Армадиллы тоже заковыляли прочь. На тропинке появилось какое-то новое существо — настоящее чудовище.

У меня пронеслось в голове: где же я видел этого урода с круглой спиной, усаженной треугольными зубцами, с маленькой птичьей головкой, опущенной почти до самой земли? И вдруг вспомнил. Это же стегозавр, которого Мепл-Уайт запечатлел на страницах своего альбома, то чудовище, которым прежде всего заинтересовался Челленджер. Вот он передо мной — может быть, тот самый зверь, что повстречался американскому художнику. Земля содрогалась под его страшной тяжестью, воду он лакал так громко, что эти звуки, казалось, будили ночь. Минут пять стегозавр стоял совсем рядом со мной. Стоило мне протянуть руку, и я бы коснулся этих отвратительных зубцов, вздрагивающих при каждом его движении. Напившись, чудовище побрело прочь и скрылось среди камней.

Я вынул часы — было половина третьего, самое время возвращаться в лагерь. Обратный путь не вызывал у меня никаких сомнений, так как я шел сюда, держась левого берега ручья, а ручей вливался в центральное озеро в нескольких шагах от моего наблюда-

тельного пункта. Итак, я в самом лучшем расположении духа зашагал к лагерю, гордясь результатами своей ночной прогулки и теми новостями, которые преподнесу товарищам. Конечно, самая важная новость — это освещенные изнутри пещеры, где, по всей вероятности, живет какое-то племя троглодитов. Но мои наблюдения над центральным озером тоже кое-чего стоят. Я могу удостоверить, что оно полно живых существ, и, кроме того, опишу несколько новых видов доисторических сухопутных животных, не встречавшихся нам до сих пор. Не много найдется людей на свете, думал я, которые за одну ночь — и какую необычайную ночь! — смогли бы внести столь ценный вклад в сокровищницу человеческих знаний.

Поглощенный своими мыслями, я медленно поднимался вверх по склону и уже был примерно на полпути к лагерю, когда послышавшиеся сзади странные звуки вернули меня к действительности. Это было нечто среднее между храпением и ревом — глухим, низким и грозным. По-видимому, вблизи появился какой-то зверь, но в темноте ничего нельзя было разглядеть. Я прибавил шагу и, пройдя еще с полмили, снова услышал те же звуки. На сей раз они были гораздо громче и страшнее. Сердце замерло у меня в груди при мысли, что за мной кто-то гонится. Я весь похолодел и почувствовал, как волосы встали дыбом у меня на голове. Пусть эти чудовища рвут друг друга на куски, такова борьба за существование, но чтобы они нападали на современного человека, охотились за владыкой мира — с этой страшной мыслью я не мог примириться. Передо мной снова возникло это страшное видение из Дантова «Ада» — залитая кровью морда, освещенная на миг горящей веткой лорда Джона. Я стоял, глядя во все глаза назад, на залитую луной тропинку, и колени у меня подгибались от страха. Такое может только присниться: тишина, серебристые лунные блики на прогалинах, черные пятна кустов. И

вдруг эту грозную тишину снова прорезало то же низкое, гортанное рычание. Оно звучало еще громче, еще ближе. Сомнений быть не могло: меня кто-то выслеживал, и расстояние между мной и моим преследователем сокращалось с каждой минутой.

Я стоял, будто пригвожденный к месту, и не мог отвести глаз от тропинки. И вдруг оно показалось. В дальнем конце прогалины, которую я только что прошел, дрогнули кусты. Что-то большое, темное отделилось от них и одним прыжком вымахнуло на залитую луной прогалину. Я умышленно говорю о прыжке, ибо чудовище передвигалось, как кенгуру, вытянувшись во весь рост и отталкиваясь от земли сильно развитыми задними ногами; передние были прижаты у него к брюху. Размеры и мощь этого зверя поразили меня — настоящий слон, вставший на дыбы. И при всем том какая подвижность! В первую минуту у меня еще мелькнула надежда: может быть, это лишь безобидный игуанодон? Но, несмотря на все свое невежество, я понял, что ошибаюсь. У трехпалого травоядного игуанодона голова была маленькая, как у лани, а у этого страшилища широкая, плоская — словом, точная копия той жабьей морды, обладатель которой так напугал нас минувшей ночью. Свирепый рев и настойчивость, с какой он преследовал меня, свидетельствовали о том, что это плотоядный динозавр, один из самых страшных зверей, которые когда-либо водились на земле. Чудовище то и дело припадало на передние лапы и тыкалось носом в землю, вынюхивая мои следы. Иногда они терялись, но динозавр находил их и снова огромными прыжками пускался по тропинке следом за мной.

Даже теперь, при одном лишь воспоминании об этом кошмаре, холодный пот проступает у меня на лбу. Что мне было делать? У меня в руках был дробовик, но какой от него толк сейчас? Я с отчаянием огляделся по сторонам, ища глазами какое-нибудь при-

крытие — скалу или дерево, но здесь, в чаще кустарника, были только молодые деревца, а моему преследователю ничего не стоило бы переломить, как тростинку, и большое дерево. Меня могло спасти только бегство. Но как бежать по неровному каменистому откосу? К счастью, я заметил хорошо утоптанную тропинку, пересекавшую мой путь. Во время своих разведок мы видели немало таких троп, проложенных дикими зверями. Если броситься по ней, может быть, мне и удастся уйти от преследования, тем более что бегаю я хорошо и сейчас нахожусь в форме. И, отшвырнув в сторону бесполезное ружье, я показал такой класс спринта, какой не показывал ни до, ни после этой ночи. Ноги мои подкашивались, грудь разрывалась, дыхание спирало в горле, но я все бежал и бежал вперед, подгоняемый ужасом. Наконец, когда сил уже больше не стало, я остановился. На секунду мне показалось, что преследование кончилось — на тропинке никого не было. И вдруг снова треск сучьев, топот исполинских лап, свистящее дыхание могучих легких... Зверь настигал меня. Он уже совсем близко! Спасения нет!

Безумец! Зачем я так долго раздумывал, прежде чем обратиться в бегство? Сначала динозавр полагался только на свой нюх, а это замедляло погоню. Но как только я побежал, он заметил меня и с той минуты уже не терял из виду. Еще несколько прыжков — и чудовище показалось из-за поворота тропинки. В ярком свете луны блеснули огромные выпученные глаза, пасть с двумя рядами страшных зубов и острые когти на коротких передних лапах. Я дико вскрикнул и опрометью бросился вперед. Прерывистое, хриплое дыхание слышалось все ближе и ближе. Тяжелый топот настигал меня. Еще секунда — и динозавр вцепится мне в спину. И вдруг — оглушительный треск, я лечу в бездну, а дальше тьма и пустота забвения...

Когда я очнулся от обморока — думаю, что на это потребовалось всего несколько минут, — мне ударило в

нос ужасающее, совершенно невыносимое зловоние. Я пошарил в темноте и одной рукой нащупал что-то вроде огромного куска мяса, другой — тяжелую кость. Высоко вверху в правильном овале светили звезды. Следовательно, я лежал на дне какой-то глубокой ямы. Все тело у меня ныло, но кости были целы, никаких повреждений не обнаруживалось. Когда в моем затуманенном мозгу всплыли обстоятельства, предшествовавшие этому падению в яму, я с ужасом взглянул вверх в полной уверенности, что темная голова динозавра вот-вот появится на фоне бледнеющего неба. Но все было тихо, спокойно. Тогда я медленно, ощупью обошел дно ямы, стараясь понять, куда же меня вверг счастливый случай. Яма была глубокая, с отвесными краями и ровным дном, футов двадцати в поперечнике. На дне валялись совершенно разложившиеся куски мяса, от которых шел удушающий смрад. Ступая по этой падали и то и дело спотыкаясь о нее, я вдруг наткнулся на что-то твердое — это был деревянный кол, вбитый в самой середине ямы. Я ощупал его, моя рука скользнула по чему-то липкому, но до верхушки кола так и не дотянулась.

Вдруг я вспомнил, что у меня в кармане есть восковые спички, и, чиркнув одну, сразу понял назначение этой ямы. Сомневаться не приходилось: это была западня, вырытая руками человека. Вбитый посредине заостренный кол высотою футов в девять весь почернел от крови животных, которые напарывались на него. Валявшиеся на дне куски гнилого мяса были, по-видимому, срезаны с кола, чтобы очистить место для следующих жертв.

Я вспомнил Челленджера, утверждавшего, что человек с его слабыми средствами защиты не может существовать на плато, населенном такими чудовищами. Но теперь способы его борьбы с ними стали ясны мне. Пещеры с узкими входами служили надежным убежищем для их обитателей, кто бы они ни были. Умственное превосходство этих человеческих существ над ог-

ромными ящерами было, по-видимому, настолько велико, что позволяло им устраивать на звериных тропах прикрытые ветками ловушки, в которых их враги гибли, несмотря на всю свою мощь и ловкость. Человек и здесь властвовал над миром.

Чтобы выбраться по откосам ямы наверх, особенной ловкости не требовалось, но я долго не решался на это, боясь попасть в лапы врага, который едва не растерзал меня. Почем знать, может быть, динозавр подкарауливает свою жертву, притаившись в кустах? Но я вспомнил один разговор Челленджера с Саммерли о повадках этих исполинских пресмыкающихся и немного осмелел. Оба профессора сходились на том, что в крохотной черепной коробке динозавра нет места разуму и что, по сути дела, это совершенно безмозглые животные, исчезнувшие с лица земли именно из-за полного неумения приспосабливаться к меняющимся условиям существования.

Прежде чем подкарауливать меня, динозавр должен был понять, что со мной произошло, но для этого требовалось умение устанавливать связь между причиной и следствием. Гораздо более вероятно, что глупое животное, действующее лишь по велениям хищнического инстинкта, сначала опешило в недоумении, а потом отправилось на поиски новой добычи.

Я долез до края ямы и огляделся по сторонам. Звезды гасли, небо начинало бледнеть, и предутренный ветерок приятной прохладой пахнул мне в лицо. Мой враг никак не давал о себе знать. Я медленно выбрался из ямы и сел на землю, готовясь при малейшей тревоге спрыгнуть в свое убежище. Потом, несколько успокоенный полной тишиной, которая была вокруг, и наступлением утра, собрался с духом и, крадучись, пошел назад по той же тропинке. Через несколько минут я увидел свое ружье, подобрал его, вышел к ручью, служившему мне путеводной нитью, и быстро зашагал к лагерю, то и дело обора-

чиваясь и бросая по сторонам испуганные взгляды.

И вдруг ветер принес мне напоминание о моих товарищах. Тишину спокойного утра нарушил далекий звук ружейного выстрела. Я остановился и прислушался — все было тихо. «Не случилось ли чего с ними?» — пронеслось у меня в голове. Но я тут же успокоился, найдя более простое и более естественное объяснение этому выстрелу. Уже совсем рассвело. Мое отсутствие, конечно, успели заметить. Товарищи, вероятно, решили, что я заблудился в лесу, и дали выстрел, чтобы помочь мне добраться до лагеря. Правда, стрельба была у нас запрещена, но если они думали, что мне грозит опасность, вряд ли это остановило бы их. Надо как можно скорее вернуться в лагерь и унять тревогу.

Я устал, измучился за ночь и при всем желании не мог идти быстро. Но вот наконец-то начались знакомые места. Слева болото птеродактилей, а скоро будет прогалина игуанодонов. Теперь только узкая полоса леса отделяла меня от Форта Челленджера. Я весело крикнул, торопясь успокоить товарищей. Ответа не было. Кругом стояла зловещая тишина. Сердце у меня сжалось. Я ускорил шаги, потом побежал. Вот и ограда — она цела, но завала у входа нет. Я бросился внутрь. Страшное зрелище предстало моим глазам в холодном свете раннего утра. Наши вещи в беспорядке валялись по всей поляне; моих спутников нигде не было, а возле потухшего костра краснела на траве большая лужа крови.

Я был так потрясен этой неожиданностью, что первое время вообще потерял способность соображать. Припоминаю только, как тяжелый кошмар, свои метания по лесу вокруг опустевшего лагеря, отчаянные призывы, обращенные к товарищам. Но лесная чаща безмолвствовала. Меня сводили с ума страшные мысли. Что, если я больше не увижу их? Что, если я останусь один в этом ужасном месте и никогда не смогу вернуться в мир? Что, если судьба обречет меня жить и умереть здесь? Мне хотелось рвать на себе волосы и

биться головой о землю в припадке отчаяния. Только теперь я понял, какой опорой были для меня товарищи — и Челленджер с его безмятежной самоуверенностью и властный, хладнокровный лорд Рокстон, никогда не теряющий чувства юмора. Без них я был, как слабый, беспомощный ребенок, оставшийся один в темноте. Куда мне податься, что делать, с чего начать?

Некоторое время я сидел совершенно подавленный, потом мало-помалу пришел в себя и стал раздумывать, какая же злая участь постигла моих спутников. Разгром, учиненный в лагере, свидетельствовал о том, что они подверглись нападению, очевидно, в ту самую минуту, когда я услышал выстрел. Но выстрел был только один, значит, все кончилось мгновенно. Винтовки лежали тут же на земле, а в затворе одной из них, принадлежавшей лорду Джону, был стреляный патрон. Судя по брошенным у костра одеялам Челленджера и Саммерли, беда настигла их во время сна. Ящики с патронами и провизией валялись по всей поляне; тут же я увидел наши фотографические аппараты и коробки с пластинками. Все это было цело, зато съестные припасы, вынутые из ящиков, исчезли, а их, помнится, было изрядное количество. Следовательно, нападение на лагерь произвели не люди, а звери, ибо в противном случае тут, вероятно, ничего бы не осталось.

Но если это действительно звери или какое-нибудь одно чудовище, то что же сталось с моими спутниками? Хищники, конечно, растерзали бы их, но где же останки? Правда, лужа крови достаточно красноречиво говорила о случившемся, а динозавр, который преследовал меня ночью, мог бы унести свою жертву с такой же легкостью, с какой кошка уносит мышь. В таком случае оставшиеся двое, вероятно, бросились за ним вдогонку. Но почему же они не взяли с собой винтовок? Мой усталый, измученный мозг отказывался разгадать эту загадку. Поиски в лесу тоже ничего не дали. Я заплутался

и только благодаря счастливой случайности снова вышел к лагерю, потратив на это не меньше часа.

И тут в голову мне пришла одна мысль, в которой было кое-какое утешение. Все-таки я не совсем один здесь. У подножия скал остался верный Самбо. Он услышит мой голос. Я подошел к обрыву и заглянул вниз. Ну, конечно, вон он сидит на одеяле у костра! Но там есть кто-то еще. Кто же это? Сердце екнуло у меня от радости. Может быть, один из моих товарищей как-то ухитрился спуститься вниз? Но стоило мне присмотреться повнимательнее, и надежда угасла. Кожа человека, сидевшего напротив Самбо, отливала красным в лучах восходящего солнца. Это был индеец. Я громко крикнул и замахал носовым платком. Самбо вскинул голову, махнул рукой мне в ответ и побежал к утесу. Прошло несколько минут, и он уже стоял на его вершине, совсем близко от меня, и в горестном молчании слушал мой рассказ.

— Их унес дьявол, мистер Мелоун, — сказал Самбо. — Вы пришли в страну дьявола, и он всех вас возьмет к себе. Слушайте, что говорит Самбо, сэр: поскорей спускайтесь вниз, а то и вам будет беда.

— Как же я спущусь, Самбо?

— Рубите лианы с деревьев, мистер Мелоун. Бросайте их сюда. Я привяжу лианы к пеньку, и будет мост.

— Мы сами об этом думали. Но лианы нас не выдержат.

— Пошлите за веревками, мистер Мелоун.

— Кого же я пошлю и куда?

— Пошлите в индейский поселок, сэр. В индейском поселке много веревок из кожи. Внизу есть индеец, пошлите его.

— Откуда он взялся?

— Это наш индеец. У него все отняли, а самого побили. Он вернулся. Теперь возьмет письмо, принесет веревки — все сделает.

Возьмет письмо... Что ж, это мысль! Может быть, кто-

нибудь придет нам на помощь? А если нет, открытия, которыми мы обогатили науку, дойдут до наших друзей, и мир узнает, что мы погибли не зря. Два письма были у меня уже готовы. За сегодняшний день напишу третье, в котором ход событий будет доведен до последней минуты. Индеец доставит мои письма туда, в мир.

Я приказал Самбо подняться на утес еще раз, ближе к вечеру, и весь этот унылый день посвятил описанию того, что произошло со мной минувшей ночью. К письмам я присовокупил также коротенькую записку, которую индеец должен был вручить первому попавшемуся белому — торговцу или капитану какого-нибудь судна. В записке было сказано, что наша жизнь зависит от того, пришлют нам канаты или нет. Вечером я переправил Самбо все письма и свой кошелек с тремя фунтами стерлингов. Деньги предназначались индейцу, а за канаты ему была обещана вдвое большая сумма.

Теперь, дорогой мистер Мак-Ардл, вы поймете, каким образом мои письма дошли до вас, и узнаете всю правду о своем неудачливом корреспонденте, в случае если он больше не напишет вам ни строчки. Сейчас я слишком измучен и слишком подавлен, чтобы строить какие-нибудь планы. Завтра подумаю о дальнейшем и, не теряя связи с лагерем, начну поиски моих несчастных товарищей.

Глава XIII

ЭТОГО ЗРЕЛИЩА МНЕ НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ

В тот грустный день на закате солнца я увидел внизу уходящего индейца — нашу последнюю надежду на спасение — и до тех пор провожал глазами его одинокую крохотную фигурку, пока она не скрылась в розовом вечернем тумане, медленно

встававшем между мной и далекой Амазонкой.

Было уже совсем темно, когда я побрел к нашему разгромленному лагерю, бросив напоследок еще один взгляд на костер Самбо — на этот единственный луч света, доходивший до меня из огромного мира и так же ласкавший мой взгляд, как присутствие верного негра ласкало мою омраченную душу. Но теперь, впервые после постигшей меня беды, я немного приободрился, утешая себя мыслью, что мир узнает о наших делах и сохранит в памяти наши имена, связав их навеки с теми открытиями, которые, быть может, достанутся нам ценой жизни.

Мне было страшно устраиваться на ночь в этом злополучно лагере, а джунгли пугали меня еще больше. Однако приходилось выбирать между тем и другим. Благоразумие требовало, чтобы я был настороже, но истомленному телу трудно было бороться с дремотой. Забравшись на дерево гингко, я тщетно искал такого местечка на его нижных ветвях, где можно было бы уснуть, не рискуя сломать себе шею при неминуемом падении.

Пришлось слезть и решать, как быть дальше. После долгих раздумий я завалил кустами вход в лагерь, разжег три костра, расположив их треугольником, сытно поужинал и уснул крепким сном, который был прерван на рассвете самым неожиданным и самым приятным образом.

Ранним утром чья-то рука легла мне на плечо. Я вскочил весь дрожа, схватился за винтовку и вдруг радостно вскрикнул, узнав лорда Джона, склонившегося ко мне в сером рассветном сумраке.

Да, это был он, но какая перемена произошла в нем! Последний раз я видел лорда Джона спокойным, сдержанным, в чистом белом костюме. Сейчас он стоял передо мной бледный, глаза его дико блуждали по сторонам, грудь тяжело вздымалась, как после долгого и стремительного бега, голова была не покрыта, худое

лицо исцарапано и все в крови, костюм порван в клочья. Я смотрел на него, пораженный этим зрелищем, но он не дал мне даже открыть рта и принялся подбирать раскиданные по поляне вещи, бросая мне короткие, отрывистые фразы:

— Скорее, юноша, скорей! Дорога каждая минута. Возьмите винтовки — обе. Остальные у меня. Как можно больше патронов. Набейте ими карманы. Теперь — провизия. Шести банок хватит. Вот так. Ни о чем не спрашивайте, не рассуждайте. Ну, бежим, не то будет поздно.

Еще не проснувшись как следует, не соображая, что все это значит, я помчался по лесу за лордом Джоном с двумя винтовками под мышкой и с шестью консервными банками в руках. Он выбирал самые густые, с трудом проходимые заросли и, наконец, вывел меня к высоким кустам. Мы кинулись туда, не обращая внимания на колючки. Лорд Джон упал ничком на землю и потянул меня за собой.

— Ну вот! — еле выговорил он. — Теперь, кажется, мы в безопасности. Они нагрянут на лагерь, это как пить дать, и просчитаются.

— Что случилось? — спросил я, отдышавшись. — Где оба профессора? И кто на них охотится?

— Человекообезьяны! — громким шепотом сказал лорд Джон. — Господи боже, что это за чудовища! Говорите тише. У них тонкий слух, зрение тоже, зато обоняние никуда не годится, насколько я мог заметить. По следам они до нас не доберутся. Где вы пропадали, юноша? Вам повезло, благодарите свою судьбу, что не попали в эту переделку.

Я шепотом поведал ему о своих приключениях.

— Да, плохи наши дела! — сказал лорд Джон, услыхав о динозавре и западне. — Здесь вам не курорт. Но все же полное представление о прелестях здешних мест я получил в ту минуту, когда на нас напали эти дьяволы. Мне однажды пришлось побывать в лапах у людо-

едов-папуасов, но они конфетки по сравнению с этими монстрами.

— Расскажите, как все было, — попросил я.

— Это случилось на рассвете. Наши ученые друзья только продрали глаза и даже не успели сцепиться. И вдруг откуда ни возьмись — обезьяны. Просто посыпались на нас, как яблоки с яблони. Они, наверно, еще затемно облепили высокое дерево, на которое вы лазали. Одной я тут же всадил пулю в брюхо, однако тем дело и кончилось — нас мигом уложили на обе лопатки. Я называю этих дьяволов обезьянами, но они размахивали палками, швыряли в нас камнями, таратори-ли между собой на своем языке и в довершение всего связали нам руки лианами. Это человекообезьяны, и по развитию они стоят выше всех зверей, которых мне приходилось встречать во время своих странствований, а я, слава богу, много шатался по белу свету. Как говорится, «недостающее звено». Ну, недостает, и черт с ним, обошлось бы и без него! А дальше дело было так. Они подхватили своего раненого сородича, из которого кровь хлестала, как из прирезанной свиньи, и унесли его куда-то, а потом уселись около нас кружком. Морды свирепые, того и гляди растерзают. Ростом они, пожалуй, с человека, но немного шире, коренастее. Сидят и смотрят, смотрят на нас... Брови рыжие, нависшие, глаза какие-то странные, будто из мутного стекла. Уж на что Челленджер не трус, а ему тоже стало не по себе. Как вскочит да как закричит: «Приканчивайте нас, нечего тянуть!» У него, верно, от всего этого в голове помутилось — уж очень он буйствовал. Пожалуй, будь на месте обезьяны его заклятые враги репортеры, им и то меньше бы досталось.

— Ну, а обезьяны что?

Я с жадностью вслушивался в шепот лорда Джона, который рассказывал мне об этих поразительных происшествиях, а сам внимательно поглядывал по сторонам, не отнимая руки от винтовки со взведенным курком.

— Я уже думал: ну, конец нам! Но ничуть не бывало. Обезьяны затараторили, закричали. Потом одна подошла к Челленджеру и стала рядом с ним. Вы сейчас рассмеетесь, юноша, но до чего же они были похожи — как близкие родственники! Я бы сам не поверил, да глаза не лгут. Эта старая человекообезьяна, по-видимому, вожак племени, оказалась точной копией Челленджера, только что масть другая — рыжая. А все прочие очаровательные приметы нашего друга были налицо, правда, несколько утрированные. Квадратный торс, широкие плечи, грудь колесом, полное отсутствие шеи, длинная рыжая борода, мохнатые брови и такой же заносчивый вид — пойдите, мол, вы все к черту! Словом, полное сходство. Когда эта обезьяна стала рядом с Челленджером и положила ему лапу на плечо, эффект получился потрясающий. Саммерли, настроенный несколько истерически, хохотал до слез, глядя на них. Обезьяны сначала тоже смеялись, если такое кудахтанье можно назвать смехом, а потом схватили нас и поволокли в лес. Винтовки и другие вещи они не тронули, видно, побоялись, а вот провизию, вынутую из ящиков, всю забрали с собой. Дорогой нам с Саммерли здорово досталось — полюбуйтесь на мою физиономию и на эти лохмотья. Они тащили нас сквозь заросли, не разбирая пути, а им самим хоть бы что — у них шкура дубленая. Зато Челленджер нисколько не пострадал. Четыре обезьяны подняли его на плечи и понесли, как римского триумфатора. Тсс! Что это?

Откуда-то издали до нас донеслось странное потрескивание, напоминающее мелкую дробь кастаньет.

— Это они! — шепнул мой товарищ, закладывая патроны во вторую двустволку «экспресс». — Заряжайте обе винтовки, юноша, живьем мы не сдадимся, об этом не мечтайте. Слышите, как верещат?.. Значит, чем-то взбудоражены. А доберутся до нас — и еще не так взволнуются. Помните «Последнюю атаку»? «Сжимая винтовки в ослабших руках, средь мертвых на поле

боя...» Это детские игрушки по сравнению с тем, что предстоит нам.

— Они где-то очень далеко.

— Эта банда до нас не доберется, но у них, наверно, по всему лесу рыщут разведчики. Ну, ладно, вернемся к моему скорбному повествованию. Так вот, эти дьяволы притащили нас в большую рощу у самого обрыва. У них там настоящий город на деревьях — до тысячи хижин из ветвей и листьев. Это в трех-четырех милях отсюда. Мерзкие твари! Мне кажется, я после них никогда не отмоюсь. Они меня всего перещупали своими грязными лапами. В городе нас связали уже по рукам и ногам, и я попался такому ловкачу, которому только бы морские узлы вязать, — что твой боцман. Так вот, связали нас и положили под деревом, а на страже поставили здоровенную обезьяницу с дубинкой. Я все говорю «нас» да «нас», но это относится только ко мне и к Саммерли. Что же касается Челленджера, то он сидел на дереве, ел какие-то фрукты и наслаждался жизнью. Впрочем, нам от него тоже кое-что перепало, а главное — он ухитрился расслабить наши путы. Вы, наверно, не удержались бы от смеха, глядя, как профессор восседает на дереве чуть не в обнимку со своим близнецом и распевает густым басом: «О звонкий колокол!». Музыка, видите ли, настраивала обезьян на миролюбивый лад. Да, вы бы рассмеялись, а нам было не до смеху. Челленджеру разрешалось делать все что угодно, разумеется, в известных пределах, но для нас режим был установлен куда строже. Единственное, чем мы все утешались, — это мыслью, что вы на свободе и сбережете все наши записи и материалы.

А теперь, милый юноша, слушайте и удивляйтесь. Вы утверждаете, что, судя по некоторым признакам — костры, ловушки и тому подобное, — на плато существуют люди. А мы этих людей видели. И надо сказать, что бедняги являют собой весьма печальное зрелище. Жалкий, запуганный народец! Да это и не удивитель-

но. По-видимому, людское племя занимает ту часть плато, где пещеры, а обезьянье — другую, и между обоими племенами идет борьба не на жизнь, а на смерть. Вот так здесь обстоят дела, если мне удалось правильно в них разобраться.

Вчера человекообезьяны захватили в плен двенадцать туземцев и приволокли их к себе в город. Это сопровождалось такими криками и верещанием, что я просто ушам своим не верил. Туземцы — краснокожие, совсем низкорослые. Дорогой это зверье так их отделало когтями и зубами, что они еле передвигали ноги. Двоих тут же прикончили, причем у одного чуть не оторвали руку. В общем, зрелище было омерзительное. Эти несчастные держались молодцами, даже не пикнули, а мы просто не могли смотреть на них. Сам-мерли упал в обморок. Челленджер, и тот еле выдержал... Ну, кажется, ушли.

Мы долго прислушивались к глубокой тишине леса, но ее ничто не нарушало, кроме щебетания птиц. Лорд Джон снова вернулся к своему рассказу:

— Вам здорово повезло, юноша! Обезьяны так увлеклись индейцами, что о нас перестали и думать. Но не будь этого, второе нападение на лагерь было бы неминуемо. Вы оказались совершенно правы: они все время наблюдали за нами с дерева и прекрасно поняли, что одного человека не хватает. Но потом им стало уже не до нас. Вот почему своим пробуждением вы обязаны мне, а не стае обезьян. Бог мой, что нам пришлось испытать потом! Это какой-то кошмар! Вы помните бамбуковые заросли, где мы нашли скелет американца? Так вот, они приходятся как раз под обезьяньим городом, и обезьяны сбрасывают туда своих пленников. Я уверен, что там горы этих скелетов, надо только поискать как следует. Над обрывом у них расчищен настоящий плац для подобных церемоний. Несчастных пленников заставляют прыгать в пропасть поодиночке, и весь интерес заключается в том, разо-

бьются ли они в лепешку или напорются на острый бамбук. Все обезьянье племя выстроилось над обрывом, а нас тоже потащили полюбоваться на это зрелище. Первые четверо индейцев прыгнули вниз, и бамбук прошел сквозь их тела, как вязальные спицы сквозь масло. Я теперь не удивляюсь, вспоминая скелет бедного янки. Да, зрелище страшное... Но вместе с тем захватывающее. Мы, как зачарованные, смотрели на эти прыжки, хотя каждый из нас думал: «Сейчас настанет моя очередь».

Однако до этого не дошло. Шестерых индейцев приберегли на сегодня, но бенефициантами в этом спектакле, вероятно, были бы мы — Саммерли и я. Челленджер, по-видимому, вывернется. Понять обезьян не так уж трудно, потому что они изъясняются главным образом знаками. И вот, следя за их переговорами, я решил: пора действовать. Кое-какие планы у меня были. Но приходилось полагаться только на свои силы — от Саммерли толку никакого. Челленджер намногим лучше. Им удалось сойтись вместе на каких-нибудь несколько минут, и они тут же затеяли яростный спор по поводу научной классификации этих рыжих дьяволов, которые держали нас в своей власти. Один утверждал, что это яванские дриопитеки, другой называл их питекантропами. Просто рехнулись оба! Но у меня было совсем иное на уме. Прежде всего я обратил внимание, что по ровной местности эти твари бегают хуже человека, так как ноги у них короткие, кривые, а туловище грузное. Челленджер, и тот дал бы фору самому лучшему их бегуну, а мы с вами настоящие чемпионы против них. Затем еще одно немаловажное наблюдение: они понятия не имеют об огнестрельном оружии. По-моему, им было даже невдомек, что случилось с той обезьяной, которую я ранил. Словом, только бы нам добраться до своих винтовок, а там мы им покажем.

И вот сегодня на рассвете я дал своему часовому

здоровенного пинка в брюхо, примчался в лагерь, захватил вас, винтовки... А дальнейшее вам известно.

— Но как же будет с нашими профессорами? — в ужасе воскликнул я.

— Надо выручать их. Бежать со мной они не могли: Челленджер сидел на дереве, а у Саммерли не хватило бы сил, поэтому я решил, что прежде всего надо достать винтовки, а уж потом спасать остальных. Правда, обезьяны могут укокошить их в отместку. Челленджера они вряд ли тронут, но за Саммерли не ручаюсь. Впрочем, ему так или иначе грозила бы смерть. В этом я совершенно уверен. Так что мое бегство не могло ухудшить положение. Но теперь честь обязывает нас или спасти товарищей, или разделить с ними их участь. А посему, дорогой мой, кайтесь в грехах, очищайте душу, ибо к вечеру ваша судьба будет решена.

Не знаю, удалось ли мне передать здесь характерную для лорда Рокстона манеру выражаться — отрывистость, энергичность его фраз, насмешливую бесшабашность тона. Этот человек был прирожденным вожаком. Чем ближе надвигалась на нас опасность, тем красочнее становилась его речь, тем ярче разгорались его холодные глаза, тем больше и больше топорщились длинные, как у Дон Кихота, усы. Он любил рисковать, наслаждался драматичностью, присущей истинным приключениям, особенно когда это касалось его самого, считал, что во всякой опасности есть своего рода спортивный интерес — интерес жестокой игры человека с судьбой, где ставкой служит жизнь. Все это делало лорда Джона незаменимым помощником в трудные минуты жизни. Если б не страх за товарищей, я бы не испытывал ничего, кроме радости, идя за таким человеком на опасное дело.

Мы уже хотели выбраться из своего убежища, как вдруг лорд Джон схватил меня за руку.

— Смотрите! — шепнул он. — Идут!

С нашего места открывался вид на узкую прогали-

ну между деревьями, ветви которых сплетались вверху, образуя сплошной зеленый свод. На этой прогалине показался отряд человекообезьян. Сутулые, кривоногие, они бежали гуськом, озираясь по сторонам, и то и дело касались земли своими длинными руками. Сутулость уменьшала их рост, но, прикинув на взгляд, я определил его футов в пять, не меньше. Многие из них были вооружены дубинками, и на расстоянии эти широкогрудые существа сильно смахивали на обросших волосами, уродливых людей. С минуту я видел их совершенно отчетливо. Потом они скрылись за кустами.

— Нет, сейчас еще рано, — сказал лорд Джон, опуская винтовку. — Лучше затаиться, пока они не перестанут рыскать по лесу. А потом посмотрим, может быть, проберемся к ним в город и застанем их врасплох. Дадим им еще час на поиски и тогда пойдем.

Воспользовавшись этой отсрочкой, мы вскрыли одну из захваченных с собой банок и принялись завтракать. Лорд Рокстон ничего не ел с утра, если не считать нескольких плодов, и сейчас с жадностью накинулся на еду. Когда же завтрак был окончен, мы взяли в обе руки по винтовке и с полными карманами патронов двинулись на выручку товарищей. Прежде чем выйти из зарослей, лорд Джон сделал несколько зарубок на кустах, чтобы запомнить, в какой стороне находится Форт Челленджера, и в случае нужды сразу отыскать это место. Мы молча пробрались сквозь чащу и вышли на край обрыва, неподалеку от нашей первой стоянки. Здесь лорд Джон остановился и посвятил меня в свои планы.

— В густом лесу это зверье может сделать с нами все что угодно, — сказал он. — Они нас будут видеть, а мы их нет. Но на открытом месте дело другое, потому что бегаем мы гораздо быстрее. Следовательно, будем держаться открытых пространств, покуда это возможно. Вдоль края плато лес реже, оттуда мы и начнем на-

ступление. Идите не спеша, смотрите в оба и держите винтовку наготове. И главное, помните: живьем в руки не даваться, отстреливайтесь до последнего патрона. Вот вам мой последний совет, юноша.

Когда мы вышли к обрыву, я заглянул вниз и увидел нашего доброго негра, который покуривал трубку, сидя на камнях. Как мне хотелось окликнуть его и рассказать ему, что с нами случилось! Но это было рискованно: нас могли услышать. Лесная чаща, казалось, так и кишела человекообезьянами; их своеобразное пронзительное верещание то и дело долетало до нашего слуха. Мы бросались в кусты и отлеживались там до тех пор, пока эти звуки не затихали вдали. Это очень задерживало наше продвижение вперед, и нам понадобилось по меньшей мере два часа, чтобы добраться до обезьяньего города. Теперь он был близко — я понял это по той осторожности, с какой шел лорд Джон. Вот он махнул мне рукой, приказывая лечь, а сам пополз дальше, но вскоре повернул обратно. Лицо его подергивалось от волнения.

— Скорей! — шепнул он. — Скорей! Только бы не опоздать!

Дрожа всем телом, я подполз к нему и выглянул из-за кустов на открывающуюся впереди поляну.

Этого зрелища мне никогда не забыть. Оно было так фантастично, так невероятно, что я не знаю, как описать его, чтобы вы поверили мне. Может быть, нам все же удастся выбраться отсюда живыми; пройдет несколько лет... я буду по-прежнему сидеть в гостиной клуба «Дикарь» и смотреть в окно на скучную, не вызывающую сомнений в своей реальности набережную Темзы... Так вот, поверю ли тогда я сам, что все это происходило у меня на глазах? Не покажется ли мне, что это был дикий кошмар, что я принимал горячечные видения за действительность? Вот почему я хочу записать все как можно скорее, пока события свежи у меня в памяти, пока хотя бы один человек — тот, что

лежит рядом со мной в сырой траве, сможет подтвердить каждое написанное здесь слово.

Перед нами расстилалась поляна шириной ярдов в сто, покрытая вплоть до самого обрыва густой зеленой травой и невысоким папоротником. Эту поляну полукругом обступали деревья, усаженные в несколько ярусов странного вида домиками, свитыми из веток и листьев. Представьте себе грачевник, где вместо гнезд домики, и вы поймете, о чем я говорю. У входа в них и на ближайших ветках сидели обезьяны — судя по их небольшим размерам, самки и детеныши обезьяньего племени. Все они с любопытством следили за тем, что происходило внизу и от чего мы сами не могли отвести глаз.

На открытом месте, недалеко от края плато, столпилось несколько сотен этих лохматых рыжих существ. Среди них возвышались настоящие гиганты, и все они без исключения были омерзительны. Обезьяны держались все вместе, очевидно, соблюдая какой-то порядок. Перед ними стояло несколько низкорослых, но очень пропорционально сложенных индейцев, кожа которых отливала бронзой в ярких лучах солнца. В этой маленькой кучке выделялась высокая, худая фигура белого человека. Понурая голова, сложенные на груди руки — все выражало ужас и полное отчаяние. Мы сейчас же узнали в нем профессора Саммерли.

Вокруг несчастных пленников было расставлено несколько человекообезьян, которые зорко следили за ними, готовясь пресечь всякую попытку к бегству. Правее, у самого края плато, стояли особняком еще две фигуры, такие нелепые — при других обстоятельствах их можно было бы назвать даже комическими, — что, увидев эту пару, я уже не мог оторвать от нее глаз. Один из них был наш товарищ, профессор Челленджер. Жалкие лохмотья, оставшиеся от его куртки, все еще держались на нем, но рубашка исчезла, будто ее и не было, и борода его сливалась с густой порослью на

могучей груди; волосы, сильно отросшие за время наших странствований, черной гривой развевались по ветру. Достаточно было одного дня, чтобы превратить этот высший продукт современной цивилизации в последнего дикаря Южной Америки.

Рядом с Челленджером стоял его владыка — царек человекообезьяньего племени. Лорд Джон не преувеличивал: это была точная копия нашего профессора с поправкой лишь на рыжую масть. Та же приземистая фигура, те же массивные плечи и длинные руки, та же кудлатая борода, спускающаяся на волосатую грудь. Разница сказывалась лишь в следующем: низкий, приплюснутый лоб человекообезьяны представлял собой полный контраст великолепному черепу европейца. Что же касается всего остального, то обезьяний царек был настоящей карикатурой на профессора.

На бумаге это описание занимает очень много места, но тогда я охватил всю картину в один миг и тут же отвлекся от нее, поглощенный драмой, которая разыгрывалась у нас на глазах. Две человекообезьяны схватили одного индейца и поволокли его к обрыву. Царек взмахнул рукой — это был сигнал. Чудовища подняли человека за руки и за ноги и, раскачав, швырнули его в пропасть. Сила взмаха была так велика, что несчастный описал дугу в воздухе, прежде чем камнем полететь вниз. Вся обезьянья толпа, за исключение часовых, бросилась к обрыву, замерла там в напряженном молчании и вдруг разразилась ликующими криками. Обезьяны скакали, как одержимые, размахивали длинными волосатыми руками и выли от восторга. Потом они отхлынули от обрыва и построились прежним порядком в ожидании следующей жертвы.

На этот раз настала очередь Саммерли. Двое часовых схватили его за руки и грубо толкнули вперед. Он трепыхался и бился, как цыпленок, которого тащат из курятника. Челленджер отчаянно зажестикулировал, обращаясь к обезьяньему царьку. Он просил, умолял,

заклинал пощадить его товарища. Но обезьяна бесцеремонно оттолкнула своего двойника и замотала головой. Это было ее последнее сознательное движение: щелкнул выстрел, и рыжий царек мешком повалился на землю.

— Стреляй в толпу! Не жалей пуль, сынок! — крикнул мне лорд Джон.

В душе каждого, даже самого заурядного человека таятся неведомые ему бездны. Я всегда славился своим мягкосердечием: стоны раненого зайца не раз исторгали у меня горькие слезы. Но теперь меня обуяла жажда крови. Я вскочил на ноги, я выпускал пулю за пулей сначала из одной винтовки, потом из другой. Щелкал затворами, перезаряжая их, и все время кричал, не помня себя от какого-то яростного восторга. Вдвоем, стреляя из четырех винтовок, мы произвели страшное опустошение в рядах обезьян. Оба часовых, приставленных к Саммерли, валялись мертвые, а он шел, пошатываясь, как пьяный, и, видимо, не сознавал, что его освободили. Наши враги растерянно метались по поляне, ничего не понимая, не зная, куда деваться от неожиданно налетевшего на них вихря смерти. Они размахивали руками, визжали, падали, спотыкаясь о трупы. Потом, повинуясь инстинкту, толпой ринулись под защиту деревьев, и поляна, усеянная трупами убитых обезьян, опустела. Посередине ее стояла только маленькая кучка пленников.

Быстрый ум Челленджера мигом оценил положение. Он схватил ошеломленного Саммерли за руку и, таща его за собой, побежал к нам. Двое часовых метнулись было за ними, но лорд Джон мигом уложил сначала одного, потом другого, не потратив лишней пули. Мы выбежали из кустов навстречу нашим друзьям и сунули каждому по заряженной винтовке. Но тут Саммерли совершенно обессилел. Он едва передвигал ноги. Между тем человекообезьяны уже успели оправиться от страха. Они рассыпались среди кустов, види-

мо, собираясь отрезать нам путь. Мы с Челленджером подхватили Саммерли под руки, а лорд Джон прикрывал наше отступление, посылая пулю за пулей в страшные, оскаленные морды, то и дело выглядывавшие из кустарника. Примерно с милю, а то и больше эти твари с оглушительным визгом преследовали нас по пятам. Потом стали отставать, убедившись в нашем превосходстве и не желая больше попадать под меткие пули лорда Джона. Добравшись, наконец, до лагеря, мы оглянулись назад и убедились, что теперь нас оставили в покое. По крайней мере так нам казалось, но это была ошибка. Мы успели только завалить вход в лагерь, пожать друг другу руки и в изнеможении растянуться у источника посреди поляны, как вдруг за оградой послышались чьи-то быстрые шаги и сейчас же вслед за этим тихие, жалобные всхлипывания. Лорд Джон подбежал с винтовкой к завалу и выглянул наружу. За оградой, уткнувшись лицом в землю, лежали четыре медно-красные фигурки оставшихся в живых индейцев. Они дрожали от страха, но это не мешало им молить нас о защите. Один из них встал, выразительно повел руками, очевидно, желая сказать, что лес вокруг нашего лагеря полон опасностей, потом упал лорду Джону в ноги и прижался лицом к его коленям.

— Это еще что такое? — воскликнул наш предводитель, в замешательстве теребя усы. — Нет, в самом деле, как же нам быть с этой публикой? Вставай, дружок, вставай, оставь мой сапог в покое.

— О них тоже надо позаботиться, — сказал Саммерли, набивая трубку. — Вы всех нас вырвали из когтей смерти. Как это было сделано! Я просто восхищаюсь вами.

— Изумительно! — воскликнул Челленджер. — Изумительно! Не только мы лично, но и весь ученый мир Европы останется у вас в неоплатном долгу. Скажу, не колеблясь, что гибель профессора Саммерли и профессора Челленджера пробила бы весьма заметную

брешь в современной науке. Вы и наш юный друг заслуживаете всяческой похвалы.

Отеческая улыбка заиграла на губах Челленджера, но как бы удивился ученый мир Европы, если б он узрел в эту минуту свое любимое детище, свою надежду! Всклокоченные волосы, голая грудь, лохмотья. Оплот науки сидел, зажав между коленями открытую консервную банку, и пальцами отправлял в рот большой кусок австралийской баранины. Индеец взглянул на него, вскрикнул и снова припал к ногам лорда Джона.

— Не бойся, малыш, — сказал наш предводитель, поглаживая черную голову, жавшуюся к его коленям. — Челленджер, ваш вид привел индейца в ужас. И я не нахожу в этом ничего удивительного. Успокойся, дружок, это человек, такой же, как мы.

— Однако, сэр! — вскричал Челленджер.

— Ничего, профессор, вы должны благодарить судьбу, что она наградила вас не совсем обычной внешностью. Если б не ваше большое сходство с обезьяньим царьком...

— Довольно, лорд Джон Рокстон! Вы слишком много себе позволяете!

— Факт остается фактом.

— Прошу вас, сэр, переменить тему разговора! Ваши замечания совершенно неуместны и к делу не относятся. Нам надо решить, что делать с этими индейцами. По-видимому, придется доставить их домой. Но где они живут? Вот вопрос.

— На этот счет можете не сомневаться, — сказал я. — Индейцы живут в пещерах, по ту сторону центрального озера.

— Ах, вот как! Нашему юному другу известно, где находится их жилье. Это, вероятно, не так близко отсюда?

— Миль двадцать, не меньше, — ответил я.

Саммерли застонал:

— Я-то, во всяком случае, туда не доберусь. Вы

слышите? Эти твари все еще рыщут по нашим следам.

И действительно, из темной лесной чащи до нас донеслось далекое верещание человекообезьян. Индейцы снова начали подвывать от страха.

— Надо уходить отсюда, и как можно скорее, — сказал лорд Джон. — Юноша, вы поможете Саммерли. Индейцы понесут вещи. Ну, пошли, пока они нас не заприметили.

Меньше чем за полчаса мы добежали до нашего убежища в кустах и спрятались там. Взволнованные крики человекообезьян весь день доносились до нас со стороны нашего форта, но сюда никто из них не добрался, и усталые беглецы — и белые и краснокожие — наконец погрузились в долгий, крепкий сон.

Вечером я почувствовал сквозь дремоту, что кто-то тянет меня за рукав, и, открыв глаза, увидел перед собой Челленджера.

— Мистер Мелоун, насколько мне известно, вы ведете дневник и рассчитываете со временем опубликовать его, — начал он весьма торжественным тоном.

— Меня послали сюда в качестве репортера, — ответил я.

— Вот именно. Вы, вероятно, слыхали глупые намеки лорда Джона Рокстона, что... что будто бы... есть некоторое сходство между...

— Да, слыхал.

— Мне незачем вам говорить, что опубликование подобного вздора... и вообще малейшая вольность в изложении событий будут для меня чрезвычайно оскорбительны.

— Я обещаю строго придерживаться фактов.

— Лорд Джон склонен предаваться всяким фантазиям, и ему ничего не стоит как-нибудь по-своему объяснить то уважение, которое даже самые некультурные расы питают к человеческому достоинству. Вам ясна моя мысль?

— Вполне.

— Так я полагаюсь на ваш такт, — сказал Челленджер и после долгой паузы добавил: — А этот обезьяний царек был весьма незаурядным существом... необычайно внушительная внешность и такой разумный! Не правда ли?

— Весьма достойная личность, — ответил я.

И профессор, видимо, успокоившись, снова улегся спать.

Глава XIV

ЭТО БЫЛА НАСТОЯЩАЯ ПОБЕДА

Мы воображали, что наши преследователи, человекообезьяны, не подозревают о существовании этого убежища в кустах, однако вскоре нам пришлось убедиться в своей ошибке. В лесу стояло полное безмолвие — ни звука, ни шелеста листьев... И все-таки прежний опыт должен был подсказать нам, с какой хитростью и с каким терпением эти твари выслеживают свою добычу и выжидают удобного случая для нападения. Не знаю, что мне сулит судьба в дальнейшем, но вряд ли я буду когда-нибудь так близок к смерти, как в то утро. Сейчас расскажу все по порядку.

Сон не помог нам восстановить силы после страшных волнений и голодовки предыдущего дня. Саммерли был так слаб, что еле держался на ногах, но с присущим ему упорством и мужеством не хотел признаваться в этом. Мы созвали военный совет и решили посидеть здесь еще часа два, подкрепиться завтраком, что было крайне необходимо, а потом отправиться в путь через все плато и выйти к пещерам на тот берег центрального озера, где, по моим наблюдениям, жили люди. Мы надеялись, что спасенные нами индейцы замолвят за нас доброе слово, и рассчитывали на хороший прием со стороны их соплеменников.

После такого путешествия Страна Мепл-Уайта еще больше приоткроет перед нами свои тайны, и, выполнив возложенную на нас миссию, мы сосредоточим все свои помыслы на том, как нам выбраться отсюда и снова вернуться в мир. Даже сам Челленджер признавал, что цель нашей экспедиции будет достигнута и что после этого долг обяжет нас как можно скорее поведать всему цивилизованному миру о сделанных нами удивительных открытиях.

Теперь мы могли повнимательнее приглядеться к спасенным индейцам. Они были небольшого роста, мускулистые, ловкие, незлобивые на вид, с правильным овалом лица, лишенного всякой растительности, и с гладкими черными волосами, схваченными на затылке кожаным ремешком. Одежда их состояла лишь из повязки на бедрах, тоже кожаной. Разорванные кровоточащие мочки свидетельствовали о том, что в ушах у них были какие-то украшения, которые остались в лапах их врагов — обезьян. Индейцы живо переговаривались между собой на незнакомом нам языке, но мы все же поняли, что их племя называется «аккала». Они произнесли это слово несколько раз подряд, показывая друг на друга, потом замахали стиснутыми кулаками в сторону леса и, дрожа от страха и ненависти, крикнули: «Дода! Дода!» (так, очевидно, именовались у них человекообезьяны).

— Что вы о них скажете, Челленджер? — спросил лорд Джон. — Для меня ясно только одно: вон тот юноша с выбритым лбом — их вождь.

И действительно, этот индеец держался особняком, а остальные обращались к нему со знаками глубочайшего уважения, несмотря на то, что все они были старше его. Гордость и независимость сквозили в каждом движении юноши, и, когда Челленджер положил свою огромную лапищу ему на голову, он отпрянул от него, как пришпоренный конь, и, гневно сверкнув черными глазами, отошел назад. Потом приложил ла-

донь к груди и, весь преисполненный достоинства, несколько раз повторил слово «маретас».

Профессор, нимало не смутившись, схватил за плечо другого индейца и, поворачивая его из стороны в сторону, как наглядное пособие, начал читать нам лекцию.

— Развитый череп, лицевой угол и некоторые другие признаки говорят о том, что это племя не может быть отнесено к низшей расе, — загудел он своим звучным басом. — В расовой шкале мы должны отвести ему место впереди многих других племен Южной Америки. Я твердо уверен, что здесь, на плато, возникновение и развитие этого племени были бы невозможны. Но ведь и человекообезьян отделяет огромная пропасть от сохранившихся здесь доисторических животных. Следовательно, они тоже не могли появиться и эволюционировать в Стране Мепл-Уайта.

— Откуда же они взялись? С неба, что ли, свалились? — спросил лорд Джон.

— Этот вопрос, несомненно, вызовет горячие споры среди ученых Европы и Америки, — ответил профессор. — Мое собственное толкование его — правильное или неправильное, — при этих словах он выпятил грудь и с высокомерным видом повел вокруг глазами, — заключается в следующем: в здешних, весьма своеобразных условиях эволюция достигла стадии позвоночных, причем старые формы продолжали жить и развиваться бок о бок с новыми. Вот почему наряду с формами юрского периода здесь уживаются и современный тапир — животное с весьма почтенной родословной, — и крупный олень, и муравьед. Пока все ясно. Но вы спросите: а человекообезьяны, а индейцы? Как научная мысль должна отнестись к их пребыванию на плато? На мой взгляд, объяснение может быть только одно: они проникли сюда извне. Очень возможно, что какие-то человекообразные обезьяны, существовавшие в Южной Америке, перебрались в эти

места еще в незапамятные времена и в результате своей эволюции дали тот вид человекообезьян, отдельные представители которого, — тут Челленджер посмотрел на меня в упор, — обладают столь внушительной и благообразной внешностью, что при наличии разума они могли бы украсить собой даже человеческую расу. Что же касается индейцев, то это племя иммигрировало сюда с равнины в более поздние времена под влиянием либо голода, либо преследований врага. Столкнувшись здесь с невиданными доселе врагами, они укрылись в пещерах, о которых рассказывал наш юный друг. Однако им, несомненно, приходилось бороться не на жизнь, а на смерть с диким зверьем, в частности с обезьянами, кои не желали примириться с вторжением человека и вели с ними беспощадную войну, пуская в ход всю свою хитрость, а в этом они могут поспорить с любыми, более крупными существами. Вот чем объясняется, на мой взгляд, немногочисленность индейского племени. Итак, джентльмены, что вы теперь скажете? Правильно я разгадал эту загадку, или у вас имеются какие-нибудь возражения по существу?

Но профессору Саммерли было не до споров, и он только отчаянно замотал головой в знак протеста. Лорд Джон поскреб свою лысеющую макушку и отказался принять вызов Челленджера, мотивируя это тем, что он борец другого веса и другой категории. Я же остался верен себе и перевел беседу в более прозаический и деловой план, объявив, что один из индейцев куда-то запропастился.

— Он ушел, — сказал лорд Рокстон. — Мы дали ему банку из-под консервов и отправили за водой.

— В старый лагерь? — спросил я.

— Нет, к ручью. Это недалеко, вон за теми деревьями. Каких-нибудь сто ярдов. Но этот малый, видимо, не торопится.

— Пойду посмотрю, что он там делает, — сказал я и, захватив винтовку, пошел в лес, предоставив друзь-

ям заниматься приготовлениями к скудному завтраку.

Вам покажется опрометчивым с моей стороны, что я даже на такой короткий срок решился покинуть наше надежное убежище в кустах, но ведь обезьяний город был далеко, ведь враги потеряли наши следы, а, кроме того, у меня была при себе винтовка. Но, как оказалось в дальнейшем, я недооценивал коварство и силы человекообезьян.

Ручей журчал где-то совсем близко, хотя густые заросли деревьев и кустарника скрывали его от меня. Я уже довольно далеко отошел от товарищей, как вдруг в глаза мне бросилось что-то красное.

К моему ужасу, это оказался труп посланного за водой индейца. Несчастный лежал скорчившись, и шея у него была так неестественно вывернута, будто он смотрел вверх, через плечо. Я крикнул, предупреждая друзей об опасности, подбежал к индейцу и нагнулся над ним... Вероятно, мой ангел-хранитель был где-то совсем близко в эту минуту, ибо инстинкт, а может статься, и шорох листьев заставили меня взглянуть вверх. Из густой зеленой листвы, нависшей над моей головой, ко мне медленно тянулись две длинные мускулистые руки, покрытые рыжими волосами. Еще секунда — и жадные пальцы сомкнулись бы и вокруг моей шеи. Я отскочил назад, но эти руки оказались еще проворнее. Правда, прыжок спас меня от мертвой хватки, но одна лапа вцепилась мне в затылок, другая — в лицо, а потом, когда я закрыл горло ладонями, — в пальцы.

Я почувствовал, что отделяюсь от земли, что голову мне отгибают назад с непреодолимой силой... Казалось, еще секунда, и шейные позвонки не выдержат. Мозг начинал затуманиваться, но я не отпускал этой страшной руки и наконец оторвал ее от подбородка. Надо мной склонилась страшная морда с холодными светло-голубыми глазами, беспощадный взгляд которых сковывал меня, как гипноз. Бороться не было сил.

Как только чудовище почувствовало, что я слабею, в его огромной пасти сверкнули два белых клыка, и оно еще сильнее стиснуло лапу, все больше запрокидывая мне голову. Перед глазами у меня поплыли мутные круги, в ушах зазвенели серебряные колокольчики. Где-то вдали послышался выстрел, я ударился о землю, почти не ощутив при этом боли, и потерял сознание.

Очнувшись, я увидел, что лежу на траве в нашем убежище среди кустов. Кто-то уже успел сбегать к ручью, и лорд Джон смачивал мне голову водой, а Челленджер и Саммерли заботливо поддерживали меня с двух сторон. Увидев перед собой их встревоженные лица, я впервые понял, что наши профессора не только мужи науки, но и люди, способные на простые человеческие чувства. Никаких телесных повреждений на мне не было. По-видимому, мой обморок был вызван только сильным потрясением, ибо через полчаса я уже окончательно пришел в себя, если не считать боли в затылке и в шее.

— Ну, дорогой мой, на сей раз вы были на волосок от смерти, — сказал лорд Джон. — Когда я бросился на ваш крик и увидел, что этот зверь откручивает вам голову и вы уже подняли все четыре лапки кверху, у меня прежде всего мелькнула мысль: ну, нашего полку убыло! Я даже промахнулся впопыхах, но все-таки обезьяна бросила вас и сразу же удрала. Эх, черт! Дали бы мне сюда пятьдесят человек с ружьями, мы бы живо навели здесь порядок — и следа бы не оставили от этой нечисти.

Теперь было совершенно ясно, что человекообезьяны каким-то образом прознали о нашем убежище и не спускают с него глаз. Днем их можно было не бояться, но что будет ночью? Они наверняка нагрянут сюда. Значит, надо уходить, и чем скорее, тем лучше. С трех сторон нас окружала лесная чаща, где на каждом шагу можно было нарваться на засаду, но с четвертой начинался пологий склон, спускавшийся к цен-

тральному озеру, и там рос низкий кустарник с редкими деревьями, перемежающийся кое-где открытыми прогалинами. По этому склону я и шел один в ту ночь, и он вел прямо к пещерам индейцев. Следовательно, сюда нам и надо было держать путь.

Единственное, о чем мы жалели, — это о нашем лагере, и не столько из-за брошенных там запасов, сколько из-за негра Самбо, последнего звена между внешним миром и нами. Впрочем, винтовки были при нас, недостатка в патронах тоже не ощущалось, так что некоторое время мы могли обойтись и этим, а дальше, надо думать, представится возможность вернуться на старое место и снова установить связь с нашим негром. Самбо твердо обещал не бросать нас, и мы не сомневались, что он сдержит свое слово.

После полудня наша партия двинулась в путь. Впереди в качестве проводника шел молодой вождь, с негодованием отказавшийся нести какую-нибудь поклажу. За ним, взвалив на спину все скудное имущество экспедиции, шагали два уцелевших индейца. Наша четверка с ружьями наперевес замыкала шествие. Как только мы вышли из кустарника, безмолвная доселе лесная чаща вдруг наполнилась диким воем человекообезьян, которые не то ликовали, не то злорадствовали по поводу нашего ухода. Оглядываясь назад, мы ничего не видели, но этот протяжный вой ясно говорил, сколько врагов скрывалось за сплошной стеной зелени, обступившей нас со всех сторон. Однако гнаться за нами обезьяны, по-видимому, не собирались, и, выйдя на более открытое место, мы совсем перестали бояться их.

Я шел самым последним и невольно улыбался, глядя на своих товарищей. Неужели это блистательный лорд Джон Рокстон, который не так давно принимал меня в розовом великолепии своих апартаментов в Олбени, устланных персидскими коврами и увешанных по стенам картинами? Неужели это тот самый профес-

сор, который так величественно восседал за огромным письменным столом в Энмор-Парке? И, наконец, куда девался тот суровый, чопорный ученый, что выступал на заседании Зоологического института? Да разве у бродяг, встречающихся на проселочных дорогах Англии, бывает такой жалкий, унылый вид! Мы провели на плато всего лишь неделю, но смена одежды осталась у нас внизу, а неделя эта была не из легких, хотя мне как раз не приходилось особенно жаловаться, так как я не попал в лапы к обезьянам в ту ночь. Оставшись без шляп, все мои товарищи повязали головы платками; одежда висела на них клочьями, а слой грязи и небритая щетина меняли их почти до неузнаваемости. Саммерли и Челленджер сильно хромали, я тоже еле волочил ноги, еще не оправившись как следует от утреннего потрясения, и с трудом ворочал шеей, одеревеневшей после мертвой хватки обезьяны. Да, мы представляли собой весьма печальное зрелище, и меня нисколько не удивляло, что наши спутники-индейцы то и дело оглядывались назад, взирая на нас с недоумением и даже с ужасом.

Было далеко за полдень, когда мы вышли из зарослей к берегам озера. Индейцы увидели его широкую гладь и с радостными возгласами замахали руками, показывая нам на воду. Картина была в самом деле изумительная. Прямо к тому месту, где мы стояли, неслась целая флотилия легких челнов. Они были далеко, за несколько миль, но это расстояние так быстро сокращалось, что вскоре гребцы разглядели, кто стоит на берегу. Оглушительные вопли громовым раскатом пронеслись над озером. Вскочив с мест, индейцы замахали веслами и копьями. Потом снова принялись грести и в мгновение ока пролетели оставшееся расстояние, вытащили челны на отлогий песчаный берег и с приветственными кликами распростерлись ниц перед молодым вождем. Вслед за тем из толпы выступил пожилой индеец с ожерельем и браслетом из крупных

блестящих стекляшек и в наброшенной на плечи великолепной пятнистой шкуре, отливающей янтарем. Он подбежал к юноше, нежно обнял его, потом посмотрел в нашу сторону, спросил что-то и, подойдя к нам, без всякого подобострастия, с большим достоинством обнял всех нас по очереди. По одному его слову остальные индейцы в знак уважения склонились перед нами до земли. Мне лично было не по себе от такого раболепия, лорда Джона и Саммерли оно, по-видимому, тоже смутило, зато Челленджер расцвел, как цветок, согретый солнцем.

— Может быть, эти туземцы недалеко ушли вперед в своем развитии, — сказал он, поглаживая бороду и оглядывая распростертые перед нами тела, — но кое-кому из просвещенных европейцев следовало бы поучиться у них, как вести себя в присутствии высших существ. Подумать только, до чего безошибочен инстинкт первобытного человека!

Судя по всему, индейцы выступили в боевой поход, потому что, кроме копий из длинного бамбука с костяными наконечниками, каждый из них имел при себе лук и стрелы, дубинку или каменный топор у пояса. Мрачные, злобные взгляды, которые они кидали в сторону леса, откуда мы вышли, и частое повторение слова «дода» свидетельствовали о том, что целью этого похода было либо выручить сына старого вождя (мы догадались об их родстве), либо отомстить за его смерть. Теперь все они расселись на корточках в кружок и держали военный совет, а мы поместились поодаль на базальтовой глыбе и стали наблюдать за происходящим. Первыми говорили воины, а потом к своему племени с горячими словами обратился и наш юный друг. Речь его сопровождалась столь красноречивой мимикой и жестикуляцией, что мы поняли ее всю, точно этот язык был знаком нам.

— Стоит ли возвращаться сейчас домой? — говорил он. — Рано или поздно мы должны будем пойти

на это. Наши братья убиты. Что из того, что я остался жив и невредим, когда другие погибли? Кто из вас может быть спокоен за свою жизнь? Сейчас мы все в сборе. — Он показал на нас. — Эти пришельцы — наши друзья. Они великие воины и так же, как и мы, ненавидят обезьян. Им повинуются громы и молнии. — Тут он воздел руку к небу. — Представится ли когда-нибудь другой такой случай? Пойдемте же вперед и либо умрем, либо завоюем себе спокойную жизнь, и тогда нам не стыдно будет вернуться к нашим женщинам.

Маленькие краснокожие воины жадно слушали своего вождя, а когда он кончил, разразились восторженными криками, и все как один взметнули копья в воздух. Его отец спросил нас о чем-то, показывая в сторону леса. Лорд Джон знаком предложил ему подождать и обратился к нам.

— Ну, решайте каждый сам за себя, — сказал он. — Я лично не прочь свести счеты с этими обезьянами, и если дело кончится тем, что они будут стерты с лица земли, то эта самая земля только похорошеет после такой операции. Я пойду с нашими новыми друзьями и не оставлю их до победного конца. А вы что скажете, юноша?

— Конечно, я с вами!

— А вы, Челленджер?

— Можете рассчитывать на мою помощь.

— А вы, Саммерли?

— Мы все дальше и дальше отклоняемся от цели нашей экспедиции, лорд Джон. Уверяю вас, я вовсе не для того покинул профессорскую кафедру в Лондоне, чтобы возглавлять набег краснокожих на колонию человекообразных обезьян.

— Да, в самом деле, как мы низко пали! — с улыбкой сказал лорд Джон. — Но ничего не поделаешь, так уж вышло. Ну, мы ждем вашего ответа.

— Это — весьма сомнительное предприятие, — не

сдавался Саммерли, — но если вы все уйдете, мне не остается ничего другого, как следовать за вами.

— Значит, решено, — сказал лорд Джон и, повернувшись к старому вождю, утвердительно кивнул и похлопал ладонью по винтовке.

Старик пожал всем нам руки, а его соплеменники разразились еще более восторженными криками.

Выступать в поход было уже поздно, и индейцы наскоро разбили лагерь. Повсюду загорелись, задымили костры. Небольшая группа ушла в джунгли и вернулась, гоня перед собой молодого игуанодона, у которого тоже сидела асфальтовая нашлепка на плече. Один индеец подошел к нему и распорядился, чтобы его прирезали, и мы только тогда поняли, что огромные игуанодоны являются собственностью туземцев, все равно как у нас рогатый скот. Следовательно, загадочные асфальтовые пятна были всего-навсего чем-то вроде клейма или тавра. Эти тупые травоядные существа, наделенные крохотным мозгом, отличаются такой беспомощностью, несмотря на свои огромные размеры, что с ними может справиться и ребенок. Не прошло и нескольких минут, как игуанодона освежевали, и куски мяса уже поджаривались на кострах вместе с какой-то крупночешуйчатой рыбой, которую индейцы наловили в озере, пустив в ход копья вместо острог.

Саммерли лег на отмели и заснул, а мы втроем отправились бродить по берегу озера, горя желанием узнать как можно больше об этой диковинной стране. Раза два на нашем пути попадались ямы с такой же синей глиной, как на болоте птеродактилей. Эти недействующие вулканические кратеры почему-то очень интересовали лорда Джона. Челленджер тоже нашел нечто достойное его внимания — это был сильно бивший грязевой гейзер, струи которого так и кипели пузырьками, выделявшими какой-то неведомый нам газ. Челленджер опустил в гейзер полую тростинку, поднес к ней спичку и, точно школьник, закричал от

радости, когда подожженный газ взорвался и запылал синим огнем. Потом он приладил к тростинке кожаный кисет, наполнил и его газом и запустил в воздух. Этот эксперимент привел профессора в еще больший восторг.

— Горючий газ! Да какой — легче воздуха! Теперь я уверен, что в нем содержится значительное количество свободного водорода. Подождите, друзья мои! Джордж Эдуард Челленджер еще не исчерпал всех своих возможностей! Великий ум всегда заставляет природу служить себе. Вы еще убедитесь в этом собственными глазами! — Он горделиво выпятил грудь, но так и не поделился с нами своими тайными замыслами.

Что касается меня, то берег казался мне малоинтересным по сравнению с самим озером. Появление индейцев и шум стоянки распугали все живое в его окрестностях, и ничто не нарушало тишины, стоявшей вокруг нашего лагеря, если не считать нескольких птеродактилей, которые парили высоко в небе, высматривая падаль. Но розоватые воды центрального озера жили своей жизнью. Чьи-то огромные аспидно-черные спины и зубчатые плавники то и дело взметали серебряные брызги над водой и снова исчезали в глубине. Песчаные отмели кишели какими-то уродливыми существами — не то огромными черепахами, не то ящерицами, и среди них нам особенно бросилось в глаза одно чудовище. Плоское, словно лоскут кожи, оно подергивалось всей своей поверхностью, отливавшей жирными бликами, и медленно ползло по песку. Время от времени из воды вдруг вырастали головы каких-то змееподобных существ, которые, грациозно извиваясь, плыли будто в воротничке из пены и с таким же пенящимся шлейфом позади. Но, как оказалось, это были совсем не змеи. Одно такое существо вылезло на песчаную отмель недалеко от нас, и мы увидели, что длинная шея переходит у него в цилиндрическое туловище с огромными перепончатыми плавниками. Чел-

ленджер и Саммерли, уже присоединившиеся к нам, себя не помнили от восторга и удивления.

— Плезиозавр! Пресноводный плезиозавр! — воскликнул Саммерли. — И я вижу его собственными глазами! Мой дорогой Челленджер, кто из зоологов может похвалиться таким счастьем?

Наступила ночь, костры наших краснокожих союзников уже зардели в темноте, когда нам наконец удалось увести обоих профессоров от околдовавшего их первобытного озера. Но, даже лежа на берегу далеко от воды, мы продолжали слышать всплески и фырканье исполинов, обитавших в его глубине.

С первыми рассветными лучами весь лагерь был уже на ногах, и час спустя мы выступили в наш беспримерный поход. Я часто мечтал дожить до той минуты, когда меня пошлют военным корреспондентом на фронт. Но какой мечтатель мог бы представить себе кампанию, подобную той, которую судьба послала на мою долю! Итак, приступаю к своему «первому донесению с театра военных действий».

За ночь наши силы пополнились новыми отрядами туземцев, так что к утру у нас насчитывалось уже до четырехсот — пятисот воинов. Вперед были высланы разведчики, а за ними сомкнутой колонной двигались главные силы. Мы поднялись по отлогому склону, поросшему кустарником, и вышли к джунглям. Копьеносцы и лучники рассыпались неровной цепью вдоль опушки. Рокстон и Челленджер заняли места на правом фланге, я и Саммерли — на левом. Итак, мы, вооруженные по последнему слову оружейной техники, вели в бой дикую орду каменного века.

Противник недолго заставил себя ждать. Лесная чаща огласилась пронзительным воем, и свора человекообезьян, вооруженных камнями и дубинками, ринулась в самый центр наступающих индейцев. Это был смелый, но довольно бессмысленный маневр, ибо неуклюжие, кривоногие твари не могли тягаться с ловки-

ми, как кошки, туземцами. Страшное зрелище предстало нашим глазам: разъяренные обезьяны с пеной у рта, бешено сверкая белками, бросались на своих изворотливых врагов, стрелявших в них из луков. Мимо меня с ревом пронеслось огромное чудовище, грудь и бока которого были утыканы стрелами. Я сжалился над ним и выстрелил — оно рухнуло замертво среди кустов алоэ. Но больше мне не пришлось стрелять, так как атака была направлена в самый центр цепи и индейцы отбили ее без нашей помощи. Из тех обезьян, которые участвовали в этой вылазке, вряд ли хоть одна убралась живой под защиту деревьев.

Но когда мы вступили в лес, дело приняло более серьезный оборот. Отчаянный бой продолжался час с лишним, и временами мне казалось, что наша песенка спета. Обезьяны выскакивали из чащи и укладывали своими дубинками сразу по три, по четыре индейца, не дав им даже времени пустить в ход копья. Удары их тяжелейших дубинок были сокрушительны. Один из них пришелся по винтовке Саммерли, и от нее остались одни щепы. Еще минута — и такая же участь постигла бы и его голову, но вовремя подоспевший индеец пронзил копьем замахнувшегося на Саммерли врага. Обезьяны, забравшиеся на деревья, швыряли в нас камнями и огромными сучьями, некоторые прыгали вниз, в самую гущу свалки, и дрались с ожесточением, до последней капли крови. Индейцы дрогнули, и если б не огонь наших винтовок, наносивший огромный урон противнику, ничто не удержало бы их от бегства. Однако вождь снова собрал своих воинов и с такой стремительностью повел их в атаку, что теперь уже приходилось отступать обезьянам. Саммерли был обезоружен, но я выпускал пулю за пулей, а с правого фланга тоже доносилась непрерывная стрельба.

Наконец, обезьян обуяла паника. Визжа и воя, они бросились врассыпную, а наши союзники с дикими воплями погнались за ними.

Этот день должен был вознаградить человека за все распри, не затихающие из века в век, за жестокости и преследования, которыми только и была богата его убогая история. Отныне он становился господином плато, а человекозверь должен был раз и навсегда занять положенное ему подчиненное место.

Как ни мчались побежденные, ничто не могло спасти их от дикарей, и лесная чаща то и дело оглашалась победными криками, звоном тетивы и глухим стуком падающих с деревьев тел.

Я бежал вслед за всеми и вдруг наткнулся на лорда Джона и Челленджера, которые отыскивали нас.

— Ну, кончено! — сказал лорд Джон. — Заключительную часть можно предоставить индейцам. Зрелище будет не из приятных. Чем меньше мы увидим, тем спокойнее будем спать.

Глаза Челленджера горели воинственным огнем.

— Друзья мои! На нашу долю выпало счастье присутствовать при одной из тех битв, которые определяют дальнейший ход истории, решают судьбы мира! — провозгласил он, с горделивым видом прохаживаясь перед нами. — Что значит победа одного народа над другим? Ровно ничего. Она не меняет дела. Но жестокие битвы на заре времен, когда пещерные жители одолевали тигров или когда слон впервые узнавал, что у него есть властелин, — вот это были подлинные завоевания, подлинные победы, которые оставляли след в истории.

Какую же надо было иметь веру в конечную целесообразность подобных побоищ, чтобы оправдывать их жестокость!

Идя по лесу, мы на каждом шагу встречали трупы обезьян, пронзенных копьями и стрелами индейцев. Изуродованные человеческие тела отмечали места особенно жарких схваток, когда враг дорого продавал свою жизнь. Впереди все время слышались крики и рев, и по ним мы следили за направлением погони.

Обезьян оттеснили к их городу, там они собрали последние силы, но и это им не помогло, и теперь мы подоспели как раз вовремя, чтобы присутствовать при страшной заключительной сцене. На ту самую поляну у края обрыва, которая два дня назад была свидетельницей наших подвигов, индейцы выгнали около сотни уцелевших в битве обезьян. Мы подошли в ту минуту, когда победители с копьями наперевес взяли эту кучку в полукольцо. Все было кончено в несколько секунд. Тридцать — сорок обезьян полегли тут же на месте. Остальные визжали, отбивались, но это ничему не помогло. Их сбросили в пропасть, и они разделили участь своих прежних жертв, напоровшись на острый бамбук, который рос внизу, на глубине шестисот футов.

Челленджер был прав: отныне человек навсегда утвердил свое господство в Стране Мепл-Уайта. Самцы обезьяньего племени были истреблены все до одного, обезьяний город разрушен, самки и детеныши угнаны в неволю. Последний кровавый бой положил конец вековой междоусобице человека и обезьяны.

Эта победа была нам сильно на руку. Мы вернулись в свой лагерь к брошенным там запасам и установили связь с нашим негром, который был до смерти напуган страшным зрелищем, когда обезьяны градом посыпались в пропасть.

— Уходите оттуда, уходите! — кричал он, и глаза лезли у него на лоб от страха. — Там дьявол, он вас погубит!

— Устами негра глаголет истина, — убежденно проговорил Саммерли. — Довольно с нас приключений, тем более что они по своему характеру совершенно не подобают людям нашего положения. Челленджер, напоминаю вам ваши слова. Отныне вы должны думать только о том, как вызволить нас из этой ужасной страны и вернуть в цивилизованный мир.

Глава XV

ГЛАЗА НАШИ НЕ ПЕРЕСТАВАЛИ ДИВИТЬСЯ

Я веду свой дневник изо дня в день и все жду той минуты, когда можно будет написать, что тучи, нависшие над нами, рассеялись и сквозь них глянуло солнце. Мы до сих пор не знаем, как выбраться отсюда, и горько сетуем на судьбу. И все же я совершенно ясно представляю себе, что когда-нибудь мы с благодарностью будем вспоминать об этой вынужденной задержке на плато, которая дала нам возможность наблюдать все новые и новые чудеса Страны Мепл-Уайта и жизнь ее обитателей.

Победа индейцев над племенем человекообезьян круто изменила наше положение. С тех пор мы стали подлинными хозяевами плато, ибо туземцы взирали на нас со страхом и благодарностью, помня, что наша чудодейственная сила помогла им расправиться с их исконными врагами. Они, вероятно, ничего не имели бы против, если б такие могущественные и загадочные существа совсем покинули плато, но спуск к равнине был неизвестен им. Насколько нам удалось понять по их знакам, плато соединялось раньше с равниной туннелем, нижний конец которого мы видели при обходе каменной гряды. В незапамятные времена этим путем поднимались на плато человекообезьяны и индейцы, а не так давно им же воспользовался Мепл-Уайт со своим товарищем. Но год назад здесь произошло сильное землетрясение, и верхнюю часть туннеля наглухо завалило обломками скал. Когда мы выражали желание спуститься вниз, на равнину, индейцы только пожимали плечами и отрицательно качали головой. То ли они действительно не могли помочь нам, то ли не хотели, сказать трудно.

После победоносного похода индейцы перегнали

уцелевших обезьян в другую часть плато (боже, как они выли дорогой!) и поселили их неподалеку от своих пещер. И с этого дня обезьянье племя перешло в полное рабство к человеку.

Среди ночной тишины часто раздавались протяжные вопли какого-нибудь первобытного Иезекииля, оплакивающего свою былую славу и былое величие обезьяньего города. Отныне покоренные обезьяны должны были довольствоваться скромной ролью дровосеков и водоносов при своем властелине — человеке.

Через два дня после битвы мы снова пересекли плато и расположились лагерем у подножия красных скал. Индейцы предлагали нам устроиться в пещерах, но лорд Джон не согласился на это, считая, что если они замыслят что-нибудь против нас, то мы будем всецело в их власти.

Поэтому мы предпочли сохранить свою независимость и, поддерживая с нашими союзниками самые лучшие отношения, все же держали оружие наготове. Нам часто приходилось бывать в их пещерах, но мы так и не выяснили, кому индейцы обязаны этим замечательным жильем — самим себе или природе. Пещеры были вырыты на одном уровне в какой-то рыхлой породе, залегавшей между красноватым базальтом вулканического происхождения и твердым гранитом, который служил основанием скал.

Ко входам в них, находившимся примерно на высоте восьмидесяти футов от земли, вели каменные ступени, такие узкие и крутые, что по ним не могло бы подняться ни одно крупное животное. Внутри было тепло и сухо. Пещеры уходили в толщу кряжа на различную глубину; по их гладким серым стенам тянулись нарисованные обугленными палочками великолепные изображения животных, населяющих плато. Если б в Стране Мепл-Уайта не осталось ни одного живого существа, будущий исследователь нашел бы на стенах этих пещер исчерпывающие сведения о ее ди-

ковинной фауне, ибо здесь было все — и динозавры, и игуанодоны, и ихтиозавры.

Узнав, что огромные игуанодоны считаются у индейцев ручным скотом или, вернее, чем-то вроде ходячей мясной кладовой, мы вообразили, будто человек даже при наличии столь несовершенного оружия, как луки и копья, полностью установил свое господство на плато. Однако нам вскоре пришлось убедиться, что это неверно и что пока его здесь только терпят.

Драма разыгралась на третий день после того, как мы поселились возле пещер. Челленджер и Саммерли с утра отправились к озеру, где туземцы вылавливали для них гарпунами ящериц. Мы с лордом Джоном остались в лагере; неподалеку от нас, на травянистом склоне перед пещерами, расхаживали индейцы, занятые своими делами. И вдруг сотни голосов пронзительно закричали: «Стоа! Стоа!» Взрослые и дети бросились со всех сторон к пещерам и, тесня друг друга, стали карабкаться вверх по каменным ступенькам.

Добравшись до своих убежищ, они замахали руками, приглашая нас поскорее присоединиться к ним. Мы схватили винтовки и побежали выяснить, что случилось, а навстречу нам из небольшой рощи уже неслись что было сил десять — пятнадцать индейцев, преследуемых по пятам двумя чудовищами — точно такими, как непрошеный гость, явившийся в наш лагерь, и как мой ночной преследователь. Они передвигались прыжками и были похожи на омерзительных жаб невероятных размеров. До сих пор нам приходилось видеть этих исполинов только в темноте, так как они охотятся ночью, а днем выходят их своих берлог лишь в том случае, если их потревожат, как было на сей раз. Мы стояли, пораженные зрелищем, открывшимся нашим глазам. Пятнистая, бородавчатая кожа этих исполинских жаб отливала на солнце всеми цветами радуги и поблескивала, как рыбья чешуя. Впрочем, наблюдать нам пришлось недолго, ибо эти твари

в несколько прыжков нагнали несчастных индейцев... И тут началось нечто страшное. Прием у них был такой: обрушившись всей своей тяжестью на ближайшую жертву, они оставляли ее, раздавленную, изуродованную, и кидались за следующей. Дико крича, индейцы неслись к пещерам, но не могли уйти от своих преследователей. Они гибли один за другим, и к тому времени, когда мы с лордом Джоном подоспели на помощь, от всей их группы осталось не больше пяти — шести человек. Впрочем, мы не только не помогли им, но и сами чуть не погибли. Пуля за пулей впивалась в шкуры этих тварей, производя такой же эффект, как если б наши винтовки были заряжены бумажными шариками. А ведь стрельба велась с каких-нибудь двухсот ярдов! Организм громадных пресмыкающихся не боялся ранений, а отсутствие центрального мозгового аппарата делало даже самое современное оружие бесполезным в борьбе с ними. Единственное, что нам удалось сделать, — это отвлечь их внимание треском выстрелов и вспышками огня и таким образом дать возможность и себе и индейцам добежать до спасительных ступеней.

Но там, где конические разрывные пули двадцатого века оказывались бессильными, приходилось полагаться на отравленные стрелы дикарей, вымоченные в настое строфанта и смазанные трупным ядом. Такие стрелы бесполезны на охоте, ибо кровообращение у доисторических чудовищ настолько вяло, что они обычно успевают настичь и растерзать свою жертву до того, как почувствуют действие яда. Но теперь положение было иное: как только наши преследователи очутились у каменных ступеней, ведущих в пещеры, из каждой расщелины в горном кряже со свистом полетели стрелы. Жабы обросли ими, как перьями, но, по-видимому, в первые минуты боль не ощущалась, так как они продолжали в бессильной ярости карабкаться вверх по ступенькам, не желая упускать добычу. Они с трудом одолевали несколько ярдов и тотчас срывались вниз.

Но вот яд начал действовать. Один зверь глухо заревел и уткнулся плоской головой в землю. Второй пронзительно взвыл, сделал несколько нелепых прыжков, потом в корчах повалился рядом с первым и вскоре тоже затих. Тогда индейцы толпой высыпали из пещер и с ликующими криками закружились вокруг трупов, торжествуя победу над двумя опаснейшими врагами.

Есть это мясо было нельзя, так как яд продолжал действовать, и индейцы в ту же ночь разрезали обе туши на куски и отнесли их в лес, чтобы не заражать здесь воздух. Около пещер остались только два огромных сердца, каждое величиной с подушку: они жили самостоятельной жизнью, медленно и ритмично сокращаясь и расширяясь, и эта омерзительная пульсация продолжалась день, другой и затихла только на третьи сутки.

Когда-нибудь, когда у меня будет настоящий стол, а не заменяющая его консервная банка, и лучшие письменные принадлежности, чем огрызок карандаша и один-единственный истрепанный блокнот, я подробно опишу индейцев племени аккала, опишу нашу жизнь среди них и волшебную Страну Мепл-Уайта, мало-помалу открывавшую перед нами свои чудеса. Память не изменит мне; наряду с первыми впечатлениями детства в ней до конца дней моих сохранится каждая минута, каждый час, проведенные нами на плато, и ничто другое не вытеснит этих воспоминаний. Придет время, и я опишу ту чудесную лунную ночь на центральном озере, когда индейцы выловили сетью чуть не перевернувшего наш челн молодого ихтиозавра — существо, похожее не то на тюленя, не то на рыбу с тремя глазами, причем третий глаз сидел у него на темени, а другие два были защищены костяными пластинками. В ту же ночь зеленая водяная змея стрелой метнулась к нам из тростниковых зарослей, оплела своими кольцами рулевого в лодке Челленджера и скрылась с ним под водой.

Я не забуду рассказать и о том диковинном белом существе — мы и по сей день не знаем, что это было: пресмыкающееся или зверь, — которое обитало в гнилом болоте восточнее центрального озера и по ночам сновало среди кустов, излучая слабый фосфорический блеск. Индейцы так боялись его, что даже близко не подходили к тому болоту, а мы дважды были там, видели этого зверя издали, но не могли пробраться к нему через топи. Скажу только, что величиной он больше коровы и распространяет вокруг себя неприятный мускусный запах.

В моих будущих записях вы встретите также упоминание о гигантской быстроногой птице, от которой Челленджеру пришлось удирать однажды под защиту скал. Она много выше страуса, и безобразная голова сидит у нее на длинной голой шее. Когда Челленджер карабкался вверх по камням, она одним ударом своего свирепого изогнутого клюва, как долотом, сорвала ему каблук. Но на этот раз современное оружие не посрамило себя: огромный фороракос двенадцати футов ростом (ликующий профессор, не успев отдышаться как следует, уже сообщил нам его название) повалился на землю, сраженный пулей лорда Джона, и судорожно забил ногами, взметая тучу перьев и не сводя с нас сверкающих яростным огнем желтых глаз. Как бы мне хотелось дожить до того дня, когда эта свирепая приплюснутая голова найдет свое место среди других трофеев, украшающих кабинет в Олбени!

Под конец надо будет обязательно упомянуть и о токсодоне — исполинской морской свинке ростом в десять футов с выступающими вперед острыми зубами, которую мы подстрелили как-то на рассвете у водопоя.

Со временем я расскажу обо всем этом более подробно и наряду с нашими приключениями любовно опишу чудесные летние вечера, когда мы четверо мирно лежали где-нибудь на лесной опушке среди неведомых нам ярких цветов и, глядя вверх сквозь отягчен-

ные сочными плодами ветки деревьев, дивились причудливым птицам, пролетавшим в высокой синеве неба, потом переводили взгляд в густую траву и наблюдали за странными существами, которые выползали из своих норок поглазеть на нас; опишу долгие лунные ночи, когда мы выплывали в челнах на середину озера и с невольным страхом смотрели на его сверкающую гладь. Вот нечто фантастическое взметнулось над водой, пустив по ней широкие круги... Вот темная глубина озарилась зеленоватым светом, отмечающим путь нового, неведомого нам существа... Я запомню эти картины во всех подробностях, и когда-нибудь моя память и мое перо отдадут им должное.

Но вы, наверно, спросите, как можно было заниматься такими наблюдениями, когда нам следовало и день и ночь искать способа вернуться в цивилизованный мир. Отвечу вам, что мы все ломали над этим голову, но тщетно. Выяснилось только одно: на помощь индейцев рассчитывать не приходится. Они были нашими друзьями и относились к нам чуть ли не с рабской преданностью, но как только мы заикались о помощи, о том, чтобы перетащить к обрыву какую-нибудь длинную доску или сплести канат из кожаных ремней и лиан, нас сразу же осаживали мягким, но решительным отказом. Индейцы улыбались, подмигивали нам, качали головой, и дальше этого дело не шло. Старый вождь и тот не сдавался, и лишь его сын Маретас грустно поглядывал на белых людей и знаками выражал им свое искреннее сочувствие.

После битвы с обезьянами индейцы смотрели на нас, как на сверхчеловеков, несущих залог победы в своих таинственных, изрыгающих смерть трубках, и думали, что, пока мы с ними, счастье им не изменит. Нам предлагали обзавестись краснокожими женами и собственными пещерами, лишь бы мы согласились забыть свой народ и навсегда остались на плато. Пока все обходилось тихо и мирно, но мы знали, что наши

планы следует хранить в тайне, так как, прознав о них, индейцы могли задержать нас у себя силой.

Несмотря на возможность встречи с динозаврами (впрочем, опасность эта была не столь уж велика, ибо, как уже говорилось выше, они охотятся главным образом по ночам), за последние три недели я дважды ходил в наш старый лагерь проведать Самбо, который по-прежнему оставался на своем посту у подножия горного кряжа. Мои глаза жадно скользили по необъятной равнине в надежде, что оттуда к нам придет долгожданная помощь. Но поросшие кактусами просторы были безлюдны и вплоть до виднеющейся вдали стены бамбуковых зарослей ничто не нарушало их однообразия.

— Они скоро придут, мистер Мелоун. Подождите еще неделю. Индейцы придут с канатами и снимут вас оттуда! — так подбадривал меня наш чудесный Самбо.

Во второй раз я заночевал в старом лагере, а утром на обратном пути меня ждал сюрприз. Я возвращался хорошо знакомой дорогой и был уже недалеко от болота птеродактилей, когда впереди из-за кустов вдруг появился какой-то странный предмет. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это человек, который шел, надев на себя нечто вроде футляра или камышовой клетки, защищавшей его со всех сторон. Каково же было мое изумление, когда я узнал в этом человеке лорда Джона Рокстона! Увидев меня, он вылез из этого нелепого сооружения и засмеялся, но вид у него был несколько смущенный.

— Это вы, юноша? — сказал лорд Джон. — Вот уж не ожидал такой встречи!

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Навещал своих друзей, птеродактилей, — спокойно ответил он.

— Это еще зачем?

— Любопытные зверушки! Только ужасно негостеприимные. Да вы сами знаете, как они встречают не-

прошенных посетителей. Вот я и соорудил такую корзиночку, чтобы защитить себя от их любезностей.

— Да что вам понадобилось на этом болоте?

Лорд Джон испытующе посмотрел на меня, и я понял, что его одолевают какие-то сомнения.

— По-вашему, любознательность свойственна только людям, имеющим звание профессора? — сказал он наконец. — Я изучаю этих милашек, вот и все. Хватит с вас такого объяснения?

— Простите, — сказал я.

Но добродушие не изменило лорду Джону и на этот раз, и он рассмеялся:

— Не обижайтесь, юноша. Я хочу раздобыть для Челленджера маленького цыпленочка. Вот это моя главная задача. Нет, спасибо, ваша помощь мне не нужна. Я в этой клетке никого не боюсь, а вы беззащитны. Ну, всего хорошего, ждите меня к вечеру.

Он напялил на себя свою нелепую корзинку, повернулся и зашагал к лесу.

Если уж поведение лорда Джона было несколько странно в эти дни, то что же сказать о Челленджере? Следует отметить, что наш профессор обладал какой-то притягательной силой для индианок, и поэтому ему приходилось всегда носить при себе большую пальмовую ветку, которой он отгонял своих поклонниц, точно мух, когда они уж слишком одолевали его своим вниманием. Представьте же себе, какое это было зрелище! Пожалуй, самое комическое из всех, какие мне довелось видеть в Стране Мепл-Уайта. Выбрасывая носки в стороны, Челленджер шествует с символом власти в руке, а за ним, точно за чернобородым опереточным султаном, тянется свита индейских девушек в одеяниях из тонкого растительного волокна.

Что касается Саммерли, то он был всецело поглощен изучением мира насекомых и пернатых Страны Мепл-Уайта, и проводил все свое время за препарированием добытых экземпляров (если не считать тех ча-

сов, которые уходили у него на перебранку с Челленджером, якобы не желавшим выручить нас из трудного положения).

Челленджер повадился исчезать каждое утро и возвращался только среди дня с таким торжественным видом, точно на его плечах лежало тягчайшее бремя ответственности за какое-то чрезвычайно серьезное дело.

В один прекрасный день, не расставаясь с пальмовой веткой, он повел нас за собой и открыл нам свои тайные планы.

Мы вышли на небольшую полянку посреди пальмовой рощи и увидели один из тех грязевых гейзеров, о которых я уже говорил. Кругом было разбросано множество ремней, нарезанных из шкур игуанодонов; тут же лежал большой кусок перепончатой пленки — впоследствии выяснилось, что это не что иное, как выскобленный и высушенный желудок рыбоящера. В этой прошитой по краям пленке было оставлено маленькое отверстие для нескольких отрезков бамбука; противоположные концы их соединялись с глиняными воронками, в которых собирался газ, выделявшийся пузырьками в горячих струях гейзера. Вскоре опавшая пленка стала медленно вздуваться и проявлять столь явное намерение устремиться ввысь, что Челленджеру пришлось привязать опоясывающие ее ремни к деревьям. Через полчаса она превратилась в настоящий воздушный шар, и, судя по тому, как этот шар натягивал ремни и рвался вверх, подъемная сила его была велика. Челленджер молча смотрел на творение своего гения и самодовольно поглаживал бороду — ни дать, ни взять счастливый отец, любующийся своим первенцем.

Затянувшееся молчание прервал Саммерли.

— Неужели вы собираетесь предложить нам подняться на этой штуке? — ледяным тоном спросил он.

— Пока что я собираюсь продемонстрировать перед вами ее мощность, дорогой Саммерли, чтобы у вас не было никаких сомнений.

— Тогда советую вам немедленно выбросить из головы этот вздор, — решительно заявил Саммерли. — Вы никакими силами не заставите меня согласиться на такое безумие. Лорд Джон, надеюсь, вы не станете поддерживать эту авантюру?

— Остроумная штука! — сказал наш предводитель. — Любопытно бы посмотреть ее в действии.

— Сейчас посмотрите, — сказал Челленджер. — Последние дни я напрягал все силы своего ума, чтобы разрешить задачу, как нам выбраться отсюда. Мы уже убедились, что спуск по отвесным скалам невозможен, а туннеля больше не существует. Перебросить мост на утес нам, безусловно, не удастся. Но что же тогда делать? Я как-то говорил нашему юному другу, что эти гейзеры выделяют водород в свободном состоянии. Отсюда логически вытекала мысль о воздушном шаре. Сознаюсь, что меня несколько смущал вопрос, где достать для него оболочку, но когда мне попались на глаза колоссальные внутренности здешних пресмыкающихся, я уже ни в чем больше не сомневался. И вот результаты моих трудов.

Он заложил одну руку за борт своей рваной куртки, а другую горделиво протянул вперед.

Тем временем шар окончательно округлился, и ремни уже еле сдерживали его.

— Бред! Чистейший бред! — фыркнул Саммерли.

Но лорд Джон был в восторге от этой идеи Челленджера.

— Ну и голова у нашего старикана! — шепнул он мне. Потом сказал громко: — А где вы возьмете корзину?

— Теперь буду думать и о корзине. У меня уже есть кое-какие соображения по этому поводу. А пока я покажу вам, что мой аппарат способен поднять каждого из нас.

— Вы хотите сказать — всех вместе?

— Нет, мы будем спускаться по очереди. Приспо-

собление для подъема сделать нетрудно. Если мой аппарат выдержит тяжесть одного человека и осторожно опустит его на землю, значит, все в порядке. Сейчас мы его испробуем.

Он притащил обломок базальта довольно солидных размеров и обвязал его веревкой — той самой, с помощью которой мы взбирались на пирамидальный утес. Она была футов в сто длиной и хоть не толстая, но очень крепкая. Потом нам было продемонстрировано нечто вроде кожаного ошейника с длинными стропами. Челленджер водрузил этот ошейник на воздушный шар, собрал в пучок свисающие вниз стропы так, чтобы тяжесть груза распределялась равномерно по всей поверхности, привязал к ним обломок базальта, а конец веревки намотал себе на руку.

— Сейчас я покажу вам грузоподъемность моего аппарата, — объявил он, заранее предвкушая свое торжество, и с этими словами перерезал туго натянутые ремни.

Никогда еще наша экспедиция не была так близка к гибели, причем в полном своем составе. Наполненная газом оболочка стремительно рванулась вверх, увлекая за собой Челленджера. Я едва успел обхватить его за талию и взмыл в воздух следом за ним. Лорд Джон словно защелкнул капкан у меня на щиколотках, и его ноги тоже оторвались от земли. На секунду я представил себе мысленно, как четверо отважных путешественников, подобно гирлянде сосисок, повиснут над страной, тайны которой они тщились разгадать. Но, к счастью, прочность веревки имела какой-то предел, чего, по-видимому нельзя было сказать о подъемной силе этого дьявольского аппарата. Раздался треск, и наша троица камнем рухнула на землю. Путаясь в оборвавшейся веревке, мы с трудом поднялись на ноги и увидели, как обломок базальта стремительно уходит ввысь, еле заметной точкой чернея в ярко-голубом небе.

— Блестяще! — воскликнул неунывающий Челленджер, потирая ушибленную руку. — Опыт удался как нельзя лучше. Я сам не рассчитывал на такой успех. Обещаю вам, джентльмены, что новый шар будет готов через неделю, и мы совершенно спокойно проделаем на нем первый этап нашего обратного путешествия на родину.

До сих пор записи в моем дневнике велись от события к событию, а теперь, когда нам ничто не угрожает, когда все наши невзгоды миновали, как сон, я заканчиваю свое повествование в том самом лагере у подножия красных скал, где Самбо так ждал нас.

Спуск вниз прошел без всяких осложнений, но кто мог предполагать, что все это получится именно так? Через полтора-два месяца мы будем в Лондоне, и, может быть, мое письмо ненамного опередит меня. Всеми своими чувствами и помыслами мы уже дома, в родном городе, где осталось столько дорогого, любимого для каждого из нас.

Перелом в нашей судьбе наступил в тот день, когда Челленджер проделал свой рискованный опыт с самодельным воздушным шаром. Я уже говорил, что единственным человеком, который сочувствовал нашим попыткам выбраться с плато, был спасенный нами юноша, сын старого вождя. Мы поняли по его выразительной жестикуляции, что он не хочет задерживать нас против воли в чужой нам стране.

В тот вечер, уже затемно, Маретас незаметно прокрался в лагерь, протянул мне небольшой свиток древесной коры (он почему-то всегда предпочитал иметь дело со мной, может быть, потому, что я был примерно одного с ним возраста), потом величественно повел рукой, показывая на пещеры, торжественно приложил палец к губам в знак молчания и так же незаметно ушел к своим.

Я сел поближе к костру, и мы внимательно рассмотрели врученный мне свиток. На внутренней белой

стороне этого квадратного куска древесной коры размером фут на фут были нарисованы углем палочки, напоминающие безлинейное нотное письмо.

— Вы обратили внимание, какой у него был многозначительный вид? — спросил я товарищей. — Это что-то очень важное для нас.

— А может быть, дикарь решил разыграть с нами милую шуточку? — сказал Саммерли. — С таких элементарных развлечений, вероятно, начинается развитие человека.

— Это какой-то шифр, — сказал Челленджер.

— Или ребус, — подхватил лорд Джон, заглядывая мне через плечо, и вдруг вырвал кусок коры у меня из рук. — Честное слово, я, кажется, разгадал его! Юноша прав. Смотрите. Сколько здесь этих палочек? Восемнадцать. А сколько пещер по ту сторону склона? Тоже восемнадцать?

— И в самом деле! Ведь он на них и показывал! — сказал я.

— Значит, правильно. Это план пещер. Смотрите, всего восемнадцать палочек — есть короткие, есть длинные, а некоторые раздваиваются. Под одной крестик. Зачем? Вероятно, затем, чтобы выделить одну пещеру, которая глубже остальных.

— Сквозную! — крикнул я.

— Наш юный друг, по-видимому, прав, — поддержал меня Челленджер. — В противном случае зачем этому индейцу понадобилось бы отмечать ее крестиком? Ведь у него есть все основания относиться к нам благожелательно. Но если пещера действительно сквозная и выходит с той стороны на таком же уровне, то до земли там не больше ста футов.

— Тридцать метров — сущие пустяки! — проворчал Саммерли.

— Но ведь наша веревка длиннее! — воскликнул я. — Мы спустимся без всякого труда.

— А про индейцев вы забыли? — не сдавался Саммерли.

— Эти пещеры нежилые, — сказал я. — Они служат складами и амбарами. Давайте поднимемся туда сейчас же и произведем разведку.

На плато растет крепкое смолистое дерево — вид араукарии, по словам нашего ботаника, — ветки которого идут у индейцев на факелы. Мы взяли каждый по охапке таких веток и поднялись по замшелым ступенькам в пещеру, отмеченную на плане крестиком. Как я и предполагал, она оказалась необитаемой, если не считать множества огромных летучих мышей, которые с громким хлопаньем крыльев все время кружили у нас над головой. Не желая привлекать внимания индейцев, мы долго брели в темноте, нащупывая какие-то повороты, углы, и, только отойдя довольно далеко от входа, зажгли факелы. Нашим взорам открылся сухой, усыпанный белым гравием туннель со сводчатым потолком и гладкими серыми стенами, покрытыми изображениями животных. Мы устремились вперед, и вдруг все разочарованно вскрикнули: перед нами встала сплошная каменная стена — ни щели, ни трещинки, мышонок и тот не проберется. Выхода здесь не было.

Мы с тоской смотрели на неожиданное препятствие, преградившее нам путь. Эта стена ничем не отличалась от боковых стен туннеля, следовательно, обвала здесь не было, как в том уже знакомом нам подземном ходе. Это был самый настоящий тупик и ничего больше.

— Не огорчайтесь, друзья, — сказал неунывающий Челленджер. — Ведь я обещал вам второй воздушный шар.

Саммерли застонал.

— Может быть, мы ошиблись пещерой? — сказал я.

— Бросьте, юноша! — Лорд Джон провел пальцем по плану. — Семнадцатая пещера справа, она же вто-

рая слева. Нет, ошибки быть не могло.

Я взглянул на крестик и вдруг вскрикнул, сам не свой от радости.

— Знаю! Знаю! Идите за мной, скорее! — И, подняв факел над головой, бросился назад. — Вот здесь! — Я показал на обгорелые спички, валявшиеся на песке. — Вот здесь мы зажгли факелы.

— Совершенно верно.

— Но ведь на рисунке ясно показано, что пещера разветвляется! Значит, мы просто-напросто прозевали в темноте это место. Будем держаться правой стороны, и я уверен, что мы найдем его.

Как я говорил, так и вышло. Ярдов через тридцать в стене зачернело большое отверстие. Мы свернули в него и очутились в гораздо более широком туннеле. Нетерпение гнало нас вперед. Сотня ярдов, другая, третья... и вдруг впереди забрезжил красноватый свет. Что бы это могло быть? Ровное, немигающее пламя загораживало нам путь. Мы ускорили шаги. Жара от этого огня не чувствовалась. Все было тихо, ни шороха, ни звука... А между тем огненная завеса не исчезала, и ее сияние серебром заливало туннель, превращая белый песок в блистающие алмазы. Мы подошли еще ближе, и край завесы четко закруглился у нас на глазах.

— Это луна, клянусь вам! — крикнул лорд Джон. — Мы свободны, друзья! Свободны!

И действительно, в пролом, выходивший на ту сторону горного кряжа, светила полная луна. Пролом оказался небольшой, величиной с окно, но нам и этого было достаточно. Выглянув из него, мы увидели, что спуск будет не особенно трудный и что до земли недалеко. Разглядеть этот лаз при обходе плато нам, конечно, никогда бы не удалось. Кому бы пришло в голову искать место для подъема именно здесь, среди низко нависших скал? Мы убедились, что отсюда можно будет спуститься по веревке, и, счастливые, вернулись в лагерь готовиться к завтрашнему вечеру.

Действовать надо было тайно и без всякого промедления, так как индейцы могли задержать нас даже в последнюю минуту. Мы решили бросить все свое снаряжение, кроме оружия и патронов. Правда, у Челленджера было несколько громоздких вещей, которые он во что бы то ни стало хотел взять с собой, и одна из них доставила нам особенно много хлопот. Но об этом я пока что не могу распространяться.

День тянулся бесконечно долго, но вот наконец стемнело. У нас все было готово. Соблюдая всяческую осторожность, мы втащили свои пожитки вверх по ступенькам, остановились у входа в пещеру и бросили последний взгляд на эту загадочную, окутанную для нас романтической дымкой страну, которую, боюсь, скоро наводнят охотники и всяческие исследователи, страну, где мы много дерзали, где нам много пришлось перенести и многому научиться, — нашу страну, как мы всегда будем любовно называть ее.

Слева от нас соседние пещеры бросали в темноту веселые красноватые отблески костров. Снизу доносились голоса, смех и пение индейцев. Вдали стеной вставала лесная чаща, а между ней и скалистой грядой искрилось большое озеро — обитель диковинных чудовищ. Вот в темноте прозвенел пронзительный зов какого-то зверя. Это был голос Страны Мепл-Уайта, славшей нам свое последнее «прости». Мы повернулись и вошли в пещеру, через которую пролегал наш путь домой.

Через два часа мы сами и все наши пожитки были уже у подножия горного кряжа. Спуск прошел благополучно, если не считать возни с вещами Челленджера. Оставив всю поклажу на месте, мы отправились налегке к стоянке Самбо. Каково же было наше изумление, когда при свете раннего утра перед нами открылась равнина, на которой пылал не один костер, а по меньшей мере десять! Спасательная партия все-таки пришла. Она состояла из двадцати индейцев с Ама-

зонки, доставивших сюда шесты, канаты и все, что требовалось для переброски моста через пропасть. Уж теперь-то у нас не будет никаких затруднений с доставкой багажа к берегам Амазонки, куда мы двинемся завтра утром!

На этом, благодарный судьбе, я заканчиваю свой рассказ. Глаза наши не переставали дивиться чудесам, души очистились, закаленные тяжелыми испытаниями. Все мы, каждый на свой лад, стали лучше, серьезнее.

Возможно, что в Паре нам придется сделать остановку, так как надо обзавестись всем необходимым для дальнейшего путешествия. В таком случае это письмо опередит меня на один трансатлантический рейс. Если же мы сразу отправимся в путь, то оно будет в Лондоне одновременно с нами. Так или иначе, дорогой мой мистер Мак-Ардл, я надеюсь скоро пожать вашу руку.

Глава XVI

НА УЛИЦУ! НА УЛИЦУ!

Я считаю своим долгом выразить глубокую признательность всем нашим друзьям с Амазонки, которые так радушно нас приняли и проявили к нам столько внимания. Особую благодарность заслуживает сеньор Пеналоса и другие должностные лица бразильского правительства, чья помощь обеспечила нам возвращение домой, а также сеньор Перейра из города Пары, предусмотрительно заготовивший для нас все необходимое по части одежды, так что теперь нам не стыдно будет появиться в цивилизованном мире.

К сожалению, мы плохо отплатили нашим благодетелям за их гостеприимство. Но что же делать! Пользуюсь случаем заверить тех, кто вздумает отправиться по нашим следам в Страну Мепл-Уайта, что это будет

только потеря времени и денег. В своих рассказах мы изменили все названия, и, как бы вы ни изучали отчеты экспедиции, все равно вам не удастся даже близко подойти к тем местам.

Мы думали, что повышенный интерес к нам в Южной Америке носит чисто местный характер, но кто мог предположить, какую сенсацию произведут в Европе первые неясные слухи о наших приключениях! Оказывается, нами интересовался не только ученый мир, но и широкая публика, хотя мы узнали об этом сравнительно поздно.

Когда «Иберния» была уже в пятидесяти милях от Саутгемптона, беспроволочный телеграф начал передавать нам депешу за депешей от разных газет и агентств, которые предлагали колоссальные гонорары хотя бы за самое краткое сообщение о результатах экспедиции. Однако долг обязывал нас прежде всего отчитаться перед Зоологическим институтом, поручившим нам произвести расследование, и, посоветовавшись между собой, мы отказались давать какие-либо сведения в печать. Саутгемптон кишел репортерами, но они ничего не добились от нас, и поэтому легко себе представить, с каким интересом публика ждала заседания, назначенного на вечер 7 ноября.

Зал Зоологического института — тот самый, где создали комиссию расследования, — был признан недостаточно вместительным, и заседание пришлось перенести в Куинс-Холл на Риджент-стрит. Теперь уже никто не сомневался, что если б даже устроители сняли Альберт-Холл, то он тоже не вместил бы всех желающих.

Знаменательное заседание было назначено на второй вечер после нашего приезда в Лондон. Предполагалось, что первый день уйдет у нас на личные дела. О своих я пока умалчиваю. Пройдет время, и, может быть, мне будет легче думать и даже говорить обо всем этом. В начале своего повествования я раскрыл читате-

лю, какие силы побудили меня к действию. Теперь, пожалуй, следует показать, чем все это кончилось. Но ведь наступит же время, когда я скажу себе, что жалеть не о чем. Те силы толкнули меня на этот путь, и по их воле я узнал цену настоящим приключениям.

А теперь перейду к последнему событию, завершившему нашу эпопею. Когда я ломал себе голову, как бы получше описать его, взгляд мой упал на номер «Дейли-газетт» от 8 ноября, в котором был помещен подробнейший отчет о заседании в Зоологическом институте, написанный моим другом и коллегой — Макдона. Приведу его здесь полностью, начиная с заголовка, — ведь все равно лучше ничего не придумаешь. Наша «Дейли», гордая тем, что в экспедиции принимал участие ее собственный корреспондент, уделила особенно много места событиям в Зоологическом институте, но другие крупные газеты тоже не оставили их без внимания.

Итак, предоставляю слово моему другу Макдона:

НОВЫЙ МИР
МНОГОЛЮДНОЕ СОБРАНИЕ В КУИНС-ХОЛЛЕ
БУРНЫЕ СЦЕНЫ В ЗАЛЕ
НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
ЧТО ЭТО БЫЛО?
НОЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ НА РИДЖЕНТ-СТРИТ

(От нашего специального корреспондента)

«Долгожданное заседание Зоологического института, на котором был заслушан отчет комиссии, посланной год назад в Южную Америку проверить сведения, сообщенные профессором Челленджером, о наличии форм доисторической жизни на этом материке, состоялось вчера в Куинс-Холле, и мы смело можем сказать: этот день войдет в историю науки, ибо события его носили столь необычайный и сенсационный характер, что вряд ли они когда-либо изгладятся из памяти присутствующих. (О мой собрат по перу, Макдо-

на! Какая чудовищно длинная вступительная фраза!)

Официально пригласительные билеты распространялись только среди членов института и близких к ним лиц, но, как известно, последнее понятие весьма растяжимо, и поэтому большой зал Куинс-Холл был набит битком задолго до начала заседания, назначенного на восемь часов. Однако широкая публика, без всяких на то оснований считающая себя обиженной, штурмом взяла двери зала после продолжительной схватки с полицией, во время которой пострадало несколько человек, в том числе инспектор Скобл, получивший перелом ноги. Включая этих бунтовщиков, заполнивших не только все проходы, но и места, отведенные для представителей печати, прибытия путешественников ожидало, по приблизительному подсчету, не менее пяти тысяч человек. Когда они наконец появились, их провели на эстраду, где к тому времени собрались крупнейшие ученые не только Англии, но и Франции и Германии. Швеция также была представлена в лице знаменитого зоолога, профессора Упсальского университета господина Сергиуса. Появление четырех героев дня было встречено овацией: весь зал поднялся как один человек и приветствовал их криками и аплодисментами. Впрочем, внимательный наблюдатель мог уловить некую диссонирующую нотку в этой буре восторга и сделать отсюда вывод, что собрание будет протекать не совсем мирно. Но того, что произошло в действительности, никто из присутствующих предугадать не мог.

Описывать здесь внешность наших четырех путешественников нет никакой нужды, поскольку их фотографии помещены во всех газетах. Тяжелые испытания, которые, как говорят, им пришлось перенести, мало отразились на них, хотя они покидали наши берега совсем не такими загорелыми. Борода профессора Челленджера стала, пожалуй, еще пышнее, черты лица профессора Саммерли немного суше, лорд Джон Рокстон чуть похудел, но, в общем, состояние их здоровья

не оставляет желать ничего лучшего. Что же касается представителя нашей газеты, известного спортсмена и игрока в регби международного класса Э.Д.Мелоуна, то он в полной форме, и его честная, но не блещущая красотой физиономия так и сияет благодушной улыбкой. (Ладно, Мак, только попадись мне!)

Когда тишина была восстановлена и все расселись по местам, председательствующий, герцог Дархемский, обратился к собранию с речью. Герцог сразу же заявил, что, поскольку аудитории предстоит встреча с самими путешественниками, он не намерен задерживать ее внимание и предвосхищать доклад профессора Саммерли, председателя комиссии расследования, труды которой, судя по имеющимся сведениям, увенчались блестящим успехом. *(Аплодисменты.)* По-видимому, век романтики не миновал, и пылкая фантазия поэта все еще может опираться на твердую почву науки. «В заключение, — сказал герцог, — мне остается лишь выразить свою радость — и в этом меня, несомненно, поддержат все присутствующие, — что джентльмены вернулись здравы и невредимы из своего трудного и опасного путешествия, ибо с гибелью этой экспедиции наука понесла бы почти невознаградимые потери». *(Шумные аплодисменты, к которым присоединяется и профессор Челленджер.)*

Появление на кафедре профессора Саммерли снова вызвало бурю восторга, и речь его то и дело прерывалась рукоплесканиями. Мы не будем приводить ее дословно, так как подробный отчет о работах экспедиции, принадлежащий перу нашего корреспондента, будет выпущен «Дейли-газетт» специальной брошюрой. Поэтому ограничимся лишь кратким изложением доклада профессора Саммерли.

Напомнив собранию, каким образом возникла мысль о посылке экспедиции, оратор воздал должное профессору Челленджеру и принес ему свои извинения за былое недоверие к его словам, теперь полностью

подтвержденными. Затем он набросал в общих чертах маршрут путешествия, тщательно избегая каких-либо указаний, которые могли бы послужить справкой о географическом положении этого необычайного плато; описал в немногих словах переход от берегов Амазонки к горному кряжу и буквально потряс слушателей рассказом о многократных попытках экспедиции подняться на плато, обошедшихся им в конце концов ценой жизни двух преданных проводников-метисов. (Этим неожиданным толкованием событий мы были обязаны Саммерли, который хотел избежать некоторых щекотливых вопросов.)

Поднявшись со своими слушателями на вершину горного кряжа и заставив их почувствовать, что значил для четырех путешественников обвал моста — единственной их связи с внешним миром, профессор приступил к описанию ужасов и прелестей этой необычайной страны. О своих приключениях он говорил мало, но старался всячески подчеркнуть, какой богатейший вклад в науку сделала экспедиция, ведя наблюдения над представителями животного и растительного царства плато. Мир насекомых там особенно богат жесткокрылыми и чешуйчатокрылыми, и в течение нескольких недель экспедиции удалось определить сорок шесть видов первого семейства и девяносто четыре — второго. Но, как и следовало ожидать, публика интересовалась главным образом крупными животными, в особенности теми, которые считаются давно вымершими. Профессор дал длинный перечень таких доисторических чудовищ, уверив своих слушателей, что этот список может быть значительно пополнен после тщательного изучения плато. Ему и его спутникам удалось видеть собственными глазами, правда, большей частью издали, по крайней мере с десяток животных, до сих пор неизвестных науке. Со временем они, безусловно, будут должным образом изучены и классифицированы. В виде примера профессор привел тем-

но-пурпурную змею длиной в пятьдесят один фут, некое белое существо, по всей вероятности, млекопитающее, которое излучает в темноте фосфорический свет, и огромную черную бабочку, укусы этой бабочки, по словам индейцев, ядовиты.

Помимо совершенно новых видов живых существ, плато изобилует известными науке доисторическими животными; некоторых из них следует отнести к раннему юрскому периоду. Тут был назван исполинский стегозавр, попавшийся однажды мистеру Мелоуну у водопоя на озере. Такой же точно зверь был зарисован в альбоме американского художника, проникшего в этот неведомый мир еще до экспедиции. Профессор Саммерли описал также игуанодона и птеродактиля — первых двух чудовищ, встретившихся им на плато, и привел слушателей в содрогание, рассказав о самых страшных хищниках, населявших этот мир, — о динозаврах, которые не раз преследовали то одного, то другого члена экспедиции. Далее профессор подробно говорил об огромной свирепой птице фороракосе и об исполинских лосях, все еще встречающихся на плоскогорьях той страны.

Но восторг аудитории достиг высшего предела, когда профессор поведал ей тайны центрального озера. Слушая спокойную речь этого трезвого ученого, хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон, что ты наяву слышишь о трехглазых рыбообразных ящерах и гигантских водяных змеях, обитающих в этих загадочных глубинах.

Далее он перешел к описанию туземцев и племени человекообразных обезьян, которые, по-видимому, представляют собой результат эволюции яванского питекантропа, а следовательно, более, чем любой другой вид животного мира, приближаются к гипотетическому существу, известному как «недостающее звено между обезьяной и человеком».

Наконец, профессор развеселил аудиторию, описав

остроумный, но чрезвычайно опасный воздухоплавательный аппарат — изобретение профессора Челленджера, и в заключение своего необычайно интересного доклада рассказал, каким образом экспедиции удалось вернуться в цивилизованный мир.

Предполагалось, что на этом заседание и закончится и что предложенная профессором Сергиусом резолюция с выражением благодарности членам комиссии расследования будет должным образом проголосована и принята. Однако дальнейшие события развивались отнюдь не гладко. С самого начала заседания враждебно настроенная часть публики то и дело напоминала о себе, а как только профессор Саммерли кончил доклад, доктор Джеймс Иллингворт из Эдинбурга поднялся с места и обратился к председателю с вопросом: не следует ли до голосования резолюции обсудить поправку к ней?

Председатель. Да, сэр, если таковая имеется.

Доктор Иллингворт. Поправка у меня есть, ваша светлость.

Председатель. В таком случае огласите ее.

Профессор Саммерли *(вскакивая с места).* Ваша светлость, разрешите довести до всеобщего сведения, что этот человек — мой личный враг еще с тех пор, как мы с ним вели полемику на страницах журнала «Научное обозрение».

Председатель. Вопросы личного порядка нас не касаются. Продолжайте, доктор Иллингворт.

Друзья наших путешественников подняли такой шум, что доктора Иллингворта временами почти не было слышно.Кое-кто даже пытался стащить его с кафедры. Но, обладая недюжинной силой и мощным голосом, доктор Иллингворт преодолел все препятствия и довел свою речь до конца. С той минуты, как он поднялся с места, всем стало ясно, что у него много сторонников в зале, правда, составляющих меньшинство аудитории. Значительная же часть публики

была настроена выжидательно и пока что сохраняла нейтралитет.

Для начала профессор Иллингворт заверил профессора Челленджера и профессора Саммерли в своем глубочайшем уважении к их научной деятельности, но далее с прискорбием отметил, что его поправку к резолюции почему-то объясняют какими-то личными мотивами, тогда как на самом деле им руководит исключительно стремление к истине. В сущности, он занимает сейчас ту же позицию, какую занимал на прошлом заседании профессор Саммерли. Профессор Челленджер выдвинул тогда ряд тезисов, которые были взяты под сомнение его коллегой. Теперь этот самый коллега выступает с точно такими же утверждениями и рассчитывает, что их никто не будет оспаривать. Логично ли это? *(Крики:* «Да!», «Нет!». *В ложе, отведенной представителям печати, слышно, как профессор Челленджер просит у председателся разрешения выставить доктора Иллингворта за дверь.)* Год назад один человек утверждал весьма странные вещи. Теперь то же самое, и, пожалуй, в еще большей степени, делают четыре человека. Но разве это может служить решающим фактором там, где речь идет чуть ли не о перевороте в науке?

У всех на памяти случай, когда путешественники возвращались из далеких, никому не ведомых краев и распространяли всякие небылицы, которым слишком охотно верили. Неужели лондонский Зоологический институт хочет оказаться в положении легковера? Члены комиссии расследования — весьма достойные люди, этого никто не станет отрицать. Но человеческая натура чрезвычайно сложна. Желание выдвинуться может совратить с пути истинного любого профессора. Все мы, словно бабочки, летим на огонек славы. Охотники за крупной дичью не прочь погрешить против истины в пику свои соперникам, а журналисты так падки на всяческие сенсации, что сплошь и рядом

призывают на помощь фактам свое богатое воображение. У каждого из членов комиссии могли оказаться свои мотивы, руководствуясь которыми они раздули результаты экспедиции. («Позор! Стыдитесь!») Он никого не желает оскорблять («Однако оскорбляет!» *Шум в зале.*) ... но доказательства, представленные в подтверждение всех этих чудес, носят чрезвычайно легковесный характер. К чему они сводятся? К нескольким фотографическим снимкам. Но в наше время искусство фальсификации достигло такого высокого уровня, что на одни фотографии полагаться нельзя. Чем же еще стараются нас убедить? Рассказом о поспешном бегстве и о спуске по канату, что якобы помешало членам экспедиции захватить с собой более крупные образцы фауны этой чудесной страны? Остроумно, но не очень убедительно. Было сказано, что у лорда Джона Рокстона имеется череп фороракоса. Но где он? Любопытно было бы взглянуть на него.

Лорд Джон Рокстон. Этот человек, кажется, обвиняет меня во лжи? *(Шум в зале.)*

Председатель. Тише! Тише! Доктор Иллингворт, будьте добры сформулировать свою поправку.

Доктор Иллингворт. Я подчиняюсь, хотя мне хотелось бы сказать еще кое-что. Итак, мое предложение сводится к следующему: поблагодарить профессора Саммерли за его интересный доклад, но сообщенные им факты считать недоказанными и поручить проверку их другой, более авторитетной комиссии.

Трудно описать, какое смятение вызвали в зале эти слова. Большинство присутствующих, возмущенные таким поклепом на наших путешественников, требовали: «Долой поправку!», «Не голосуйте ее!», «Вон его отсюда!» В то же время недовольные, а их было немало, поддерживали доктора Иллингворта и оглушительно кричали: «Это нечестно!», «Председатель! Призовите к порядку!» На задних скамьях, где сидели студенты-медики, началась потасовка, были пущены в ход

кулаки. Всеобщую свалку предотвратило только присутствие дам среди публики. И вдруг крики смолкли, в зале наступила полная тишина. На эстраде стоял профессор Челленджер. Внешность и манеры этого человека производят настолько внушительное впечатление, что стоило только ему поднять руку, как все уселись по местам и приготовились слушать его.

— Многие из присутствующих, вероятно, помнят, — начал профессор Челленджер, — что подобные непристойные сцены разыгрались и на первом нашем заседании. В тот раз главным моим обидчиком был профессор Саммерли, и, хотя теперь он исправился и покаялся в грехах, все же этот инцидент не может быть предан забвению. Сегодня мне пришлось услышать еще более оскорбительные выпады со стороны лица, только что покинувшего эстраду. Я с величайшим трудом заставляю себя снизойти до интеллектуального уровня данного лица, но это нужно сделать, дабы устранить сомнения, которые, может быть, еще сохранились у некоторых из здесь присутствующих. *(Смех, шум, крики из задних рядов.)*

Профессор Саммерли выступал здесь как глава комиссии расследования, но вряд ли нужно напоминать вам, что подлинным вдохновителем всего дела являюсь я и что наша поездка увенчалась успехом главным об разом благодаря мне. Я довел этих троих джентльменов до нужного места и, как вы уже слышали, убедил их в правильности моих утверждений. Мы не рассчитывали, что наши совместные выводы будут оспариваться с тем же невежеством и упорством. Но, наученный горьким опытом, я вооружился на сей раз кое-какими доказательствами, которые смогут убедить всякого здравомыслящего человека. Профессор Саммерли уже говорил здесь, что наши фотокамеры побывали в лапах человекообезьян, разгромивших весь наш лагерь, и что большинство негативов погибло. *(Шум, смешки, с задних скамей кто-то кричит:* «Расскажите это вашей

бабушке!») Кстати, о человекообезьянах. Не могу не отметить, что звуки, которые доходят сейчас до моего слуха, весьма живо напоминают мне наши встречи с этими любопытными существами. *(Смех.)*

Несмотрая на то, что многие ценные негативы были уничтожены, все же некоторое количество фотографий у нас осталось и по ним вполне можно судить об условиях жизни на плато. Есть ли у кого-нибудь из присутствующих сомнения в их подлинности? *(Чей-то голос:* «Да!» *Общее волнение, заканчивающееся тем, что несколько человек выводят из зала.)*

Негативы предложены вниманию экспертов. Какие же еще доказательства может представить комиссия? Ей пришлось бежать с плато, и поэтому она не могла обременять себя каким бы то ни было грузом, но профессору Саммерли удалось спасти свою коллекцию бабочек и жуков, а в ней имеется много новых разновидностей. Разве этого недостаточно? *(Несколько голосов:* «Нет! Нет!») Кто сказал «нет»?

Доктор Иллингворт *(поднимаясь с места).* Мы считаем, что коллекцию можно было собрать где угодно, а не обязательно на вашем доисторическом плато. *(Аплодисменты.)*

Профессор Челленджер. Без сомнения, сэр, слово такого крупного ученого, как вы, для нас закон. Однако оставим фотографии и энтомологическую коллекцию и перейдем к вопросам, которые никогда и никем не освещались. У нас, например, имеются совершенно точные сведения о птеродактилях. Образ жизни этих животных... *(Крики:* «Вздор!» *Шум в зале.)* Я говорю, образ жизни этих животных станет вам теперь совершенно ясен. В моем портфеле лежит рисунок, сделанный с натуры, на основании которого...

Доктор Иллингворт. Рисунки нас ни в чем не убедят!

Профессор Челленджер. Вы хотели бы видеть самую натуру?

Доктор Иллингворт. Несомненно!

Профессор Челленджер. И тогда вы поверите мне?

Доктор Иллингворт *(со смехом)*. Тогда? Ну еще бы!

И тут мы подошли к самому волнующему и драматическому эпизоду вечера — эпизоду, эффект которого навсегда останется непревзойденным. Профессор Челленджер поднял руку, наш коллега мистер Э.Д. Мелоун тотчас же встал с места и направился в глубь эстрады. Минуту спустя он снова появился в сопровождении негра гигантского роста; они несли вдвоем большой квадратный ящик, по-видимому, очень тяжелый. Ящик был поставлен у ног профессора. Публика замерла, с напряжением следя за происходящим. Профессор Челленджер снял выдвижную крышку с ящика, заглянул внутрь и, прищелкнув несколько раз пальцами, сказал умильным голосом (в журналистской ложе были прекрасно слышны его слова): «Ну, выходи, малыш, выходи!» Послышалась какая-то возня, царапанье, и тут же вслед за этим невообразимо страшное, омерзительное существо вылезло из ящика и уселось на его краю. Даже неожиданное падение герцога Дархемского в оркестровую яму не отвлекло внимания пораженной ужасом публики. Хищная голова этого чудовища с маленькими, пылающими, словно угли, глазами невольно заставила вспомнить страшных химер, которые могли зародиться только в воображении средневековых художников. Его полуоткрытый длинный клюв был усажен двумя рядами острых зубов. Вздернутые плечи прятались в складках какой-то грязно-серой шали. Словом, это был тот самый дьявол, которым нас пугали в детстве.

Публика пришла в смятение — кто-то вскрикнул, в переднем ряду две дамы упали в обморок, ученые на эстраде проявили явное стремление последовать за

председателем в оркестр. Казалось, еще секунда, и общая паника охватит зал.

Профессор Челленджер поднял руку над головой, стараясь успокоить публику, но это движение испугало сидевшее рядом с ним чудовище. Оно расправило серую шаль, которая оказалась не чем иным, как парой перепончатых крыльев. Профессор ухватил его за ноги, но удержать не смог. Чудовище взвилось с ящика и медленно закружило по залу, с сухим шорохом взмахивая десятифутовыми крыльями и распространяя вокруг себя ужасающее зловоние. Вопли публики на галерее, до смерти перепуганной близостью этих горящих глаз и огромного клюва, привели его в полное смятение. Оно все быстрее и быстрее металось по залу, натыкаясь на стены и люстры, и, видимо, совсем обезумело от страха. «Окно! Ради всего святого, закройте окно!» — кричал профессор, приплясывая от ужаса и ломая руки. Увы, он спохватился слишком поздно. Чудовище, бившееся о стены, словно огромная бабочка о колпак лампы, поравнялось с окном, протиснуло в него свое уродливое тело... и только мы его и видели. Профессор закрыл лицо руками и упал в кресло, а зал облегченно охнул, как один человек, убедившись, что опасность миновала.

И тут... Но разве можно описать, что происходило в зале, когда восторг сторонников и смятение недавних противников Челленджера слились воедино и мощная волна ликования прокатилась от задних рядов к оркестровой яме, захлестнула эстраду и подняла наших героев на своем гребне! (Молодец, Мак!) Если до сих пор аудитория была несправедлива к четырем отважным путешественникам, то теперь она постаралась искупить свою вину. Все вскочили с мест. Все двинулись к эстраде, крича, размахивая руками. Героев окружили плотным кольцом. «Качать их! Качать!» — раздались сотни голосов. И вот четверо путешественников взлетели над толпой. Все их попытки высвободиться были

тщетны! Да они при всем желании не могли бы опуститься наземь, так как люди стояли на эстраде сплошной стеной.

«На улицу! На улицу!» — кричали кругом.

Толпа пришла в движение, и людской поток медленно двинулся к дверям, унося с собой четырех героев. На улице началось нечто невообразимое. Там собралось не менее ста тысяч человек. Люди стояли плечом к плечу от Ленгем-отеля до Оксфордской площади. Как только яркий свет фонарей у подъезда озарил четырех героев, плывущих над головами толпы, воздух дрогнул от приветственных криков. «Процессией по Риджент-стрит!» — дружно требовали все. Запрудив улицу, шеренги двинулись вперед, по Риджент-стрит, на Пэл-Мэл, Сейнт-Джеймс-стрит и Пикадилли. Движение в центре Лондона приостановилось. Между демонстрантами, с одной стороны, полицией и шоферами — с другой, произошел ряд столкновений. Наконец, уже после полуночи толпа отпустила четырех путешественников, доставив их в Олбени, к дверям квартиры лорда Джона Рокстона, спела им на прощание «Наши славные ребята» и завершила программу гимном. Так закончился этот вечер — один из самых замечательных вечеров, которые знал Лондон за многие годы».

Так писал мой друг Макдона, и, несмотря на цветистость его слога, ход событий изложен в этом отчете довольно точно. Что же касается самой большой сенсации, то она поразила своей неожиданностью только публику, но не нас, участников экспедиции. Читатель, разумеется, не забыл моей встречи с лордом Джоном Рокстоном, когда он, напялив на себя нечто вроде кринолина, отправился добывать «цыпленочка» для профессора Челленджера. Вспомните также намеки на те хлопоты, которые причинял нам багаж Челленджера при спуске с плато. Если бы я вздумал продолжить свой рассказ, то в нем было бы отведено немало места

описанию возни с нашим не совсем аппетитным спутником, которого приходилось ублажать тухлой рыбой. Я умолчал о нем, ибо профессор Челленджер опасался, как бы слухи об этом неопровержимом аргументе не просочились в публику раньше той минуты, когда он воспользуется им, чтобы повергнуть в прах своих врагов.

Несколько слов о судьбе лондонского птеродактиля. Ничего определенного тут установить не удалось. Две перепуганные женщины утверждают, будто бы видели его на крыше Куинс-Холла, где он восседал несколько часов подряд, подобно какой-то чудовищной статуе. На следующий день в вечерних газетах появилась короткая заметка следующего содержания: гвардеец Майлз, стоявший на часах у Мальборо-Хауса, покинул свой пост и был за это предан военному суду. На суде Майлз показал, что во время ночного дежурства он случайно посмотрел вверх и увидел черта, заслонившего от него луну, после чего сбросил винтовку и пустился наутек по Пэл-Мэл. Показания подсудимого не были приняты во внимание, а между тем они могут находиться в прямой связи с интересующим нас вопросом.

Добавлю еще одно свидетельство, почерпнутое мной из судового журнала парохода американо-голландской линии «Фрисланд». Там записано, что в девять часов утра следующего дня, когда Старт-Пойнт был в десяти милях со штирборта, над судном, держа путь на юго-запад, со страшной быстротой пронеслось нечто среднее между крылатым козлом и огромной летучей мышью. Если инстинкт правильно указал дорогу нашему птеродактилю, то не может быть сомнений, что он встретил свой конец где-нибудь в пучинах Атлантического океана.

А моя Глэдис? Глэдис, чье имя было дано таинственному озеру, которое отныне будет называться Центральным, ибо теперь я уже не хочу даровать ей бес-

смертие. Не замечал ли я и раньше признаков черствости в натуре этой женщины? Не чувствовал ли, с гордостью повинуясь ее велению, что немногого стоит та любовь, которая шлет человека на верную смерть или заставляет его рисковать жизнью? Не боролся ли с вечно возвращавшеся ко мне мыслью, что в этой женщине прекрасен лишь облик, что душу ее омрачает тень себялюбия и непостоянства? Почему она так пленялась всем героическим? Не потому ли, что свершение благородного поступка могло отразиться и на ней без всяких усилий, без всяких жертв с ее стороны? Или все это пустые домыслы? Я был сам не свой все эти дни. Полученный удар отравил мою душу.

Но с тех пор прошла неделя, и за это время у нас был один очень важный разговор с лордом Джоном Рокстоном... Мне мало-помалу начинает казаться, что дела обстоят не так уж плохо.

Расскажу в нескольких словах, как все произошло. В Саутгемптоне на мое имя не было ни письма, ни телеграммы, и, встревоженный этим, я в десять часов вечера того же дня стоял у дверей маленькой виллы в Стритеме. Может быть, ее нет в живых? Давно ли мне грезились во сне раскрытые объятия, улыбающееся личико, горячие похвалы, без счета расточаемые герою, рисковавшему жизнью по прихоти своей возлюбленной! Действительность швырнула меня с заоблачных высот на землю. Но мне будет достаточно одного ее слова в объяснение, чтобы опять воспарить к облакам. И я опрометью бросился по садовой дорожке, постучал в дверь, услышал голос моей Глэдис, оттолкнул в сторону оторопевшую служанку и влетел в гостиную. Она сидела на диванчике между роялем и высокой стоячей лампой. Я в три шага перебежал комнату и схватил обе ее руки в свои.

— Глэдис! — крикнул я. — Глэдис!

Она удивленно посмотрела на меня. Со времени нашей последней встречи в ней произошла какая-то не-

уловимая перемена. Холодный взгляд, твердо сжатые губы — все это показалось мне новым. Глэдис высвободила свои руки.

— Что это значит? — спросила она.

— Глэдис! — крикнул я. — Что с вами? Вы же моя Глэдис, моя любимая крошка Глэдис Хангертон!

— Нет, — сказала она, — я Глэдис Потс. Разрешите представить вам моего мужа.

Какая нелепая штука жизнь! Я поймал себя на том, что машинально раскланиваюсь и пожимаю руку маленькому рыжеватому субъекту, удобно устроившемуся в глубоком кресле, которое некогда служило только мне. Мы кивали головой и с глупейшей улыбкой смотрели друг на друга.

— Папа разрешил нам пожить пока здесь. Наш дом еще не готов, — пояснила Глэдис.

— Вот как! — сказал я.

— Разве вы не получили моего письма в Паре?

— Нет, никакого письма я не получал.

— Какая жалость! Тогда вам все было бы ясно.

— Мне и так все ясно, — пробормотал я.

— Я рассказывала о вас Вильяму, — продолжала Глэдис. — У нас нет тайн друг от друга. Мне очень жаль, что так вышло, но ваше чувство было, вероятно, не очень глубоко, если вы могли бросить меня здесь одну и уехать куда-то на край света. Вы на меня не дуетесь?

— Нет, что вы, что вы!... Так я, пожалуй, пойду.

— А не выпить ли нам чаю? — предложил рыжеватый субъект и потом добавил доверительным тоном: — Вот так всегда бывает... А на что другое можно рассчитывать? Из двух соперников побеждает всегда один.

Он залился идиотским смехом, и я счел за благо уйти.

Дверь гостиной уже закрылась за мной, как вдруг меня словно что-то подтолкнуло, и, повинуясь этому порыву, я вернулся к своему счастливому сопернику,

который тотчас же бросил тревожный взгляд на электрический звонок.

— Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос, — сказал я.

— Что же, если он в границах дозволенного...

— Как вы этого добились? Отыскали какой-нибудь клад? Открыли полюс? Были корсаром? Перелетели через Ла-Манш? Что вы сделали? Где она, романтика? Как вам это удалось?

Он уставился на меня во все глаза. Его глуповато-добродушная, ничтожная физиономия выражала полное недоумение.

— Не кажется ли вам, что все это носит чересчур личный характер? — проговорил он наконец.

— Хорошо. Еще один вопрос, последний! — крикнул я. — Кто вы? Какая у вас профессия?

— Я работаю письмоводителем в нотариальной конторе Джонсона и Мервиля. Адрес: Ченсери-лейн, дом сорок один.

— Всего хорошего! — крикнул я и, как подобает безутешному герою, исчез во мраке ночи, обуреваемый яростью, горем и... смехом.

Еще одна короткая сцена — и повествование мое будет закончено.

Вчера вечером мы все собрались у лорда Джона Рокстона и после ужина за сигарой долго вспоминали в дружеской беседе наши недавние приключения. Странно было видеть эти хорошо знакомые мне лица в такой непривычной обстановке. Вот сидит Челленджер — снисходительная улыбка по-прежнему играет на его губах, веки все так же презрительно сощурены, борода топорщится, он выпячивает грудь, пыжится, поучая Саммерли. А тот попыхивает своей коротенькой трубочкой и трясет козлиной бородкой, яростно оспаривая каждое слово Челленджера. И, наконец, вот наш хозяин — худое лицо, холодный взгляд голубых, как лед, орлиных глаз, в глубине которых всегда тлеет ве-

селый, лукавый огонек. Такими все трое долго сохранятся у меня в памяти.

После ужина мы перешли в святая святых лорда Джона — в его кабинет, залитый розовым сиянием и увешанный бесчисленными трофеями, — и наш дальнейший разговор происходил там. Хозяин достал из шкафчика старую коробку из-под сигар и поставил ее перед собой на стол.

— Пожалуй, мне давно следовало посвятить вас в это дело, — начал он, — но я хотел сначала выяснить все до конца. Стоит ли пробуждать надежды и потом убеждаться в их неосуществимости? Но сейчас перед нами факты. Вы, наверно, помните тот день, когда мы нашли логово птеродактилей в болоте? Так вот: я смотрел, смотрел на это болото и в конце концов призадумался. Я скажу вам, в чем дело, если вы сами ничего не заметили. Это была вулканическая воронка с синей глиной.

Оба профессора кивнули головой, подтверждая его слова.

— Такую же вулканическую воронку с синей глиной мне пришлось видеть только раз в жизни — на больших алмазных россыпях в Кимберли. Вы понимаете? Алмазы не выходили у меня из головы. Я соорудил нечто вроде корзинки для защиты от этих зловонных гадов и, вооружившись лопаткой, недурно провел время в их логове. Вот что я извлек оттуда.

Он открыл сигарную коробку, перевернул ее кверху дном и высыпал на стол около тридцати или более неотшлифованных алмазов величиной от боба до каштана.

— Вы, пожалуй, скажете, что мне следовало сразу же поделиться с вами моим открытием. Не спорю. Но неопытный человек может здорово нарваться на этих камешках. Ведь их ценность зависит не столько от размера, сколько от консистенции и чистоты воды. Словом, я привез их сюда, в первый же день отправился к

Спинку и попросил его отшлифовать и оценить мне один камень.

Лорд Джон вынул из кармана небольшую коробочку из-под пилюль и показал нам великолепно играющий бриллиант, равного которому по красоте я, пожалуй, никогда не видел.

— Вот результаты моих трудов, — сказал он. — Ювелир оценил эту кучку самое меньшее в двести тысяч фунтов. Разумеется, мы поделимся поровну. Ни на что другое я не соглашусь. Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч?

— Если вы действительно настаиваете на столь великодушном решении, — сказал профессор, — то я потрачу все деньги на оборудование частного музея, о чем давно мечтаю.

— А вы, Саммерли?

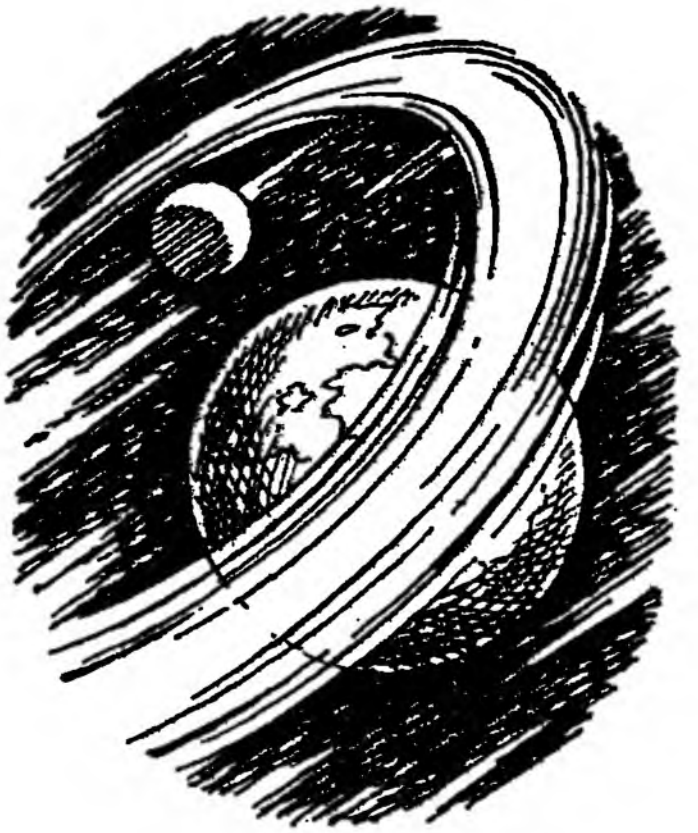
— Я брошу преподавание и посвящу все свое время окончательной классификации моего собрания ископаемых мелового периода.

— А я, — сказал лорд Джон Рокстон, — истрачу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу еще разок на любезное нашему сердцу плато. Что же касается вас, юноша, то вам деньги тоже нужны. Ведь вы женитесь?

— Да нет, пока не собираюсь, — ответил я со скорбной улыбкой. — Пожалуй, если вы не возражаете, я присоединяюсь к вам.

Лорд Рокстон посмотрел на меня и молча протянул мне свою крепкую, загорелую руку.

ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС

Глава I

ЛИНИИ ПОМУТНЕЛИ

Да, я обязан теперь же, пока события еще свежи в моей памяти, изложить их с той точностью деталей, которую время может затемнить. Но, приступая к исполнению своего настоятельного долга, я в изумлении останавливаюсь перед тем чудесным фактом, что именно нам четверым, героям «Затерянного мира» — профессору Челленджеру, профессору Саммерли, лорду Джону Рокстону и мне, — довелось пережить это удивительное приключение.

Несколько лет тому назад, когда я печатал в «Дейли-газетт» отчет о нашем эпохальном путешествии в Южную Америку, я никак не думал, что мне когда-нибудь выпадет на долю рассказать по личному опыту о еще более странном событии, единственном в летописях человечества, о событии, которое будет стоять в памяти истории как некая великая вершина среди скромных соседних холмов. Само по себе событие будет всегда казаться чудом, но обстоятельства, которые свели вместе нас четверых ко времени этого необычного происшествия, складывались самым естественным образом. Постараюсь рассказать о них как можно короче и ясней, хоть я и понимаю, что в данном случае читатель был бы рад каждой лишней подробности, потому что любопытство людское поистине ненасытно — было, есть и будет.

В пятницу, двадцать седьмого августа — навеки памятная дата мировой истории, — я зашел в редакцию своей газеты и попросил мистера Мак-Ардла, который и по сей день ведет у нас отдел «Последних новостей», дать мне трехдневный отпуск. Добрый старый шотландец покачал головой, поскреб чахлую рыжую бородку и облек наконец свой отказ в такие слова:

— В эти дни, мистер Мелоун, я, напротив, особенно на вас рассчитываю. Видите ли, тут у нас подверну-

лось такое дельце, что только вы один и можете обделать его как надо.

— Прошу меня извинить, — сказал я, стараясь не выдать разочарования. — Раз я нужен, то, конечно, вопрос исчерпан. Но мне надо съездить по одному очень важному личному делу. Так что если можно меня освободить...

— Боюсь, никак нельзя.

Было очень обидно, но пришлось сделать веселое лицо. В конце концов пенять мне было не на кого, кроме как на себя самого, — уж мне ли не знать, что журналист не вправе располагать собой!

— Значит, из мыслей вон! — сказал я со всей веселостью, какую успел напустить на себя при таком решительном отказе. — Что же вы надумали мне поручить?

— Я хочу послать вас в Ротерфилд взять интервью у этого дьявола во образе человеческом.

— Вы не о профессоре ли Челленджере? — воскликнул я.

— О нем, а то о ком же? На той неделе к нему явился Алек Симпсон из «Курьера», так он схватил беднягу одной рукой за шиворот, другой за штанину и волочил его таким манером целую милю по большой дороге. Можете почитать об этом в полицейском протоколе. Наши ребята скорее сунутся брать интервью у сбежавшего из клетки крокодила. Но на вас я смело могу рассчитывать: вы же с ним старые друзья.

Я вздохнул с облегчением.

— Отлично, — сказал я. — Все разрешилось само собой. Ведь я для того и просил у вас отпуск, чтобы съездить в Ротерфилд к профессору Челленджеру. Сегодня третья годовщина нашего главного приключения там, в горах, вот он и пригласил к себе всех участников отпраздновать с ним этот день.

— Великолепно! — воскликнул Мак-Ардл, потирая руки, и его глаза просияли за стеклами очков. — Зна-

чит, вам нетрудно будет выведать, что он думает на самом деле. Заяви это не он, а кто другой, я сказал бы, что это бред сумасшедшего, но профессор уже однажды показал себя, так что — кто знает? — может быть, он все-таки прав.

— Что же надо у него выведать? — спросил я. — Чем он занимался последнее время?

— А вы не читали сегодня в «Таймсе» его письмо под названием «Предвидения науки»?

— Нет.

Мак-Ардл нырнул под стол и поднял с пола газету.

— Прочтите вслух, — сказал он, указывая пальцем столбец. — Я охотно послушаю лишний раз, а то я не совсем уверен, что правильно понял.

Вот что я прочел редактору отдела «Последних новостей» нашей «Дейли-газетт».

ПРЕДВИДЕНИЯ НАУКИ

— «Сэр! С любопытством, не свободным от примеси некоторых менее лестных чувств, прочел я появившуюся недавно на столбцах вашей газеты самодовольную и совершенно бессмысленную статью Джеймса Уилсона Мак-Фэйла по поводу помутнения фраунгоферовых линий в спектрах как планет, так и неподвижных звезд. Автор статьи отмахивается от этого обстоятельства как от чего-то незначительного. Но более широкому уму оно должно представиться явлением чрезвычайно важным, возможно, несущим гибель всем и каждому человеку на нашей планете. Вряд ли я могу надеяться, что если прибегну к языку науки, меня хоть сколько-нибудь поймут те безмозглые люди, которые черпают свои представления со столбцов газет. Поэтому я попытаюсь снизойти к их ограниченному кругозору и обрисовать положение посредством простой аналогии, которая не выходила бы за пределы понимания ваших читателей».

— Не человек, а чудо — живо чудо! — сказал Мак-Ардл и задумчиво покачал головой. — Он, кажется,

способен взбесить голубенка, перессорить квакеров на молитвенном собрании! Не удивительно, что Лондон к нему нетерпим. А жаль, мистер Мелоун, такой великий ум! Послушаем, однако, его аналогию.

— «Вообразим, — читал я дальше, — что маленькая связка пробок, подхваченная ленивым течением, совершает плавание по Атлантическому океану. Пробки день за днем тихо плывут в одних и тех же условиях окружающей среды. Нам нетрудно представить себе, что эти пробки, будь они наделены способностью мышления, считали бы эти условия надежными и неизменными. Но мы-то, обладая более широкими познаниями, понимаем, что с пробками может случиться много такого, что их весьма удивило бы. Они могут натолкнуться на корабль или на сонного кита, могут запутаться в водорослях. А нет, так их плавание кончится, вероятно, тем, что их выбросит прибоем на скалистый берег Лабрадора. Но что они знают обо всем этом, пока мирно изо дня в день плывут по океану, который они полагают безграничным и однородным?

Ваши читатели, может быть, сообразят, что под Атлантикой в моем иносказании разумеется тот могучий океан эфира[1], по которому мы плывем, а связка пробок изображает маленькую, безвестную планетную систему, к которой мы принадлежим. Третьеразрядное солнце с горсткой увязавшихся за ним ничтожных спутников, мы несемся в тех же повседневных условиях к неведомому концу, к жалкой катастрофе, которая настигнет нас у последних пределов пространства, где нас сметет в какую-нибудь эфирную Ниагару или выкинет на какой-нибудь немыслимый Лабрадор. Я здесь не вижу места для плоского и невежественного оптимизма вашего корреспондента мистера Джеймса Уил-

---

[1] Эфир — по господствующей во времена Конан-Дойла гипотезе, некая универсальная среда, заполняющая все мировое пространство. Впоследствии эта гипотеза была признана ложной. — *Ред.*

сона Мак-Фэйла и, напротив, вижу достаточно оснований с самым напряженным и заинтересованным вниманием следить за всяким показателем перемены в нашем космическом окружении, от которой, возможно, зависит и наша конечная судьба».

— Ого! Из него вышел бы знаменитый проповедник! — сказал Мак-Ардл. — Гремит, как орган. Посмотрим-ка дальше, что там его смущает.

— Общее помутнение и сдвиги фраунгоферовых линий спектра указывают, по моему мнению, на космическую перемену широкого охвата и очень тонкого и необычного свойства. Свет планеты является лишь отраженным светом солнца. Однако в данном случае спектры и планет и звезд — все претерпели одинаковое изменение. Можно ли допустить, что произошла перемена в самих планетах и звездах? Для меня такая мысль неприемлема. Какое общее изменение могло произойти одновременно во всех небесных телах? Допустим, перемена произошла в нашей земной атмосфере. Это возможно, но до крайности невероятно, поскольку мы не наблюдаем вокруг себя никаких признаков чего-либо подобного, да и химический анализ также ничего не обнаруживает. Есть ли третья возможность? Да, есть: перемена в проводящей среде, в том бесконечно тонком эфире, что простирается от звезды к звезде и пронизывает всю вселенную. В глубинах этого океана нас несет тихое течение. Разве не может течение увлечь нас в новые пояса эфира, обладающие свойствами, каких мы до сих пор себе не представляли? Где-то произошла перемена. О том свидетельствуют нарушения в спектрах всех небесных тел. Перемена может оказаться доброй. Может оказаться дурной. Может оказаться и нейтральной. Мы не знаем. Наивные наблюдатели думают, что происходит нечто, чем спокойно можно пренебречь; но кто, подобно мне, наделен более глубоким прозрением истинного мыслителя, тот понимает, что вселенная таит непостижимые воз-

можности и что среди людей мудрейший тот, кто всегда готов к неожиданному. Чтобы не ходить далеко за примером: кто, спрошу я, посмел бы утверждать, что вспышка загадочной эпидемии среди туземцев Суматры, отмеченная сегодня в утреннем выпуске вашей газеты, не стоит ни в какой связи с некими космическими переменами, к влиянию которых жители Суматры оказались более восприимчивы, нежели народы Европы с их более сложной культурой? Я не склонен переоценивать свою идею. Настаивать на таком объяснении было бы сейчас столь же бессмысленно, как и отвергать его, но только самый узколобый дурак в своей непрошибаемой тупости не поймет, что оно лежит в пределах научного предвидения.

Преданный вам *Джордж Эдуард Челленджер.*
Ротерфилд, „Терновник".»

— Превосходное, очень обнадеживающее письмо! — сказал Мак-Ардл с видом глубокой задумчивости и принялся вправлять сигарету в длинную стеклянную трубку, заменявшую ему мундштук. — Ваше мнение, мистер Мелоун?

Пришлось признаться в своем позорном невежестве: предмет спора мне совершенно незнаком, что такое, например, фраунгоферовы линии? Мак-Ардл, сам лишь недавно приступивший к изучению вопроса под руководством нашего доморощенного редакционного физика, достал из ящика две разноцветные спектральные таблицы, как нельзя больше похожие а кокарды какого-нибудь новоиспеченного и тщеславного крикетного клуба. Он разъяснил мне, что на спектрах видны черные полоски, рассекающие яркий ряд тонов, постепенно переходящих от красного на одном конце — через все оттенки оранжевого, желтого, зеленого, голубого и синего — в фиолетовый на другом.

— Эти темные полоски называются фраунгоферовыми линиями, — сказал Мак-Ардл. — Цветное — это

самый свет. Свет — любой — если его преломить через призму, дает одни и те же цвета. Они нам ничего не говорят. В счет идут только черные линии, потому что они меняются в зависимости от того, что является источником света. За последнюю неделю эти линии из четких стали мутными, и астрономы завели спор, давая каждый свое объяснение. Вот фотоснимок помутневших линий для нашего завтрашнего выпуска. Публика пока не проявляла к ним особенного интереса, но, я думаю, письмо Челленджера в «Таймсе» должно ее всполошить.

— А при чем тут Суматра?

— Конечно, какая связь между помутневшей линией в спектре и больным черномазым туземцем на Суматре? Однако этот молодчик уже однажды доказал нам, что он не любит бросать слова на ветер. Там свирепствует какая-то странная болезнь, это вполне достоверно; а сегодня из Сингапура сообщают, что на берегах Зондского пролива выбыли из строя маяки, вследствие чего два парохода сели на мель. Во всяком случае, хорошо бы вам порасспросить Челленджера. Если добьетесь от него чего-нибудь определенного, дайте нам подвальчик к понедельнику.

Выходя из редакторского кабинета, я обдумывал свое новое задание, когда внизу в приемной громко прозвучало мое имя. Почтальон принес телеграмму, пересланную в редакцию из моей квартиры в Стритеме. Телеграмма была от того самого человека, о котором только что шла у нас речь, и гласила следующее: «Стритем, Хилл-стрит, 17. Мелоуну. Привезите кислород. Челленджер»..

«Привезите кислород!» Профессор, насколько я помнил, обладал слоновым чувством юмора, проявлявшимся порой в несуразных дурачествах. Может быть, эта телеграмма — одна из тех тяжеловесных шуток профессора, которые ввергали его самого в припадок буйного смеха, когда глаза исчезают и лицо

превращается в сплошной разинутый рот и трясущуюся бороду; причем его нисколько не смущало, что никто вокруг не смеется. Я снова и снова перебирал слова телеграммы, но не находил в них ничего, хотя бы отдаленно похожего на шутку. Нет, они звучали как четкое распоряжение, хотя и очень странное. Челленджер был для меня тем самым человеком, чьим прямым приказом я никак не захотел бы пренебречь. Может быть, он подготовлял какой-нибудь химический опыт, может быть... Но не мое это дело рассуждать о том, зачем профессору понадобился кислород. Он требует — я должен это достать. До отхода поезда с вокзала «Виктория» у меня оставалось около часа времени. Я взял такси и, разыскав в телефонной книжке адрес, отправился на Оксфорд-стрит, в «Бюро поставки кислорода».

Когда я остановился на тротуаре у входа в Бюро, из подъезда вышли два молодых человека. Они тащили металлический баллон и не без труда погрузили его на ожидавший тут же автомобиль. За ними семенил пожилой господин, который поругивал их скрипучим, язвительным голосом и давал свои указания. Он обернулся ко мне. Нельзя было не узнать это постное лицо и козлиную бородку. Передо мной стоял мой старый товарищ по путешествию, вечный спорщик, профессор Саммерли.

— Как! — воскликнул он. — Вы скажете, что и вы получили дурацкий заказ на кислород?

Я показал телеграмму.

— Ну и ну! Я получил такую же и, как видите, наперекор здравому смыслу исполняю поручение. Наш милый друг, как всегда, ведет себя самым недопустимым образом! Не мог же человеку так безотлагательно потребоваться кислород, чтобы надо было отказаться от общепринятых способов покупки и отнимать время у деловых людей, занятых не менее, чем он. Почему он не заказал прямо в конторе?

Я робко высказал предположение, что профессор, вероятно, нуждается в кислороде немедленно.

— Или вообразил, что нуждается, а это не совсем одно и то же! Но вам теперь ни к чему покупать баллон, раз я везу достаточный запас.

— Однако профессор по каким-то причинам желает, по-видимому, чтобы я тоже привез кислород. Спокойней будет исполнить его просьбу в точности.

Итак, невзирая на воркотню и попреки Саммерли, я купил еще один баллон, который погрузили в автомобиль рядом с первым, так как Саммерли предложил подвезти меня на вокзал в своей машине.

Я отошел, чтоб отпустить такси, и водитель, почтя себя обиженным, долго со мной пререкался из-за оплаты. Когда я вернулся к Саммерли, профессор вел яростную перепалку с грузчиками, тащившими кислород, причем его белая козлиная бородка дергалась от негодования. Помнится, один из грузчиков обозвал его «безмозглым старым попугаем»; тогда профессорский шофер в бешенстве выскочил из кабины, чтобы вступиться за честь своего хозяина, и нам едва удалось избежать уличного скандала.

Эти мелочи покажутся, пожалуй, слишком обыденными, чтобы стоило на них останавливаться, и в то время они так и прошли как пустяковые инциденты. Только теперь, оглядываясь на прошлое, я понимаю их связь со всем, о чем я должен рассказать.

Был ли шофер новичком, как мне показалось, или его разволновала ссора, но только вез он нас на вокзал из рук вон плохо. Мы дважды едва не столкнулись со встречными такими же взбесившимися авто, и, помню, я сказал профессору, что искусство водителей в Лондоне заметно снизилось против обычной нормы. Один раз мы врезались в большую толпу, следившую за дракой на углу Пэл-Мэл. Поднялся крик, возбужденные зрелищем люди злобно орали на неумелого шофера, а какой-то господин вскочил к нам на подножку и за-

махнулся на нас тростью. Я спихнул его, но мы были куда как рады, когда избавились от преследователей и благополучно выбрались оттуда. Следуя одна за другой, эти мелкие неприятности взвинтили мне нервы, и по раздерганным движениям моего спутника я видел, что и его терпение истощено.

Но к нам сразу вернулось доброе расположение духа, как только мы увидели маячившую на перроне высокую и худощавую фигуру лорда Джона Рокстона, облаченную все в тот же темно-желтый, добротной шерсти охотничий костюм. Резкое лицо нашего друга с яростными и добродушно-насмешливыми глазами загорелось радостью при нашем появлении. В его рыжих волосах уже пробивалась седина, и резец времени углубил морщины на его лбу, но в остальном он показался мне прежним лордом Джоном, добрым товарищем наших прошлых дней.

— Здравствуйте, герр профессор. Здравствуйте, здравствуйте, мой юный друг! — кричал он, идя нам навстречу.

Увидев, что носильщик везет за нами на тележке два баллона с кислородом, он буйно расхохотался.

— Ага! Вы тоже с багажом! Мой уже в вагоне. Что он затевает, наш чудак?

— Вы читали в «Таймсе» его письмо? — спросил я.

— Какое письмо?

— Чушь и дичь! — прошипел Саммерли.

— Однако, если я хоть что-нибудь смыслю, — заметил я, — заказ на кислород стоит в прямой связи с этим письмом.

— Чушь и дичь! — снова закричал Саммерли с совершенно неоправданной яростью.

Мы все трое вошли в вагон первого класса для курящих, и профессор уже раскурил свою коротенькую обгорелую старую трубку из корня шиповника, которая, казалось, вот-вот опалит кончик его длинного воинственного носа.

— Наш Челленджер — умный человек, — заговорил он с большим напором. — Этого никто не станет отрицать. Надо быть остолопом, чтобы отрицать! Посмотреть только на его шляпу! Она вмещает шестьдесят унций мозга — огромную машину, легкую на ходу, чистую в работе. Покажите мне гараж, и я вам определю размер машины! Но он прирожденный шарлатан — вы сами слышали, я не раз говорил ему это в лицо, — прирожденный шарлатан, фокусник, который с театральным жестом выскакивает к рампе! Сейчас затишье, так вот наш друг Челленджер обрадовался случаю заставить публику поговорить о нем. Уж не думаете ли вы, что он верит сам в эту чушь об изменениях в эфире и об угрозе роду человеческому? Басня, такого еще в жизни не бывало!

Он нахохлился, точно старый, седой ворон, и каркал, трясясь от сардонического смеха.

Я кипел негодованием, слушая Саммерли. Стыд и срам, что он говорит так о нашем предводителе, о том, кому мы обязаны своей славой, кто дал нам пережить такое, чего не изведал ни один человек на земле! Я раскрыл было рот для резкой отповеди, но лорд Джон меня упредил.

— У вас на него зуб, — сказал он строго. — Вы уже раз сцепились со стариком Челленджером, и он в десять секунд положил вас на обе лопатки. По-моему, профессор Саммерли, вам с ним не тягаться. Мой вам совет: идите-ка вы стороной и оставьте его в покое.

— К тому же, — сказал я, — он был хорошим другом каждому из нас. У него могут быть свои недостатки, но он прям, как стрела, и уж он бы, я думаю, никогда не позволил себе дурно говорить о своих товарищах за их спиной.

— Прекрасно сказано, мой мальчик! — промолвил лорд Джон Рокстон. Он добродушно улыбнулся и хлопнул Саммерли по плечу. — Ладно, герр профессор, не будем ссориться с утра. Мы слишком много

пережили вместе. Но Челленджера вы лучше не задевайте, потому что мой юный друг и я, мы оба питаем к старику некоторую слабость.

Саммерли, однако, не был расположен к примирению. Его лицо скривилось в неодобрительную гримасу, клубы сердитого дыма вырывались из трубки.

— Позвольте вам заявить, лорд Джон Рокстон, — прокаркал его голос, — что ваши суждения в научных вопросах имеют для меня ровно такую же цену, как для вас мое мнение о каком-нибудь охотничьем ружье новейшего образца. У меня, сударь, своя голова на плечах, и позвольте мне думать по-своему. Если однажды я оказался неправ, отсюда еще не следует, что я должен раз навсегда отказаться от критики и соглашаться с каждым словом Челленджера, какую бы околесицу он ни понес. Неужели нам нужен в науке какой-то папа римский, который будет издавать непогрешимые буллы, чтобы смиренная паства безропотно их принимала! Говорю вам, сударь, с меня довольно моих собственных мозгов, и, если бы я перестал ими пользоваться, я бы чувствовал себя рабом и подхалимом. Если вам угодно верить всяким благоглупостям об эфире и фраунгоферовых линиях в спектре, верьте, пожалуйста, но не требуйте от человека, который старше и опытней вас, чтобы он разделял ваше недомыслие. Простая очевидность: если бы эфир подвергся таким сильным изменениям, как утверждает ваш Челленджер, и если бы это было так вредно для здоровья, разве это не сказалось бы давно на нас самих? — Он разразился шумным, торжествующим смехом, радуясь собственному доводу. — Да, сударь, мы теперь были бы далеки от своей обычной нормы и, вместо того чтобы, сидя в вагоне, спокойно обсуждать научные проблемы, ощущали бы известные симптомы отравления. Где мы видим хоть какие-нибудь признаки грозного космического переворота? Отвечайте, сударь! Отвечайте! Без увиливаний! Ага, вам нечего ответить!

Злоба все сильней накипала во мне. Поведение Саммерли казалось мне обидным и вызывающим.

— Думаю, будь вы лучше осведомлены, вы бы не так уверенно выкладывали свое мнение, — сказал я.

Саммерли вынул трубку изо рта и остановил на мне ледяной взгляд.

— Простите, сударь, что вы хотели сказать этим вашим дерзким замечанием?

— Могу объяснить: когда я уходил из редакции, мне в «Последних новостях» показали телеграмму, которая сообщала, что на Суматре туземцы все поголовно заболели и что по всему Зондскому проливу погасли маяки.

— Но должен же быть предел человеческой глупости! — в бешенстве закричал Саммерли. — Неужто вы не уразумели, что эфир — если даже мы допустим на минуту абсурдную гипотезу Челленджера, — что эфир — это всемирная субстанция, она одна и та же, что здесь у нас, что на другом конце света! Уж не думаете ли вы, что в Англии, например, один эфир, а на Суматре другой? Вы, может быть, воображаете, что в графстве Кент эфир лучшего качества, чем в Суррее, где мы проезжаем сейчас? Легковерию и невежеству рядового человека, чуждого науке, поистине нет границ. Непостижимо! На Суматре эфир так смертоносен, что все население лежит в лежку, в то время как здесь он, по-видимому, не оказывает на нас ни малейшего действия! Лично я, например, никогда в жизни, могу вас уверить, не чувствовал себя физически более крепким или умственно более уравновешенным.

— Возможно. Я не выдаю себя за ученого, — сказал я, — но я слышал где-то, что научные истины, бесспорные для одного поколения, следующее, как правило, объявляет ложью. Не нужно, однако, большого ума, чтобы сообразить одну простую вещь: мы слишком мало знаем об эфире, и, может быть, в различных частях света он подвержен каким-либо местным влия-

ниям, так что где-нибудь за океаном он производит действие, которое на нас скажется несколько позже.

— Вашими «возможно» и «может быть» вы ничего не докажете! — злобно закричал Саммерли. — И то бывает, что свинья летает. Да, сударь мой, свинья, может статься, и летает, однако этого еще никто не видел! С вами и спорить не стоит. Челленджер забил вам головы своею чепухой, и теперь вы оба не способны здраво рассуждать. Я могу с тем же успехом выкладывать доводы перед пустым купе.

— Должен сказать, что с тех пор, как я имел удовольствие, профессор Саммерли, видеться с вами в последний раз, ваши манеры ничуть не исправились, — сторого заметил лорд Джон.

— Вы, аристократишки, не привыкли выслушивать правду, — ответил Саммерли с презрительной усмешкой. — Еще бы! Это не так уж приятно, когда кто-нибудь вдруг дает вам понять, что титул не мешает вам оставаться круглым невеждой!

— Честное слово, сэр, — сказал лорд Джон сдержанно и сухо, — будь вы моложе, я не позволил бы вам говорить со мной таким оскорбительным образом.

Саммерли вскинул голову и затряс козлиной бородкой.

— Могу вам сообщить, сударь мой, что, молодой или старый, я никогда в жизни не боялся высказать свое мнение безграмотному индюку. Да, сэр, я вас называю безграмотным индюком, хотя бы вы носили все титулы, какие только могут придумать рабы, а дураки принять.

Глаза лорда Джона загорелись, однако он героическим усилием подавил вспышку гнева и, скрестив руки на груди, откинулся на спинку дивана; горькая улыбка застыла на его губах. Мне было и страшно и больно. Волной нахлынули воспоминания о нашем былом товариществе, о счастливых днях необычайных приключений, о наших общих трудах, и страданиях, и побе-

дах. И вот чем это кончается: оскорблениями и бранью! Я вдруг расплакался — расплакался взахлеб, не в силах сдержать рыдания. Спутники глядели на меня в удивлении. Я закрыл лицо руками.

— Ничего, — проговорил я. — Но только... только мне так обидно!

— Вы больны, мой мальчик, вот в чем дело, — сказал лорд Джон. — Мне с самого начала показалось, что вам не по себе.

— За эти три года вы, сударь мой, не отстали от ваших дурных привычек, — сказал Саммерли и покачал головой. — От меня тоже не ускользнуло при встрече, что вы ведете себя довольно странно. Напрасно вы перед ним расточаетесь в сочувствии, лорд Джон. Это пьяные слезы, и только. Мальчишка просто надрался! Кстати, лорд Джон, я только что назвал вас индюком, что, пожалуй, было слишком крепко сказано. Однако это слово напомнило мне об одном моем скромном даровании, обыденном, но забавном. Вы знаете меня как сурового мужа науки. Поверите ли вы, что некогда я пользовался среди ребятишек заслуженной славой искусного имитатора домашних птиц? Я могу доставить вам приятное развлечение в дороге. Не хотите ли послушать, как я кричу петухом? Это вас, пожалуй, позабавит.

— Нет, сэр, — сказал лорд Джон все еще в сильной обиде. — Меня это ничуть не позабавит.

— Могу изобразить, как квохчет курица, только что снесшая яйцо. Мое исполнение, смею сказать, считалось когда-то незаурядным. Хотите, попробую?

— Нет, сударь, не хочу.

Однако, невзирая на столь решительное возражение, профессор Саммерли отложил свою трубку и до конца поездки развлекал нас — или тщился развлекать, — попеременно изображая голоса всевозможных птиц и животных. Это было до того нелепо, что мои слезы вдруг сменились истерическим хохотом. Я сидел

против важного профессора и... и видел его — или, вернее, слышал — то обозлившимся петухом, то щенком, которому наступили на хвост. Лорд Джон передал мне газету, нацарапав карандашом на полях: «Бедняга! Он просто спятил!» Несомненно, профессор проявлял себя большим чудаком, но представление все же показалось мне чрезвычайно остроумным и забавным.

В то же время лорд Джон, наклонившись вперед, рассказывал мне какую-то нескончаемую, крайне бессвязную историю про индийского раджу и буйвола. Профессор Саммерли залился было канарейкой, а лорд Джон добрался в своем рассказе еле-еле до середины, когда поезд подошел к Джервис-Бруку, где нам указано было сойти.

Челленджер встретил нас на станции, чтобы отвезти к себе в Ротерфилд. Он был великолепен. Самый спесивый павлин не мог бы выступать так медлительно и величаво, как наш профессор, когда он торжественно расхаживал по платформе, благосклонно и снисходительно поглядывая на окружающих. С добрых старых времен в нем незаметно было перемены, разве что его характерные черты обозначились еще резче. Его большая голова и широченный лоб с прилипшей к нему прядью черных волос казались еще громадней, чем были. Черная борода рвалась вперед еще более буйным каскадом, а ясные серые глаза с их насмешливым, высокомерным прищуром глядели еще более властно, чем в прежние времена.

Он благодушно пожал мне руку и ободряюще улыбнулся, точно учитель маленькому школьнику; потом поздоровался с моими спутниками, помог им управиться с их багажом и усадил нас всех в большую машину, где разместил также и баллоны с кислородом. Повел машину тот самый Остин, бесстрастный и бессловесный, которого я видел в роли лакея при первой своей памятной поездке к профессору. Дорога, извиваясь, шла в гору по красивой сельской местности. Я

сидел впереди, рядом с шофером, а трое спутников за моей спиной, казалось мне, говорили все разом. Лорд Джон все еще продирался сквозь дебри своего рассказа про буйвола, насколько я мог судить, прислушиваясь к густому басу Челленджера и нудному голосу Саммерли, сцепившихся, как встарь, в ожесточенном споре о каких-то высоких материях. Вдруг Остин повернул ко мне свое медно-красное лицо, не отводя, однако, взгляда от баранки.

— Мне дают расчет, — сказал он.

— Неужели? — ответил я.

Сегодня все казалось необычным. Люди говорили дикие, неожиданные вещи. Все было, как во сне.

— В сорок седьмой раз, — добавил, подумав, Остин.

— Когда же вы уйдете? — спросил я, не найдя сказать ничего лучшего.

— Я не уйду, — прозвучало в ответ.

Разговор как будто был исчерпан, но Остин вдруг опять вернулся к нему.

— Если я уйду, кто будет смотреть за ним? — Он кивнул головой на хозяина. — Кто захочет у него служить?

— Кто-нибудь другой, — сказал я неуверенно.

— Другого ему не найти. Никто не проживет и недели. Если я уйду, дом развалится, как часы без главной пружины. Говорю вам это, потому что вы ему друг и должны знать. Я мог бы поймать его на слове, но у меня не хватит духу. Они с хозяйкой останутся, как двое младенцев, подкинутых на чужой порог. Все держится на мне. А он ни с того ни с сего дает мне расчет.

— Почему с ним никто не уживется? — спросил я.

— Никто не будет таким покладистым, как я. Он очень умный человек, мой хозяин, — такой умный, что иной раз у него ум за разум заходит. Я тогда понимаю, что он сошел с катушек, и не обижаюсь зря. Послушайте, что он сделал нынче утром...

— Что?

Остин наклонился ко мне.

— Укусил экономку, — услышал я хриплый шепот.

— У-ку-сил?

— Да, сэр. Укусил в лодыжку. Я видел своими глазами, как она выбежала сломя голову из передней.

— Боже милостивый!

— Это еще что! Знали б вы, что у нас тут творится, сэр! С соседями он со всеми не в ладах. Тут иные говорят, что, как он жил среди чудищ, о которых вы писали, так это для него — для хозяина, значит, — самая подходящая компания. «Дом родной, любезный дом», как поется в песне. Это так соседи говорят. Но я-то прослужил у него десять лет, я к нему привязался, и, заметьте себе, он как-никак великий человек: я почитаю за честь служить у него. Но иногда с ним нужно большое терпение. Вот посмотрите-ка, сэр. Разве это похоже на доброе, старое гостеприимство? Сейчас вы прочтете.

Машина на самом тихом ходу одолевала зигзагами крутой подъем. За поворотом показался прочный глухой забор, и над ним доска с объявлением. Как сказал Остин, прочесть было нетрудно — немногословное, оно само бросалось в глаза:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ПОСЕТИТЕЛЕЙ, ЖУРНАЛИСТОВ И НИЩИХ
ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ!

Дж. Э. Челленджер.

— Да, никакого, так сказать, добросердечия! — покачав головой, сказал Остин и покосился на прискорбный плакат. — Как бы это выглядело на рождественской открытке? Извините, сэр, я сейчас наговорил больше, чем за много долгих лет, но сегодня я просто сам не свой, на душе накипело. Пусть он гонит меня, пусть ругает, пока не отсохнет язык, а я вот не уйду, и все! Я его слуга, он мой хозяин, и так оно останется, надеюсь, до конца наших дней.

Мы миновали белые столбы ворот и покатили по широкой аллее, обсаженной кустами альпийской розы. За поворотом возник низкий кирпичный дом с белыми резными ставнями, уютный и красивый. Миссис Челленджер, маленькая, изящная, приветливая, улыбалась нам с крыльца.

— Ну, моя дорогая, — сказал Челленджер, соскочив с подножки, — вот и наши гости. Для нас это ново, не правда ли, — принимать гостей? Соседи с нами не в большой дружбе. Дать им волю — они, я думаю, подсыпали бы нам крысиного яда в хлеб.

— Это ужасно, ужасно! — воскликнула женщина, смеясь сквозь слезы. — Джордж вечно со всеми ссорится. У нас нет кругом ни одного друга.

— Что позволяет мне сосредоточить все внимание на моей несравненной жене, — подхватил Челленджер, обняв ее за талию толстой, короткой рукой. Представьте себе гориллу и газель, и перед вами встанет эта супружеская чета. — Идем скорей, гости устали с дороги, и завтрак будет сейчас очень кстати. Сара вернулась?

Женщина сокрушенно покачала головой, а профессор громко рассмеялся и величественно погладил бороду.

— Остин, — крикнул он шоферу, — когда поставите машину, пожалуйста, помогите хозяйке накрыть на стол! А сейчас, джентльмены, пройдем ко мне в кабинет, так как я хочу безотлагательно сделать вам кое-какие очень важные сообщения.

Глава II

ПРИЛИВ СМЕРТИ

Мы проходили через переднюю, когда раздался телефонный звонок, и мы поневоле подслушали реплики профессора Челленджера в последовавшем диалоге. Я говорю «мы», но на сто ярдов вокруг

никто не мог бы не услышать этого громового баса, сотрясавшего весь дом. Ответы профессора запечатлелись в моем мозгу.

— Да, да, конечно, это я... да, разумеется, тот самый Челленджер, знаменитый Челленджер, кто же еще?.. Безусловно, отвечаю за каждое слово, иначе я не написал бы... Нет, не удивлюсь... За это говорят все показания... Не позже, как через сутки... Ничем не могу помочь... Очень неприятно, не спорю, но это, полагаю, коснется и людей поважнее вас. Плачь не плачь — конец один. Нет, никак не могу. Придется вам примириться с судьбой... Довольно, сэр. Чепуха! Меня ждут дела поважнее, чем слушать вашу болтовню.

Он с треском повесил трубку и повел нас наверх, в просторную, светлую комнату, служившую ему кабинетом. На большом рабочем столе красного дерева лежало семь или восемь нераспечатанных телеграмм.

— Право, — сказал он, сгребая их, — я начинаю думать, что мог бы сберечь деньги моим корреспондентам, приняв условный телеграфный адрес. Самым уместным был бы, пожалуй, такой: «Ротерфилд. Ною».

Как всегда при своих непонятных шутках, он упал грудью на стол и разразился буйным хохотом. Руки его так тряслись, что он никак не мог распечатать конверт.

— Ною, ха-ха! Ною! — захлебываясь, кричал он, с багровым, как свекла, лицом, в то время как лорд Джон и я сочувственно улыбались, а Саммерли, усмехнувшись неодобрительно, затряс головой, точно козел, страдающий несварением желудка. Еще не совсем совладав со смехом, Челленджер начал наконец вскрывать телеграммы. Мы трое стояли в нише окна и деловито созерцали великолепный вид.

И действительно, было чем полюбоваться. Дорога, петляя, незаметно вывела нас на довольно высокое место, лежавшее, как мы потом узнали, в семистах

футах над уровнем моря. Дом Челленджера стоял с самого краю на склоне холма, и перед южным его фасадом, там, куда смотрели окна кабинета, тянулся лес вплоть до линии холмов Южного Даунса, мягкими изгибами очертившей горизонт. В ложбине между холмами завеса дыма обозначила местоположение Льюиса. Прямо у наших ног лежала волнистая, поросшая курчавым вереском равнина, пересеченная длинными ярко-зелеными полосами Кроуборовского поля для гольфа, на котором чернели здесь и там фигурки игроков. Чуть южнее, в одном из просветов между перелесками, виднелось полотно железной дороги — магистрали из Лондона в Брайтон. А перед самым домом, у нас под носом, примостился маленький отгороженный дворик, где стоял автомобиль, доставивший нас сюда со станции.

Возглас Челленджера заставил всех обернуться. Он уже прочел все телеграммы и аккуратной стопкой сложил их на столе. Его широкое, грубо высеченное лицо — или та незначительная часть его лица, которую позволяла видеть косматая борода, — все еще пылало краской, он был, очевидно, во власти сильного возбуждения.

— Джентльмены, — начал он громко, как будто на многолюдном митинге, — наше замечательное собрание открывается при необычайных и, смею сказать, небывалых в истории обстоятельствах. Позвольте спросить, вы не заметили ничего особенного во время поездки из города?

— Все, что я заметил, — с кислой улыбкой сказал Саммерли, — это что наш юный друг за истекшие годы не излечился от своих дурных привычек. Я с прискорбием должен принести серьезную жалобу на его поведение в поезде, и вы могли бы обвинить меня в неискренности, если бы я скрыл от вас, что оно произвело на меня крайне неприятное впечатление.

— Ничего, с кем не бывало, — вмешался лорд

Джон. — Молодой человек делал это не со зла. Ему ведь случалось играть в нашей сборной команде, так что если он и позволил себе полчаса описывать футбольный матч, то он имеет на это больше права, чем кто другой.

— Полчаса описывать матч? — закричал я в негодовании. — Ничего подобного! Вот вы действительно убили добрых полчаса на какую-то скучнейшую историю с буйволом. Профессор Саммерли может засвидетельствовать.

— Затрудняюсь рассудить, кто из вас двоих был надоедливей, — сказал Саммерли. — Заявляю вам, Челленджер, что я до конца жизни не желаю больше слушать ни про буйволов, ни про футбол.

— Но я сегодня не сказал ни слова о футболе, — попробовал я возразить.

Лорд Джон пронзительно свистнул, а Саммерли сокрушенно покачал головой.

— И это с самого утра, — проговорил он. — Что может быть плачевней? Я сидел в печальном, задумчивом молчании и...

— В молчании?! — возопил лорд Джон. — Да вы же всю дорогу угощали нас эстрадным концертом, изображая скотный двор. Не человек, а взбесившийся граммофон!

Саммерли выпрямился в горькой обиде.

— Вам угодно шутить, лорд Джон! — Лицо его стало кислым, как уксус.

— Фу, пропасть! Чистое безумие! — закричал лорд Джон. — Каждый из нас как будто знает, что делали другие, но никто не помнит, что делал сам. Давайте восстановим все, как было, с самого начала. Мы сели в вагон первого класса для курящих — не так ли? Это точно. Потом мы стали спорить о письме нашего друга Челленджера в «Таймсе».

— Ага, вы спорили! — прогремел бас нашего хозяина, и глаза его сузились.

— Вы сказали, Саммерли, что письмо не содержит в себе и намека на истину.

— Вот как! — Челленджер выпятил грудь и погладил бороду. — Ни намека на истину? Мне и раньше случалось слышать эти слова! Могу ли я спросить, какими доводами великий, именитый профессор Саммерли пытался раздавить жалкого невежду, дерзнувшего высказаться по вопросу о научном предвидении? Может быть, прежде чем уничтожить злополучного простака, профессор соизволит привести какие-либо доказательства в пользу противоположных взглядов, выдвинутых им самим?

Произнося эту речь, Челленджер со слоновым сарказмом кланялся, дергал плечом, разводил руками.

— Доказательство очень простое, — ответил упрямец Саммерли. — Если окружающий землю эфир, утверждал я, так ядовит, что на иных широтах оказывает губительное влияние, то представляется несообразным, почему же мы трое, сидя в вагоне, не испытываем на себе его действия.

Это объяснение вызвало у Челленджера только шумный взрыв веселья. Он так расхохотался, что в комнате все задрожало и задребезжало.

— Наш почтенный Саммерли обнаруживает — и не в первый раз — полную неосведомленность о действительном положении вещей, — сказал он наконец, отирая взмокший лоб. — Теперь, джентльмены, я вместо всяких доказательств изложу вам лучше, как сам я вел себя в это утро. Вы отнесетесь снисходительней к отклонению от нормы в вашей собственной умственной деятельности, если узнаете, что даже у меня были минуты, когда я терял равновесие. У нас в доме много лет служит экономка, зовут ее Сара, а ее фамилией я никогда не пытался обременять свою память. С виду она суровая и неприступная женщина; строгого и скромного поведения; бесстрастная по природе, она, насколько нам известно, ни разу не проявила призна-

ков каких-либо душевных движений. Когда я сидел один за первым завтраком — миссис Челленджер обычно пьет утренний кофе у себя в спальне, — мне вдруг пришло на ум, что забавно и поучительно было бы проверить, существует ли предел невозмутимости нашей Сары. Я придумал простой, но убедительный опыт. Опрокинув на скатерть стоявшую посреди стола вазу с цветами, я позвонил, а сам залез под стол. Экономка вошла и, никого не увидев в комнате, решила, что я удалился в кабинет. Как я и ожидал, она подошла и нагнулась над столом, чтобы поставить вазу на место. Я узрел бумажный чулок и башмак на резинках. Высунув голову, я впился зубами экономке в лодыжку. Успех опыта превзошел все ожидания. Две-три секунды женщина стояла, как в оцепенении, уставив взгляд на мое темя. Потом взвизгнула, вырвалась и опрометью побежала вон из комнаты. Я кинулся за ней, рассчитывая как-то объясниться, но она уже мчалась к воротам, и потом я несколько минут мог наблюдать в полевой бинокль, как она чрезвычайно быстро удалялась в юго-западном направлении. Оцените сами этот забавный случай. Я бросаю семя в ваши мозги и жду, какие всходы оно даст. Уразумели? Он не возбудил у вас никаких мыслей? Ваше мнение, лорд Джон?

Лорд Джон важно покачал головой.

— Вы нарветесь на серьезные неприятности, если не возьмете себя в руки, — сказал он.

— У вас нет никаких замечаний, Саммерли?

— Вам следует немедленно прервать всякую работу и на три месяца съездить в Германию на воды.

— Какая глубокая мысль! — провозгласил Челленджер. — Ну, мой юный друг, может быть, мудрость заговорит устами младшего, когда старшие позорно оплошали.

Он угадал. Я не хочу показаться нескромным, но он угадал. Конечно, теперь все это кажется довольно очевидным читателю, уже знающему, что затем про-

изошло; но тогда, когда все нам было внове, это было далеко не так ясно. Однако меня вдруг осенило, и со всею силой убеждения я воскликнул:

— Яд!

И вот, едва я произнес это слово, все пережитое в то утро пронеслось в моей памяти. Сперва рассказ лорда Джона о радже и буйволе, мои истерические слезы, вздорное поведение профессора Саммерли; затем странные происшествия в Лондоне: драка в парке, дикая езда шоферов, ссора у склада, где мы брали кислород. Все вдруг встало на свое место.

— Конечно! — закричал я снова. — Это яд! Мы все отравлены!

— Именно! — подхватил Челленджер, потирая руки. — Мы все отравлены. Наша планета вступила в пояс ядовитого эфира и теперь углубляется в него со скоростью многих миллионов миль в минуту. Наш младший товарищ определил причину всех наших неурядиц одним-единственным словом: «яд».

Мы в изумленном молчании смотрели друг на друга. Комментарии казались излишними.

— Можно бороться с этими симптомами, — продолжал Челленджер, — противопоставив им усилие сознания. Я, разумеется, не жду, чтобы такая способность была развита у всех вас в той же степени, что у меня, ибо я полагаю, что сила различных наших умственных процессов подчинена известной неизменной пропорции. Но нельзя не оценить ее проявлений у нашего юного друга. После легкой вспышки возбуждения, так напугавшей экономку, я сел и начал обсуждать положение вещей наедине с собой. Я напомнил себе, что никогда раньше мне не хотелось укусить кого-либо из слуг: такое желание было явно патологическим. Я мгновенно постиг истину. Я проверил свой пульс — он на десять ударов превосходил норму: все рефлексы оказались у меня повышены. Тогда я призвал на помощь свое высшее разумное «я» — истинно-

го Джорджа Эдуарда Челленджера, который пребывает невозмутим и непоколебим, невзирая на все молекулярные возмущения. Я призвал его, говорю я вам, наблюдать за дурацкими шутками, какие яд попробует сыграть с моим мозгом. И я увидел, что могу оставаться хозяином положения. Я нашел в себе силу контролировать сознанием свою нарушенную психику. Это было замечательным проявлением победы духа над материей, ибо победа была одержана над тем особенным видом материи, который наиболее тесно связан с разумом. Я даже смею сказать, что разум оплошал, но личность подчинила его себе. Так, когда моя жена сошла в столовую и мне захотелось спрятаться за дверью и напугать ее при входе диким криком, я оказался способен побороть это побуждение и поздороваться с нею достойно и сдержанно. Неодолимое желание закрякать уткой было равным образом осознано и подавлено. Позже, спустившись во двор заказать машину и увидав нагнувшегося Остина, увлеченного чисткой мотора, я остановил свою уже занесенную руку и воздержался от некоего опыта, который, вероятно, заставил бы шофера последовать по стопам экономки. Наоборот, я потрепал его по плечу и приказал ему вовремя подать машину, чтобы поспеть к вашему поезду. В данную минуту я испытываю сильный соблазн схватить профессора Саммерли за его глупую бороденку и начать изо всех сил раскачивать ему голову. Тем не менее я, как видите, веду себя сдержанно. С вашего позволения, даю вам совет брать с меня пример.

— Я буду осмотрительней с моим буйволом, — сказал лорд Джон.

— А я с моим футболом.

— Может быть, вы правы, Челленджер, — сказал Саммерли, сбавив тон. — Я готов согласиться, что у меня скорее критический, чем созидательный склад ума, и что меня нелегко убедить в какой-либо новой теории, а тем более в столь необычной и фантастичес-

кой, как ваша. Однако, оглядываясь на события этого утра и вспоминая несуразное поведение моих спутников, я охотно верю, что эти симптомы вызваны у них каким-то ядом возбуждающего свойства.

Челленджер добродушно хлопнул коллегу по плечу.

— Мы делаем успехи, — сказал он, — определенно делаем успехи!

— И, пожалуйста, сэр, — смиренно попросил Сammерли, — объясните, как вам представляются наши ближайшие перспективы?

— С вашего разрешения я скажу на этот счет несколько слов. — Челленджер уселся на письменном столе, покачивая своими короткими, толстыми ножками. — Мы присутствуем при некоем грандиозном и грозном торжестве. По-моему, пришел конец света.

Конец света! Наши взоры невольно обратились к большому окну фонарем, и мы залюбовались летней красотой пейзажа, зарослями вереска по склонам холма, большими загородными виллами, уютными фермами, молодежью, весело игравшей в гольф. Конец света! Кому не доводилось слышать эти слова! Но мысль, что они могут иметь непосредственное, практическое значение, что это будет не когда-то, в туманной дали будущего, а вот теперь, сегодня же, — такая мысль возмущала ум и леденила кровь.

Пораженные, мы молча ждали, что скажет Челленджер дальше. Его спокойствие, его властный вид сообщали такую силу и торжественность его словам, что на минуту забылись и грубость его и чудачества, — он вырос перед нами в нечто величественное, в сверхчеловека. Потом, не знаю, как других, а меня вдруг успокоила мысль о том, как дважды за то время, пока мы находились в комнате, он разразился смехом. Есть же предел, подумал я, свободе духа. Должно быть, кризис не так ужасен или не так близок.

— Представьте себе виноградную гроздь, — заговорил он вновь, — покрытую бесконечно малыми, но

вредными бациллами. Садовник проводит ее через дезинфицирующую среду. Может быть, он хочет очистить свой виноград. Может быть, хочет освободить место для менее вредных бацилл. Он окунает гроздь в яд, и бациллы гибнут. По-моему, наш великий садовник собирается окунуть в яд солнечную систему, и микроб человечества, маленький смертный вибрион, размножившийся на верхнем покрове земной коры, мгновенно пройдет через стерилизацию, и его не станет.

Опять наступило молчание. В тишину ворвался резкий телефонный звонок.

— Один из наших вибрионов запищал о помощи, — сказал Челленджер с угрюмой усмешкой. — Они начинают понимать, что их дальнейшее существование отнюдь не является непреложным законом вселенной.

Он вышел на минуту из комнаты. Помнится, никто из нас не говорил в его отсутствие: слова и рассуждения казались неуместными.

— Звонил санитарный врач Брайтона, — сказал хозяин, вернувшись. — Почему-то на уровне моря симптомы отравления развиваются быстрей. Семьсот футов высоты дают нам некоторое преимущество. Люди, по-видимому, уразумели, что я в данном вопросе высший авторитет. Это, несомненно, следствие моего письма в «Таймс». Когда вы только что приехали, меня вызвал к телефону мэр одного захолустного городка. Вы, верно, слышали, как я с ним разговаривал. Он явно придавал своей жизни преувеличенное значение. Я помог ему произвести переоценку.

Саммерли встал и подошел к окну. Его тонкие, костлявые руки дрожали от волнения.

— Челленджер, — заговорил он, — это слишком серьезная вещь для пустого спора. Не подумайте, я вовсе не собираюсь докучать вам разными сомнениями. Но я спрашиваю: не могла ли тут вкрасться какая-то ошибка — в ваши ли сведения или в ход ваших рассуждений? Солнце сияет в синем небе такое же ясное, как

всегда. Вереск кругом, и цветы, и птицы. Люди весело гоняют мяч по зеленому полю, работники жнут пшеницу. А вы говорите, что и они и мы, возможно, стоим на пороге гибели... что этот солнечный день — день казни, так давно ожидаемой человечеством. Насколько нам известно, вы основываете это страшное суждение — на чем? На каких-то ненормальностях в линиях спектра... на слухах с Суматры... на странном возбуждении, которое мы все подметили друг у друга. Последний признак выражен так слабо, что и вы и мы оказались способны при некотором сознательном усилии держать себя в руках. С нами, Челленджер, вы можете не церемониться. Нам и раньше случалось всем вместе смотреть в лицо смерти. Будьте откровенны и скажите, что с нами происходит и чего, по-вашему, должны мы ждать в будущем?

Это была храбрая, достойная речь, подсказанная тем сильным, стойким духом, который старый зоолог скрывал под своею вспыльчивостью и язвительностью. Лорд Джон встал и пожал ему руку.

— Я смотрю точно так же! — сказал он. — Да, Челленджер, вы должны сказать нам, что нас ждет. Вы сами знаете, мы не из слабонервных. Но когда приедешь в гости к другу на воскресный отдых и с разгона угодишь прямо на страшный суд, как же тут не спросить объяснения! В чем опасность, насколько она близка и чем мы должны ее встретить?

Он стоял в нише окна на свету, высокий и сильный, положив загорелую руку на плечо профессору Саммерли. Я откинулся в глубоком кресле, зажав в зубах погасшую папиросу и отдавшись тому онемению, чуть не трансу, когда все воспринимается с особенной четкостью. Может быть, действие яда вступило в новую фазу, но только лихорадочное возбуждение миновало, сменившись каким-то томительным и в то же время трезвым состоянием духа. Я был зрителем. Лично меня дело будто не касалось. Но передо мною три

сильных человека стойко ждали кризиса, и я, как зачарованный, наблюдал за ними. Перед тем, как ответить, Челленджер склонил свой могучий лоб и провел рукой по бороде. Было ясно, что он тщательно взвешивает свои слова.

— Какие были последние новости, когда вы уезжали из Лондона? — спросил он.

— Часам к десяти я зашел в редакцию, — сказал я. — Там только что получили телеграмму из Сингапура с сообщением, что на Суматре все до единого больны и поэтому не были вовремя зажжены маяки.

— С тех пор события пошли довольно быстрым ходом, — сказал Челленджер, придвигая к себе стопку телеграмм. — Я держу тесную связь с властями и прессой, так что известия летят ко мне со всех концов. Меня настойчиво вызывают в Лондон; но я не вижу, чего ради мне ехать. Судя по отчетам, действие яда начинается с психического возбуждения: в Париже происходили сегодня утром бурные уличные беспорядки; в Уэлсе взбунтовались углекопы. Насколько можно доверять полученным свидетельствам, вслед за стадией возбуждения, принимающей у различных народов и индивидуумов самый различный характер, появляется повышенная ясность мысли (я как будто замечаю соответственные признаки у нашего младшего товарища), которая после довольно длительного времени сменяется оцепенением — комой, и, наконец, кома быстро переходит в смерть. Насколько я знаком с токсикологией, подобное действие, мне думается, оказывают некоторые растительные яды, дурманы...

— Датурин, — подсказал Саммерли.

— Отлично! — воскликнул Челленджер. — Для научной точности следует дать имя нашему токсическому фактору. Назовем его датуроидом. Вам, дорогой Саммерли, выпадает честь — посмертная, увы, но зато нераздельная — дать имя мировому разрушителю, дезинфекционному средству великого садовника. Итак, сим-

птомы отравления датуроидом можно принять такими, как я их обозначил. Мне представляется несомненным, что отравление охватит всю землю, и в мире не останется никакой жизни, так как эфир является всеобъемлющей средой. До сих пор мы наблюдали местами различные прихотливые отклонения, но разница сводится лишь к нескольким часам. Это как надвигающийся прилив, который заливает сперва одну полосу песка, затем другую, сбегая и набегая неравномерными волнами, пока не затопит наконец все побережье. Действие и распространение датуроида подчинено известным законам, которые было б интересно изучить, если бы нам позволяло время. Насколько я мог проследить (профессор взглянул на телеграммы), в первую голову поддались его действию народы менее цивилизованные. Получены печальные сообщения из Африки, а коренное население Австралии, по-видимому, уже вымерло. Северные народы пока проявляют большую сопротивляемость, чем южные. Вот эта телеграмма, как видите, отправлена из Марселя в девять сорок пять утра. Послушайте дословный перевод:

«Всю ночь лихорадочное возбуждение по всему Провансу. Волнения виноградарей в Ниме. Социалистическое восстание в Тулоне. С утра среди населения распространилась внезапная эпидемия с явлениями комы. Peste foudroyante[1]. На улицах множество трупов. Дела парализованы. Всеобщий хаос».

А вот вам следующее сообщение из того же источника, часом позже:

«Мы под угрозой поголовного уничтожения. Соборы и церкви переполнены. Мертвых больше, чем живых. Непостижимо и ужасно. Смерть наступает, по-видимому, безболезненно, но быстро и неотвратимо».

Сходная же телеграмма пришла из Парижа, хотя там события развиваются пока не так быстро. Индию

---

[1] Молниеносная чума, мор *(фр.)*.

и Персию, очевидно, вымело начисто. В Австрии славянское население погибло, тевтонское едва затронуто. Вообще же говоря, на низинах и побережьях, насколько можно судить при моей ограниченной информации, жители подвергаются действию яда быстрей, чем на высоких и удаленных от моря местах. Даже незначительное возвышение создает заметную разницу, и, возможно, если кто-то переживет человеческий род, он окажется вновь на вершине какого-нибудь Арарата. Даже наш скромный холм может вскоре стать на время островом среди моря гибели. Прилив, однако, надвигается таким темпом, что через несколько быстрых часов затопит и нас.

Лорд Джон Рокстон потер лоб.

— Одно меня поражает, — сказал он. — Как вы могли сидеть и смеяться с этой кучей телеграмм под рукой? Мне не реже, чем всякому другому, случалось видеть смерть, но всеобщая смерть — это ужасно!

— Что касается смеха, — сказал Челленджер, — то вы не должны забывать, что и я, подобно вам, не был избавлен от возбуждающего отравления мозга эфирным ядом. Но, сказать по правде, ваш ужас перед всеобщей гибелью представляется мне сильно преувеличенным. Если бы вас одного в утлой лодчонке пустили в море плыть по воле волн, вы, естественно, упали бы духом. Одиночество и неизвестность угнетали бы вас. Но если бы вы совершали свое плавание на превосходном пароходе, который взял бы вместе с вами на борт всех ваших родных и друзей, вы бы чувствовали себя иначе: как бы ни была сомнительна и тогда ваша судьба, вас по крайней мере ободряло бы сознание, что вас ожидает общее и одновременное для всех испытание, которое до конца оставит вас в том же неразлучном кругу. Одинокая смерть, может быть, страшна, но о всеобщей смерти (да еще, как видно, безболезненной) можно, по-моему, думать без содрогания. Напротив, на мой взгляд, нет ужасней судьбы, чем остаться в

живых, когда вся наука, все высокое и гордое на земле навеки отошло.

— Что же вы нам предложите делать теперь? — спросил Саммерли, наперекор своему обычаю не раз во время речи ученого собрата согласно кивавший головой.

— Прежде всего позавтракать, — сказал Челленджер, так как в эту минуту дом огласился гудением гонга. — Наша кухарка так вкусно готовит омлет, что соперничать с ним могут разве только ее же котлеты. Будем надеяться, что космический переворот не притупил ее талантов. Да и на мое токайское девяносто шестого года мы тоже дружно приналяжем, чтобы хоть часть этих превосходных выдержанных вин не пропала даром. — Большой, громоздкий, он тяжело слез со стола, на котором сидел, возвещая гибель планеты. — Идемте, — добавил он. — Раз нам осталось так мало времени, мы должны тем трезвей и разумней насладиться им.

Завтрак в самом деле прошел очень весело. Правда, мы не забывали ужас нашего положения. За каждой мыслью таилось сознание торжественности момента. Лишь тот, убежден я, кто никогда не глядел в глаза смерти, робеет перед ней, когда приходит конец. Для нас, четверых мужчин, в некую славную пору нашей жизни смерть была привычной сотрапезницей. Что касается хозяйки дома, то она, опершись на могучую руку супруга, была готова следовать за ним, куда бы ни лежал его путь. Будущее было во власти рока. Настоящее принадлежало нам. Мы его проводили в добром товарищеском общении и приятном веселье. Мысли наши были, как сказано, необычайно ясны. Даже я временами блистал остроумием. Челленджер был изумителен. Я только теперь во всей полноте оценил присущее ему величие, мощь и размах его ума. Саммерли подстегивал его, как хор в трагедии, язвительной критикой, тогда как лорд Джон и я смеялись, упиваясь

состязанием ученых; а миссис Челленджер то и дело дергала мужа за рукав, вовремя заставляя философа умерить свой рык. Жизнь, смерть, судьба, человек и его назначение — таковы были высокие предметы спора в тот памятный час, тем более для нас насущные, что все время, пока тянулся завтрак, необычайные внезапные взлеты мысли и покалывание в немеющих руках и ногах говорили о приливе смерти, медленно и бесшумно наступавшем на нас. Я заметил раз, как лорд Джон вдруг прикрыл ладонью глаза, как Саммерли вдруг на минуту откинулся на спинку стула. Что-то странно теснило грудь, мешая дыханию. И все же настроение духа оставалось легким и блаженным. Вошел Остин, подал на стол папиросы и хотел удалиться. Но хозяин остановил его:

— Остин!

— Да, сэр?

— Благодарю вас за вашу верную службу.

По деревянному лицу слуги пробежала улыбка.

— Я исполнял свой долг, сэр.

— Сегодня, Остин, я жду светопреставления.

— Слушаю, сэр. В котором часу?

— Не могу сказать, Остин. До наступления вечера.

— Хорошо, сэр.

Молчаливый Остин поклонился и вышел. Челленджер закурил и, придвинув свой стул поближе к жене, взял ее за руку.

— Ты знаешь, дорогая, как обстоит дело. Я объяснил это также и нашим друзьям. Ты не боишься, нет?

— А больно не будет, Джордж?

— Не больней, чем от веселящего газа у зубного врача. Ведь каждый раз, когда ты принимаешь наркоз, ты на опыте переживаешь смерть.

— Но это — приятное ощущение.

— Такова будет, верно, и смерть. Изношенная телесная машина неспособна отмечать свои впечатления, но мы помним духовное наслаждение, доставляемое

сном или трансом. Природа, может быть, построила красивую дверь и укрыла ее множеством воздушных сверкающих завес перед входом в новую жизнь для наших изумленных душ. Всю жизнь я исследовал сущее и всегда находил скрытую в глубине мудрость и доброту; и, конечно же, никогда охваченный страхом смерти человек так не нуждается в нежном участии, как если переход от одной жизни к другой представляется ему конечной гибелью. Нет, Саммерли, я не принимаю вашего материализма, потому что я нечто слишком великое, чтобы мог я кончиться вместе с моими чисто физическими составными частями: горсточкой солей да тремя ведрами воды. Здесь... вот здесь... (он стукнул себя по голове своим здоровенным волосатым кулаком) имеется нечто, на что потрачена материя, но что не состоит из нее одной, — нечто, что может само уничтожить смерть, но что никогда не будет уничтожено смертью!

— Смерть, вы говорите... — начал лорд Джон. — Я по-своему христианин, но я понимаю наших предков, когда они велели хоронить себя с топором, луком, колчаном и прочим снаряжением, как будто собирались жить и за гробом той жизнью, какою жили раньше. Право, — добавил он, застенчиво поглядев вокруг, — мне, может быть, и самому было бы спокойней, если бы со мной положили в могилу мой верный «экспресс 450» и мой дробовичок, тот, что покороче, с ложей, обшитой резиной, да две-три обоймы — глупая прихоть, конечно, но уж надо в ней сознаться. Как вы на это посмотрите, герр профессор?

— Раз вы хотите знать мое мнение, — сказал Саммерли, — я вам отвечу: по-моему, это недопустимый возврат к каменному веку или даже к еще большей древности. Я живу в двадцатом веке и хотел бы умереть, как подобает разумному и культурному человеку. Наверно, я не больше боюсь смерти, чем любой из вас, ведь я уже в годах, и, что бы ни случилось, мне

все равно не долго осталось жить; но сидеть и ждать без борьбы, точно овцам на бойне, — это противно моей природе. Вы уверены, Челленджер, что мы ничего не можем предпринять?

— Для спасения — ничего, — сказал Челленджер. — Но продлить нашу жизнь на несколько часов и, таким образом, понаблюдать за развитием трагедии, пока она не захватит по-настоящему и нас, это, может быть, окажется в моих силах. Я предпринял некоторые шаги...

— Кислород?

— Да, кислород.

— Но как же может кислород противодействовать отравлению эфиром? Между эфиром и кислородом такая же разница в свойствах, как между газом и толченым кирпичом. Это различные виды материи. Они не могут служить друг для друга препятствием. Бросьте, Челленджер, вы не станете защищать подобный тезис!

— Мой милый Саммерли, наш эфирный яд, несомненно, подвержен влиянию материальных факторов. Мы это видим по его неравномерному действию в разных местностях. Мы не могли ожидать этого a priori[1], но факт налицо. А потому я склоняюсь к тому мнению, что газ, подобный кислороду — поднимающий жизненную деятельность и повышающий в организме способность сопротивления, — может, по всей вероятности, отсрочить действие того яда, который вы так удачно назвали датуроидом. Возможно, я ошибаюсь, но я твердо верю в правильность моего рассуждения.

— Однако, — сказал лорд Джон, — если мы должны сидеть и сосать трубочку, как младенцы соску, то я предпочту отказаться.

— Этого нам не придется, — ответил Челленджер. — У нас кое-что подготовлено, главным образом стараниями моей жены. А именно: ее будуар сделан

---

[1] Здесь «заранее» *(лат.)*.

по возможности «газоупорным». Его оклеили непроницаемой вощеной бумагой...

— Час от часу не легче! Неужели вы думаете, Челленджер, что можно остановить эфир вощеной бумагой?

— Право, мой уважаемый друг, вы несколько превратно истолковали суть моих слов. Мы хлопотали не о том, чтобы перекрыть доступ эфиру, а лишь о том, чтоб удержать кислород. Я рассчитываю, что в атмосфере, перенасыщенной кислородом, нам удастся сохранять сознание. У меня припасено два баллона с кислородом, да вы привезли еще три. Это немного, но все же кое-что.

— На сколько нам их хватит?

— Понятия не имею. Мы пустим их в дело только тогда, когда симптомы станут невыносимы. Мы будем выпускать кислород лишь в крайности и очень понемногу. Это нам сбережет, быть может, несколько часов или даже несколько дней, в течение которых мы сможем смотреть на гибнущий мир. Нам пятерым дается отсрочка в общем жребии. На нашу долю выпадает самое необычайное переживание, так как, по всей вероятности, мы будем последним арьергардом армии человечества в ее походе в Неизвестное. А теперь будьте так любезны, помогите мне управиться с баллонами. Мне кажется, в воздухе уже чувствуется духота.

Глава III

ЗАХЛЕСТНУЛО

Комната, отведенная для нашего беспримерного опыта, представляла собой прелестный дамский будуар, футов пятнадцать на шестнадцать. К будуару примыкала отделенная от него красной бархатной портьерой небольшая комната — туалетная

профессора, которая, в свою очередь, вела в просторную спальню. Портьера еще висела, но для наших целей туалетную и будуар следовало рассматривать как одну комнату. Дверь в спальню и оконная рама были тщательно оклеены вощеной бумагой, что делало их практически непроницаемыми. Над второй дверью, отворявшейся прямо на площадку лестницы, имелась фрамуга, которую можно было открыть, дернув за шнур, когда требовалось проветрить помещение. В каждом углу стояло в кадке по большому кусту.

— Перед нами встает сложный и жизненно важный вопрос: как, не теряя зря кислород, освобождаться от излишков углекислоты, — сказал Челленджер и поглядел через плечо на пять металлических баллонов, поставленных в ряд у стены. — Будь в моем распоряжении немного больше времени, я сосредоточил бы всю силу своего ума и разрешил бы надлежащим образом эту задачу; но времени нет, и мы должны делать, что можем. Некоторую службу сослужат нам эти вот кусты. На моих баллонах кран можно отвернуть, как только мы что-нибудь заметим, так что мы не будем захвачены врасплох. Все же нам лучше не отходить далеко от комнаты, так как кризис может наступить внезапно и сразу в полную силу.

В будуаре было широкое, с низким подоконником окно. Из него открывался тот же вид, которым мы любовались из кабинета. Пока что я не видел за окном ничего подозрительного. От самого дома вниз по холму петляла дорога. Старая колымага, один из тех пережитков доисторической древности, какие встречаются еще в наших захолустьях, медленно плелась в гору, — как видно, со станции. Дальше нянька катила под гору детскую колясочку, ведя за руку второго ребенка. Струйки голубого дыма над домами придавали пейзажу отпечаток уютной домовитости и прочно заведенного порядка. Ни синее небо, ни залитая солнцем земля нигде не омрачались тенью нависшей катастрофы. По-

одаль в полях еще работали жнецы, а по зеленой лужайке четверками и парами гнались за мячом любители гольфа. Такое странное смятение царило в моих мыслях, нервы, натянутые до отказа, так трепетали, что спокойствие этих людей казалось мне непостижимым.

— Эти молодцы, как видно, не ощущают никаких болезненных признаков, — сказал я, кивнув на лужайку.

— Вы когда-нибудь играли в гольф? — спросил лорд Джон.

— Никогда.

— То-то, молодой человек! Иначе вы знали бы, что только трубы страшного суда могут остановить истого игрока, когда он гонит мяч. Стойте! Опять телефон.

За завтраком и после завтрака Челленджера то и дело отзывали резкие и настойчивые звонки. Он передавал нам новости, как получал их сам, — скупыми, короткими фразами. Никогда еще в анналы мировой истории не вносились такие потрясающие записи. Грозная тень наползала с юга приливной волной смерти. Египет, уже пройдя сквозь бурное безумство, лежал в смертном оцепенении. Испания и Португалия после ярой схватки клерикалов с анархистами погрузились в безмолвие. Телеграф больше не доставлял известий из Южной Америки. В Северной Америке южные штаты — после жестоких побоищ на почве расовой вражды — умиротворились под действием яда. К северу от Мэриленда влияние датуроида сказалось еще не вполне отчетливо, в Канаде оно было еле ощутимо. Бельгия, Голландия, Дания сдавались одна за другой. Со всех сторон отчаянные вести летели в большие научные центры — к мировым светилам химии и медицины — с мольбой о помощи или совете. Астрономов также осаждали запросами. Но сделать нельзя было ничего. То, что творилось, охватило весь мир и лежало за пределами человеческого знания и человеческой

власти. Везде была смерть — безболезненная, но неизбежная. Она постигала всех: молодых и старых, сильных и слабых, богатых и нищих, — не оставляя надежды на спасение. Таковы были известия, отрывочные и беспорядочные, которые нам приносил телефон. Большие города уже знали свою судьбу и, насколько мы могли судить, готовились встретить ее покорно и с достоинством. А между тем у нас на глазах трудились жнецы, и веселые любители гольфа беспечно продолжали игру, точно ягнята, резвящиеся под занесенным ножом. Странно было на них смотреть. Но как, в самом деле, могли они что-то узнать? Катастрофа надвигалась на нас шагом гиганта. Что могло бы встревожить их в утренней газете? А сейчас было только три часа дня. Впрочем, пока мы на них смотрели, распространился, видно, какой-то слух, так как жнецы заспешили с полей. Иные из игроков, не доиграв, помчались в свой клуб. Они неслись во весь дух, точно спасаясь от ливня. Прислуживавшие им мальчики поспешали за ними. Остальные продолжали игру. Нянька повернула и торопливо покатила коляску обратно в гору. Я заметил, как она провела рукою по лбу. Колымага остановилась, и усталая лошадь застыла на месте, свесив голову до колен. А надо всем этим безмятежное летнее небо, огромный купол нерушимой синевы, и только вдали над холмами кудрявились редкие белые облачка. «Если человеческому роду суждено сегодня умереть, — подумал я, — он по крайней мере умрет на великолепном смертном одре». И все же ласковая прелесть природы заставляла острее почувствовать печаль и ужас перед грозным всеобщим уничтожением. Слишком хороша была обитель, откуда нас теперь так внезапно, так беспощадно изгоняли!

Но, как я уже сказал, опять раздался звонок. Я услышал из прихожей громоподобный голос Челленджера:

— Мелоун! Вас к телефону!

Я бросился к аппарату. Звонил Мак-Ардл из Лондона.

— Вы, мистер Мелоун? — кричал знакомый голос. — Мистер Мелоун, в Лондоне творится что-то невообразимое. Ради всего святого поговорите с Челленджером, может, он что посоветует.

— Он ничего не может посоветовать, сэр, — ответил я. — Он считает кризис всесветным и неизбежным. Мы здесь припасли кислороду, но это только даст нам отсрочку на несколько часов.

— Кислород! — прозвучал дрожащий голос. — Мы не успеем достать. С вашего отъезда у нас в редакции сущий ад. Сейчас половина сотрудников лежит без чувств. Меня самого так и тянет лечь. Я смотрю в окно — Флит-стрит [1] сплошь устлана трупами. Движение остановилось. По последним телеграммам, весь мир...

Голос постепенно слабел и вдруг оборвался. Еще мгновение — и я услышал в телефон глухой стук, как если бы голова говорившего упала на стол.

— Мистер Мак-Ардл! — закричал я. — Мистер Мак-Ардл!

Ответа не было. Вешая трубку, я знал, что никогда не услышу вновь его голоса.

Едва я отошел на шаг от телефона, настигло и нас. Точно мы были купальщики, стоявшие по плечи в воде, и вдруг накатилась волна и захлестнула нас с головой. Невидимая рука тихо легла мне на горло и мягко начала душить. Я ощущал на груди непомерную тяжесть, что-то туго сжало виски, в ушах громко звенело, и яркие искры заплясали перед глазами. Я кое-как доплелся до перил. В тот же миг, хрипя, как раненый буйвол, мимо меня сумасшедшим видением промчался Челленджер — багровое лицо, глаза лезут из орбит, волосы дыбом. На его широком плече, как видно, без сознания, лежала наперевес его маленькая, хрупкая

---

[1] Улица, на которой помещается много лондонских издательств.

жена. С громовым грохотом он взбирался по лестнице, спотыкаясь и чуть не валясь, но усилием воли нес свое и ее тело через эту тлетворную атмосферу к гавани временного спасения. Ободренный его примером, я тоже бросился наверх, оступаясь, падая, цепляясь за прутья перил, пока не рухнул ничком на верхней площадке, теряя сознание. Стальные пальцы лорда Джона ухватили меня за ворот, и мгновение спустя я лежал навзничь на ковре будуара, не в силах ни двигаться, ни говорить. Миссис Челленджер лежала рядом со мной, а Саммерли скрючился в кресле у окна, лбом едва не касаясь колен. Я видел, точно во сне, как Челленджер чудовищным жуком медленно полз по полу, и секундой позже послышалось нежное шипение выпускаемого кислорода. Челленджер с шумом — тремя жадными глотками — втянул в себя живительный газ.

— Действует! — закричал он, ликуя. — Моя логика оправдала себя!

Он снова стоял на ногах, бодрый и сильный. С резиновой трубкой в руке он бросился к жене и направил струю газа ей в лицо. Прошло две-три секунды. Женщина застонала, зашевелилась и села. Челленджер склонился надо мной, и я почувствовал, как сама жизнь теплом разлилась по моим жилам. Разум говорил мне, что это лишь короткая отсрочка, но, как ни пренебрежительно мы говорили о ней, каждый час существования теперь казался неоценимым. Никогда не испытывал я такого трепета чувственной радости, как сейчас, при этом приливе жизни. Тяжесть отвалилась от груди, распался сдавивший голову обруч, меня охватило отрадное чувство покоя и сладкой истомы. Я лежал, наблюдая, как от того же целебного средства ожил Саммерли и, наконец, в последнюю очередь лорд Джон. Он вскочил на ноги и протянул мне руку, помогая встать, в то время как Челленджер поднимал свою жену и укладывал ее на диван.

— Ах, Джордж, мне так жаль, что ты вернул меня

назад, — сказала она и взяла его за руку. — Дверь смерти в самом деле, как ты говорил, скрыта за красивой, сверкающей завесой: едва прошло первое чувство удушья, мне стало несказанно легко. Зачем ты увлек меня обратно?

— Потому что я хотел, чтобы мы вместе совершили переход от жизни к смерти. Мы прожили рука об руку много лет. Было бы грустно разлучиться в последнюю минуту.

На мгновение в его мягком голосе мне почудился новый Челленджер, очень далекий от того буйного, заносчивого гордеца, который попеременно изумлял и оскорблял современников. Здесь, под крылом смерти, явился истинный Челленджер, человек, сумевший завоевать и сохранить женскую любовь. Но его настроение сразу изменилось, и он снова стал нашим твердым командиром.

— Один из всего человечества я предвидел и предсказал катастрофу, — сказал он, и в его голосе звучала гордость победителя, торжество ученого. — Надеюсь, добрейший Саммерли, ваши последние сомнения рассеялись и теперь вы не станете утверждать, что сдвиги в спектре ничего не значат и что мое письмо в «Таймс» основано на заблуждении.

На этот раз наш воинственный товарищ был глух к вызову. Он только сидел в своем кресле и глубоко дышал, разминая свои длинные, тощие ноги, как будто хотел убедиться, что еще не покинул родную планету. Челленджер подошел к баллону с кислородом, и шумное шипение упало до едва уловимого свиста.

— Мы должны экономить наш запас газа, — сказал он. — Воздух в комнате перенасыщен кислородом, и, полагаю, никто из нас не ощущает угрожающих симптомов. Только на ряде опытов мы установим, какое количество кислорода, добавленное к атмосфере, нейтрализует яд. Посмотрим, хорошо ли будет так, как сейчас.

Минут пять мы сидели в напряженном молчании, прислушиваясь к собственным ощущениям. Едва мне показалось, что я снова начинаю чувствовать тесный обруч на висках, как миссис Челленджер крикнула с дивана, что ей дурно. Ее муж снова отвернул кран и усилил приток газа.

— В младенческие дни науки, — сказал он, — на каждой подводной лодке обычно держали белую мышь, и как только воздух становился плох, на ее хрупком организме это сразу сказывалось — раньше, чем почувствуют духоту моряки. Ты будешь, дорогая, нашей белой мышкой. Я увеличил дозу, и тебе уже лучше.

— Да, мне лучше.

— Теперь, вероятно, мы напали на правильную пропорцию. Когда мы точно установим минимально необходимую дозу, можно будет подсчитать, сколько времени у нас впереди. К несчастью, чтобы прийти в себя, мы сразу израсходовали значительную часть первого баллона.

— Не все ли равно? — сказал лорд Джон. Он стоял у окна, засунув руки в карманы. — Нам так и так погибать, чего ж тянуть волынку. Ведь вы не видите для нас пути к спасению?

Челленджер улыбнулся и покачал головой.

— А если так, не достойней ли будет прыгнуть в пропасть самим, не дожидаясь, когда тебя подтолкнут в спину? Раз это неизбежно, я предлагаю прочитать молитву, выключить кислород и открыть окно.

— В самом деле! — храбро поддержала женщина. — Конечно, Джордж, лорд Джон прав, так будет лучше.

— Решительно возражаю! — запротестовал Саммерли. — Коль скоро суждено умереть, мы, конечно, умрем; но добровольно ускорить смерть — такое поведение, по-моему, непростительно и просто глупо.

— Что скажет на это наш младший товарищ? — спросил Челленджер, повернувшись ко мне.

— Думаю, мы должны довести опыт до конца.

— Безоговорочно разделяю ваше мнение, — сказал наш предводитель.

— Если ты так говоришь, Джордж, то и я согласна с тобой, — объявила его жена.

— Хорошо, я не спорю, я только предложил, — согласился лорд Джон. — Если вы решили довести дело до конца, я с вами. Будет, что и говорить, чертовски интересно. Я изведал в жизни свою долю приключений, испытал столько острых минут, сколько положено человеку. А теперь я закончу самым великолепным аккордом.

— Даже приняв как данное, что жизнь имеет свое продолжение, — добавил Челленджер.

— Смелая гипотеза! — усмехнулся Саммерли.

Челленджер смерил его уничтожающим взглядом.

— Приняв как данное, что жизнь имеет продолжение, — поучительным тоном повторил он, — никто из нас не может предсказать, какие будут у него возможности из пространства духовного (назовем это так) наблюдать пространство материальное. Конечно, даже для последнего тупицы (он скосил глаза на Саммерли) должно быть очевидно, что, пока мы сами материальны, мы сохраняем наибольшую способность наблюдать материальные явления и составлять суждения о них. Значит, только при условии, что мы останемся живы эти несколько лишних часов, есть у нас надежда унести с собою в некое будущее существование ясное понятие о самом изумительном событии, какое когда-либо происходило в мире или во вселенной, — насколько нам известно. Для меня было бы крайне прискорбно, если бы наш необычайный опыт сократился хоть на одну минуту.

— Разделяю безоговорочно, — провозгласил Саммерли.

— Принято единогласно, — сказал лорд Джон. — Но смотрите! Там, во дворе, ваш несчастный шофер.

Бедняга свое отъездил! Может, попробуем сделать вылазку и притащим его сюда?

— Это будет полнейшим безумием! — закричал Саммерли.

— Не смею отрицать, — ответил лорд Джон. — Это его не спасет, и мы только рассеем кислород по всему дому, если нам и удастся живыми вернуться назад. Эге! Взгляните на птичек под теми деревьями!

Мы четверо пододвинули наши кресла к широкому и низкому окну, и только женщина, закрыв глаза, осталась лежать на диване. Помню, кощунственная, уродливая мысль пронеслась в моей голове — может быть, тяжелый, спертый воздух, которым мы дышали, способствовал этой иллюзии, — мысль, что мы, заняв четыре кресла в первом ряду партера, смотрим последний акт трагедии мира.

На переднем плане, прямо у нас перед глазами, был маленький дворик и посреди него наполовину вымытый автомобиль. Остин, шофер, получил наконец окончательный расчет: он растянулся возле колеса, и большое пятно синело у него на лбу — стукнулся, должно быть, при падении о подножку или о крыло. Он еще держал в руке шланг, из которого поливал машину. В углу двора стояли два молодых явора, а под ними лежало несколько комочков пуха с трогательно торчащими из них крохотными лапками. Смерть походя косила все — и большое и малое.

Перенеся взгляд за ограду дворика, мы могли видеть извилистую дорогу, что вела на станцию. Жнецы, недавно у нас на глазах бросившиеся бежать с полей, теперь лежали вповалку в дорожной пыли у подошвы холма. Немного выше по склону нянька полулежала на траве, упершись головой и плечами в откос. Она успела вынуть из коляски младенца, и он неподвижным свертком пеленок застыл у нее на руках. Рядом с нею пятнышко у дороги указывало, где растянулся второй ребенок — маленький мальчик. Еще ближе к нам, по-

догнув колени, стояла между оглобель мертвая лошадь. Старик извозчик свесился с облучка причудливым чучелом, и руки его нелепо болтались впереди. Мы смутно различали в оконце колымаги сидевшего в ней молодого человека. Дверца была распахнута, и пальцы его ухватились за ручку, словно в последнюю секунду он пытался выпрыгнуть на ходу. На половине подъема тянулось поле для гольфа, испещренное так же, как и утром, силуэтами игроков, но только теперь они неподвижно лежали на скошенной траве поля и в окаймлявшем его вереске. На одном участке, самом зеленом, распласталось восемь тел — четверка самых азартных игроков и маленькие их помощники, до конца не ушедшие с поля. Ни одной птицы не видно было в синем куполе неба, ни один человек и ни одно животное не двигались во всем широком просторе, открывавшемся перед нами. Солнце мирно посылало косые лучи, но на все легла тишина и безмолвие смерти, вселенской смерти, к которой так скоро должны были приобщиться и мы. Сейчас только эта хрупкая стеклянная перегородка, удерживая добавочный кислород, который противодействовал отравленному эфиру, отделяла нас от судьбы, постигшей весь наш род. На несколько коротких часов знания и прозорливость одного человека уберегли маленький оазис жизни в бескрайней пустыне смерти и не дали общей гибели захватить и нас. Потом кислород наш иссякнет, и мы тоже растянемся, задыхаясь, на этом темно-вишневом ковре, на полу будуара, и тогда свершится до конца судьба человечества и всей жизни земной. Мы долго в торжественном молчании смотрели трагедию мира. Челленджер первый решился заговорить.

— Загорелся дом, — вдруг сказал он, указывая на столб дыма, поднявшийся из-за деревьев. — Сейчас, надо полагать, происходит немало пожаров — горят, возможно, целые города: ведь сколько народу могло упасть с огнем в руках! Кстати, самый факт горения

показывает, что относительное содержание кислорода в атмосфере остается нормальным и вся беда в эфире. Ага, вот и еще пожар — не вершине холма Кроуборо. Горит, если не ошибаюсь, гольф-клуб. Слышите? Бьют церковные часы! Тут есть над чем задуматься философу: созданный рукою человека механизм пережил племя своих творцов.

— Смотрите! — закричал лорд Джон, вскочив с кресла. — Клубится дым! Это поезд.

Мы услышали грохот колес, а вскоре и поезд влетел в поле нашего зрения, и быстрота его хода показалась мне неимоверной. Откуда он мчался и куда, мы не знали. Только каким-то счастливым чудом он мог продолжать свой путь. Но теперь нам суждено было увидеть страшный конец его бега. На путях стоял без движения длинный, груженный углем состав. Мы затаили дыхание, когда экспресс загромыхал по той же колее. Столкновение было ужасно. Паровоз и вагоны сбились в груду щепок и мятого железа; здесь и там из горы обломков пробивались красные языки пламени, пока она вся не запылала. Полчаса мы сидели, не говоря ни слова, оцепенев перед зрелищем катастрофы.

— Бедные, бедные люди! — простонала наконец миссис Челленджер и в слезах припала к плечу мужа.

— Дорогая, пассажиры этого поезда были уже таким же неодушевленным предметом, как те вагоны, на которые они налетели, или как уголь, в который они превратились теперь, — сказал Челленджер и ласково погладил ее руку. — Поезд был полон живых людей, когда он отходил с вокзала Виктория, но он вез только мертвый груз и правили им мертвецы еще задолго до того, как его настиг рок.

— Во всем мире сейчас происходит то же самое, — сказал я тихо, между тем как странные видения проносились перед моими глазами. — Подумайте о пароходах в море: они будут плыть и плыть, пока не заглохнет в топке огонь или пока они не наскочат на под-

водный камень. А парусные суда? Как их будет качать и кружить с полным грузом мертвых моряков на борту, и станет гнить их рангоут, разойдутся швы, дадут течь, пока одно за другим они не пойдут ко дну! Быть может, столетия спустя все еще будут носиться по Атлантике обломки погибших старых кораблей.

— А углекопы в шахтах! — сказал Саммерли с угрюмым смешком. — Если когда-нибудь каким-то чудом снова будут жить на земле геологи, они станут строить дикие теории о существовании человека в каменноугольных пластах.

— Я признаю свое полное невежество в таких вопросах, — заметил лорд Джон, — но мне кажется, что после нынешней катастрофы опустелая планета может вывесить дощечку: «Сдается внаем». Раз все человечество стерто с лица земли, откуда взяться новому?

— Мир поначалу был пуст, — серьезно возразил Челленджер. — По законам, которые в сути своей остаются вне нашего постижения, он населился людьми. Почему не повториться вновь тому же процессу?

— Дорогой мой Челленджер, неужели вы верите тому, что говорите?

— Не в моих привычках, профессор Саммерли, высказывать положения, в которые я сам не верю. Мое замечание самое обыденное. — Его косматая борода стала торчком, глаза сощурились.

— Вы как жили упрямым догматиком, так и умрете! — усмехнулся Саммерли.

— А вы, сэр, прожили всю жизнь лишенным воображения педантом, и теперь у вас нет надежды пробиться к чему-то более высокому.

— Зато вас даже самые злые критики не обвинят в недостатке воображения, — отпарировал Саммерли.

— Честное слово, — вмешался лорд Джон, — вы оба верны себе до конца! Последний глоток кислорода готовы потратить на препирательство. Какое нам дело,

возродятся люди или нет? Если и да, то уж, наверно, не в наше время.

— Это замечание, сэр, выдает вашу крайнюю ограниченность, — строго сказал Челленджер. — Мысль истинного ученого не остается привязанной к тем условиям времени и пространства, в какие он поставлен. Она воздвигает свою обсерваторию на пограничной черте настоящего, отделяющей бесконечность прошлого от бесконечности будущего. С этого надежного поста она делает вылазки к началу и концу всего сущего. Вы скажете: а смерть? Отвечу: научная мысль умирает на посту, работая нормально и методично до самого конца. Она не останавливается на такой мелочи, как ее собственный физический распад, пренебрегая им в той же мере, как и всеми вообще ограничениями в нашем материальном пространстве. Разве я не прав, профессор Саммерли?

Саммерли не слишком любезно выразил свое согласие.

— До известных пределов, — пробурчал он, — я разделяю ваше мнение.

Челленджер продолжал:

— Идеальный научный ум — я говорю в третьем лице, чтобы не показаться слишком самонадеянным, — идеальный научный ум способен решать тот или другой отвлеченный вопрос в промежуток времени от падения своего обладателя с воздушного шара до мгновения, когда он коснется земли. Только такие люди достойны составить когорту покорителей природы и хранителей истины.

— Похоже, на этот раз победа осталась за природой, — сказал лорд Джон, не отводя глаз от окна. — Я не раз читал в газетных передовицах, будто вы, господа ученые, управляете природой; но она, оказывается, умеет дать сдачи.

— Это только временный отпор, — убежденно ответил Челленджер. — Несколько миллионов лет — что

они значат в великом круговороте времени? Растительный мир, как видите, выжил. Взгляните на листву этого явора. Птицы мертвы, но дерево стоит зеленое. Из растительной жизни в прудах и болотах возникнут со временем микроскопические комочки ползучей слизи — пионеры той великой армии жизни, в которой мы пятеро в этот час несем небывалую службу, составляя ее арьергард. Низшая форма жизни, раз возникнув, неизбежно ведет в конце концов к появлению человека, как неизбежно вырастает дуб из желудя. Колесо эволюции сделает еще один оборот.

— А яд? — спросил я. — Не убьет он жизнь на корню?

— Яд, возможно образует лишь известный слой или пласт эфира — тлетворный Гольфстрим в могучем океане, по которому мы плывем. Или может выработаться известная невосприимчивость, и жизнь приспособится к новым условиям. Если мы пятеро при сравнительно небольшом избытке кислорода в крови способны выдержать отравление, это значит, что животной жизни не потребуется больших органических изменений для победы над ядом.

Дымившийся за деревьями дом вспыхнул костром. Высоко взвились в воздухе языки пламени.

— Ужас! — прошептал лорд Джон.

Я впервые увидел его по-настоящему взволнованным.

— В сущности, не все ли равно? — сказал я. — Земля мертва. А кремация, по-моему, наилучший способ похорон.

— Если огонь перекинется на наш дом, нам сразу крышка!

— Я предусмотрел эту опасность, — сказал Челленджер, — и просил жену принять предохранительные меры.

— Все сделано, милый. Пожар нас не заденет. Но у меня опять стучит в висках. Какой тяжелый воздух!

— Сейчас мы его освежим, — сказал Челленджер. И наклонился над своим кислородным баллоном. — Этот уже почти пуст, — объявил он. — Нам его хватило на три с половиной часа. Сейчас около восьми. Мы свободно протянем ночь. Я жду конца часам к девяти утра. Мы увидим еще один рассвет, и он будет безраздельно нашим.

Он отвернул кран на своем втором баллоне и на полминуты открыл фрамугу над дверью. Когда воздух стал заметно свежей, но вместе с тем острее стало сказываться на нас отравление, он поспешил захлопнуть ее.

— Кстати, — сказал он, — человек не может жить одним кислородом. Давно пора обедать. Смею вас уверить, любезные гости, когда я приглашал вас к себе в надежде приятно провести вместе время, я рассчитывал, что моя кухня оправдает себя. Но ничего не поделаешь. Надеюсь, вы со мной согласитесь, что было бы безумием до времени израсходовать наш воздух, разжигая керосинку. У меня припасено немного холодного мяса, хлеба и солений; прибавить бутылку-другую кларета — чем не обед? Спасибо, дорогая, ты и сейчас, как всегда, королева хозяек.

В самом деле, удивительно, как с чисто английским уважением к порядку и с хозяйской гордостью маленькая женщина в пять минут разостлала на круглом столе белоснежную скатерть, разложила салфетки и подала скромную закуску — все, как требует цивилизация, вплоть до электрического фонаря, установленного в виде лампы на середине стола! И еще удивительней было убедиться, что мы сохранили превосходный аппетит.

— Это мерило пережитого нами волнения, — сказал Челленджер тем снисходительным тоном, каким он привык разъяснять в научном разрезе обыденные явления. — Мы прошли через великий кризис. Это означает большую затрату молекулярной энергии, ко-

торая требует возмещения. Большое горе и большая радость должны вызывать повышенный аппетит, а вовсе не отбивать охоту к еде, как утверждают наши романисты.

— Вот почему крестьяне устраивают пиры по случаю похорон, — посмел и я вставить свое слово.

— Именно! Наш юный друг привел превосходный пример. Разрешите положить вам еще ломтик копченого языка.

— То же наблюдается и у дикарей, — сказал лорд Джон, нацелившись на говядину. — Я видел раз, как туземцы на реке Арувими хоронили вождя и съели при этом целого бегемота, который весил, верно, не меньше, чем все они, вместе взятые. На Новой Гвинее некоторые племена съедают на поминках самого покойника — чтобы даром не пропадало добро. Однако из всех похоронных пиршеств на земле наше, думается мне, самое необычайное!

— Странное дело! — сказала миссис Челленджер. — Я не нахожу в себе печали о погибших. У меня остались в Бедфорде отец и мать. Я знаю, что они умерли, и, однако, среди этой потрясающей мировой трагедии я не могу почувствовать острую боль за отдельных людей, даже за них.

— А моя старенькая мать — в Ирландии, в своем сельском домике, — сказал я. — Я как будто вижу ее перед собой: с шалью на плечах, в кружевном чепце, с закрытыми глазами, она сидит у окна, откинувшись на высокую спинку кресла, рядом лежат ее очки и книга. Что мне горевать о ней? Она отошла, и я отхожу вслед за нею, и, может быть, там, в новом бытии, мы будем ближе, чем здесь, когда я жил в Англии, а она — в Ирландии. И все-таки мне горько думать, что ее больше нет, моей родной!

— Если речь о теле, — заметил Челленджер, — так мы же не горюем при разлуке с кончиками ногтей или прядями остриженных волос, хотя они ког-

да-то составляли часть нас самих. И одноногий инвалид не льет сентиментальных слез о своей утраченной ноге. Наше тело было для нас главным образом источником боли и усталости. Оно постоянно указывало нам на нашу ограниченность. Так чего же нам огорчаться, когда оно отделяется от нашего духовного «я»?

— Если только одно отделимо от другого, — пробурчал Саммерли. — Нет, что ни говорите, всеобщая смерть ужасна!

— Как я уже объяснял, — возразил Челленджер, — всеобщая смерть по самой своей природе должна ужасать нас куда меньше, чем одиночная.

— Это как в бою, — заметил лорд Джон. — Если вы увидите одного человека, лежащего здесь на полу с раздавленной грудью и дыркой во лбу, вам станет дурно. А я видел в Судане десять тысяч трупов, лежавших навзничь, и ничего такого не почувствовал, потому что для творящих историю жизнь отдельного человека слишком ничтожна, чтоб о ней задумываться. Но когда погибают, как сегодня, тысячи миллионов, вы уже не отделяете свою личность от толпы.

— Ах, я хотела бы, чтобы и для нас все уже кончилось! — сказала в тоске миссис Челленджер. — Мне так страшно, Джордж.

— Когда настанет срок, ты будешь храбрее всех нас, моя маленькая. Твой грубый муж доставлял тебе немало хлопот, но ты понимаешь, что Джордж Эдуард Челленджер таков, каким он создан, и, как ни старайся, не может стать иным. Ведь ты не променяла бы его ни на кого другого?

— Ни на кого на свете, дорогой, — сказала жена и обвила руками его бычью шею.

Мы трое подошли к окну и застыли, изумленные зрелищем, которое открылось нашим глазам.

Наступил вечер и одел мертвый мир в саван мра-

ка. Но по южному горизонту протянулась длинная ярко-алая полоса. Нарастая и убывая, она билась трепетным пульсом жизни — то вдруг разливалась заревом до самого зенита, то опадала и тихо тлела лентой угасающего пламени.

— Льюис в огне! — закричал я.

— Нет, это горит Брайтон, — отозвался Челленджер, тоже подойдя к окну. — Видите, на фоне зарева вырисовываются горбатые спины холмов? Пожар по ту сторону их, за много миль. Город пылает, наверно, со всех концов.

Красные вспышки можно было наблюдать в нескольких местах, и тускло тлела еще на полотне железной дороги груда обломков, но все это казалось только искорками по сравнению с чудовищным пожаром, бушевавшим за холмами. Какой бы можно было выпустить номер «Дейли-газетт»! Перед кем из журналистов открывались когда-либо такие перспективы — и так было мало возможности использовать их! Из находок находка — и некому ее оценить! Во мне вдруг проснулся неугомонный зуд репортера. Если эти мужи науки до конца остаются верны делу своей жизни, почему не могу и я проявить то же постоянство в своем скромном призвании? Пусть ни один человеческий глаз не увидит того, что я сделаю. Но как-никак впереди еще долгая ночь, а я и думать не могу о сне. Заметки помогут мне скоротать томительные часы и займут мои мысли. Вот как случилось, что я сейчас располагаю сплошь исписанным толстым блокнотом. Почерк неразборчив, так как писать пришлось, положив блокнот на колено, при тусклом, меркнувшем свете нашего единственного электрического фонаря. Обладай я литературным дарованием, мои записи, возможно, были бы достойны своего предмета. Но и так они могут все же передать другим наши переживания и томительный ужас этой страшной ночи.

Глава IV

ХРОНИКА СМЕРТИ

Как странно видеть эти слова, нацарапанные вместо заглавия на пустой странице моей записной книжки! Как странно, что написал их я, Эдуард Мелоун, который всего за полсуток перед тем оставил свои меблированные комнаты в Стритеме, нисколько не помышляя о чуде, которое готовил нам день! Я оглядываюсь назад, на цепь происшествий: мой разговор с Мак-Ардлом, первый сигнал тревоги — письмо Челленджера в «Таймсе», вздорные разговоры в поезде, приятный завтрак, катастрофа, — и вот, наконец, мы медлим одни на опустелой планете, и наша судьба так неизбежна, что эти строки, написанные машинально, по репортерской привычке, строки, которые никто никогда не прочтет, представляются мне речью человека, уже умершего, — так близко подошел он к туманной границе, перейденной всеми, кроме этого тесного круга друзей. Я сознаю, как были мудры и справедливы слова Челленджера, что истинной трагедией было бы для нас остаться жить, когда все благородное, доброе, прекрасное погибло бы на земле. Но такая опасность нам, конечно, не грозит. Уже наш второй кислородный баллон подходит к концу. Мы можем высчитать скудный остаток нашей жизни чуть ли не с точностью до одной минуты.

Челленджер только что преподнес нам лекцию чуть не на двадцать минут. В возбуждении он так рычал, как если бы громил с кафедры своих научных противников, старых скептиков из Академии. Правда, ему пришлось ораторствовать перед довольно необычной аудиторией: его жена, не разбираясь в предмете, была заранее во всем с ним согласна; Саммерли жался в тени с недовольным видом, настроенный критически, но явно заинтересованный; лорд Джон растянулся в кресле, наскучив нескончаемыми спорами; и, наконец, сам

я, стоя у окна, наблюдал за всем с каким-то отрешенным вниманием, как будто все это было сном или чем-то таким, что меня никак не касалось. Челленджер сидел за столом, направив фонарь на пластинку под микроскопом, которую принес из туалетной. Кружок белого света, отраженного зеркальцем, ярко озарял половину его топорного, заросшего лица, оставляя другую половину в густой тени. Последнее время он, кажется, изучал низшие формы жизни и был сейчас сильно взволнован, увидев, что амеба на пластинке, заготовленной днем раньше, была еще жива.

— Да посмотрите же и сами увидите! — повторял он в крайнем возбуждении. — Саммерли, вы, может быть, подойдете и разрешите свои сомнения? Мелоун, не хотите проверить? Эти маленькие веретенца в середине препарата — бациллярии, они в счет не идут, так как их правильней относить не к животному миру, а к растительному. Но в правом углу вы увидите самую несомненную амебу — вот она лениво двигается по полю. Верхний винт — для точной установки по вашему глазу. Поглядите же сами!

Саммерли посмотрел и согласился. Потом и я заглянул в микроскоп и увидел крошечное создание, осколком матового стекла медлительно плававшее по освещенному кругу. Лорд Джон предпочел поверить на слово.

— Что мне до того, жива она или мертва? — сказал он. — Мы даже не знаем друг друга в лицо, зачем же я буду принимать к сердцу ее судьбу? Не думаю, чтобы амеба сколько-нибудь беспокоилась о нашем с вами здоровье.

Я рассмеялся при этих его словах, а Челленджер навел на меня свой самый холодный и надменный взгляд. Под таким взглядом можно было окаменеть.

— Ветреность недоучки вредит науке больше, чем тупость невежды! Если бы лорд Джон Рокстон соизволил...

— Дорогой Джордж, оставь свою язвительность, — вмешалась его жена, проведя рукой по черной гриве, свесившейся над микроскопом. — Какое это имеет значение, жива амеба или нет?

— Огромное значение, — угрюмо проговорил Челленджер.

— Хорошо, послушаем, — благодушно улыбнулся лорд Джон. — Эта тема для разговора не хуже всякой другой. Если вы находите, что я был с вашей амебой слишком развязен или как-либо задел ее самолюбие, я готов перед ней извиниться.

— Я со своей стороны, — начал Саммерли скрипучим голосом резонера, — не вижу, почему вы придаете такое значение тому обстоятельству, что амеба жива. Она дышит той же атмосферой, что и мы, и яд, естественно, не действует на нее. За пределами нашей комнаты она, наверно, умерла бы, как все прочие животные организмы.

— Ваше замечание, мой милый Саммерли, — ответил Челленджер с невообразимой снисходительностью (ах, если бы я мог зарисовать это самоуверенное, надменное лицо с прыгающим по нему ярким зайчиком света от зеркальца микроскопа!), — ваше замечание показывает, что вы не способны правильно оценить положение. Эта особь взята вчера и герметически закупорена. Наш кислород до нее не доходит. А вот эфир, конечно, проникает к ней, как он проникает всюду, во всей вселенной. И все-таки она не умерла от яда. Следовательно, мы вправе заключить, что и другие амебы, за пределами этой комнаты, не погибли во всемирной катастрофе, как вы ошибочно предполагаете, а остались живы.

— Хорошо, но я и теперь не склонен кричать «гип-гип ура», — заявил лорд Джон. — Какая нам разница?

— Разница та, что Земля жива, а не мертва. Если бы вы обладали научным воображением, вы могли бы перенестись мысленно вперед, и, исходя из этого

единственного факта, вы на расстоянии двух-трех миллионов лет (а что они? Лишь мимолетный миг в бесконечном течении веков!) увидели бы целый мир, кишащий вновь животной и человеческой жизнью, возникшей из этого слабенького корня. Вам, верно, случалось видеть степные пожары, когда пламя сметает всякий след травы и других растений с поверхности земли, оставляя лишь бурую пустошь? Вы могли бы подумать, что она так навсегда и останется пустыней. Но корни растений уцелели, и, когда через несколько лет вы придете на место пожара, вы уже не различите, где была бурая плешина. В этом микроскопическом существе заключены корни будущего животного мира, и со временем развитие наследственных свойств, эволюция, несомненно, загладит всякий след небывалого кризиса, который постиг нас сегодня.

— Чертовски занятно! — сказал лорд Джон и неторопливо подошел заглянуть в микроскоп. — Здравствуй, приятель! Ты будешь висеть номером первым в ряду фамильных портретов. Смотри ты, какая шикарная запонка у тебя на груди!

— Темное пятнышко — это клеточное ядро, — сказал Челленджер с видом няньки, показывающей буквы ребенку.

— Значит, мы можем не чувствовать себя одинокими, — рассмеялся лорд Джон. — На земле живет, кроме нас, кое-кто еще!

— Вы как будто считаете бесспорным, Челленджер, — заговорил Саммерли, — что мир создан ради одной лишь цели — производить и поддерживать человеческую жизнь.

— А вы, сэр, можете указать какую-нибудь другую цель его создания? — ощетинился Челленджер при первом же намеке на противоречие.

— Иногда я думаю, что только по своему чудовищному самомнению человечество воображает, будто ми-

роздание — всего лишь подмостки, воздвигнутые для его спеси.

— Я не собираюсь возводить это в догму, но, даже не обладая тем, что вы изволили назвать чудовищным самомнением, мы смело можем считать себя высшим творением природы.

— Высшим среди того, что нами познано.

— Это, сэр, разумеется без слов. Подумайте, милли́оны или даже миллиарды лет Земля вертелась пустая или если не пустая, то все же без признаков человека, без намека на возможность его появления. Неисчислимые века ее омывали дожди, палило солнце, овевали ветры. По геологическому летосчислению человек явился из небытия только вчера. Так можно ли принимать как несомненное, что вся грандиозная подготовительная работа была произведена ради него?

— А ради кого же? Или ради чего?

Саммерли пожал плечами.

— Кто знает? У природы могут быть цели, непостижимые для нас... А человек, вероятно, простая случайность, побочный продукт общего процесса. Все равно, как если бы пена на поверхности океана вообразила, будто океан сотворен ради того, чтобы ее производить и поддерживать, или если бы церковная мышь возомнила, что здание собора — ее родовой замок.

Я скрупулезно, слово в слово записал их доводы. Но вскоре спор выродился в шумную перепалку, причем с обеих сторон посыпались двадцатисложные термины научного жаргона. Несомненно, завидная честь — слушать, как два первоклассных ума обсуждают самые высокие вопросы; но, так как они пребывают всегда в непримиримом разногласии, простые люди, вроде меня и лорда Джона, не могут вынести из подобных споров ничего положительного: доводы нейтрализуют друг друга, и мы остаемся ни с чем. Наконец гудение голосов умолкло, и Саммерли съежился в

своем кресле, тогда как Челленджер, все еще покручивая винты микроскопа, продолжал глухо, нечленораздельно ворчать, как море после бури. Лорд Джон подходит ко мне, и мы вместе смотрим в ночь.

Светит бледный молодой месяц — последний месяц, на котором еще остановится глаз человеческий, и ярко горят звезды. Даже над нагорьем Южной Америки, где воздух так прозрачен, я не видел более ярких звезд. Возможно, изменения в эфире оказывают какое-то действие на свет. Погребальный костер Брайтона еще пылает, и на западном склоне неба показалось очень далекое алое пятно, которое может указывать на бедствие в Эранделе, Чичестере или даже в Портсмуте. Я сижу в раздумье, время от времени кое-что записываю. В воздухе разлита нежная печаль. Юность, красота, рыцарство, любовь — неужели всему конец? В звездном свете Земля рисуется страной тихого покоя, какая только может присниться во сне. Кто вообразил бы, что она — страшная Голгофа, усеянная трупами вымершего человечества? Я вдруг услышал собственный смех.

— Ого, молодой человек! — Лорд Джон с изумлением уставился на меня. — Мы еще, оказывается, можем потешаться в этот грозный час? Что вы нашли смешного?

— Я думал о всех великих неразрешенных вопросах, — ответил я. — О вопросах, которые стоили стольких забот и трудов. Взять, к примеру, англо-германское соперничество или спор о Персидском заливе — конек моего шефа. Кто угадал бы, когда мы, бывало, курили и жарко спорили в редакции, как на самом деле разрешатся все эти «больные вопросы»!

И опять молчание. Наверно, все мы думаем о друзьях, которых больше нет. Миссис Челленджер тихо плачет, а муж что-то шепчет ей в утешение. Мне вспоминаются самые несхожие люди, и каждого я вижу белым и неподвижным, как бедный Остин во дво-

ре. Вот, например, Мак-Ардл. Я знаю в точности, где он сейчас: голова упала на письменный стол, рука застыла на телефонном аппарате — я ведь слышал сам, как он упал. Или Бомонт, наш главный редактор, — думаю, он лежит на красно-синем турецком ковре, украшающем его кабинет. А мои товарищи репортеры — Макдона, Марри, Бонд? Они, несомненно, умерли в пылу работы, заполнив свои блокноты записями живых впечатлений и необычайных происшествий. Я легко представляю себе, как их откомандировали — одного к знаменитым врачам, другого — в Вестминстерское аббатство, а третьего — в собор св. Павла. Какие блистательные заголовки вставали перед ними последним видением, которому — увы! — не суждено воплотиться в типографской краске. Я вижу Макдона среди врачей. «Надежда не напрасна». Мак всегда питал слабость к аллитерациям! «Интервью с Соли Уилсоном»... «Знаменитый терапевт говорит: отчаиваться рано»... «Наш специальный корреспондент нашел выдающегося ученого на крыше, куда он залез, спасаясь от толпы перепуганных пациентов, осадивших его квартиру. Не отрицая чрезвычайной серьезности положения, прославленный врач, однако, не допускает мысли, что всякое подобие надежды исключено». Так начал бы Мак. А Бонд? Он, вероятно, избрал бы собор св. Павла. Он верит в свой литературный талант. А ведь, правда, какая благодарная тема для него: «Я поднялся на хоры под самый купол и взираю с высоты на жалкий муравейник отчаявшихся людей, в эту последнюю минуту пресмыкающихся перед тою силой, которую они так упорно не желали признавать. И вот из смятенной толпы доносится до моих ушей такой жалкий стон мольбы и ужаса, такой потрясающий вопль о помощи, обращенный к неведомому...» И т.д и т.д.

Да, для репортера это славная смерть, хотя бы он, подобно мне, должен был умереть, так и не использо-

вав свое сокровище. Чего бы не отдал бедняга Бонд, чтоб увидеть свои инициалы под таким столбцом!

Ну и вздор я написал! Но это просто попытка как-нибудь заполнить томительные минуты. Миссис Челленджер ушла в заднюю комнату, и профессор сказал, что она спит. Он сидит за круглым столом и, заглядывая в справочники, ведет запись так спокойно, как будто его ждут впереди долгие годы мирного труда. Пишет он, шумно скрипя своим стило, и кажется, что оно взвизгивает, высмеивая тех, кто не согласен с автором.

Саммерли заснул, и время от времени из его кресла доносится удивительно назойливый храп. Лорд Джон откинулся на спину, засунув руки в карманы и закрыв глаза. Просто непостижимо, как могут люди спать при таких обстоятельствах?!

Половина четвертого пополуночи. Я только что проснулся в испуге. Было пять минут двенадцатого, когда я написал последние слова. Я помню, как завел тогда часы и отметил время. Значит, я истратил зря чуть не пять часов из короткого оставшегося нам срока. Кто поверил бы! Зато я чувствую себя куда бодрей. Я готов принять свою судьбу... или убеждаю себя, что готов. А все-таки чем крепче человек, чем выше в нем прилив жизни, тем страшней для него смерть. Как же мудра и милостива предусмотрительная природа, если обычно она понемногу, исподволь ослабляет якорь земной жизни человека, пока его помыслы не обратятся от земной неверной гавани к великому морю вечности!

Миссис Челленджер все еще не выходила из-за портьеры. Челленджер уснул в кресле. Что за картина! Богатырский торс откинулся назад, большие волосатые руки переплелись на жилете, а голова так запрокинута, что я ничего не вижу над его воротником, кроме всклокоченной пышной бороды. Он вздрагивает от раскатов собственного храпа. Саммерли нет-нет, а

вплетет свой жиденький тенор в полногласный бас Челленджера. Лорд Джон тоже спит, его длинное туловище, перегнувшись пополам, свесилось в плетеном кресле набок. Первый холодный свет зари прокрадывается в комнату, и все предметы в нем серы и унылы.

Я смотрю в окно на рассвет — на роковой рассвет, который засияет над необитаемой землей. Род человеческий сгинул, истребленный за одни сутки, но планеты вершат свое кружение, наступают чередой приливы и отливы, ропщет ветер, и вся природа живет, как жила, — вплоть, оказывается, до амебы, — и нигде ни признака, что тот, кто возомнил себя властителем мира, когда-либо украшал или пятнал своим присутствием вселенную. Внизу, во дворе, лежит, раскинув руки, Остин; тускло белеет его лицо в свете зари, и сопло шланга еще торчит из мертвого кулака. Весь род человеческий олицетворяет эта и смешная и трагическая фигура шофера, так беспомощно лежащая возле машины, которой он привык управлять.

Здесь кончаются заметки, сделанные мною в ту ночь. Дальше события развивались так быстро и властно, что записывать я не мог; но они до последней подробности врезались в память.

У меня вдруг перехватило дыхание, я поглядел на кислородные баллоны и содрогнулся перед тем, что увидел. Срок нашей жизни истекал. Среди ночи, пока мы спали, третий баллон иссяк, и Челленджер пустил в ход четвертый. Сейчас было очевидно, что и этот на исходе. Мерзкое удушье сильней сдавило мне горло. Я бросился к стене и, отвинтив регулятор, приладил его к нашему последнему баллону. Я делал это вопреки укорам совести, — ведь останься я сидеть сложа руки, мои товарищи могли бы мирно отойти во сне! Женский голос из-за портьеры отогнал эту мысль.

— Джордж, Джордж, я задыхаюсь!

— Все в порядке, миссис Челленджер, — отозвался

я, а тут и остальные вскочили на ноги. — Я уже пустил газ из нового баллона.

Даже в такую трагическую минуту я не мог удержаться от улыбки, когда увидел, как Челленджер огромными волосатыми кулаками протирает глаза, точно большой бородатый младенец со сна. Саммерли, поняв положение вещей, затрясся мелкой лихорадочной дрожью: на одну минуту простой человеческий страх одержал верх над стоицизмом ученого. Лорд Джон, напротив, был так спокоен и бодр, как будто собирался на охоту.

— Пятый и последний, — сказал он, взглянув на баллон. — Но что это вы, молодой человек, сидели всю ночь с блокнотом на коленке — неужели записывали впечатления?

— Да, набросал кое-какие заметки, чтобы протянуть время.

— Ну и ну! Наверно, только ирландец способен на такую штуку. Боюсь, вам придется ждать читателя, пока не подрастет сестрица амеба. Сейчас она едва ли хоть сколько-нибудь смыслит в литературе. Ну, герр профессор, какой ваш прогноз?

Челленджер всматривался в космы густого утреннего тумана, затопившего поля. Здесь и там лесистые холмы коническими островами поднимались из седого моря.

— Земля словно в саване, — сказала миссис Челленджер, выйдя к нам в утреннем халате. — Как там, Джордж, поется в твоей любимой песне? «Старому — звон похоронный, благовест — новому дню!»... Точно пророчество. Но вы продрогли, мои дорогие друзья. Мне было тепло под одеялом, а вы, бедные, мерзли в креслах всю ночь! Ничего, сейчас вы у меня согреетесь.

Храбрая маленькая женщина скрылась за портьерой, и вскоре мы услышали посвистывание котелка. Она вернулась, неся на подносе пять дымящихся чашек какао.

— Пейте, — сказала она, — вам сразу станет лучше.

Мы и в самом деле приободрились. Саммерли спросил разрешения, и все закурили — он свою трубку, мы трое папиросы. Курение, я думаю, укрепило наши нервы, но мы совершили страшную ошибку, так как в комнате от табака стало нестерпимо душно. Челленджеру пришлось открыть вентилятор.

— На сколько хватит, Челленджер? — спросил лорд Джон.

Тот пожал плечами:

— Часа на три.

— Мне сперва было страшно, — сказала его жена. — Но чем ближе я подхожу к концу, тем легче он мне кажется. Не помолиться ли нам, Джордж?

— Молись, моя родная, если ты так хочешь, — ласково ответил ей богатырь. — Каждый из нас молится на свой лад. Примиренное приятие всего, что ни пошлет судьба, приятие полное и веселое — вот моя молитва. Высшая вера и высшая наука в этом для меня как бы сливаются воедино.

— Я погрешил бы против истины, если бы назвал свое душевное состояние примиренностью, да еще веселой, — проворчал Саммерли в чубук. — Меня принуждают, и я покоряюсь. Но, признаться, я охотно пожил бы еще годик-другой, чтобы закончить мою классификацию ископаемых мелового периода.

— Ваша незаконченная работа, — кичливо сказал Челленджер, — пустяк по сравнению с тем, что мой собственный капитальный труд «Лестница жизни» так и не продвинулся дальше первой ступени. Мой ум, моя начитанность, мой опыт — словом, вся неповторимая совокупность качеств — были бы вложены в эту книгу, которая должна была составить эпоху в науке. И все-таки говорю вам: я приемлю судьбу!

— Думаю, у нас у всех что-нибудь осталось не доделано, — сказал лорд Джон. — Что у вас, например, молодой человек?

— Я работал над книгой стихов.

— Ну, теперь мир от нее избавлен, — вздохнул лорд Джон. — Покопаться, так всегда найдешь, что нет худа без добра.

— А у вас? — спросил я.

— Получилось так, что я как раз привел в порядок свои дела и готов ко всему. Вот только я обещал Мэривелу поехать с ним весной в Тибет на барса. Но за вас особенно обидно, миссис Челленджер: вы едва успели устроиться в этом уютном доме!..

— Где Джордж, там и дом мой. Но чего бы я не дала, чтобы еще раз погулять вдвоем по этим милым холмам, подышать свежим утренним воздухом!

Ее слова задели нас всех за живое. Солнце пробилось сквозь сизую завесу тумана и залило золотым своим светом всю ширь Уилда; а мы сидели взаперти, в сумрачной, ядовитой атмосфере, и восхитительный вид за окном, этот чистый, овеянный ветром деревенский простор, был для нас как воплощенная мечта о красоте. Миссис Челленджер в тоске протянула руки к холмам. Мы сдвинули кресла и сели полукругом у самого окна. Стало очень душно. Мне казалось, тени смерти надвигаются на нас — последних в роде человеческом. Как будто невидимый занавес опускался со всех сторон.

— Этого баллона хватит ненадолго, — сказал лорд Джон и жадно глотнул воздух.

— Количество газа в данном объеме есть величина переменная, — пояснил Челленджер. — Она зависит от того, под каким давлением его вводили в сосуд и насколько тщательно соблюдалась при этом осторожность. Я склонен согласиться с вами, Рокстон, что баллон с изъяном.

— Выходит, у нас украли последний час нашей жизни! — со злостью сказал Саммерли. — Это превосходно рисует нам напоследок, в какой мы жили подлый и корыстный век. Что ж, Челленджер, если вы

наметили изучить субъективные явления физического распада, — пора приступать.

— Садись на скамеечку у моих ног и дай мне руку, — сказал Челленджер жене. — Думаю, друзья, едва ли стоит медлить дольше в этой нестерпимой духоте. Ведь ты не хочешь, дорогая, правда?

Жена тихо застонала и уткнулась лицом в его колени.

— Я не раз смотрел, как люди зимой купаются в Серпентайне[1], — сказал лорд Джон. — Когда почти все вошли в воду, двое-трое еще дрожат на берегу и завидуют тем, кто посмелей и уже окунулся. Хуже всех последнему. Я за то, чтобы сразу в воду с головой — и конец!

— Что же, по-вашему? Отворить окно — и пусть эфир делает свое дело?

— Лучше яд, чем удушье.

Саммерли, неохотно соглашаясь, кивнул головой и протянул Челленджеру худую руку.

— Мы в свое время часто ссорились, но теперь это все позади, — сказал он. — В глубине души мы всегда были добрые друзья и уважали друг друга. Прощайте.

— Прощайте, мой мальчик! — сказал мне лорд Джон. — Окно запечатано. Вам его так не открыть.

Челленджер наклонился, поднял жену и прижал ее к груди, а жена обвила руками его шею.

— Дайте мне этот полевой бинокль, Мелоун, — сказал он спокойно.

Я подал.

— В руки той силы, что создала нас, предаемся вновь! — прогремел его голос, и с этими словами он бросил бинокль в окно.

Еще не отзвучал звон последних осколков, как благодатный ветер обдал наши пылающие лица сильным и сладким дыханием.

---

[1] Цепь прудов в Лондоне, в Гайд-парке.

Не знаю, как долго мы сидели в изумленном молчании. Потом, как сквозь сон, я вновь услышал голос Челленджера.

— Мы вернулись к нормальным условиям! — вскричал он. — Земля пронеслась сквозь отравленный пояс, но из всего человечества спаслись мы одни.

Глава V

МЕРТВЫЙ МИР

Помню, мы все сидели в креслах и жадно глотали свежесть и влагу, которые нес нам с моря юго-западный ветер, взвивая шелковые занавеси и охлаждая наши горящие лица. Сколько времени мы так просидели? Впоследствии мы никак не могли согласно ответить на этот вопрос. Мы были ошеломлены, оглушены, чуть не без чувств. Перед тем мы собрали все свое мужество, чтобы встретить смерть, но этот новый поворот, страшный и нежданный — то, что мы остались одни на земле, пережив весь род человеческий, — нанес нам тяжелый, телесно ощутимый удар и оставил нас в оцепенении. Потом приостановленная машина снова понемногу начала работать, засновал челнок памяти, мысли в мозгу стали сплетаться в ткань. С живой, беспощадной ясностью мы увидели соотношение прошлого, настоящего и будущего — ту жизнь, которой мы жили раньше, и ту, что нам предстояла теперь. В безмолвном ужасе смотрели мы друг на друга и читали в ответном взгляде товарищей тот же ужас. Вместо радости, какую, казалось бы, должны были испытывать люди, только что избежавшие неминуемой смерти, нас захлестнуло волной черное уныние. Все, что мы любили на земле, смыто в бесконечный неведомый океан, и мы высажены одни на необитаемый остров, без товарищей, без ожиданий, без надежд. Не-

сколько лет будем рыскать, как шакалы, между могилами вымершего человечества, а потом придет и наш запоздалый и одинокий конец.

— Это ужасно, Джордж, ужасно! — простонала женщина, захлебываясь от рыданий. — Ах, если бы мы погибли с другими! Зачем ты спас нас? У меня такое чувство, точно мы мертвы, а все остальные живы.

Густые брови Челленджера насупились в сосредоточенной думе, между тем как его большая волосатая лапа сжала протянутую к нему руку жены. Я заметил, что в беде жена всегда вот так тянулась к нему руками, точно ребенок к матери.

— Я не настолько фаталист, чтобы проповедовать непротивление, — сказал он, — но тем не менее я всегда считал, что высшая мудрость — в примирении с действительностью. — Он говорил медленно, и его полнозвучный голос дрожал, проникнутый глубоким чувством.

— А я не согласен примириться, — твердо сказал Саммерли.

— А по-моему, ваше согласие или несогласие не стоят и выеденного яйца, — заметил лорд Джон. — Вы просто вынуждены принять судьбу, а как вы примите ее — готовясь к бою или упав на колени, — не все ли равно? Насколько я помню, никто не спрашивал нашего разрешения, когда началась эта штука, и никто, похоже, не спросит и теперь. Так что какая разница, что мы думаем на этот счет?

— Разница та же, как между счастьем и горем, — сказал Челленджер, глядя на нас отсутствующим взглядом и все еще поглаживая руку жены. — Вы можете плыть по течению, сохраняя душевный мир, и можете ринуться против него и бороться до изнеможения. Не в наших силах что-нибудь изменить, а потому примем все так, как оно есть, и не будем роптать..

— Но что мы теперь станем делать? Для чего будем жить? — бросил я в отчаянии в пустое синее небо. —

Что, например, буду делать я? Не стало газет — значит, конец моему призванию.

— Не на кого охотиться, не с кем воевать, так что и для меня все кончено, — сказал лорд Джон.

— Не стало студентов — значит, кончено и для меня, — прохрипел Саммерли.

— Но у меня остался муж, остался дом — значит, я могу благодарить небо, для меня не все еще кончено, — сказала женщина.

— Не кончено и для меня, — заметил Челленджер, — потому что наука не умерла, и катастрофа сама по себе предлагает нам для исследования множество захватывающих проблем.

Он успел распахнуть окна, и мы, не отрывая глаз, глядели на безмолвный и недвижный ландшафт.

— Дайте сообразить... — продолжал он. — Было часа три, начало четвертого, когда Земля вчера днем окончательно вошла в отравленную зону — настолько, что вся погрузилась в яд. Сейчас девять утра. Спрашивается, в котором часу мы вышли из пояса яда?

— На рассвете воздух был очень тяжел, — сказал я.

— Да и позже, — сказала миссис Челленджер. — Я еще в восемь часов ясно ощущала, что у меня спирает дыхание, как это было в самом начале.

— Значит, будем считать, что из отравленного пояса мы вышли в начале девятого. Земля семнадцать часов была погружена в ядовитый эфир. За это время великий садовник очистил свои плоды от человеческой плесени, разросшейся на их поверхности. Возможно ли, что он не довел свою работу до конца — что выжили и другие, кроме нас?

— Я задавал себе тот же вопрос, — сказал лорд Джон. — Может, найдутся на берегу и другие гальки, как и мы, не смытые прибоем.

— Совершенно немыслимо, чтобы кто-либо мог выжить, кроме нас! — убежденно сказал Саммерли. — Учтите, яд был так зловреден, что даже человек, кото-

рый силен, как бык, и не знает, что такое нервы, — такой человек, как наш Мелоун, — еле-еле поднялся по лестнице и тут же упал без чувств. Как можно думать после этого, чтобы кто-либо выжил хоть семнадцать минут, не то что семнадцать часов?

— А если кто-нибудь еще предвидел катастрофу и приготовился к ней так же, как наш друг Челленджер?

— Это едва ли возможно! — Челленджер задрал бороду и сощурил глаза. — Сочетание наблюдательности, логики и богатого воображения — всего, что мне позволило предвосхитить опасность, — вряд ли может встретиться дважды в одном поколении.

— Итак, ваш вывод, что все безусловно мертвы?

— Это почти несомненно. Однако не следует забывать, что действие яда начало сказываться сперва в низинах, потом выше и выше, так что в верхних слоях атмосферы оно могло быть и не столь смертоносным. Странно, почему это так, но здесь мы наталкиваемся на одну из тех задач, которые в будущем откроют перед нами соблазнительное поле для исследований. Итак, легко себе представить, что если кто захочет искать людей, оставшихся в живых, ему придется обратить свой взор к какому-нибудь тибетскому селению или альпийской ферме на высоте многих тысяч футов над уровнем моря.

— А так как нет ни железных дорог, ни пароходов, можно с тем же успехом искать людей на Луне, — сказал лорд Джон. — Я спрошу другое: игра сыграна или это только перерыв?

Саммерли вытянул шею, чтоб оглядеть горизонт.

— Небо как будто ясное и чистое, — сказал он нерешительно. — Но так же было и вчера. Я далеко не уверен, что опасность миновала.

Челленджер пожал плечами.

— Мы снова должны положиться на судьбу, — сказал он. — Если мир когда-либо переживал подобное — а такая возможность отнюдь не исключена, — то это

было, несомненно, в весьма отдаленные времена. Мы с полным основанием можем надеяться, что если катастрофа и повторится, то очень не скоро.

— Так-то оно так, — сказал лорд Джон. — Но, когда вас застигнет землетрясение, вы почти наверное можете сразу за первым толчком ждать второго. Я предлагаю размять ноги и пойти подышать свежим воздухом, покуда можно. Наш кислород иссяк, так что все равно, где нас застигнет, на воле или в четырех стенах.

Но после всех волнений, пережитых за последние сутки, нами овладела полная апатия. Реакция была и нравственная и физическая, в глубине сознания угнездилось чувство безразличия ко всему, ничто, казалось, не стоило труда. Даже Челленджер поддался этой апатии и сидел в кресле, подперев голову обеими руками и унесшись мыслями вдаль, пока лорд Джон и я, подхватив с двух сторон под мышки, не подняли его на ноги дружным усилием, и наградой нам был свирепый взгляд цепного пса и грозное рычание. Однако раз уж мы так или иначе вышли из нашей тесной гавани и могли дышать более вольным воздухом повседневной жизни, к нам мало-помалу вернулась обычная наша энергия.

Но за какое дело могли мы взяться на этом всесветном кладбище? Испокон веков вставал ли когда перед человеком подобный вопрос? Правда, в смысле наших телесных потребностей — даже в предметах роскоши — мы были обеспечены на будущее. Все запасы пищи, все винные склады, все сокровища искусства были наши — только бери! Но что нам было делать? Сперва мы обратились к той незначительной работе, что была тут же под рукой: сошли в кухню и уложили двух служанок, каждую на ее кровать. Они скончались, по-видимому, без страданий — одна в кресле у печки, другая на полу подле мойки. Потом мы внесли в дом бедного Остина. В смертном оцепенении ему свело мускулы, и они одеревенели, меж тем как судорога искривила его рот в горькую усмешку. Эта особенность

наблюдалась у всех, кто умер от яда. Куда ни погляди, везде мы встречали те же осклабленные лица, они как будто глумились над нами в нашем отчаянии, улыбаясь молчаливо и угрюмо в лицо злополучным счастливцам, пережившим весь человеческий род.

— Вы как хотите, — сказал лорд Джон, беспокойно шагавший взад и вперед по столовой, пока мы завтракали, — а я просто не могу сидеть здесь, ничего не делая!

— Может быть, вы будете любезны высказать, — ответил Челленджер, — что, по-вашему, мы должны предпринять?

— Прежде всего сняться с места и посмотреть, что произошло.

— Я предложил бы то же самое.

— Но не в этой деревушке. Все, что тут есть поучительного, мы можем увидеть в окно.

— Куда же мы двинем?

— В Лондон!

— Хорошо вам рассуждать, — заворчал Саммерли. — Может быть, вам обоим нипочем отшагать сорок миль, но Челленджеру едва ли дойти до места на своих колодах, а я-то не дойду наверняка!

Челленджер вломился в амбицию.

— Если бы, сэр, изощряясь в остроумии, вы занялись обсуждением вашего собственного телесного склада, перед вами открылось бы достаточно широкое поле для дискуссий, — раскипятился он.

— Я вовсе не хотел вас обидеть, милый Челленджер, — ответил наш неосторожный друг. — Человек не отвечает за свое сложение. Если природа дала вам короткое и тяжелое туловище, то вы не виноваты, что у вас ноги как колоды.

Челленджер от ярости даже не мог отвечать. Он только ощетинился весь, моргал глазами и рычал. Лорд Джон поспешил вмешаться, пока спор не разгорелся еще сильней.

— Кто говорит о ходьбе? Нам незачем идти пешком, — сказал он.

— Уж не предложите ли ехать поездом! — прошипел Челленджер, все еще не успокоившись.

— А почему нам не поехать в автомобиле? Чем плохо?

Челленджер задумчиво дергал свою бороду.

— Я по этой части не знаток, — сказал он. — Но, с другой стороны, вы совершенно правы, полагая, что человеческий интеллект в своем наивысшем проявлении окажется достаточно гибок, примененный к любому делу. Вы напали на превосходную мысль, лорд Джон. Я сам повезу вас в Лондон.

— Вы ничего подобного не сделаете, — решительно заявил Саммерли.

— Нет, конечно, не надо, Джордж! — вмешалась и жена. — Ты только раз попробовал и помнишь, как ты разнес ворота гаража?

— Это произошло от минутной рассеянности, — примирительно сказал Челленджер. — Решено! Я везу вас всех в Лондон.

Лорд Джон еще раз спас положение.

— Какая у вас машина?

— «Хамбер». Двадцать лошадиных сил.

— Да я же водил такую много лет! — сказал лорд Джон и, помолчав, добавил: — Черт возьми! Вот уж не думал я дожить до того, что повезу в автомобиле сразу весь род людской. Помнится, там как раз пять мест. Собирайте вещи, я подам машину ровно в десять.

Точно в назначенный час машина, кряхтя и фырча, подкатила к подъезду с лордом Джоном у руля. Я занял место рядом с ним, а на заднем сиденье миссис Челленджер втиснулась маленьким, но необходимым буфером между двумя гневливыми профессорами. Затем лорд Джон отдал тормоза, быстро перевел рычаг с первой скорости на третью, и мы пустились в самую странную поездку, в какую только случалось пускаться людям, с тех пор как человек впервые появился на Земле.

Вообразите сами всю прелесть природы в тот августовский день: свежий утренний воздух, золотое сияние летнего солнца, безоблачное небо, буйную зелень суссекских лесов и темный пурпур одетых вереском холмов. Поглядев вокруг на эту многоцветную красоту, вы бы и думать забыли о небывалой катастрофе, когда бы не один зловещий признак: торжественное всеобъемлющее безмолвие. Деревенскую местность с густым населением всегда наполняет милый гомон жизни, такой гулкий и такой постоянный, что его перестаешь замечать, как не чувствует приморский житель постоянного ропота волн. Щебет птиц, жужжание насекомых, глухое эхо голосов, мычание коров, собачий лай вдали, и грохот поездов, и стук колес на проселках — все это сливается в густой, немолчный шум, который ухо, не слушая, слышит. Нам его теперь недоставало. Мертвое безмолвие страшило нас. Оно было так торжественно, так властно, что шум нашей машины казался беззаконным вторжением, непристойным невниманием к уважительной тишине, которая легла покровом на руины мира человеческого. Это молчание да клубы дыма, высоко подымавшегося здесь и там над догоравшими домами, вселяли холод в наши сердца, когда мы обводили взглядом великолепную панораму Уилда.

И потом — мертвецы! Сперва мы в трепете отшатывались при виде все новых и новых вытянутых и осклабленных лиц. Так было живо впечатление и так врезалось в мозг, что сейчас я точно заново совершаю этот медленный спуск с холма к станции — проезжаю мимо няньки с двумя детьми, вижу старую лошадь, упавшую на колени между оглобель, вижу перегнувшегося с козел возчика и молодого человека в колымаге, который схватился рукой за открытую дверцу да так и застыл, не успев соскочить. Дальше лежали вповалку шесть жнецов. Их руки и ноги раскинуты как попало, мертвые глаза недвижно смотрят ввысь, в пы-

лающую синеву. Эти подробности я вижу, как на фотографии. Но вскоре по милостивой предусмотрительности природы нервы, слишком возбужденные, перестали реагировать. Сама чрезмерность кошмара притупляла его воздействие на человека. Отдельные лица тонули в группах, группы — в толпах, толпы — во всеобщем явлении, которое вскоре стало восприниматься как непременная подробность каждого пейзажа. Только временами какая-нибудь особенно жестокая или причудливая сцена вдруг привлекала внимание и резким толчком возвращала мысль к жизненному, человеческому значению этих картин.

Тяжелее всего поражала судьба детей. Помню, она наполняла нас нестерпимым чувством несправедливости. Мы едва не плакали, — а миссис Челленджер и впрямь заплакала, — когда проезжали мимо большой приходской школы и увидели длинную вереницу детских трупиков вдоль ведущей от нее дороги. Перепуганные учителя распустили классы, и дети спешили домой, когда яд уловил их в свою сеть. Много людей было видно у открытых окон домов. В Танбридж-Уэлсе, кажется, не было ни одного окна, из которого не глядело бы лицо, застывшее в улыбке. В последнее мгновение жажда воздуха — та самая тяга к кислороду, которую мы одни смогли удовлетворить, — бросала несчастных к окну. Тротуары были тоже выстланы телами простоволосых женщин и мужчин, которые, не думая о шапках и шляпках, опрометью выбегали на улицу. Многие упали на мостовой. На наше счастью, лорд Джон оказался искусным шофером: выбирать дорогу было не так-то легко. Через деревни и города приходилось пробираться самым тихим ходом, а однажды, помню, против школы в Тонбридже мы сделали остановку, чтобы оттащить в сторону тела, совсем загородившие проезд.

В памяти моей сохранилось лишь немного отдельных картин из этой длинной панорамы смерти, развер-

нувшейся вдоль шоссейных дорог Суссекса и Кента. Мне среди прочего запомнился большой сверкающий автомобиль у подъезда деревенской гостиницы в Саутборо. Он, вероятно, вез компанию, возвращавшуюся из увеселительной поездки к морю — в Брайтон или Истборн. Это были три нарядные дамы, все три молодые и красивые, одна с китайской собачкой на коленях. При них — фатоватый пожилой господин и юный аристократ с моноклем в глазу и с прогоревшей до мундштука папиросой между пальцев затянутой в перчатку руки. Смерть, видно, захватила их мгновенно, сковав в той позе, как они сидели. Если бы старый волокита в последний миг, задыхаясь, не сорвал с себя воротничок, можно бы подумать, что все они уснули. Возле автомобиля по одну сторону, у самой подножки, прикорнул слуга, а вокруг валялись рядом с подносом осколки стаканов. По другую сторону лежали двое оборванцев — мужчина и женщина; мужчина упал, протянув вперед длинную, тощую руку — как он всю жизнь протягивал ее за милостыней. Одно мгновение сравняло аристократа, слугу, нищего и собаку, превратив их всех в косную, разлагающуюся протоплазму.

Запомнилась еще одна поразительная картина. В нескольких милях от Севенокса — как едешь к Лондону, то с левой стороны — высится на придорожном холме большой женский монастырь, а прямо от него спускается пологий зеленый склон. На этом склоне собралось много школьников, и все они, мальчики и девочки, стояли на коленях, приготовясь к молитве. Перед ними, заключив их в кольцо, лежали монахини, а выше по склону, к ним лицом, — одинокая фигура, должно быть, настоятельница монастыря. В отличие от искателей развлечений в том роскошном автомобиле эти люди были, как видно, предупреждены о надвигавшейся опасности и умерли достойно, учителя с учениками вместе, собравшись на этот последний единый для всех урок.

У меня и сейчас кровь леденеет от ужаса, и тщетно ищу я слов, чтобы передать наши чувства. Может быть, самое правильное — оставить такие попытки и ограничиться сухим изложением фактов. Даже Сammерли и Челленджер были подавлены, и за спиной мы не слышали ничего, кроме прорывавшегося вдруг тихого плача женщины. Лорд Джон был так поглощен своей трудной задачей — вести машину да еще выбирать дорогу, что на разговоры у него не оставалось ни времени, ни охоты. Он только повторял одну и ту же фразу так неизменно, что она, как заноза, застряла в моей памяти и под конец едва не вызывала у меня смех, до того нелепо звучала она применительно к видению страшного суда:

— Ну и дела! Здорово!

Этими словами он встречал каждую новую потрясающую картину бедствия и смерти, вставшую перед нами. «Ну и дела! Здорово!» — восклицал он, когда мы совершали спуск от Ротерфилда к станции; и все приговаривал: «Ну и дела! Здорово!», — когда вел машину сквозь дебри смерти по Главной улице Луишема и по старой кентской дороге.

Здесь, в Луишеме, мы неожиданно увидели то, что нас больше всего поразило. В окне бедного углового домика развевался белый платок, которым махала чья-то длинная, тощая рука. Еще ни разу ни при одной картине внезапной смерти так не замирали наши сердца и не бились потом так бешено, как при этом поразительном признаке жизни. Лорд Джон подвел машину к тротуару, и мгновение спустя мы кинулись в открытую дверь, взбежали по лестнице на третий этаж и влетели в комнату с окном на улицу, откуда был подан сигнал.

В кресле у раскрытого окна сидела очень старая дама, а рядом с нею на втором кресле лежал баллон с кислородом, такой же, как те, что спасли нам жизнь, но только поменьше. Когда мы столпились у входа,

дама повернула к нам худое, длинное лицо в роговых очках.

— Я уже боялась, что меня тут оставили одну навсегда, — сказала она. — Я калека, не могу тронуться с места.

— К счастью, сударыня, — ответил Челленджер, — мы случайно проезжали мимо.

— Я должна задать вам один очень важный вопрос, — сказала старуха. — Умоляю вас, джентльмены, скажите мне откровенно: как эти события отразятся на акциях Северо-Западной железной дороги?

Мы бы рассмеялись ей в лицо, если бы она не глядела на нас с таким трагическим нетерпением, ожидая ответа. Миссис Бертон (так звали старуху) была вдова. Ее небольшое состояние было помещено в эти акции, уклад ее жизни зависел от подъема и снижения дивидендов, и все на свете она воспринимала только в связи с тем, как оно отражалось на курсе этих акций. Тщетно старались мы втолковать ей, что теперь все деньги на земле в ее распоряжении — бери сколько хочешь! — но что их не стоит брать. Ее старушечий ум не мог освоиться с этой новой мыслью, и она громко плакала о своем погибшем капитале.

— У меня только и было, что эти акции, — разохалась она. — Если они пропали, то и я теперь пропаду!

Из ее причитаний мы уяснили, каким образом этот хилый, старый росток остался жив, когда пал кругом весь великий лес. Инвалид, она была прикована к креслу да еще и страдала астмой. Кислород был ей прописан по болезни, и к началу катастрофы в комнате у нее оказался баллон. Когда ей стало трудно дышать, она, естественно, схватилась за трубку, как делала это всегда. Привычное средство принесло ей облегчение, и она, экономно расходуя свой запас, кое-как протянула ночь. Утром она заснула и спала, пока ее не разбудил шум нашей машины. Так как взять ее с собой было невозможно, мы снабдили ее необходимыми

припасами и пообещали проведать ее не позже, как через два дня. Так мы ее и оставили, все еще горько причитавшую о своих обесцененных акциях.

По мере приближения к Темзе заторы на улицах становились все плотнее, препятствия сложней. С большим трудом мы перебрались через Лондонский мост. Спуск от моста к Мидлсексу был из конца в конец так забит неподвижным транспортом, что продвигаться дальше в этом направлении стало невозможно. У одной из верфей близ моста пылал пароход, и воздух был полон летучей копоти и тяжелого, едкого запаха гари. Неподалеку от здания Парламента висело облако густого дыма, но где пожар, мы не могли определить.

— Не знаю, как на ваш взгляд, — сказал лорд Джон, остановив машину, — а по-моему, в деревне веселей, чем в городе. Мертвый Лондон действует мне на нервы. Я предлагаю объехать город кругом и вернуться в Ротерфилд.

— Признаться, я не вижу, на что мы здесь можем надеяться, — поддержал профессор Саммерли.

— Тем не менее, — заговорил Челленджер, и его могучий голос странно отдавался среди мертвой тишины, — трудно представить себе, чтобы из семи миллионов населения никто, кроме той старухи, в силу ли каких-то исключительных свойств организма, или по особому роду своих занятий не оказался способен пережить катастрофу.

— Даже если выжили еще и другие, разве есть у нас надежда отыскать их? — вздохнула миссис Челленджер. — И все-таки, Джордж, я согласна с тобой: мы не можем сразу повернуть назад, не сделав даже попытки!

Выйдя из машины и оставив ее у обочины, мы не без труда стали пробираться по запруженному тротуару Кинг-Уильям-стрит и вошли в распахнутую дверь крупной страховой конторы. Дом был угловой, и мы выбрали его, потому что отсюда открывался широкий вид на все четыре стороны. Поднявшись по лестнице,

мы пересекли большую комнату — кабинет правления, решил я, так как посреди нее сидели за длинным столом восемь пожилых мужчин. В открытую настежь стеклянную дверь мы вышли все на балкон. Отсюда мы могли видеть расходившиеся радиусами улицы Сити, сплошь устланные трупами, а мостовая под нами из края в край чернела крышами неподвижных такси. Почти все они были повернуты не к центру города, а в обратную сторону, — видно, каждый из этих дельцов, охваченный ужасом, в последнюю минуту напрасно рвался за город к своей семье. Здесь и там среди более скромных машин красовался большой, блистающий медью лимузин какого-нибудь финансового магната, беспомощно застрявший в недвижном потоке транспорта. Прямо под нами стояла одна такая машина, очень большая и очень шикарная. Ее владелец, старый толстяк, наполовину высунулся в окно своим грузным туловищем и оттопырил пухлую, сверкающую бриллиантами руку, словно понукая шофера сделать последнее усилие пробиться сквозь затор.

В середине потока высокими островами поднимался десяток автобусов, и пассажиры на империалах лежали где кучей, где накрест один на другом, точно игрушки в детской. Среди улицы, на широком цоколе фонаря стоял дюжий полисмен, и не верилось, что он мертв: так естественно он прислонился спиной к столбу; а у ног его грудой лохмотьев лежал мальчишка-газетчик, и рядом на мостовой — кипа газет. Тут же стоял затертый в толпе газетный фургон, и мы могли прочесть на большом плакате черным по желтому: «Скандал на футболе. Матч на первенство по графству сорван». Это относилось, по-видимому, к ранним выпускам, так как другие плакаты вещали: «Наступил ли конец света? Предупреждение великого ученого». И рядом: «Прав ли Челленджер? Зловещие слухи».

Челленджер указал жене на этот последний плакат, который вознесся над толпой, как знамя. Выпятив

грудь и поглаживая бороду, он читал и перечитывал плакат. Видно, сложному уму ученого льстила мысль, что Лондон умирал, памятуя его слова и с его именем на устах. Эти чувства так откровенно отразились на его лице, что Саммерли не удержался и съязвил:

— Что, Челленджер, в лучах славы до конца?

— Очевидно, так, — миролюбиво ответил Челленджер. — Пожалуй, нам больше незачем оставаться в Лондоне, — добавил он, еще раз окинув взором длинные радиусы улиц, безмолвных, забитых мертвецами. — Предлагаю немедленно вернуться в Ротерфилд и там посовещаться о том, как нам потолковей использовать годы, лежащие впереди.

Я передам еще только одну картину, из тех, что мы уносили в памяти, покидая мертвый город. Она представилась нам, когда мы заглянули в старую церковь святой Марии, — как раз у того места, где ждал наш автомобиль. Пробравшись между распростертыми на паперти телами, мы толкнули тяжелую дверь и вошли. Удивительное зрелище представилось нам. Церковь была битком набита коленопреклоненными фигурами во всевозможных позах мольбы и уничижения. В грозную последнюю минуту, внезапно встретившись лицом к лицу с правдой бытия — тою страшной правдой, что всегда нависает над нами, пока мы гоняемся за призраками, — люди в панике бросились в старенькие церковки Сити, где, верно, десятками лет служба не собирала паствы. Они столпились так тесно, чтобы только можно было как-нибудь стать на колени, и многие в переполохе даже не сняли шляп, а с кафедры молодой человек в одежде мирянина, по-видимому, обратился к ним со словом, когда и их и его настигла общая судьба. Теперь он болтался, как петрушка в балаганчике, свесив через борт кафедры голову и бессильные руки. Серое, пыльное убранство церкви, ряды фигур, застывших в предсмертной судороге, безмолвие и полумрак — все было, как страшный сон.

Мы понизили голоса до шепота и двигались на цыпочках.

И тут меня вдруг осенило. В углу церкви, возле двери, стояла старая купель, а за нею, в глубокой нише, висели канаты колоколов. Что, если мы дадим по Лондону весть, которая привлечет к нам каждого, кто остался жив? Я подбежал к нише и, потянув обшитый мешковиной канат, с удивлением убедился, как трудно раскачивать колокол. Ко мне подошел лорд Джон.

— Здорово, молодой человек! — сказал он, сбрасывая пальто. — Это вы чертовски хорошо придумали! Дайте-ка мне ухватиться тоже, и дело пойдет!

Но колокол был так тяжел, что только когда на канате повисли вместе с нами всем своим весом еще и Саммерли с Челленджером, мы наконец услышали над головой лязг и рев, возвестившие, что медный язык начал вызванивать свою музыку. Далеко разнесся над мертвым Лондоном благовест товарищества и надежды, взывая к живому человеку. Зычный голос металла ободрил наши сердца, и мы еще усердней взялись за дело, взлетая на два фута над полом при каждом взмахе каната и напрягаясь всем телом при обратном полете, причем ниже всех приседал Челленджер, который вкладывал в работу всю свою огромную силу и прыгал, точно гигантская лягушка, крякая на каждом подскоке. Вот какой момент было бы лучше всего избрать художнику, чтоб изобразить четырех товарищей, вместе переживших в прошлом много странных и опасных приключений, а ныне избранных судьбой для небывалого испытания! Полчаса мы рьяно работали, пот градом катился по нашим лицам, руки и спины ныли от усталости. Потом мы вышли на паперть и жадно глядели в даль безмолвных запруженных улиц. Ни звука в ответ на наш набат, никакого движения!

— Без толку! Никого не осталось! — сказал я.

— Мы больше ничего не можем сделать, — вздохнула миссис Челленджер. — Ради бога, Джордж, едем на-

зад в Ротерфилд. Еще час в этом страшном, безмолвном городе, и я сойду с ума!

Не сказав ни слова, мы сели в машину, каждый на прежнее место. Лорд Джон повернул и взял курс на юг. Глава, нам казалось, окончена. Не думали мы, какую странную новую главу еще откроет перед нами жизнь!

Глава VI

ВЕЛИКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Итак, я подхожу к концу того необычайного события, которое своим значением затмевает все не только в наших маленьких жизнях, но и в общей истории человечества. Как я уже говорил, приступив к своему рассказу, в летописях истории это происшествие, несомненно, будет возвышаться среди всех прочих событий, как некая вершина над предгорьем. Нашему поколению предназначена совсем особенная судьба, раз ему выпало на долю пережить такое чудо. Научило ли оно людей смирению, и надолго ли, покажет будущее. Думаю, излишне говорить, что после подобного потрясения не может сохраниться на земле прежний порядок вещей. Человек не представляет себе, как он беспомощен и невежествен, пока незримая рука, державшая его на своей ладони, не сожмется и не сдавит его. Нам грозила неминуемая гибель. Сейчас мы знаем, что в любой час это может постичь нас вновь. Мрачная тень нависла над нашей жизнью, но кто посмеет отрицать, что под покровом этой тени произошла некая переоценка ценностей, пересмотр жизненных целей: сознание долга, разумное понимание ответственности, глубокое стремление к совершенствованию окрепли в нас до такой степени, что всколыхнули общество во всех его слоях. Это лежит за

пределами партийных или религиозных разграничений. Сдвиг произошел скорее в наших взглядах на будущее, в понимании относительной значимости вещей: мы живей осознали, что мы ничтожные, эфемерные создания и существуем, пока нас терпят, до первого порыва холодного ветра из Неведомого. Но не думаю, чтобы земля, умудренная этим знанием, стала более печальным местом, чем была она раньше. Мы все, бесспорно, согласимся, что ныне наши удовольствия, воздержанные и трезвые, доставляют нам более глубокую и разумную радость, чем та шумная, бессмысленная суета, какая нередко считалась развлечением в былые дни — дни столь еще недавние и уже непостижимые для нашего ума! Пустая жизнь, расточавшаяся в бесцельном хождении в гости или приеме гостей, в хлопотах по слишком большому дому с целым штатом ненужной прислуги, в приготовлении изысканных блюд и отсиживании на скучных обедах, — все это сейчас уступило место здоровому, спокойному досугу, посвященному музыке, чтению, дружеской беседе в милом домашнем кругу. Больше здоровья, больше радости стало у людей, и от этого они стали против прежнего только богаче, несмотря на выплату повышенных сборов в общественный фонд, благодаря которому так поднялся общий жизненный уровень на наших островах.

Ученые не совсем согласно устанавливают момент великого пробуждения. Всеми признано, однако, что, помимо расхождений из-за неточности часов, действие яда могло зависеть и от местных условий. Но в пределах каждой отдельной местности жизнь воскресла практически одновременно. Есть много свидетельств, что в Лондоне Биг-Бэн[1] показывал в тот миг десять минут седьмого. Королевская обсерватория отметила двенадцать минут седьмого по Гринвичскому времени.

---

[1] часы на башне здания парламента.

С другой стороны, лорд Джонсон, очень дельный астроном, устанавливает моментом пробуждения для Норфолка и Суффолка двадцать минут седьмого. На Гебридских островах оно произошло только в семь часов. Относительно Ротерфилда всякий спор исключается, поскольку я в это время сидел в кабинете Челленджера, имея перед глазами тщательно выверенный хронометр. Было ровно четверть седьмого.

Глубокое уныние овладело мною. Накопленные впечатления кошмарных зрелищ непомерной тяжестью легли на душу. Я от природы здоровый, крепкий человек, энергический по самому своему телесному складу и редко когда поддаюсь помрачению духа. Я в избытке обладаю способностью ирландца в самой густой тьме различать проблески забавного. Но теперь мрак был невыносимо гнетущим, беспросветным. Остальные собрались все внизу и строили планы на будущее. Я сидел у открытого окна, подперев кулаком подбородок, и раздумывал о нашем горестном положении. Сможем ли мы жить дальше? Таков был вопрос, упорно встававший передо мной. Возможно ли существовать на мертвой Земле? Как по законам физики большее тело притягивает к себе меньшие тела, так будет и с нами: не почувствуем ли мы неодолимую силу притяжения к огромному телу человечества, отошедшему в Неведомое? И как придет конец? Снова ли нахлынет яд? Или из-за тлетворных продуктов всеобщего разложения Земля станет непригодна для жизни? Или, наконец, ужас нашего положения лишит нас душевного равновесия и бросит в жертву безумию? Горсточка умалишенных на вымершей планете! Мысль моя остановилась на этой последней страшной картине, когда какой-то негромкий звук заставил меня поглядеть вниз. Старая извозчичья лошадь медленно тащилась в гору!

В тот же миг я уловил щебет птиц, услышал чей-то кашель во дворе под окном и общий звуковой фон движения по всей округе. И все-таки я помню, что

именно лошадь, эта неказистая, тощая кляча, давно отжившая свой лошадиный век, приковала к себе мой взгляд. Медленно, с одышкой одолевала она подъем. Потом я перевел глаза на кучера, который, сгорбившись, сидел на облучке, и, наконец, на молодого человека, взволнованно высунувшегося в окно колымаги и кричавшего, куда ехать. Они все, несомненно, были живы — дерзко живы!

Ожили вновь, все и каждый! Неужели все пережитое было бредом? Возможно ли, чтобы история с отравленным поясом была причудливым сном? Одно мгновение мой потрясенный мозг был готов этому поверить. Потом я опустил глаза и увидел большой волдырь на ладони, натертый канатом колокола в Сити. Значит, это было, было наяву. И все же мир воскресает, жизнь мгновенным мощным приливом возвращается на планету. Обводя глазами всю широкую панораму, я всюду видел движение, — и, что меня изумило, оно шло по той же колее, на которой накануне прервалось. Я посмотрел на любителей гольфа. Неужели они продолжают игру? Да, вот один игрок погнал мяч от столбика, и та вторая пара на зеленом поле, несомненно, рвется наперегонки положить свой мяч в лузу. Жнецы не спеша возвращаются на работу. Нянька отшлепала старшего из своих питомцев и покатила коляску вверх по склону холма. Каждый, не раздумывая, подхватил нить с того самого места, где прежде ее обронил.

Я бросился вниз, но парадное оказалось раскрыто настежь, и я услышал со двора голоса моих товарищей, громко выражавших удивление и поздравлявших друг друга. Как мы все пожимали друг другу руки, как дружно смеялись! Как миссис Челленджер на радостях расцеловала сперва всех нас и только тогда бросилась в медвежьи объятия мужа!

— Но не может быть, чтобы они спали! — воскликнул лорд Джон. — Черт возьми, Челленджер, вы меня

не убедите, что люди могут спать вот так — окоченелые, с открытыми стеклянными глазами и этим страшным мертвым оскалом на лице!

— Это возможно только в том состоянии, которое называется каталепсией, — сказал Челленджер. — В прошлом это явление встречалось редко, и его каждый раз ошибочно принимали за смерть. При нем у человека понижается температура, исчезает дыхание, биение сердца становится неразличимо — в сущности, это и есть смерть, но только временная. Даже самый проницательный ум (тут он закрыл глаза и ухмыльнулся) едва ли мог предусмотреть такое всеобщее распространение каталепсии.

— Назовите это хоть так, — заметил Саммерли, — но вы только налепили ярлык, а по сути дела, мы так же мало знаем об этой каталепсии, как о том яде, который ее вызвал. Мы можем сказать лишь одно: отравленный эфир вызвал временную смерть.

Остин весь обмяк на подножке автомобиля. Это его кашель я слышал сверху. Он долго сидел молча, зажав виски в ладонях, а теперь бурчал про себя, оглядывая машину:

— Ах, пострел! Вечно напроказит!

— В чем дело, Остин?

— Натекло из масленки, сэр. Кто-то баловался с машиной. Верно, мальчишка садовника!

Лорд Джон стоял с виноватым видом.

— Не знаю, что со мной приключилось, — продолжал Остин, тяжело вставая на ноги. — Я вроде бы оступился, когда поливал машину из кишки. Помнится, я стукнулся лбом о подножку. Но, ей же богу, со мной никогда не бывало, чтоб у меня текло из масленки!

Остину коротко рассказали, что случилось с ним самим и со всеми на Земле. Загадка с масленкой также была ему разъяснена. Он слушал с явным недоверием о том, как простой любитель управился с его машиной, и с жадным вниманием ловил каждое слово на-

шего скупого отчета о спящем Лондоне. Помню, когда мы кончили, он спросил:

— Вы были возле Английского банка, сэр, и даже не зашли?

— Не зашли, Остин.

— Когда там у них — денег миллионы, а люди все спали?

— Ну да.

— Эх, меня там не было! — вздохнул он и, отвернувшись, уныло взялся опять за шланг.

Вдруг послышался шелест колес по гравию аллеи. Старая колымага подъехала наконец к Челленджеровскому подъезду. Я увидел, как выскочил из нее молодой седок. Минуту спустя появилась горничная с таким взъерошенным и растерянным видом, как будто ее только что разбудили от глубокого сна, и подала на подносе визитную карточку. Прочитав ее, Челленджер свирепо зафырчал и так взъярился, что его черная грива встала дыбом.

— Корреспондент! — взревел он. Потом добавил с улыбкой, как будто споря сам с собой: — В конце концов, только естественно, что мир спешит узнать мое мнение по поводу такого события.

— Едва ли в этом заключается его миссия, — возразил Саммерли. — Ведь он ехал сюда со станции, когда катастрофа еще не наступила.

Я взглянул на карточку и прочел: «Джеймс Бекстер, лондонский корреспондент газеты «Нью-йоркский обозреватель».

— Вы его примете? — спросил я.

— Ни за что!

— Ах, Джордж! Ты бы должен стать добрей и внимательней к людям. Неужели ты ничему не научился после всего, что мы испытали?

Челленджер досадливо прищелкнул языком и затряс своей большой упрямой головой.

— Зловредное племя! Правда, Мелоун? Самый скверный плевел современной цивилизации! Орудие

шарлатанства и помеха для уважающих себя людей! Когда они сказали обо мне хоть одно доброе слово?

— А они когда-нибудь слышали от вас хоть одно доброе слово? — возразил я. — Подумайте, сэр, ведь перед вами иностранец, он проделал длинный путь, чтобы увидеть вас. Вы, конечно, не будете с ним чересчур суровы.

— Хорошо, хорошо! — пробурчал Челленджер. — Пойдемте со мной, вы поможете мне вести разговор. Но предупреждаю: впредь я не потерплю подобных вторжений в мой дом!

Ворча и фыркая, он пошел за мной вперевалку, точно огромный сердитый пес.

Бойкий молодой американец вынул из кармана блокнот и сразу приступил к делу.

— Я приехал, сэр, — заявил он, — потому что у нас в Америке публика жаждет услышать побольше о той опасности, которая, по вашему мнению, угрожает Земле.

— Я ничего не знаю ни о какой опасности, которая в настоящее время угрожала бы Земле, — зло пробурчал Челленджер.

Корреспондент посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Я, сэр, имею в виду ту возможность, что мир вступает в зону ядовитого эфира.

— В настоящее время я не предвижу подобной опасности, — сказал Челленджер.

Корреспондент и вовсе растерялся.

— Ведь вы профессор Челленджер? — спросил он.

— Да, сэр. Меня зовут именно так.

— В таком случае я не понимаю, как вы можете говорить, что опасности нет. А как же тогда с письмом, опубликованным сегодня утром за вашей подписью в лондонском «Таймсе»?

Пришла очередь Челленджера сделать большие глаза.

— Сегодня утром? — переспросил он. — Сегодня

утром «Таймс» не выходил.

— Позвольте, сэр, — с мягким упреком возразил американец, — вы не будете спорить, что лондонский «Таймс» — газета ежедневная. — Он извлек из внутреннего кармана помятый экземпляр. — Вот это письмо, я о нем и говорю.

Челленджер захихикал, потирая руки.

— Начинаю понимать! — сказал он. — Вы только сегодня утром прочли мое письмо?

— Да, сэр.

— И сразу поехали меня интервьюировать?

— Да, сэр.

— Вы не заметили в дороге ничего необычайного?

— Сказать по правде, ваши соотечественники показались мне живей и, в общем, человечней, чем я их знал до сих пор. Носильщик стал рассказывать мне какую-то смешную историю — мне это показалось новым для вашей страны.

— Больше ничего?

— Нет, сэр, больше я как будто ничего не могу припомнить.

— Так! А в котором часу вы выехали из Лондона?

Американец улыбнулся.

— Я сюда приехал интервьюировать вас, профессор, но дело, кажется, обернулось по поговорке: «Кто кого выудил — негр рыбу или рыба негра?» Вы беретесь за мою работу.

— Случилось так, что мне хочется это знать. Вы не помните, в котором часу отходил ваш поезд?

— Помню. В половине первого.

— А когда пришел?

— В четверть третьего.

— Вы взяли кэб?

— Разумеется.

— Как вы думаете, сколько отсюда до станции?

— Я кладу мили полторы, не меньше.

— Сколько же времени заняла, по-вашему, езда?

— Пожалуй, все полчаса — на этой дохлой кляче.

— Значит, сейчас должно быть три часа?

— Да, часа три или начало четвертого.

— Сверьтесь по вашим часам.

Американец последовал совету и выкатил глаза.

— Что за чушь! — воскликнул он. — Часы остановились, вышел весь завод. Эта кляча побила все рекорды! Да и солнце, как я погляжу, стоит совсем низко. Н-да... Тут что-то непонятное.

— Вы не помните, не случилось ли чего особенного, пока вы ехали в гору?

— Помнится, на меня вдруг нашла страшная сонливость. Я как будто хотел сказать что-то кучеру, но он почему-то не стал меня слушать. У меня на минутку закружилась голова — наверно, от жары. Вот и все!

— Так и со всем человечеством, — обратился Челленджер ко мне. — Все они почувствовали только минутное головокружение. Никто понятия не имеет о том, что произошло. Каждый сразу возвращается к прерванному делу, как Остин схватился за шланг и как те игроки опять погнали мяч. Ваш редактор, Мелоун, станет дальше подготовлять выпуск, и до чего же он удивится, когда увидит, что пропустил положенный срок! Да, мой юный друг, — повернулся он к американскому корреспонденту; на него вдруг нашло благодушие. — Вам, может быть, интересно будет узнать, что Земля благополучно пересекла ядовитое течение, которое бурлит в эфирном океане, подобно Гольфстриму в Атлантике. А чтобы в будущем избежать недоразумений, примите, пожалуйства, к сведению, что сегодня не двадцать седьмое августа, а двадцать восьмое, не пятница, а суббота и что вы двадцать восемь часов просидели без чувств в вашем кэбе на Ротерфилдском холме.

На этом я и закончу свой рассказ. Он представляет собой, как вы, вероятно, заметили, лишь более полную и подробную версию моего же отчета, появившегося в понедельник в утреннем выпуске «Дейли-газетт», —

отчета, который повсеместно признан рекордом сенсации за все время существования газет; благодаря ему номер разошелся не более и не менее, как в трех с половиной миллионах экземпляров! Я вырезал великолепный анонс и повесил его в рамке у себя в редакторском кабинете. Он гласит:

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЧАСОВ
ВСЕМИРНОЙ КОМЫ
НЕБЫВАЛОЕ ИСПЫТАНИЕ
ЧЕЛЛЕНДЖЕР ОКАЗАЛСЯ ПРАВ
КАК СПАССЯ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ
ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА
КИСЛОРОДНАЯ КОМНАТА
СЕМЬ КРУГОВ АДА НА АВТОМОБИЛЕ
МЕРТВЫЙ ЛОНДОН
УТРАЧЕННАЯ СТРАНИЦА ВОССТАНОВЛЕНА
ГРАНДИОЗНЫЕ ПОЖАРЫ
И НЕИСЧИСЛИМЫЕ ЖЕРТВЫ
ЖДАТЬ ЛИ ВОЗВРАТА?

Под этими блистательными строками шел рассказ на девять с половиной столбцов — первый, последний и единственный газетный отчет об истории мира на протяжении одного земного дня, как мог ее зарисовать один наблюдатель. Челленджер и Саммерли написали на ту же тему совместную научную статью, но только мне выпало на долю дать общедоступный обзор. Теперь я могу спокойно умереть. После подъема на такую вершину чего еще может ждать от жизни журналист?

Однако совесть не позволяет мне закончить книгу этим сенсационным анонсом и моим личным триумфом. Лучше я приведу здесь ту выразительную страницу, которой наша крупнейшая газета заключает свою превосходную передовую статью на эту тему — статью, достойную того, чтобы на ней остановил свое внимание каждый мыслящий человек.

«До сих пор считалось общим местом, — пишет «Таймс», — что человечество — это жалкое племя пиг-

меев перед бесконечными таинственными силами, окружающими нас. От древних пророков и от современных мыслителей доходило до нас это предостережение. Но, как все слишком часто повторяемые истины, оно с течением времени утратило свою убедительность. Чтобы истина получила признание, требуется суровый урок, проверка на собственном опыте. Таким уроком послужило нам то благотворное, хотя и страшное испытание, через которое мы только что прошли. Мы все еще ошеломлены внезапным ударом, и наши души в трепете перед уничижительным сознанием нашей ограниченности и бессилия. Мир тяжелой ценой заплатил за урок. Мы еще не можем судить о постигшем нас бедствии во всей его полноте, но разве мало того, что нам уже известно? Если уничтожены пожаром Нью-Йорк, Орлеан, Брайтон, то разве мы не вправе говорить об одной из величайших трагедий в истории человечества? Когда будет подведен итог катастрофам на железных дорогах и на море, он представит жуткую страницу, хотя из поступающих к нам сведений выясняется, что в большинстве случаев машинисты на поездах и пароходах успели застопорить машины, прежде чем поддались воздействию яда. Однако, как ни огромны человеческие жертвы и материальный ущерб, их подсчет не должен сегодня всецело поглощать нашу мысль. Со временем мы их забудем. Но что никогда не забудется, что и впредь постоянно и по праву будет занимать наше воображение, — это раскрывшиеся перед нами возможности вселенной, крушение нашей невежественной самонадеянности, полученное нами доказательство тому, как узка тропа нашего материального существования и какие бездны зияют по обе ее стороны! Чувства наши сегодня проникнуты глубоким смирением. И, может быть, на этой основе человечество, став мудрей и скромней, воздвигнет теперь новый, более достойный храм».

МАРАКОТОВА БЕЗДНА

Глава I

Так как эти документы попали в мои руки для издания, я должен предварительно напомнить читателю о трагическом исчезновении паровой яхты «Стратфорд», которая год назад вышла в море для океанографических исследований и изучения жизни морских бездн. Организовал экспедицию Маракот, доктор географических наук, знаменитый автор «Ложнокоралловых формаций» и «Морфологии пластинчатожаберных». Доктора Маракота сопровождал мистер Сайрес Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, перед отправлением в плавание работавший в Оксфорде сверхштатным приват-доцентом. Судно вел капитан Хови, опытный моряк. Команда состояла из двадцати трех человек, в их числе американец — механик с завода Мерибэнкс в Филадельфии.

Все они — и команда и пассажиры — исчезли без следа, и единственным воспоминанием о «Стратфорде» было донесение одного норвежского барка, который встретил корабль, вполне подходивший к приметам погибшего судна, и видел, как он пошел ко дну во время сильной бури осенью 1926 года. Позже, по соседству с местом, где разыгралась трагедия, был найден спасательный ялик с надписью «Стратфорд»; там же плавали решетки, сорванные с палубы, спасательный буек и части спардека. Все это вместе с отсутствием каких-либо сведений о корабле создавало полную уверенность в том, что никто и никогда не услышит больше ни о нем, ни о его команде. Еще больше подтвердила эту уверенность случайно перехваченная в то время странная радиограмма, не совсем понятная, но

не оставляющая сомнений в трагической судьбе парохода. Текст радиограммы я приведу позже.

В свое время в подготовке экспедиции были отмечены некоторые особенности. Прежде всего необычайная таинственность, которой окружал экспедицию профессор Маракот. Он был известен как ярый враг всякой гласности, враг газетной шумихи, и эта его черта особенно ярко проявилась в том, что он отказался давать интервью и не допустил представителей печати на судно, когда «Стратфорд» еще стоял в доке Альберта. За границей ходили слухи об установленных на корабле новых оригинальных приспособлениях, предназначенных для исследования жизни на больших глубинах, и эти слухи были подтверждены правления заводов «Хэнтер и Компания» в Вест-Хартлпуле, где конструировались и строились эти аппараты. Утверждали, что все днище корабля может отделяться, и это обстоятельство привлекло особое внимание страховой компании, которую с большим трудом удалось успокоить. Вскоре обо всем этом забыли, но теперь, когда новое неожиданное обстоятельство заставило всех вспомнить о судьбе исчезнувшей экспедиции, это приобрело особый интерес.

Таковы обстоятельства, сопровождавшие отплытие «Стратфорда». В настоящее время существуют четыре документа, относящиеся к этой экспедиции.

Первый из них — письмо, написанное мистером Сайресом Хедли из Санта-Крус, столицы Больших Канарских островов, его другу сэру Джеймсу Толботу из Оксфордского Тринити-колледжа, которое было отправлено во время единственного известного нам после отплытия «Стратфорда» в гавани.

Второй — странный призыв по радио, о котором я упоминал. Третий — та часть судового дневника «Арабеллы Ноулз», где говорится о стеклянном шаре. Четвертый, и последний, — удивительное содержание шара, которое является либо злой и непонятной мистифи-

кацией, либо открывает новую главу человеческих достижений, важность и значение которых трудно преувеличить. Сделав эти оговорки, я привожу письмо мистера Хедли, любезно переданное в мое распоряжение сэром Джеймсом Толботом и до сего времени еще не опубликованное. Оно датировано 1 октября 1926 года.

«Посылаю вам это письмо, дорогой Толбот, из Санта-Крус, где мы остановились на отдых на несколько дней. На корабле почти все время я проводил с Биллом Сканлэном, главным механиком; он мой земляк, у него удивительно общительный характер, и, естественно, мы с ним сблизились. Но нынче утром я один: он отправился на берег, у него, как он выражается, «свидание с девчонкой». Разговаривает он именно так, как, по мнению англичанина, должны разговаривать настоящие американцы.

Вы встречали Маракота и знаете, какой он сухарь. Я вам, кажется, рассказывал, как он пригласил меня к себе обедать. Он искал ассистента и обратился к старому Сомервилю из Зоологического института. Сомервиль послал ему мою премированную работу о морских крабах, и это решило дело. Разумеется, великолепно, когда можно работать по специальности, но я предпочел бы сотрудничать с кем угодно, только не с этой живой мумией Маракотом. Он так стремится к уединению, так поглощен своим делом, что в этом есть что-то нечеловеческое. «Самый черствый сухарь на свете», — выразился про него Билл Сканлэн. И, однако, нельзя не преклоняться перед таким ученым. Для него ничего не существует, кроме его науки. Помню, как вы смеялись, когда я попросил его порекомендовать мне литературу для подготовки к плаванию, а он ответил, что в качестве серьезного пособия следует прочесть полное собрание его сочинений, а в качества легкого чтения — геккелевские «Планктонные работы».

Я знаю его сейчас не ближе, чем тогда в маленькой

приемной с видом на Оксфорд-Хэй. Он ничего не говорит, и его худощавое, суровое лицо — лицо Савонаролы[1] или, вернее, Торквемады[2] — никогда не озаряется улыбкой. Длинный, тонкий, выдающийся вперед нос, близко посаженные, маленькие, серые, сверкающие глазки под нависшими клочковатыми бровями, тонкие губы, всегда плотно сжатые, щеки, провалившиеся от постоянного умственного напряжения и суровой жизни, — вся его внешность не располагает к сближению. Он витает всегда где-то на вершинах мысли, вне пределов, досягаемых обыкновенными смертными. Временами мне кажется, что он не вполне нормален. Например, этот его диковинный аппарат... Но буду рассказывать по порядку, а вы уж сами разберетесь.

Итак, о начале нашего плавания. «Стратфорд» — превосходная морская яхта, специально приспособленная для океанографических исследований. Она имеет тысячу двести тонн водоизмещения, просторные палубы и хорошо оборудованные трюмы, вмещающие всевозможные приспособления для измерения глубин, траления, драгирования и глубоководной ловли сетями: мощные паровые лебедки, ворота для траления, а также множество других специальных аппаратов, частью общеизвестных, частью новых; комфортабельные каюты и прекрасную лабораторию, оборудованную специально для наших исследований.

Еще до отплытия «Стратфорд» приобрел репутацию загадочного корабля, и вскоре я понял, что эти слухи имели под собой почву. Начало нашего плавания было в достаточной степени обыкновенно. Мы направились в Северное море, раза два забрасывали тралы, но так как там глубина редко превышает восемнадцать метров, а наш корабль оборудован специально для глубоководных работ, это, в сущности, было пустой тратой

---

[1] Савонарола — итальянский проповедник-реформатор XV века, изобличавший распущенность духовенства.

[2] Торквемада — глава испанской инквизиции (XV в.).

времени. Во всяком случае, кроме обычных видов рыб, идущих в пищу, каракатиц, слизняков и проб со дна морского, состоящих из аллювиальной глины, мы не вытащили ничего примечательного. Потом мы обогнули Шотландию, прошли вблизи островов Фаро и добрались до рифа Вивилль-Томсон, где добыча была несколько интереснее. Затем мы направились к югу, к конечному пункту нашего путешествия, расположенному между Африкой и Канарскими островами. Однажды безлунной ночью мы чуть не сели на мель, в остальном же плавание наше протекало без всяких событий.

В эти первые недели я пытался сойтись поближе с Маракотом, но это оказалось делом нелегким. Начать с того, что доктор — самый рассеянный и самоуглубленный человек на свете. Помните, как он дал мальчику-лифтеру пенни, полагая, что сел в трамвай. Полдня он проводит в размышлениях и, кажется, совсем не замечает, где он и что вокруг него происходит. Кроме того, он невероятно скрытен. Он целыми днями просиживает над бумагами и картами, но стоит мне войти в каюту, и он тут же их прячет. Я твердо уверен, что он что-то замыслил, но до тех пор, пока мы вынуждены проходить вблизи портов, не откроет нам свои планы. Таково мое впечатление, и вскоре я узнал, что Билл Сканлэн держится того же мнения.

— Слушайте, мистер Хедли, — сказал он как-то вечером, когда я сидел в лаборатории, исследуя результаты наших первых уловов, — как вы думаете, что на уме у нашего старика? Как по-вашему, что он такое затевает?

— Полагаю, — ответил я, — что мы займемся тем же, чем занимался до нас «Челленджер» и добрая дюжина других океанографических экспедиций, — откроем несколько новых разновидностей рыб, нанесем несколько новых данных на гидрометрические карты.

— Ничего подобного, — возразил Сканлэн. — На-

чинайте-ка гадать сначала. Ну, например, я-то здесь на что?

— Ну, на случай, если испортятся машины.

— Как бы не так! Какие там машины! Машина «Стратфорда» на попечении Мак-Ларена, шотландского механика. Нет, сэр, не для того мерибэнкские ребята посылали лучшего своего механика, чтобы он чинил эти дурацкие керосинки. Недаром же мне гонят полсотни долларов в неделю. Шагайте за мной, я вас просвещу на этот счет.

Он вытащил ключ, отпер дверь позади лаборатории и повел меня по двойной лестнице в отделение трюма, где было почти пусто; только четыре какие-то крупные машинные части поблескивали в массивных ящиках, упакованные в солому. Это были гладкие стальные плиты, снабженные по краям болтами и задвижками. Каждая плита была размером примерно в десять квадратных футов и толщиной дюйма полтора, с круглым отверстием в середине дюймов восемнадцати диаметром.

— Что это за чертовщина? — спросил я.

Забавная физиономия Билла Сканлэна — у него лицо не то опереточного комика, не то боксера — расплылось в улыбке.

— Это мой малютка, сэр, — заявил он. — Да, мистер Хедли, из-за него-то я здесь и нахожусь. К этой штуке есть еще такое же стальное дно. Оно вон в том ящике. Потом есть еще крышка вроде купола и большое кольцо то ли для каната, то ли для цепи. А теперь гляньте на днище яхты.

Я увидел квадратную деревянную платформу с винтами по углам. Это доказывало, что платформу можно сдвигать с места.

— Двойное дно, — подтвердил Сканлэн. — Вполне возможно, что наш хозяин спятил, а может, он соображает гораздо лучше, чем мы думаем, но, если только я его раскусил, он хочет соорудить нечто вроде водолазного колокола — окна вот здесь, запакованы отдель-

но — и спустить его вниз через дно яхты. Вот электрические прожекторы, и, я так думаю, он хочет осветить пространство вокруг стальной кабинки и через круглые амбразуры наблюдать, что кругом творится.

— Будь это так, проще было бы устроить на корабле прозрачное дно, — сказал я.

— Это вы верно смекнули, — согласился Билл Сканлэн и поскреб затылок. — Вот я и не могу никак сообразить, в чем тут дело. Знаю только, что меня отрядили к нему помогать собирать эту дурацкую штуку. Пока он ничего еще не говорил, я тоже молчу, но все принюхиваюсь, и, ежели он еще долго будет молчать, я и сам все узнаю.

Так я впервые соприкоснулся с нашей тайной. Погода сильно испортилась, но мы производили глубоководное траление юго-западнее мыса Юба, отмечая температуру и исследуя степень насыщенности морской воды солью. Глубоководное траление петерсоновским тралом — занятие увлекательное, он захватывает сразу три метра в ширину и загребает все, что встречает на пути; опускаясь на глубину в четверть мили, он приносит одни породы рыб, с глубины в полмили — совсем другие: в разных слоях океана, как на разных материках, свои обитатели. Иногда с самого дна мы вытаскивали полтонны чистой розоватой слизи, этого сырого материала будущей жизни. Иногда это бывал ил, распадавшийся под микроскопом на миллионы тончайших круглых и прямоугольных телец, разделенных между собой прослойками аморфной грязи. Я не стану перечислять вам всех этих бротулид и макрутид, асцидий и голотурий, полипов и иглокожих; могу лишь сказать, что дары океана неистощимы, и мы усердно их собирали. И все время я не мог избавиться от ощущения, что не за тем привез нас сюда Маракот, что в этом сухом, узком черепе египетской мумии скрываются другие планы. Мне казалось, что это лишь репетиция, проба людей и аппаратов, за которой начнется настоящее дело.

Дописав письмо до этого места, я отправился на берег пройтись, ибо завтра рано утром мы отплывем. Я оказался на пристани весьма кстати, потому что разыгрался серьезный скандал, причем в главных ролях выступали Маракот и Билл Сканлэн. Билл — известный задира, и, по его выражению, у него часто кулаки чешутся, но когда вокруг столпилось полдюжины испанцев, и все с ножами, положение моих спутников стало незавидным; было самое время вмешаться. Оказалось, что доктор нанял одно из тех странных сооружений, которые здесь называют пролетками, объехал пол-острова, обследуя его геологические особенности, но совершенно забыл, что не захватил с собой денег. Когда пришло время платить, он никак не мог объяснить туземцам, что у него нет при себе денег, и извозчик стал отнимать у него часы. Тут за него вступился Билл Сканлэн, и не миновать бы им обоим ножа, если бы я не уладил дела, дав доллар извозчику и пять долларов парню с подбитым глазом. Все сошло благополучно, и тут-то в Маракоте впервые обнаружились человеческие чувства. Когда мы добрались до яхты, он пригласил меня в свою маленькую каюту и поблагодарил за вмешательство.

— Да, кстати, мистер Хедли, — заметил он. — Насколько мне известно, вы не женаты?

— Нет, — ответил я.

— И на вашем попечении нет никого из близких?

— Нет.

— Прекрасно, — сказал он. — Я молчал пока о своих намерениях, у меня были причины держать их в тайне. Прежде всего я боялся, что меня могут опередить. Когда разглашаются научные идеи, их могут предвосхитить другие — как Амундсен осуществил идею Скотта. Если бы Скотт, как я, хранил свое намерение в тайне, то не Амундсен, а он первый достиг бы Южного полюса. Мой замысел так же смел и велик, потому я и молчал. Но сейчас мы подходим вплотную к его осуществлению, и никакой соперник не успеет опередить меня.

Завтра мы поплывем к нашей настоящей цели.

— Какая же это цель? — спросил я.

Он весь подался вперед, и его аскетическое лицо зажглось энтузиазмом фанатика.

— Наша цель, — сказал он, — дно Атлантического океана!

Здесь я должен остановиться, ибо думаю, что у вас, как и у меня, захватило дыхание. Будь я писателем, тут бы я, наверно, и закончил свой рассказ. Но так как я всего лишь летописец, то могу добавить, что пробыл еще час в каюте Маракота и узнал много подробностей, которые успею передать вам, пока не отчалит последняя береговая шлюпка.

— Да, молодой человек! — сказал он. — Теперь вы можете писать что угодно. Когда ваше письмо достигнет Англии, мы уже нырнем.

Он усмехнулся. Он был не лишен некоторого суховатого юмора.

— Да, сэр, «нырнем». Это — самое подходящее слово в данном случае, и этот нырок войдет в историю науки. Я твердо убежден, что ходячее мнение об огромном давлении океана на больших глубинах лишено оснований. Совершенно ясно, что существуют другие факторы, нейтрализующие это действие, хотя пока я еще не сумею сказать, какие. Именно это одна из тех задач, которые мы должны решить. Как вы полагаете, каково давление воды на глубине одной мили?

Он сверкнул на меня глазами сквозь большие роговые очки.

— Не менее одной тонны на квадратный дюйм, — отвечал я. — Это доказано.

— Задача пионера науки всегда состояла в том, чтобы опровергать то, что было доказано. Пошевелите-ка мозгами, молодой человек! Весь последний месяц вы вылавливали самые нежные глубоководные формы жизни — существа столь нежные, что вам еле-еле удавалось перенести их из сетки в банку, не повредив их

чувствительных покровов. Что же, это подтверждает существование чрезвычайного давления?

— Давление уравновешивалось, — ответил я. — Оно одинаково изнутри и снаружи.

— Пустые слова! — крикнул Маракот, нетерпеливо дернув головой. — Вы вытаскивали круглых рыб, как, например, gastrostomus globulus. Разве их не расплющило бы в лепешку, если бы давление было таково, как вы полагаете? Или же посмотрите на наши глубинные тралы. Ведь они не сплющиваются даже на самых больших глубинах.

— Но опыт водолазов...

— Конечно, его следует учитывать. Они действительно замечают увеличение давления, испытывая его действие на самый, пожалуй, чувствительный орган тела — на внутреннее ухо[1]. Но, по моим предположениям, мы совершенно не будем подвергаться давлению. Нас опустят вниз в стальной клетке с толстыми хрустальными окнами для наблюдений. Если давление недостаточно сильно, чтобы вдавить внутрь четыре сантиметра закаленной двухромоникелевой стали, оно не повредит нам. Мы продолжим эксперимент братьев Вильямсон в Насау, с которым вы, наверно, знакомы. Если мой расчет ошибочен — ну что ж, вы говорите, от вас никто не зависит... Мы умрем во время великого опыта. Конечно, если вы предпочитаете уклониться, я могу отправиться один.

Мне показалось, что это самый безумный из всех мыслимых проектов, но вы знаете, как трудно отказаться от вызова. Я решил оттянуть время для решения.

— На какую глубину вы намерены опуститься, сэр? — спросил я.

---

[1] У млекопитающих в ухе различают три отдела: внешнее ухо, состоящее из ушной раковины и наружного слухового прохода, среднее ухо, или барабанную полость, и внутреннее ухо, или лабиринт, с так называемыми полукружными каналами и улиткой. Внутренее ухо содержит в себе окончание слухового нерва.

Над его столом была приколота карта; он укрепил конец циркуля в точке к юго-западу от Канарских островов.

— В прошлом году я зондировал эти места, — сказал он. — Там есть очень глубокая впадина. Семь тысяч шестьсот двадцать метров. Я первый сообщил об этой впадине. Надеюсь, в будущем вы найдете ее на картах под названием «Маракотова бездна».

— Неужто вы собираетесь спуститься в эту бездну, сэр? — воскликнул я.

— Нет, нет, — с улыбкой ответил Маракот. — Ни наша спускная цепь, ни трубки для воздуха не достигают больше полумили! Но я хотел объяснить вам, что вокруг этой глубокой впадины, которая, несомненно, была образована вулканическими силами, находится приподнятый хребет или узкое плато, которое лежит на глубине трехсот фатомов[1].

— Трехсот фатомов? Треть мили! — воскликнул я.

— Да, примерно треть мили. Я хочу, чтобы нас спустили в маленькой наблюдательной кабинке именно на это плато. Там мы сделаем все возможные наблюдения. С судном нас будет соединять разговорная трубка, и мы сможем передавать наши приказания. С этим не будет никаких затруднений. Когда захотим, чтобы нас подняли, достаточно будет лишь сказать в трубку.

— А воздух?

— Будет накачиваться к нам вниз.

— Но ведь там будет совершенно темно!

— Боюсь, что да. Опыты Фоля и Сарасэна на Женевском озере доказывают, что на такую глубину не проникают даже ультрафиолетовые лучи. Но какое это имеет значение? Мы будем снабжены мощным электрическим током от судовых машин, дополненным шестью двухвольтовыми сухими элементами Хэллесена, соединенными между собой, чтобы давать ток в двенадцать вольт. Вместе с сигнальной лампой Лукаса воен-

---

[1] Фатом равен 1,82 метра.

ного образца в качестве подвижного рефлектора нам этого вполне хватит. Что еще вас смущает?

— А если наши воздушные трубки запутаются?

— Не запутаются! А на всякий случай у нас есть сжатый воздух, которого нам хватит на сутки. Ну как, удовлетворяют вас мои пояснения? Согласны вы? — спросил Маракот.

Решение предстояло нелегкое. Мозг мой быстро работал, а воображение — еще того быстрее. Я уже явственно представлял себе этот черный ящик, опущенный в первобытные глубины, чувствовал спертый воздух, видел, как гнутся стены камеры, как вода разрывает их в местах скрепления и проникает во все щели и трещины, которые все расширяются... Мне предстояло умереть медленной, ужасной смертью! Но я поднял взгляд: огненные глаза старика были устремлены на меня, и в них светилось воодушевление мученика науки. Энтузиазм такого рода заразителен, и если это — безумие, то по крайней мере благородное и бескорыстное. Пламя его перекинулось на меня, я вскочил и протянул ему руку.

— Доктор, я с вами до конца! — воскликнул я.

— Я так и знал, — ответил он. — Я вас выбирал не за ваши поверхностные научные знания, мой молодой друг, — улыбаясь, добавил он, — а также и не за ваше близкое знакомство с крабами. Есть другие качества, которые могут оказаться для нас куда важнее. Это верность и мужество.

Поймав меня таким образом на кусок сахару, он отпустил меня. И все мои планы на будущее рассыпались в прах. Ну, вот сейчас отвалит последняя береговая шлюпка! Спрашивают, нет ли писем на берег. Вы или никогда уже больше не услышите обо мне, мой дорогой Толбот, или получите письмо, стоящее того, чтобы его прочитать. Если от меня не будет вестей, можете зафрахтовать плавучий надгробный памятник и прикрепить его на якоре где-нибудь южнее Канарских островов, написав на нем:

«Здесь или где-либо поблизости покоится все, что оставили рыбы от моего друга Сайреса Дж. Хедли».

Второй документ — неразборчивая радиограмма, которую уловили разные суда, в том числе и почтовый пароход «Аройя». Она была принята в три часа дня 3 октября 1926 года, и это доказывает, что она была отправлена всего через два дня после отплытия «Стратфорда» с Больших Канарских островов, что подтверждается и письмом Хедли. Это приблизительно совпадает с тем временем, когда норвежское судно видело гибнущую в циклоне яхту в двухстах милях к юго-западу от порта Санта-Крус.

Радиограмма гласила:

«Лежим на боку. Положение безнадежное. Только что потеряли Маракота, Хедли, Сканлэна.

Местоположение непонятно. Носовой платок Хедли на конце глубоководного лота. Господь да поможет нам...

Яхта «Стратфорд».»

Это было то последнее непонятное сообщение, которое дошло со злополучного судна, и конец радиограммы был такой странный, что его сочли бредом радиотелеграфиста. Однако сама радиограмма, казалось, не оставляла сомнения относительно судьбы судна.

Объяснение этого случая, если это можно принять в качестве объяснения, следует искать в записках, найденных в стеклянном шаре, и прежде всего я нахожу нужным расширить появившийся в печати очень краткий отчет о находке этого шара. Я беру его дословно из вахтенного журнала «Арабеллы Ноулз», направлявшейся под командой Амоса Грина с грузом угля из Кардифа в Буэнос-Айрес.

«Среда, 5 января 1927 года. Широта 27°14" , западная долгота 28°. Спокойная погода. Голубое небо с низкими перистыми облаками. Море как стекло. Во вторую склянку средней вахты первый помощник до-

ложил, что заметил сверкающий предмет, который выпрыгнул из моря и затем упал обратно. Его первое впечатление было, что это какая-то неизвестная ему рыба, но, посмотрев в подзорную трубу, он увидел, что это серебряный шар, такой легкий, что он не плыл, а скорее лежал на поверхности воды. Меня вызвали, и я увидел шар величиной с футбольный мяч, ярко сверкавший почти в полумиле от нашего судна. Я застопорил машины и послал бот со вторым помощником, который подобрал шар и доставил его на борт.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что шар этот сделан из какого-то очень гибкого стекла и наполнен столь легким газом, что, когда его подбрасывали в воздух, он плавал, как детский воздушный шар. Он был почти прозрачен, и мы разглядели внутри него что-то вроде свертка бумаги. Сделан он был из такого упругого материала, что нам далеко не сразу удалось разбить его и добраться до бумаги. Молоток его не брал, и он разбился, только когда главный механик положил его в машину. К сожалению, он разлетелся в искрящуюся пыль, так что нам не удалось найти ни кусочка, чтобы установить, из чего же он был сделан. Однако бумага осталась цела, и, прочитав ее, мы заключили, что она имеет большое значение, и решили вручить ее британскому консулу, как только достигнем Ла-Платы. Вот уже тридцать пять лет я плаваю на судах, но с такой загадочной историей я столкнулся впервые; то же говорят все, кто находится сейчас на борту. Предоставляю разбираться в этом людям поумней меня».

Вот все, что мы знаем о том, откуда взялись записки Сайреса Дж. Хедли, которые мы сейчас приведем без малейших искажений.

«Кому я пишу? Смело могу сказать: всему миру, — но так как это адрес весьма неточный, то укажу определеннее: моему другу сэру Джеймсу Толботу из Оксфордского университета, хотя бы потому, что последнее мое письмо было адресовано ему, а это можно рассматривать

как продолжение. Я готов к тому, что если даже шар увидит свет солнца и не будет проглочен акулой, есть лишь один шанс из тысячи, что среди бесконечных водных пространств он попадется на глаза человеку. Но все же попробовать стоит, да и Маракот тоже посылает шар, так что вполне возможно, что рассказ о наших удивительных приключениях станет известен миру. Поверят ли нам — это я, полагаю, уже другой вопрос, но когда люди увидят прозрачный шар, наполненный неведомым им газом, надеюсь, они поймут, что внутри находится нечто не совсем обыкновенное. Во всяком случае, вы, Толбот, не бросите мои заметки, не прочтя их.

Если кто-нибудь захочет узнать, как все это началось и что мы собирались сделать, он сможет найти все эти сведения в письме, которое я вам писал 1 октября прошлого года, в день нашего отплытия из Санта-Крус. Знай я наперед, что нам придется пережить, я бы прыгнул в последнюю отходящую лодку! А впрочем, наверно, даже зная, что нас ожидает, я все же принял бы предложение доктора Маракота и прошел бы через все до конца. Да, я даже уверен в этом: я все равно не отказался бы.

Итак, я начинаю рассказ с того дня, как мы отплыли из Санта-Крус. Едва мы вышли из гавани, старик Маракот преобразился. Наконец-то наступило время действовать, и вся его энергия, так долго лежавшая под спудом, вырвалась наружу. Уверяю вас, он сразу забрал всю власть на яхте, подчинив себе и заставив склониться перед своей волей все и всех. Сухой, рассеянный ворчун ученый внезапно исчез, уступив место воплощению мощной динамомашины, пышущей энергией и потрескивающей от напора громадной скрытой силы. Его глаза сверкали из-за стекол очков, как прожекторы. Он, казалось, находился сразу везде и всюду, отмечая наше направление на карте, препираясь с капитаном, командуя Биллом Сканлэном, давая мне множество разных поручений, и при этом во всех его

действиях была система, все они вели к одной цели. Он неожиданно обнаружил солидные познания в электричестве и механике и большую часть времени проводил у машины, которую Сканлэн методично собирал под его непосредственным наблюдением.

— Ну, мистер Хедли, дело идет на лад, — сказал Билл на второе утро. — Пойдемте ко мне, взглянете на эту диковинную штуку. Доктор, оказывается, великолепный парень и механик первый сорт.

Ощущение у меня было не из приятных: мне казалось, что я осматриваю собственный гроб, но все же, должен признаться, выглядел он весьма впечатляюще. Стальной пол был накрепко приклепан к четырем стальным стенкам, и в каждой было по круглому окну-иллюминатору. В крыше находился небольшой входной трап, второй трап был в полу. Вся кабинка висела на тонком, но невероятно крепком стальном канате, который навертывался на барабан и разматывался или наматывался сильным двигателем, который обычно приводил в действие глубоководные тралы «Стратфорда». Насколько я понял, канат был длиной около полумили, и конец его был закреплен на железных тумбах на палубе. Резиновые трубки для подачи воздуха были такой же длины; с ними вместе тянулся телефонный провод и изолированный кабель, подающий электроэнергию от судовых динамо к нашим прожекторам; кроме них, в стальной каюте стояли на всякий случай запасные аккумуляторы.

К вечеру остановили машины. Барометр показывал низкое давление, и густые черные тучи, застилавшие горизонт, предупреждали о приближении непогоды. Вдали был виден барк под норвежским флагом, и мы рассмотрели, как он зарифлял паруса, готовясь к штрому. Но в ту минуту все было благополучно, и «Стратфорд» мягко покачивался на синих волнах океана, кое-где пенившихся белыми гребешками от пассатного ветра.

Билл Сканлэн заглянул ко мне в лабораторию в несколько более взволнованном состоянии, чем сле-

довало при его спокойном темпераменте.

— Послушайте, мистер Хедли, — сказал он, — они спустили эту ловушку на самое дно трюма. Как по-вашему, неужто хозяин хочет в ней спускаться?

— Именно, Билл! И я с ним вместе.

— Так, так, значит, теперь двое свихнулись. Но я буду себя чувствовать последним негодяем, коли пущу вас одних.

— Да вам-то что там делать, Билл?

— Не меньше, чем вам, сэр! Да я весь пожелтею от зависти, если вы спуститесь без меня. Мерибэнкс послал меня сюда наблюдать за машиной, и если она спускается на дно моря, значит, и мое место на дне моря. Где эта стальная мышеловка, там и Билл Сканлэн, и мне совершенно безразлично, сошли все с ума или нет.

Спорить с ним было бесполезно. Итак, к нашему клубу самоубийц примкнул еще один, и мы стали ждать дальнейших распоряжений.

Вся ночь прошла в интенсивной работе, и утром мы спустились в трюм, готовые к погружению. Стальная кабинка была уже наполовину вставлена в вырез дна «Стратфорда», и мы один за другим спустились в нее через верхний трап, который закрыли за нами и завинтили наглухо, после того как капитан Хови с самой похоронной миной пожал нам руки на прощание. Потом кабинку спустили еще на несколько метров, закрыли герметическую камеру и впустили воду, чтобы испытать нашу каюту в воде. Кабинка выдержала испытание прекрасно, каждая часть оказалась точно пригнанной, и никакой течи не наблюдалось. Тогда раздвинулось днище трюма, и мы повисли в океане под самым килем корабля.

Кабинка действительно была очень удобная, и я восхищался продуманностью ее устройства. Электрическое освещение было пока выключено, субтропическое солнце, преломляясь в бутылочно-зеленой воде, бросало в иллюминаторы фантастический мягкий свет. Там и сям мелькали серебряные рыбки, как черточки на

зеленом фоне. По стенам кабинки шли диваны, над ними помещался циферблат глубиномера, термометр и другие приборы. Под диванами стояли баллоны со сжатым воздухом на случай, если испортятся проводящие воздух трубки. Концы этих трубок уходили к потолку, а рядом с ними висел телефонный аппарат. Мы услышали траурный голос капитана.

— Вы определенно решили погружаться? — спросил он.

— У нас все в порядке, — нетерпеливо ответил профессор. — Опускайте медленно, и пусть кто-нибудь все время дежурит у приемника. Я буду сообщать о нашем положении. Когда мы достигнем дна, оставайтесь на месте, пока не получите распоряжений. Я не хочу давать слишком большую нагрузку канату, так что спускайте медленно, со скоростью двух-трех узлов в час. А теперь — вниз!

Последние слова он выкрикнул, как безумный. Это был величайший момент его жизни, плод взлелеянной им мечты. На одно мгновение меня пронзила мысль, что мы находимся во власти ловкого и хитрого маньяка. Билл Сканлэн, видимо, подумал то же; он посмотрел на меня с горестной усмешкой и дотронулся до своего лба. Но после этой единственной дикой вспышки Маракот тотчас же взял себя в руки. В самом деле, достаточно было взглянуть на порядок и предусмотрительность, которые проявлялись в каждой детали вокруг нас, чтобы отбросить опасения за его рассудок.

Теперь все наше внимание было поглощено удивительными новыми ощущениями. Кабинка медленно опускалась в океанские глубины. Светло-зеленая вода превратилась в темно-оливковую. Потом цвет ее сгустился, стал удивительно синим, и этот густо-синий постепенно перешел в темно-пурпурный. Мы опускались все ниже, ниже: тридцать метров, шестьдесят, девяносто... Трубки действовали превосходно. Мы дышали свободно и естественно, как на палубе. Стрелка глубиноме-

ра медленно двигалась по светящемуся циферблату. Сто двадцать, сто пятьдесят, сто восемьдесят метров...

— Как вы себя чувствуете? — прорычал тревожный голос сверху.

— Как нельзя лучше! — крикнул в ответ Маракот.

Но свет убывал. Теперь наступили тусклые, серые сумерки, которые быстро превратились в полный мрак.

— Остановитесь! — распорядился Маракот.

Мы перестали двигаться и повисли на глубине двухсот десяти метров ниже поверхности океана. Я услыхал щелканье выключателя, и нас залил золотой свет, который выходил сквозь боковые иллюминаторы и посылал длинные мерцающие лучи в окружающие нас водные пустыни. Прильнув лицами к толстому стеклу, каждый у своего иллюминатора, мы увидели зрелище, не виданное еще ни одним человеком.

До сего времени глубинная жизнь океана была известна только благодаря отдельным рыбам, которые были слишком медлительны, чтобы увернуться от неуклюжего трала, или слишком глупы, чтобы не угодить в невод. Теперь же мы видели удивительный подводный мир таким, каков он есть на самом деле. Океан оказался гораздо населеннее земли. Огромные морские пространства, расстилавшиеся перед нами, не уступали Бродвею в субботу вечером, Ломбард-стрит перед праздничным днем. Мы уже прошли те верхние слои, где рыбы либо бесцветны, либо обладают настоящей морской окраской: ультрамариновой сверху и серебряной снизу. Здесь были создания всевозможной окраски и формы, все, какие только может породить море. Нежные лептоцефалии проносились сквозь тоннель света, как ленточки из серебра. Медленно изгибалась змееобразная мурена — вьюн морских глубин; черный морской еж, в котором только и есть, что колючки да рот, глупо глазел на нас. Порой подплывала каракатица и смотрела на нас человечески-зловещими глазами, мелькала какая-нибудь цистома или глаукус, оживляя всю сцену, подобно цветку.

Огромная лошадиная макрель свирепо налетала на иллюминатор, пока не появилась темная тень акулы, — и макрель исчезла в ее раскрывшейся пасти.

Доктор Маракот сидел с записной книжкой на коленях, заносил в нее свои наблюдения и безостановочно бормотал.

— Что это? Что это? — слышал я. — Да, да, «химера мирабилис» Майкла Сарса. Подумать только, а вон там лепидион, но, насколько я могу судить, новый вид. Заметьте этого макруруса, мистер Хедли: его окраска отличается от тех, которые попадаются нам в сеть.

Один лишь раз он был застигнут врасплох — когда длинный овальный предмет промелькнул с большой быстротой сверху мимо его окна и оставил позади себя вибрирующий след, тянувшийся, как нитка. Признаюсь, я был озадачен не меньше доктора. Загадку разрешил Билл Сканлэн.

— Сдается мне, этот простак Джон Свинни опустил свой лот рядом с нами. Решил, видно, напомнить нам, что мы не одни.

— Верно, верно! — сказал, улыбаясь, Маракот. — Новый род глубоководной фауны, мистер Хедли, — с проволочным хвостом и свинцом на носу... Но, конечно, им необходимо производить промеры, чтобы держаться над нашей подводной мелью. Все идет хорошо, капитан! — крикнул он. — Продолжайте спуск!

И мы опять пошли вниз. Маракот выключил электрический свет, и все снова погрузилось в полную темноту, светился лишь фосфоресцирующий циферблат глубиномера, который отмечал наше погружение. Мы чувствовали движение только по легкому покачиванию. И лишь движущаяся по циферблату стрелка с несомненностью показывала нам, в каком ужасающем, в каком непостижимом положении мы находимся. Теперь мы были на глубине трехсот метров, и воздух в кабинке становился спертым. Сканлэн открыл кран вытяжной трубки, и дышать стало легче. Когда стрелка

показала четыреста пятьдесят метров, мы остановились и вновь осветили океанскую глубь. Какая-то большая темная масса прошла мимо нас, но мы не могли определить, была ли это меч-рыба, или глубоководная акула, или же какое-нибудь чудовище неизвестной породы. Доктор поспешно выключил свет.

— В этом наша главная опасность! — сказал Маракот. — В глубине водятся такие существа, которым так же легко уничтожить эту бронированную комнату, как носорогу — пчелиный улей.

— Может быть, это киты? — спросил Сканлэн.

— Киты могут забираться на большую глубину, — ответил ученый. — Об одном гренландскомките известно, что он утянул около мили каната перпендикулярно вниз. Но кит уходит так глубоко, только когда он ранен или сильно напуган. Это могла быть гигантская каракатица, они встречаются на любой глубине.

— Ну, каракатица небось слишком мягка. Ей нас не продолбить. Но смеяться-то будет каракатица, если она ухитрится все же сделать дыру в никелированной стали Мерибэнкса.

— Тела их, может быть, и мягки, — ответил профессор, — но клюв большой каракатицы способен продолбить насквозь железный брусок. Один удар этого клюва может просверлить иллюминаторные стекла толщиной в три сантиметра с такой легкостью, словно они сделаны из пергамента.

— Веселенькое дельце! — воскликнул Билл.

Наконец мы почувствовали, что остановились. Толчок был таким легким, что мы узнали об остановке, лишь включив свет и увидав вокруг кабинки покойно свернувшиеся кольца каната. Они представляли опасность для наших воздушных трубок, так как могли их запутать, и после приказа Маракота канат подтянули вверх. Циферблат отметил пятьсот сорок метров. Мы неподвижно лежали на вулканическом хребте на дне Атлантики.

Глава II

В то время мы, вероятно, все чувствовали одно и то же. Не хотелось ни двигаться, ни наблюдать. Нам хотелось просто спокойно посидеть и постараться осмыслить происходящее — ведь мы находились в самом центре одного из величайших океанов мира. Но скоро странные видения вокруг кабинки привлекли нас снова к иллюминаторам.

Кабинка опустилась на густые заросли водорослей («Cutleria multifida», — определил их Маракот), желтые плети которых покачивались вокруг нас под давлением глубоководного течения, совсем как ветви деревьев под ветром. Они были не настолько длинны, чтобы закрыть окружающий вид, но огромные листья их цвета темного золота, колыхаясь, проплывали перед иллюминаторами. Под водорослями можно было различить темную вязкую массу грунта, так густо усеянную маленькими разноцветными существами — голотуриями, осундиями, ежами и ехинодермами, как вес-

ной в Англии берега рек усеяны первоцветом и гиацинтами. Эти живые цветы морских глубин, то ярко-красные, то темно-пурпурные, то нежно-розовые, сплошь устилали угольно-черное дно. Там и сям из выступов подводных скал вырастали гигантские губки, изредка проносились рыбы, обитатели более верхних слоев воды, мелькая, как разноцветные искры, в лучах наших прожекторов.

Как зачарованные смотрели мы на это феерическое зрелище, когда по телефону донесся встревоженный голос:

— Ну, как вы себя чуствуете на дне? Все ли благополучно? Не оставайтесь слишком долго: барометр падает, и мне это не нравится. Достаточно вам воздуха? Нужно ли вам что-нибудь?

— Все в порядке, капитан! — весело откликнулся Маракот. — Мы не задержимся. Снабжаете вы нас

всем чудесно. Комфортабельно, как в каюте. Распорядитесь потихоньку двигать нас вперед.

Мы вступили в область светящихся рыб и, потушив свет, в абсолютной темноте, где даже светочувствительная пластинка могла бы висеть часами и не запечатлеть ни единого ультрафиолетового лучика, с величайшим интересом наблюдали жизнь фосфоресцирующих обитателей океана. Как будто на фоне черного бархата, медленно проплыли блестящие искорки: казалось, это идет ночью большой пассажирский пароход, выбрасывающий потоки света через иллюминаторы. У некоторых чудищ были светящиеся зубы, пылавшие в полном мраке, у других — длинные золотистые усы, у третьих язычок пламени качался над головой. Повсюду, насколько хватал глаз, мерцали блестящие точки, и каждое животное спешило по своим делам, освещая себе путь, — ну точь-в-точь таксомоторы на Стрэнде в час театрального разъезда.

Потом мы снова зажгли свет, и доктор стал обозревать морское дно.

— Мы опустились на огромную глубину, и все же недостаточно глубоко, чтобы увидеть характерные породы низших слоев океана, — сказал он. — Но ничего не поделаешь. Может быть, в другой раз, с более длинным канатом...

— Типун вам на язык! — взвыл Билл. — Бросьте и думать об этом!

Маракот улыбнулся.

— Ну, вы скоро привыкните к этим глубинам, Сканлэн. Ведь это спуск не последний...

— Черт знает что! — возмутился Билл.

— Да, привыкнете, и это вам покажется не опаснее, чем спуститься в трюм «Стратфорда». Вы увидите, мистер Хедли, что дно здесь, насколько мы можем рассмотреть его сквозь плотный слой животных и губок, состоит из пемзы и черного базальта, а это указывает на вулканическое происхождение этого хребта. Пожалуй, это вполне подтверждает мое первоначальное предположение, и мы

действительно находимся над вершиной древнего вулкана, а Маракотова бездна, — он произнес эти слова с явным удовольствием, — не что иное, как его внешний склон. Мне пришло в голову — и это будет весьма любопытно — медленно двигать нашу кабинку до края бездны и посмотреть, какая там геологическая формация. Я надеюсь увидеть обрыв невероятной глубины, уходящий перпендикулярно вниз к самому дну океана.

Этот опыт казался мне опасным: кто знает, насколько крепок наш канат, выдержит ли он, если мы попадем в сильное подводное течение. Но когда дело шло о научных исследованиях, Маракот не думал об опасности. Я затаил дыхание, когда легкое содрогание стальной кабинки, раздвигающей длинные плети колыхавшихся водорослей, показало, что канат натянут крепко и тащит нас за собой. Канат блестяще выдержал нашу тяжесть, и с постепенно возрастающей скоростью мы стали скользить по дну океана. Маракот с компасом в руке отдавал по телефону распоряжения переменить направление или подтянуть кабинку повыше, чтобы перескочить через подводные препятствия.

— Базальтовый хребет вряд ли больше двух километров в ширину, — объяснил он. — По моим соображениям, пропасть расположена западнее того места, где мы опустились. А если так, то мы очень скоро доползем до нее.

Мы беспрепятственно скользили над вулканическим плато, поросшим золотыми водорослями и сверкавшим тысячами фантастических красок.

— Стоп! — закричал он. — Мы на месте!

Внезапно нам открылась чудовищная пропасть. Жуткое место, такое увидишь разве что в ночном кошмаре! Блестящие черные грани базальта круто обрывались вниз, в неизвестное. По краю пропасти росли мохнатые водоросли, как растет папоротник на краю обрыва где-нибудь на поверхности земли; за этим колышущимся, точно живым, бордюром шла гладкая блестящая стена

бездны. Мы не знали, сколь широка эта пропасть, ибо даже сильные прожекторы не могли одолеть мрака. Мы зажгли мощный сигнальный фонарь Лукаса и направили вниз сильный сноп параллельных лучей. Они падали в бездну все ниже и ниже, не встречая перпятствий, пока не затерялись в непроглядном мраке.

— Поистине поразительно! — воскликнул Маракот, и на его худом лице появилось радостное выражение. — Нечего и думать, что такую глубину можно найти еще где-нибудь. Существует пропасть Челленджера в восемь тысяч метров у Ландронских островов, есть открытая «Планетой» пропасть в десять тысяч метров близ Филиппин и ряд других, но, по всей вероятности, Маракотова бездна совершнно исключительна по крутизне спуска и представляет тем больший интерес, что она укрылась от наблюдений всех гидрографических экспедиций — а их было немало, — составлявших карту Атлантики. Едва ли можно сомневаться, что...

Он замер на полуслове, и на лице его застыло выражение любопытства и удивления. Мы с Биллом бросились к иллюминатору и окаменели при виде поразительного зрелища.

Какое-то крупное животное поднималось к нам из глубины по световому тоннелю. Оно было еще далеко и освещено слабо, и мы едва могли различить огромное черное тело, медленными хищными движениями поднимавшееся все выше и выше. Оно загребало каким-то непонятным образом и вот уже, тускло отсвечивая, появилось у края пропасти, и теперь, при ярком свете, мы смогли его рассмотреть. Это было существо, неизвестное науке, но в нем был ряд особенностей, известных каждому из нас. Это чудовище, слишком длинное для гигантского краба и слишком короткое для гигантского рака, больше всего походило на морского рака: две огромные клешни торчали у него по бокам, а пара тяжелых громадных усов вибрировала над черными, круглыми, злыми глазами навыкате. Панцирь светло-желтого

цвета имел в окружности метра три, а в длину, не считая усов, чудовище было не меньше десяти метров!..

— Поразительно! — воскликнул Маракот, лихорадочно черкая в записной книжке. — Глаза на подвижных члениках, эластичные суставы — род crustaceae, вид неизвестен. Crustaceus Maracoti. Почему бы и не так, а?

— Черт с ним, с его именем! Ей-ей, оно лезет прямехонько на нас! — закричал Билл. — Слушайте, док[1], а не лучше ли нам выключить свет?

— Одну минутку! Только набросаю его очертания! — воскликнул натуралист. — Да, да, теперь тушите.

Он щелкнул выключателем, и мы снова очутились в непроглядной тьме, прорезаемой фосфоресцирующими точками, как метеоры в безлунную ночь.

— В жизни не видал более мерзкой скотины, — проворчал Билл, вытирая пот со лба. — Чувствуешь себя, как наутро после попойки.

— Он и в самом деле страшен на вид, — заметил Маракот, — но, вероятно, еще страшнее иметь с ним дело и испытать силу его клешней. Однако в стальной кабинке мы в полной безопасности и можем наблюдать его в свое удовольствие...

Только что он произнес эти слова, как по внешней стенке кабинки точно киркой ударили. Потом царапанье, скрежет и новый удар...

— Слушайте, ему хочется к нам! — в ужасе закричал Билл. — Нет, право, надо было написать на дверях: «Вход посторонним воспрещается».

Он старался шутить, но дрожащий голос выдавал его волнение. Сознаюсь, что и у меня поджилки затряслись, когда я убедился, что чудовище ощупывает нашу кабинку, размышляя, что это за странная банка и найдется ли в ней съестное, если ее умеючи вскрыть.

— Он не может нам повредить, — сказал Маракот,

---

[1] Док — сокращенное «доктор».

но в голосе его не чувствовалось уверенности. — Пожалуй, лучше его стряхнуть.

И он крикнул в телефонную трубку капитану:

— Поднимите нас на десять — пятнадцать метров!

Через несколько минут мы поднялись над равниной из лавы и закачались в спокойной воде. Но дьявольский рак не отставал. Вскоре мы снова услышали царапанье и постукивание клешней, которыми он продолжал ощупывать кабинку. Было жутко сидеть в темноте и чувствовать смерть в двух шагах от себя. Выдержит ли стекло, если по нему стукнет огромная клешня? Этот безмолвный вопрос волновал каждого из нас.

Но вскоре выявилась новая страшная опасность. Постукивание перешло на крышу, и мы почувствовали легкое покачивание.

— Доктор! — крикнул я отчаянно. — Он задел за канат! Он оборвет его!

— Слушайте, док, дуем наверх! Довольно мы насмотрелись всего, Билл Сканлэн хочет домой к маме! Позвоните мальчику, пусть поднимает лифт...

— Но мы и половины не исследовали! — закаркал Маракот. — Мы только еще начали обследовать края пропасти. Измерим хотя бы ее ширину. Когда мы доберемся до противоположного края, я согласен вернуться на поверхность.

И он крикнул в трубку:

— Все в порядке, капитан! Двигайтесь со скоростью двух узлов, пока я не скажу «стоп».

Мы медленно двинулись над краем бездны. Раз темнота не спасла нас от нападения, мы включили свет. Одно окно было совершенно закрыто брохом чудовища. Голова и огромные клешни работали на крыше, и удары по кабинке звучали, как погребальный колокол. Чудовище обладало невероятной силой. Никогда еще смертному не приходилось быть в таком положении: километры воды внизу — и злобное чудовище сверху! Качка усилилась. И вот мы почувствовали, что чудовище дер-

гает канат! Трубка принесла испуганный крик капитана, а Маракот вскочил, в отчаянии всплеснув руками. Даже внутри кабинки мы слышали скрежет перетираемого каната, звон и свист рвущейся проволоки — и через мгновение мы уже падали в бездонную пропасть.

У меня до сих пор в ушах звенит дикий крик Маракота.

— Канат оборван! Мы пропали! Все погибло! — вопил он. Потом, схватил телефонную трубку, отчаянно крикнул: — Прощайте, капитан, прощайте все!

Это были наши последние слова, обращенные к людям на земле.

Падение наше не было стремительным, как вы, наверное, ожидаете. Несмотря на солидный вес, пустая внутри кабина создавала некоторое неустойчивое равновесие, и мы опускались в пропасть медленно и постепенно. Я слышал протяжный скрип, когда мы выскальзывали из страшных объятий чудовища, послужившего причиной нашей гибели, и затем, медленно вращаясь, широкими кругами, мы стали спускаться в бездонную пропасть. Прошло, наверное, не больше пяти минут, но нам они показались часом, когда телефонный провод натянулся и лопнул с тихим стоном, как струна. В ту же минуту лопнула и проводящая воздух трубка, и сквозь отверстие стала по каплям просачиваться соленая вода. Опытные, проворные руки Билла Сканлэна мигом перетянули конец резиновой трубки узлами, и вода перестала течь; а доктор отвинтил пробку, и из баллона с легким свистом стал выходить сжатый воздух. Затем лопнул электрический провод, и мгновенно потух свет, но доктор в темноте добрался до аккумуляторов, и на потолке вспыхнули лампочки.

— Света нам хватит на неделю, — проговорил он с кривой усмешкой. — Во всяком случае, мы умрем при свете...

Потом он с досадой покачал головой, и его аскетическое лицо озарилось доброй улыбкой.

— Мне, собственно, все равно. Я старик, довольно пожил, и моя роль в мире сыграна. Единственно, о чем я сожалею, — зачем я вовлек двух молодых людей в это опасное предприятие. Я должен был рисковать один.

Я просто и горячо пожал ему руку, не в силах произнести ни слова. Билл Сканлэн тоже молчал. Мы медленно опускались, измеряя скорость падения по теням рыб, поднимавшихся вверх мимо окон. Казалось, что это рыбы поднимаются вверх, а не мы опускаемся вниз. Кабинка сохраняла равновесие, хотя мне казалось, что мы каждую минуту можем перевалиться набок или перевернуться вверх дном. К счастью, наш вес был хорошо сбалансирован, и мы шли ко дну в стоячем положении. Случайно взглянув на глубиномер, я увидел, что мы опустились уже на глубину тысячи шестисот метров.

— Видите, все выходит так, как я и предсказывал, — заметил Маракот с мрачным удовлетворением. — Не мешало бы вам ознакомиться с моим докладом Океанографическому обществу о соотношении давления и глубины. Как бы мне хотелось написать хоть несколько строк туда, наверх, чтобы пристыдить Бюлова из Гессена, который осмелился мне возражать.

— Черт подери! Будь у меня такая возможность, я бы не стал тратить ее на споры с этим тупоумным ослом! — воскликнул механик. — В Филадельфии живет одна крошка, когда она узнает, что больше уже не увидит Билла Сканлэна, ее прелестные глазки наполнятся слезами. Да, что и говорить, хорошенький мы выбрали путь к нашим предкам.

— Вам не следовало опускаться с нами, — сказал я, пожав ему руку.

— Я бы счел себя последней дрянью, если бы остался наверху, — ответил он. — Нет, это моя прямая обязанность, и я рад, что исполнил ее.

Мы помолчали.

— Долго ли еще? — спросил я доктора.

Он пожал плечами.

— У нас еще будет время осмотреть дно бездны, — ответил он тихо. — Воздуха в баллоне хватит больше чем на полдня. Опасность в другом — в продуктах выдыхания. Они задушат нас. Если бы мы смогли выпускать углекислоту!

— Это, по-видимому, невозможно.

— У нас есть баллон кислорода. Я захватил его на всякий случай. Вдыхая его время от времени, мы как-нибудь продержимся еще... Взгляните на глубиномер: мы опустились уже больше, чем на три километра.

— Да стоит ли бороться за жизнь? Чем скорее наступит конец, тем лучше, — заметил я.

— Это верно! — подтвердил Сканлэн. — Раз, два — и не копайся!

— И отказаться от поразительного зрелища, которого еще не видел ни один человек на свете? — возразил Маракот. — Это предательство по отношению к науке! Будем до конца записывать свои наблюдения, даже если им суждено погибнуть вместе с нами. Надо довести игру до конца.

— Да вы молодчага, док! — воскликнул Сканлэн. — Вы нам сто очков вперед дадите. Ладно, будем играть до последнего грошика!

Мы терпеливо уселись втроем на диван, крепко вцепившись в его ручки; кабинка, колыхаясь и поворачиваясь, опускалась, и рыбы мелькали вверх мимо иллюминаторов...

— Уже пять километров, — заметил Маракот. — Я выпущу немного кислорода, мистер Хедли. Становится очень душно. Забавно, — сухо усмехнулся он. — Теперь-то эта бездна уж во всяком случае будет называться Бездной Маракота. Когда капитан Хови привезет эти новости, мои коллеги позаботятся, чтобы эта бездна стала не только моей могилой, но и памятником мне. Даже Бюлов из Гессена...

И он стал бормотать о каких-то своих ученых обидах.

Потом мы снова сидели в тишине и следили, как

стрелка подползает к семи километрам. Один раз мы задели за что-то тяжелое и ударились с такой силой, что чуть не перевернулись набок. Может быть, это была крупная рыба, а может, выступ скалистой стены, вдоль которой мы низвергались вниз. Прежде нам казалось, что хребет находится на страшной глубине, теперь же, когда мы смотрели на него из этой ужасной пропасти, он, на наш взгляд, был чуть ли не на поверхности океана.

Мы все плыли, вращаясь и описывая круги, сквозь темно-зеленые водные пустыни. Циферблат глубиномера показывал семь тысяч шестьсот метров.

— Мы приближаемся к концу путешествия, — сказал Маракот. — Глубиномер Скотта в прошлом году показал восемь тысяч сорок пять метров в самом глубоком месте. Через несколько минут мы узнаем, что нас ждет. Может быть, кабинка разлетится от удара. Может быть...

В эту минуту мы «причалили».

Ни одна любящая мать не опускала с такой нежностью своего первенца на пуховую перинку, как мы опустились на дно Атлантического океана. Толстый эластичный слой мягкого ила, на который мы сели, сыграл роль идеального буфера и спас нас от гибели. Мы боялись шевельнуться на диване, и не напрасно, ибо кабина опустилась краем на выступ скалы, покрытый вязким, желатинистым илом, и на нем мы покачивались, с трудом сохраняя равновесие и ежеминутно рискуя перевернуться. Но через некоторое время кабина утвердилась и застыла неподвижно.

В это мгновение доктор Маракот, пристально смотревший в окно, удивленно вскрикнул и выключил свет.

Каково же было наше удивление, когда оказалось, что и без электричества мы все видим. Тусклый рассеянный свет вливался через иллюминаторы в кабинку, как холодное сияние морозного утра. Мы поспешили к окнам и, не прибегая к свету прожекторов, могли рассмотреть окружающее метров на триста во всех направлениях. Это было

непостижимо, невероятно, и, однако, спорить с очевидностью не приходилось. Дно океана было освещено!

— А почему бы и не так? — воскликнул Маракот после минутного молчания. — Разве я не предвидел этой возможности? Из чего состоит этот ил? Разве это не продукт разложения биллионов микроскопических органических существ? И разве разложение не сопровождается фосфорическим свечением? Да где же и наблюдать такое свечение, как не здесь? Ах, какая досада, видеть такие изумительные вещи и не иметь возможности сообщить об этом миру!

— Но позвольте, — возразил я, — мы вытаскивали по полтонны ила и никогда не замечали подобного свечения!

— Ну да, очевидно, пока ил поднимали на поверхность, он терял способность фосфоресцировать. Да и что такое полтонны в сравнении с этими безграничными равнинами ила? И смотрите, смотрите, — вдруг возбужденно закричал он, — глубоководные существа пасутся на этом органическом ковре, как земные стада на лугу!

Стая крупных черных рыб, толстых и неповоротливых, проплыла над самым дном, то и дело поклевывая что-то. Потом появилось еще какое-то красное неуклюжее существо, вроде морской коровы; оно меланхолично жевало жвачку перед моим окном. Другие такие же животные паслись тут и там; иногда они поднимали головы и посматривали на странный предмет, так неожиданно появившийся среди них.

Я не мог не восхищаться Маракотом, который в этой мрачной обстановке, когда слышалось уже дыхание смерти, повиновался зову науки и лихорадочно записывал свои наблюдения. Не так педантично и углубленно, как он, я, однако, тоже наблюдал, и эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти. Дно океана состоит из красной глины, но здесь поверх нее лежал слой серой глубоководной слизи, образовавший волнистую равнину. Насколько хватал глаз, равнина не была ров-

ной, ее пересекали странные круглые холмики, вроде того, на который мы сели, светившиеся всеми цветами радуги. Между холмиками плавали крупные стаи причудливых рыб, большей частью неизвестных науке; они были окрашены во все цвета с преобладанием черного и красного. Маракот рассматривал их со сдержанным волнением и делал заметки в записной книжке.

Воздух в кабинке стал очень тяжелым, и снова мы спаслись, вдохнув кислорода. Как ни странно, мы все чувствовали свирепый, прямо волчий голод и с жадностью набросились на консервированное мясо, хлеб с маслом и виски с водой, предусмотрительно захваченные Маракотом. Немного подкрепившись и освежившись, я поудобнее уселся у иллюминатора, и мне страстно захотелось в последний раз закурить, как вдруг я увидел нечто, поднявшее у меня в голове настоящий вихрь мыслей.

Я уже упомянул, что волнистая серая долина была вся испещрена маленькими холмиками. Один, более крупный, высился перед моим окном метрах в десяти. На нем был какой-то странный знак. Присмотревшись к другим холмикам, я с изумлением заметил, что знак этот опоясывает всю видимую мне часть холма. На пороге смерти не так-то легко поддаться постороннему впечатлению, но у меня замерло дыхание и сердце на миг остановилось, когда я догадался, что эти знаки не что иное, как фриз, и что фигуры эти, потерявшие от времени четкость очертаний, были когда-то, несомненно, высечены рукою человека! Маракот и Сканлэн подбежали к иллюминатору и с изумлением смотрели на эти следы вездесущей деятельности человека.

— Ей-ей, это резьба! — воскликнул Сканлэн. — Верьте слову, эта площадка была когда-то крышей здания! Да и все эти холмики тоже были домами. Слушайте, хозяин, да ведь мы без пересадки приехали в настоящий город!

— Да, это древний город, — ответил Маракот. — Геологи утверждают, что некогда моря были материка-

ми, а на месте материков были моря, но я всегда отрицал теорию, что в столь недавние сравнительно времена, как четвертичный период, в Атлантике могли быть какие-нибудь серьезные катастрофы. Оказывается, рассказ Платона о египетской легенде[1] имеет под собой почву. А эти формации подтверждают теорию, что дно океана осело в результате весьма недавней вулканической деятельности.

— Эти холмики довольно правильно расположены, — заметил я. — Я начинаю думать, что это не отдельные дома, а купола и своего рода украшения крыши одного крупного здания.

— Пожалуй, вы правы, — подтвердил Сканлэн. — Вот, смотрите, четыре крупных по краям и мелкие между ними, как по линейке. А интересно бы посмотреть все это сооружение! Да в него можно запихать весь завод Марибэнкса, и еще место останется.

— Непрерывное осаждение морских отложений погребло его до самой кровли, — сказал Маракот. — Но, с другой стороны, здание совсем не разрушено. На большой глубине мы наблюдаем постоянную устойчивую температуру в тридцать два градуса по Фаренгейту[2], и она препятствует процессу разрушения. Даже разложение глубоководных органических осадков, которые устилают дно океана и иногда освещают его, видимо, происходит очень медленно. Но послушайте, это же вовсе не фриз, а надписи!..

Он без сомнения был прав. Одни и те же знаки виднелись в разных местах. Конечно же, это были буквы какого-то древнего алфавита.

— Я изучал финикийские памятники письменности,

---

[1] Речь идет о рассказе греческого философа Платона об Атлантиде, континенте, занимавшем, по преданию, часть Атлантического океана. Платон записал этот рассказ со слов законодателя Солона, в свою очередь, записавшего этот рассказ со слов одного египетского жреца.

[2] Соответствует 0° по Цельсию.

и там встречаются очень похожие начертания, — продолжал он. — Ну, друзья мои, мы с вами увидели погребенный античный город, и это поразительное открытие унесем с собой в могилу. Больше уже ничего не узнать, наша книга знаний прочитана. Я согласен с вами: чем скорее наступит конец, тем лучше!

Жить нам теперь оставалось совсем недолго. Воздух был тяжелый, спертый. Он так был пропитан углекислотой, что живительная струя сжатого кислорода с трудом выходила из баллона. Встав на диван, можно еще было глотнуть чистого воздуха, но отравленная зона поднималась все выше и выше. Доктор Маракот безнадежно сложил руки и опустил голову на грудь. Сканлэн, отравленный углекислотой, вдруг сполз на пол. У меня кружилась голова, и грудь точно налилась свинцом. Я закрыл глаза и стал терять сознание. Потом снова открыл их, чтобы в последний раз увидеть то, что покидал навсегда, и тут же с хриплым криком изумления вскочил на ноги.

К иллюминатору прильнуло лицо человека.

Может, это привиделось мне в бреду? Я вцепился в плечо Маракота и затряс его изо всех сил. Доктор очнулся, выпрямился и, широко раскрыв глаза, безмолвно впился глазами в призрак. Раз и он его увидел, значит, это не галлюцинация. Лицо было длинное, узкое, смуглое, с острой бородкой клинышком, живые глаза быстро, пытливо осмотрели внутренность кабинки, и по выражению этих глаз я увидел, что наше положение ему понятно. Он был явно поражен. Электричество горело полным светом, и человеку снаружи наша кабинка представлялась камерой смерти, где один человек уже лежал без чувств, а двое других, с искаженными, страшными лицами умирающих, отравленных углекислотой, смотрели на него через иллюминатор. Мы оба хватались руками за горло: нам нечем было дышать. Человек снаружи махнул нам рукой и исчез.

— Он бросил нас! — воскликнул Маракот.

— Или пошел за помощью. Поднимем Сканлэна.

На полу он умрет!

Мы втащили механика на диван и уложили его голову на подушку. Лицо у него посерело, он что-то бормотал в забытьи, но пульс еще прощупывался.

— Еще есть надежда! — прохрипел я.

— Но это сумасшествие! — крикнул Маракот. — Разве человек может жить на дне океана? Как он дышит? Это массовая галлюцинация! Мой молодой друг, мы сходим с ума.

И, взглянув на унылый, пустынный, серый ландшафт за окном, я подумал, что, наверно, Маракот прав. Потом мне почудилось движение за окном. Где-то вдали появились туманные тени. Вскоре они превратились в движущиеся фигуры. По дну океана к нам спешила толпа людей.

Через минуту они собрались перед окном и, размахивая руками и жестикулируя, о чем-то оживленно спорили. Среди толпы было несколько женщин. Один из мужчин, коренастый, большеголовый, с черной бородой, видимо, был предводителем. Он зорко осмотрел нашу стальную скорлупу и благодаря наклону кабины заметил, что в полу имеется трап. Послав куда-то одного из своих спутников, предводитель стал энергично жестикулировать, приказывая нам открыть трап изнутри.

— Почему бы не открыть? — спросил я. — Не все ли равно, утонуть или задохнуться? У меня уже больше нет сил.

— Мы не должны утонуть, — ответил Маракот. — Вода, входящая снизу, встретит сопротивление воздуха и дальше определенной высоты не дойдет. Дайте Сканлэну глоток коньяку. Пусть сделает последнее усилие и выпьет.

Я влил коньяк в горло механика. Он судорожно глотнул и удивленно огляделся. Мы поставили беднягу на диван и, встав по обе стороны, держали его. Он все еще не совсем пришел в себя, но я в двух словах объ-

яснил ему положение.

— Если вода дойдет до батарей, возможно отравление хлором, — сказал Маракот. — Надо дать кислороду вытекать свободно: чем больше будет давление, тем меньше войдет воды. Так. Теперь помогите мне поднять трап.

Мы налегли всей тяжестью и медленно отвалили круглую крышку в полу нашего прибежища, но мне казалось, мы совершаем самоубийство. Зеленоватая вода, шипя и сверкая под лучами ламп, потоками ворвала в кабинку. Она быстро залила пол, дошла нам до колен, до груди и тут остановилась. Но давление воздуха было непереносимо. У меня кружилась голова и в ушах шумело. В такой атмосфере долго не проживешь. Только ухватившись за верхнюю сетку, мы удерживались от падения в воду.

Так, стоя, мы уже не могли смотреть в окна и не знали, какие меры подводные люди принимают для нашего освобождения. Казалось, совершенно невероятным, что нам могут прийти на помощь, но у этих людей, и особенно у предводителя, был такой энергичный и обнадеживающий вид, что невольно появились надежды на спасение. Вдруг нам показалось, что он смотрит на нас через круглое отверстие внизу сквозь воду, а через мгновение он пролез через трап, поднялся на диван, встал рядом с нами — низенький, коренастый, плотный, не выше моего плеча. Его большие карие глаза осматривали нас, и в них светилось желание ободрить: казалось, он хотел сказать: «Бедняги, вы думаете, что все кончено, а я отлично знаю, как отсюда выбраться».

И только теперь я заметил одно очень странное обстоятельство. Человек этот, если только он и в самом деле принадлежал к одному с нами племени, носил прозрачный колпак, который обволакивал весь его торс и голову, оставляя свободными руки и ноги. Колпак был так удивительно прозрачен, что в воде его не было видно, но теперь на воздухе он блестел, как серебро, оста-

ваясь в то же время идеально прозрачным. На плечах у человека были странные наплечники с отверстиями и завязками, плотно облегавшими грудь. Наплечники имели вид маленьких продолговатых ящичков с многочисленными дырочками и напоминали эполеты.

Когда наш новый друг присоединился к нам, в отверстии в полу появился еще какой-то человек и протиснул в него нечто вроде большого стеклянного шара. За первым шаром последовал второй, третий, все они быстро поднялись вверх и поплыли по поверхности. Затем таким же путем были переданы шесть маленьких ящичков, и прикрепленными к ним завязками наш новый знакомый привязал нам по два ящичка на плечи — получилось совсем так, как у него. Внезапно я начал понимать, что в этом не было ничего сверхъестественного, ничего противоречащего законам природы: один из ящичков был, несомненно, оригинальным источником свежего воздуха, другой — поглотителем отработанных продуктов дыхания. Потом незнакомец натянул нам на головы прозрачные колпаки, охватив нам плечи и грудь эластичными завязками, не позволявшими воде проникнуть внутрь колпака. Дышать под колпаком было совсем легко, и я с радостью увидел, что у Маракота снова бодро заблестели глаза из-под очков, а широкая улыбка Билла Сканлэна убедила меня, что животворный кислород сделал свое дело и Билл окончательно оправился. Наш спаситель удовлетворенно оглядел нас, потом махнул рукой, приглашая следовать за ним через трап в полу на дно океана. Дюжина дружеских рук протянулась, чтобы помочь нам вылезти и направить наши первые неуверенные шаги по вязкому глубокому илу.

Даже теперь я не могу забыть этого чуда. Маракот, Сканлэн и я, здоровые и сильные по-прежнему, стояли на дне океана, на дне подводной пропасти в восемь километров глубиной! Куда девалось ужасающее давление, смущавшее умы стольких исследователей? Оно мешало нам не больше, чем хрупким рыбам, плававшим вокруг

нас. Правда, наши головы и тела были надежно защищены тонкими прозрачными шарами, упругими, но крепкими, как броневая сталь, но руки и ноги, остававшиеся свободными, чувствовали лишь плотную среду воды, которую вскоре перестаешь замечать, — и ничего больше! Как хорошо было стоять всем вместе в группе бородатых людей и смотреть на только что покинутую нами тюрьму! Мы забыли выключить аккумуляторы, и кабина наша представляла фантастическое зрелище: из круглых окон вырывались желтые снопы электрического света, и, привлеченные им, к окнам устремились стада рыб. Но вот предводитель взял Маракота за руку, и мы двинулись за ним сквозь плотную водную среду, тяжело ступая по скользкому илу.

И тут произошла странная история, удивившая наших новых друзей ничуть не меньше, чем нас. Над нашими головами появился небольшой темный предмет, он быстро спускался к нам из темноты и лег на дно невдалеке от нас. Это был глубоководный лот со свинцовым грузом, спущенный со «Стратфорда» в пропасть, которая навсегда теперь будет связана с памятью о нашей экспедиции.

Мы поняли, что наверху разгадали сущность происшедшей трагедии, но никому и в голову не могло прийти, что лот опустился почти у самых наших ног. Лот неподвижно лежал на дне, но капитан, вероятно, не знал, что он достиг дна. Рядом со мной тянулся вверх тонкий проволочный канатик длиной в восемь километров, соединявший меня с нашим судном. Ах, если бы можно было написать записку и привязать к канатику! Абсурдная мысль... Но почему бы не послать наверх какой-нибудь знак, который покажет капитану, что мы все еще живем?

Верхняя часть моего тела, прикрытая прозрачным колпаком, была недосягаема, но руки оставались свободными, и в кармане брюк у меня, по счастью, оказался носовой платок. Я быстро выхватил его и привя-

зал к лоту. В тот же миг сработал автоматический механизм, отделил свинцовый груз, и белый лоскут быстро понесся вверх, в тот мир, который я, наверно, никогда больше не увижу.

Наши новые знакомые внимательно и с большим интересом обследовали тридцатикилограммовый груз свинца, наконец подняли его и понесли с собой.

Мы прошли не более сотни метров, пробираясь среди холмиков, и остановились перед небольшой квадратной дверью с массивными колоннами по бокам и какой-то надписью на дверной перемычке. Дверь была открыта, и мы вошли в большое пустое помещение. Управляемая скрытым, четко работавшим механизмом, тяжелая каменная дверь немедленно захлопнулась.

Под своими колпаками мы, разумеется, ничего не могли слышать, но, постояв несколько минут, убедились, что пришел в действие какой-то огромный насос, потому что уровень воды вокруг нас стал быстро понижаться. Меньше чем через четверть часа мы стояли на слегка сыром полу, выложенном каменными плитами, а наши новые друзья хлопотливо освобождали нас от ненужных теперь прозрачных колпаков. И вот мы уже стоим в теплой, хорошо освещенной комнате и жадно вдыхаем совершенно чистый воздух, а смуглые обитатели бездны, улыбаясь и болтая, толпятся вокруг нас, пожимают руки и дружески похлопывают по плечу. Они говорили на странном языке; мы не понимали ни слова, но улыбки на лицах и ласковые взгляды были понятны даже на глубине восьми километров под уровнем океана. Повесив прозрачные колпаки на многочисленные крючки по стенам комнаты, бородатые незнакомцы стали ласково подталкивать нас к внутренней двери, за которой открывался длинный покатый каменный коридор. Когда и эта дверь автоматически захлопнулась за нами, ничто больше не напоминало нам о том невероятном обстоятельстве, что мы оказались невольными гостями неизвестного народа на дне Атлантического океана и навсегда

оторваны от того мира, где родились и жили.

Теперь, когда страшное напряжение отпустило нас, мы вдруг почувствовали, как мы измучены. Даже Билл Сканлэн, этот неутомимый Геркулес, еле отдирал ноги от пола, а мы с Маракотом рады были, что можно повиснуть на руках проводников. И все же, несмотря на смертельную усталость, я внимательно глядел по сторонам и все замечал. Совершенно очевидно, что воздухом здание снабжала какая-то мощная машина, ибо он ритмически вырывался струями из маленьких круглых отверстий в стенах. Свет был рассеянный, флюоресцентный, того вида, который занимал умы европейских инженеров с тех пор, как научились обходиться без лампы и без нити накала. Свет исходил из длинных цилиндров прозрачного стекла, подвешенных к карнизам коридоров. Наконец мы вошли в обширную гостиную, всю устланную толстыми коврами и обставленную золочеными креслами и низкими диванчиками, при виде которых мне смутно вспомнились гробницы египетских фараонов. Провожатые наши разошлись, остался лишь глава отряда и два его помощника-спутника.

— Манд! — повторил он несколько раз, ударяя себя в грудь.

Потом стал указывать по очереди на нас и повторять наши имена: Маракот, Хедли и Сканлэн, — пока не научился выговаривать их вполне правильно. Потом он усадил нас и сделал знак одному из помощников, который тотчас вышел и скоро вернулся в сопровождении глубокого старика с седыми кудрями и длинной бородой, с забавной конической шапкой черного бархата на голове. Я забыл сказать, что все эти люди были одеты в цветные туники, достигавшие колен, и обуты в сандалии не то из рыбьей, не то из шагреневой кожи.

Почтенный незнакомец, очевидно, был врач. Он по очереди осмотрел нас, возлагая каждому руку на голову и закрывая глаза, — так он составлял впечатление о физическом состоянии пациента. Очевидно, обследо-

вание ни в какой степени его не удовлетворило, потому что он недовольно покачал головой и сказал несколько сердитых слов Манду. Манд сейчас же снова отрядил одного из помощников, тот принес поднос с кушаньями и кувшин вина и поставил их перед нами. Мы были слишком измучены, чтобы задумываться над тем, что эта за еда, но, поевши, почувствовали себя лучше. После этого нас повели в другую комнату, где были приготовлены три постели, и я немедленно свалился на первую попавшуюся. Смутно помню, что подошел Билл Сканлэн и присел на край моей постели.

— Послушайте, Хедли, — сказал он. — Этот глоток коньяка спас мне жизнь. Но где мы, собственно, находимся?

— Я знаю столько же, сколько вы.

— Что ж, — сказал он сонным голосом и пошел к своей постели. — Я готов отправиться на боковую. А выпивка у них ничего. Слава богу, Вольдштеду[1] сюда не добраться.

Больше я не услышал ничего, ибо погрузился в такой глубокий сон, какого не припомню, кажется, за всю жизнь.

Глава III

Придя в себя, я сперва никак не мог понять, где нахожусь. События прошлого дня казались далеким кошмаром, и я никак не мог примириться с мыслью, что мне придется принимать их как факты. Я с удивлением оглядывал большую комнату без окон, стены, выкрашенные в спокойные цвета; увидел полосы мерцающего красноватого света у потолка и две

---

[1] Вольдштед, Эндрю Джон (1860-1947) — американский конгрессмен. В 1919 году добился проведения в конгрессе закона о запрещении производства, продажи и перевозки спиртных напитков.

другие постели, — с одной из них доносился тонкий, с присвистом храп Маракота, знакомый мне еще по «Стратфорду». Все это было слишком странно, чтобы можно было в это поверить, и, лишь потрогав одеяло, сотканное из сухих волокон неизвестного мне морского растения, я убедился, что все то невероятное, что приключилось с нами, не сон, а действительность. Я все еще никак не мог освоиться с этой мыслью, как вдруг раздался взрыв хохота, и Билл Сканлэн вскочил с постели.

— Доброе утро, Хедли! — крикнул он мне, не переставая смеяться.

— Вы сегодня в хорошем настроении, — ответил я несколько раздраженно. — Не вижу особых причин для восторгов.

— Я тоже, как и вы, повесил было нос, когда проснулся, — ответил он. — Потом мне пришла забавная штука в голову, и я расхохотался.

— А что за штука? Я бы тоже не прочь помеяться.

— Да вот, Хедли, я подумал, как чертовски забавно было бы нам всем вчера прицепиться к этому самому лоту. Ведь в этих прозрачных колпаках мы бы прелесть как дышали. Старик Хови поглядел бы — а мы все и вылезаем из воды. Он бы решил, что выудил нас, это как пить дать. Вот бы здорово получилось!

Наш дружный хохот разбудил доктора Маракота, который сел на постели с тем же выражением удивления на лице, что за минуту до того было и у меня. Я позабыл о своих заботах, слушая сперва его отрывистые восклицания, потом выражение необузданной радости при виде столь обширного поля для новых исследований, затем горькие жалобы, что не сможет поделиться своими замечательными наблюдениями с земными коллегами. Наконец, излив свои жалобы, доктор перешел к более насущным нуждам.

— Сейчас девять часов, — сказал он, посмотрев на часы.

Мы сверили по свои часам: девять. Только вот вопрос: дня или вечера?

— Надо нам завести календарь, — предложил Маракот. — Мы совершили спуск третьего октября. Сюда мы попали к вечеру того же дня. Вопрос: сколько времени мы проспали?

— Да не меньше месяца, черт возьми! — ответил Билл Сканлэн. — Ни разу я еще не спал так крепко с тех пор, как Микки Скотт уложил меня на шестом раунде, когда мы с ним боксировали на фабрике.

Мы вымылись и оделись, ибо все, что для этого требовалось, оказалось тут же, под рукой. Но дверь была заперта, и было очевидно, что мы пленники. Несмотря на видимое отсутствие вентиляции, воздух был удивительно чист, и мы вскоре обнаружили, что он вливается в комнату через небольшие отверстия в стенах. Отопление было, очевидно, центральное, потому что, хотя печки здесь не было, в комнате было тепло. Вдруг я заметил на стене кнопку и нажал ее. Это, как я и ожидал, был звонок, ибо дверь тотчас распахнулась и на пороге появился маленький смуглый человечек в желтой тунике. Он вопросительно смотрел на нас темными ласковыми глазами.

— Мы голодны, — сказал Маракот. — Дайте нам, пожалуйства, поесть.

Человечек покачал головой и улыбнулся. Ясно было, что не понимает нас.

Сканлэн попытал счастья, изъяснив ему наши желания на крепком американском жаргоне, на что слуга ответил той же любезной, но непонимающей улыбкой. Когда же я открыл рот и выразительно пожевал палец, наш страж усиленно закивал и быстро исчез.

Через десять минут дверь снова распахнулась, и двое в желтых одеждах вкатили столик на колесах. Будь мы в Балтимор-отеле, нам бы не сервировали лучшего завтрака. Здесь были кофе, горячее молоко, булочки, какая-то восхитительная плоская рыба и мед. С полчаса

мы были слишком заняты, чтобы обсуждать, что именно мы едим и откуда все это явилось. Когда все было съедено, снова вошли слуги, выкатили столик и тщательно заперли за собой дверь.

— Честное слово, я исщипал себя до синяков, — заявил Билл. — Спим мы или нет, позвольте вас спросить? Слышите, док, вы нас сюда притащили, и ваша святая обязанность — объяснить нам, у кого мы, собственно, в гостях.

Доктор покачал головой.

— Для меня это тоже сон, — сказал он, — но какой изумительный сон! Что бы можно было рассказать миру, сумей мы передать туда наш рассказ!

— Ясно одно, — заметил я, — что в легенде об Атлантиде была правда и часть погибшего народа спаслась каким-то нам пока неизвестным образом.

— Даже если они и спаслись, — ответил Билл Сканлэн, почесывая в затылке, — то черт меня побери, коли я понимаю, как они получают свежий воздух, воду и все такое! Может быть, когда придет этот бородатый чудак, он сможет нас просветить?

— Как же он это сделает, раз у нас нет общего языка?

— Пока подведем итоги собственным наблюдениям, — предложил Маракот. — Одно для меня несомненно, — я понял это, когда ел за завтраком мед. Мед был явно синтетический, на земле мы только-только учимся делать такой. Но раз есть синтетический мед, почему бы не быть синтетическому кофе и муке? Молекулы элементов подобны кирпичам, и они повсюду вокруг нас. Надо только знать, как переместить или вынуть некоторые кирпичи, а иногда всего один кирпич, чтобы получить новое вещество. Сахар превращается в крахмал, а эфир — в алкоголь простой перестановкой кирпичей. От чего же зависит эта перестановка? От теплоты, от электрических влияний. Быть может, и от других причин, о которых мы не знаем. Некоторые вещества изменяются сами собой. Уран

становится радием, радий превращается в свинец без всякого вмешательства с нашей стороны.

— Значит, вы полагаете, что у них очень развита химия?

— Совершенно уверен. Ведь к их услугам сколько угодно этих «кирпичей»-элементов. Кислород и водород добываются непосредственно из морской воды. Углерод и азот имеются в изобилии в составе водорослей, а кальций и фосфор — в отложениях на дне. С умом и знанием чего только не сделаешь!

Доктор еще продолжал свою лекцию по химии, когда дверь открылась и вошел Манд, дружески приветствуя нас. С ним вместе пришел старик, который осматривал нас накануне вечером. Очевидно, это был ученый, потому что он обратился к нам на разных языках, по очереди, но ни одного из них мы не понимали. Тогда он пожал плечами и заговорил с Мандом, и тот дал знак двум свои слугам. Они внесли странный небольшой экран на двух подставках. Экран был похож на обыкновенный кинематографический, но покрыт каким-то составом, который блестел и переливался в лучах света. Экран приставили к одной из стен. Старик отмерил несколько шагов и провел черту на полу. Став на нее, он обернулся к Маракоту и прикоснулся ко лбу, указывая на экран.

— Спятил, — усмехнулся Билл. — Винтиков в голове не хватает.

Маракот покачал головой, показывая, что мы не понимаем, чего от нас ожидают. На лице старика выразилось замешательство. Потом, очевидно, приняв какое-то решение, он показал рукой на себя, повернулся к экрану и, сосредоточившись, устремил на него взгляд. Через мгновение на экране появилось его изображение. Потом он указал на нас, и вскоре мы заняли на экране его место. Но это были не совсем мы! Сканлэн имел вид опереточного китайца, Маракот похож был на труп, но, очевидно, такими мы казались старику.

— Это отражение его мыслей! — воскликнул я.

— Правильно, — подтвердил Маракот. — Это — удивительнейшее открытие, которое мы еще еле-еле нащупываем на земле.

— Вот уж никогда не думал, что увижу себя в кино, если только этот кругломордый китаец и вправду я, — сказал Сканлэн. — Сообщи мы все эти штуки редактору «Леджера», он бы нас обеспечил на всю жизнь. Да, уж мы б не остались в накладе, если б сумели передать это на землю.

— В том-то и дело, — возразил я. — Мы бы заставили весь мир разинуть рты от удивления, если бы только выбрались отсюда. Но что он там волнуется, этот старик?

— Он хочет, чтобы вы, док, проделали такую же штуку.

Маракот занял указанное ему место и, сосредоточившись, прекрасно воспроизвел картину. Мы увидели изображение Манда, потом «Стратфорда» в ту минуту, когда его покидали.

И Манд и старик ученый радостно закивали головами при виде парохода, а Манд начал делать плавные жесты от нас к экрану.

— Просит рассказать им все! — воскликнул я. — Они хотят знать по картинкам, кто мы такие и как сюда попали.

Маракот кивнул Манду, показывая, что мы поняли, и начал было «рисовать» картинки нашего путешествия, но тут Манд прикоснулся к его руке и прервал рассказ. По его знаку слуги унесли экран, и атланты жестами пригласили нас следовать за ними.

Здание было огромное, и мы долго переходили из одного коридора в другой, пока наконец не пришли в большой зал с сиденьями, возвышавшимися амфитеатром, как в университетской аудитории. Сбоку стоял экран — такой же, какой мы только что видели, только побольше. Лицом к нему сидели люди; их было около тысячи чело-

век, и при нашем входе раздался одобрительный шепот. Здесь были мужчины и женщины всех возрастов. Мужчины все бородатые, женщины постарше имели весьма почтенный вид, а девушки блистали красотой. Мы лишь мельком могли взглянуть на толпу. Нас усадили в первом ряду, а Маракота поставили на кафедру перед экраном. Потом огни угасли, и был дан сигнал к началу.

Маракот прекрасно восстанавливал в своем воображении сцены пережитого. Сперва мы увидели, как наш корабль выходит из устья Темзы, и ропот удовольствия прошел по рядам при виде настоящего современного города. Потом появилась карта, на которой был отмечен наш путь. Затем показалась стальная кабинка, и по оживлению в зале ясно было, что ее уже видели. Кабина опускалась все глубже и глубже. И вот появился чудовищный рак, погубивший нас.

— Маракс! Маракс! — закричали зрители при появлении чудовища. Ясно, что они знали и боялись его. Но вот чудовище стало перетирать канат, и раздались крики ужаса, перешедшие в вопль, когда канат оборвался и кабина полетела в бездну. Рассказывая целый месяц, мы не объяснили бы все так подробно, как за получасовую лекцию-демонстрацию.

Когда зажегся свет, вся аудитория собралась подле нас, проявляя знаки симпатии и удовольствия, похлопывая нас по плечу, всеми силами стараясь дать нам понять, что они нам рады. Нас по очереди представили некоторым старшинам. Но они отличались от всех остальных лишь знаниями и мудростью, иных различий между ними, казалось, не было, и одеты все были примерно одинаково. У мужчин были короткие, до колен, шафрановые туники с поясами; обуты они были в высокие сандалии из упругого чешуйчатого материала, вероятно, из кожи какого-то морского животного.

Женщины живописно драпировались в розовые, синие, зеленые одежды и были украшены нитками жемчуга и мелких перламутровых раковин. Многие были так

прекрасны, что на земле невозможно было бы найти им равных. Там была одна... Но зачем вмешивать мои личные чувства в рассказ, представляющий общественный интерес? Скажу лишь, что Мона — единственная дочь Скарпы, одного из вождей народа, и что с самой первой нашей встречи я прочел в ее взоре симпатию и сердцем почуял, что и она поняла мое восхищение ее красотой. Пока больше ничего не буду говорить об этой прелестной девушке. Достаточно сказать, что новое, сильное чувство вошло в мою жизнь. Потом, когда я увидел, как непривычно оживленный Маракот жестикулирует перед одной приятной, любезной особой, а Сканлэн, окруженный группой смеющихся девушек, жестами выражает им свое восхищение, я понял, что и мои спутники нашли в нашем трагическом приключении приятную сторону. Если мы погибли для надводного мира, то нашли иной, где, по-видимому, жизнь обещает хоть как-то вознаградить нас за утраченное.

Позже Манд и другие наши новые друзья водили нас по различным помещениям бесконечного здания. Здание настолько вросло в дно океана, что проникнуть в него можно было лишь через крышу, и отсюда ниже, пока не достигали глубины нескольких сот метров под уровнем входа.

Фундамент здания, покоившийся на первоначальном дне океана, сообщался с новыми коридорами и ходами, которые вели глубоко под землю. Нам показали аппараты, вырабатывающие воздух, и насосы, разгонявшие его по всему огромному зданию. Маракот с восхищением и уважением указал нам на маленькие реторты, где вырабатывались аргон, неон и прочие газы, роль которых для дыхания мы на земле только-только еще начинаем понимать. Чрезвычайно интересны были огромные дистилляторы для свежей воды и огромные электрические установки, но большая часть машин была так сложна, что мы не в силах были разобраться в их деталях. Могу только заявить, что видел собственных глазами и по-

пробовал на вкус различные химические элементы в жидком и газообразном состояниях, которые вводились в аппараты и подвергались там обработке теплом, давлением и электричеством, и в результате машины производили муку, чай, кофе, вино и множество других продуктов питания.

При самом поверхностном осмотре здания, тех его частей, которые нам были открыты для осмотра, нас поразило одно обстоятельство. Нам стало совершенно очевидно, что затопление страны было предусмотрено ее обитателями задолго до катастрофы и они своевременно позаботились об организации защиты от неминуемой гибели. Совершенно понятно и в доказательствах не нуждается то обстоятельство, что подобные предосторожности не могли быть приняты после катастрофы, что все огромное здание с самого начала строилось с расчетом послужить в случае наводнения убежищем и постоянным жильем для народа. Огромные машины, вырабатывающие воздух, пищу, дистиллированную воду и другие необходимые продукты, были заблаговременно помещены в стенах здания и составляли его органическую, неотъемлемую часть. Были предусмотрены выходы с крыши, организованы мастерские, изготовлявшие прозрачные колпаки-скафандры, установлены колоссальные насосы для откачивания воды из специальных камер, сообщавшихся непосредственно с океаном. Все это было заготовлено с умом и дальновидностью удивительно культурного народа, который, как мы имели возможность убедиться, в свое время простирал свою руку к Египту и Южной Америке и, таким образом, оставил по себе память на земле даже после того, как сама чудесная Атлантида погибла под волнами. Что же до их потомков, то они, что вполне естественно, несколько выродились и застыли на одной точке прогресса, они сохранили знания предков, но у них не хватало энергии развить их, пополнить. Они располагали огромными возможностями, но, нам казалось, им не хватает иници-

ативы и они мало что сделали, чтобы приумножить богатейшее наследие, доставшееся им от предков. Я уверен, что если бы их огромные знания достались Маракоту, он сотворил бы великие дела. Что касается Сканлэна с его острым, живым умом прирожденного механика, то он им все время показывал разные диковинки, так же удивлявшие их, как их изобретения удивляли нас. Садясь в стальную кабинку перед спуском, он не забыл сунуть в карман свою любимую губную гармонику, и теперь она была непрерывным источником радости для наших подводных друзей. Они садились вокруг Билла и слушали его, как мы слушаем Моцарта, а он наигрывал им то веселые, то грустные песенки своей далекой родины.

Я уже упоминал, что не все здание было нам предоставлено для осмотра, и хочу несколько подробнее рассказать об этом. В здании был один запущенный на вид коридор, по которому постоянно сновали люди, но наши проводники тщательно его избегали. Естественно, это возбудило наше любопытство, и однажды вечером мы решили на свой страх и риск заглянуть туда. Мы тихонько выбрались из нашей комнаты и направились к неизвестной части здания, где, по счастью, почти никого не встретили.

Коридор привел нас к высокой двери-арке, которая, как мне показалось, была из чистого золота. Растворив дверь, мы очутились в большом зале, образующем четырехугольник площадью не меньше ста метров. Стены были разрисованы яркими красками и украшены изображениями и статуями уродливых существ со странными головными уборами, вроде тех, что носили в старину американские индейцы. В конце большого зала возвышалась огромная сидячая фигура со скрещенными, как у Будды, ногами, но лицо ее отнюдь не выражало нерушимое спокойствие, свойственное Будде. Наоборот, это было воплощение зла, идол с открытой пастью и свирепыми красными глазами, освещенными изнутри

электрическими лампочками. На коленях идола был большой черный жертвенник — очаг, в котором, подойдя поближе, мы увидели кучи пепла.

— Молох! — сказал Маракот. — Молох, или Ваал, древний бог финикийцев.

— Черт возьми! — воскликнул я, вспомнив о Карфагене. — Неужели этот культурный народ совершает человеческие жертвоприношения?

— Послушайте, Хедли! — забеспокоился Скан-лэн. — Надеюсь, они будут держать эту свою дурь про себя. Нам это уж вовсе ни к чему.

— Я думаю, они уже получили хороший урок, — ответил я. — Несчастье учит милосердию.

— Правильно, — поддержал Маракот, вглядываясь в пепел. — Это старый бог их предков, но формы культа, видно, обновились. Посмотрите на этот пепел. Это остатки сожженных хлебов, злаков и тому подобного. Но, возможно, было время, когда...

Наши размышления прервал сердитый голос, и, обернувшись, мы увидели нескольких людей в желтых одеждах и высоких шапках, вероятно, жрецов храма. По выражению их лиц я увидел, что мы весьма близки к тому, чтобы стать последними жертвами Ваала: один из жрецов угрожающе вытащил из-за пояса нож. Криками и грозными жестами они грубо вытеснили нас из храма.

— Черт подери! — возмутился Билл. — Я вот сейчас двину этого типа, если он еще раз до меня дотронется!

В первое мгновение я испугался, что Билл затеет в этом святилище скандал. Но нам удалось увести разъяренного механика, и мы все вернулись к себе в комнату, однако по выражению лиц Манда и других мы поняли, что поход наш получил огласку и все нас осуждают.

Зато в другое святилище нас пускали невозбранно, и там мы случайно нашли возможность, правда, весьма несовершенную, для общения с нашими хозяевами. Это была комната в нижней части храма без всяких украшений, только в одном углу стояла пожелтевшая от време-

ни статуя слоновой кости, изображавшая женщину с копьем в руке и с совой на плече. Комнату охранял дряхлый старик, и, несмотря на то, что он был очень стар, мы поняли, что это представитель иной, более красивой и рослой расы, чем жрецы. Мы с Маракотом смотрели на статую, стараясь припомнить, где мы видели нечто похожее, когда старик обратился к нам.

— Теа, — сказал он, указывая на статую.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Он говорит по-гречески!

— Теа Афина! — повторил старик.

Сомнений не было. Он говорил: «Богиня Афина».

Маракот, человек удивительно универсального ума и огромных знаний, начал задавать ему вопросы на классическом греческом языке, которые старик понимал лишь отчасти и отвечал на столь архаическом диалекте, что понять его было почти невозможно. И все же Маракоту удалось кое-что узнать, он нашел посредника, через которого можно будет хоть что-то передать атлантам.

В тот же вечер Маракот говорил нам возбужденно, тоном лектора, обращающегося к большой аудитории, и, как всегда, высоким, пронзительным голосом:

— Это — поразительное доказательство достоверности легенды. Легенда основывается на фактах, даже если последующие века постоянно их искажают. Вам известно или, скорее, неизвестно («Вот это верно сказано», — вставил Сканлэн), что во время катастрофы, разразившейся над несчастным островом, между древними греками и атлантами происходила кровопролитная война. Эти факты описаны Солоном со слов жрецов Саис. Мы можем допустить, что в ту эпоху у атлантов были греческие пленники, что некоторые из них были отданы для службы в храмы и принесли с собой свою религию. Насколько я мог понять, старик — наследник древних греческих жрецов, и, быть может, когда мы познакомимся с ним поближе, мы узнаем что-нибудь об этом древнем народе.

— Что ж, я на стороне греков, — заявил Билл. — В конце концов уж если хочешь вылепить себе бога, так пусть лучше это будет красивая женщина, чем красноглазое чудовище с камином на коленях.

— Хорошо, что они не могут читать наших мыслей, — сказал я. — Иначе вам, пожалуй, не миновать бы судьбы христианских мучеников.

— Ну, на этот счет будьте покойны, — возразил Билл. — Пока я им изображаю джаз-банд на гармонике, нас не тронут. Кто же тогда их будет забавлять?

Это был веселый народ, и мы вели чудесную жизнь, но бывали и бывают времена, когда сердце стремится в родные края, когда встают в воображении квадратные башни Оксфорда и старые вязы Гарварда. В первые дни нашей подводной жизни они мне казались такими же недостижимо далекими, как лунный ландшафт, и лишь теперь у меня появляется слабая, робкая надежда, что когда-нибудь я их все-таки увижу.

Глава IV

Через несколько дней нас, гостей, или пленников — временами мы и в самом деле не знали, кем себя считать, — взяли в экспедицию на дно океана. С нами отправилось шестеро во главе с Мандом. Собрались мы все в той же входной камере, через которую проникли сюда впервые, и теперь могли более подробно осмотреть ее устройство. Это была большая квадратная комната не менее тридцати метров в длину и ширину; ее низкие стены и потолок были сплошь покрыты зеленой плесенью. По стенам комнаты виднелся длинный ряд крючков со знаками, которые, как нам объяснили, были цифрами, и на этих крючках висели прозрачные водолазные колпаки; каждый из них был снабжен парой наплечных батарей для дыхания. Пол был выстлан плитами из светлого известняка, выщербленного ногами

многих поколений, и в углублениях его застаивалась вода. Комната была ярко освещена трубками, подвешанными к карнизу. Нас заключили в прозрачные колпаки и дали каждому по толстой остроконечной палке, вроде багра, из какого-то чрезвычайно легкого металла.

Потом по данному сигналу Манд велел нам ухватиться за перила, окружавшие комнату. Он сам подал нам пример, а за ним и другие атланты. Скоро выяснилась причина этой предосторожности. Как только открылась наружная дверь, воды океана ворвались в комнату с такой силой, что, не держись мы за перила, бушующий поток тотчас же свалил бы нас с ног. Вода быстро поднималась, и, когда она покрыла нас с головой, напор сразу ослабел. Манд первый двинулся к выходу, и через мгновение мы уже были на дне океана, оставив за спиной открытую дверь входной камеры.

Оглядываясь по сторонам в холодном, мерцающем свете, слабо озарявшем дно океана, мы могли свободно различать все на расстоянии полукилометра. Больше всего нас удивила яркая, светящаяся вдалеке точка, но что это было, мы пока не могли разобрать. К этой точке и направил нас наш предводитель, а мы гуськом шли за ним. Идти приходилось медленно из-за упругости водной среды, да и ноги глубоко вязли в мягком иле, покрывавшем дно океана; но вскоре мы ясно увидели, откуда льется загадочный свет, привлекший наше внимание. Это была наша стальная кабинка — последнее воспоминание о земной жизни! Она лежала боком на одном из куполов этого огромного здания, все еще ярко освещенная изнутри. Сжатый воздух сохранил от вторжения воды ту ее часть, где были электрические установки. Странное ощущение испытывали мы, рассматривая через иллюминатор знакомую внутренность нашей стальной кабины, наполненной водой, в которой скользили, как в аквариуме, несколько крупных рыб, напоминающих миног. Один за другим мы проникли в кабинку через открытый люк. Маракот хотел непременно

спасти записную книжку, плававшую на поверхности воды, а мы со Сканлэном решили захватить кое-что из личного имущества. За нами влез и Манд с двумя спутниками и стал с интересом рассматривать глубиномер, термометр и другие приборы, прикрепленные к стенам. Кое-какие из них мы сняли и забрали с собой.

Ученым будет небезынтересно знать, что на самой большой глубине, куда только спускался человек, температура равна пяти градусам по Цельсию, то есть значительно выше, чем в верхних слоях океана. Объясняется это непрерывным химическим процессом разложения ила и возникающей в связи с этим теплотой.

Оказалось, что, помимо легкой прогулки по дну океана, наша экспедиция имела определенную цель. Мы добывали пищу. Я видел, как наши спутники вдруг ударяли острыми баграми, всякий раз пронзая большую коричневую плоскую рыбу, несколько похожую на камбалу. Этих рыб было множество, но они так сливались окраской с илом, что заметить их мог лишь опытный глаз. Вскоре у каждого из наших спутников было уже по две-три рыбины. Немного погодя мы со Сканлэном тоже наловчились бить рыбу и поймали каждый по паре, но Маракот двигался точно во сне, весь поглощенный чудесами морского дна, и произносил длинные взволнованные речи, которые мы не могли услышать. Мы видели только, что губы его беспрерывно шевелятся. На первый взгляд, дно океана показалось нам унылым и однообразным, но вскоре мы убедились, что серая равнина изборождена бесчисленными подводными течениями, пересекающими ее, как подводные реки. Эти течения прорывают каналы в мягком слое ила и образуют настоящие речные ложа. Дно каналов состоит из красной глины, и сплошь устлано какими-то белыми предметами, которые я сперва принял за раковины, но при ближайшем рассмотрении они оказались костями китов, зубами акул и других морских чудовищ. Один из таких зубов, поднятый мною, имел пятнад-

цать дюймов длины. Какое счастье для нас, что чудовище, обладающее таким страшным оружием, живут преимущественно в верхних слоях океана! По мнению Маракота, этот зуб принадлежал гигантскому полулегендарному Орка-гладиатор. Находка лишний раз подтверждала нашумевшее в ученых кругах заявление Митчела Хиджеса о том, что у самых огромных акул, которых ему удавалось поймать, на теле имелись исполинских размеров раны, а значит, существуют еще более свирепые и сильные чудовища, чем они сами.

Одна странность особенно поражает наблюдателя дна океана. Это, как я уже упоминал, постоянный холодный свет, излучаемый огромными фосфоресцирующими массами разлагающихся органических веществ. Но выше темно, как ночью. Это создает иллюзие сумеречного зимнего дня, когда низко над землею тянутся огромные мрачные тучи. Из этой мглы медленно, но беспрестанно падает что-то легкое, белое, поблескивающее, будто хлопья снега. Это раковины морских улиток и других мелких морских животных, которые живут и умирают в восьмикилометровом слое воды, отделяющем нас от поверхности, и хотя многие во время падения растворяются и образуют известковые соли, которыми богат океан, другие, падая год за годом, образуют мягкий органический вековой слой, погребающий великий город, в верхней части которого мы теперь живем.

Со вздохом покинув стальную кабинку — последнее звено, связывающее нас с землей, — мы вышли в сумрак подводного мира и вскоре столкнулись с еще одной особенностью жизни на дне океана. Впереди замаячило смутное движущееся пятно, оказавшееся группой людей в прозрачных колпаках; люди эти тащили своего рода широкие сани, нагруженные углем. Это была тяжелая работа, и бедняги, вцепившись в веревки рыбьей кожи, напрягали все свои силы. При каждой группе людей находился один главный, и мы с удивлением заметили, что рабочие и руководители принадлежат к совершнно раз-

ным расам. Рабочие были высокие белокурые люди с голубыми глазами и могучим телом. Руководители, как я уже описывал, — брюнеты с примесью негритянской крови, коренастые, приземистые. В ту минуту мы не могли разрешить свои сомнения, но похоже было, что одна раса из поколения в поколение была рабами другой, и Маракот полагал, что голубоглазые — потомки греческих пленников, чью богиню мы видели в храме.

До того, как мы подошли к рудникам, нам встретилось еще несколько групп, тащивших уголь. Здесь органический слой и песчаные напластования дна были сняты целиком, и обнаружилось широкое пространство, откуда начиналась шахта, где чередовались слои угля и глины, веками наращивавшиеся на дне Атлантического океана. Тут, на разных уровнях, мы видели группы людей за работой. Они отбивали пласты, грузили куски в корзины, поднимали их наверх. Рудник был настолько обширен, что мы не видели другого края этого огромного колодца, который пробивали в дне океана многочисленные поколения рабочих. Уголь, превращаемый в электрическую энергию, был основной движущей силой, приводившей в движение все машины Атлантиды. Кстати, любопытно отметить, что самое имя древнего города совершенно точно сохранилось легендами. Когда мы упомянули слово «Атлантида», Манд и другие наши спутники чрезвычайно удивились, что мы его знаем, а потом одобрительно закивали, показывая, что они нас поняли.

Миновав огромный колодец-шахту, или, вернее, уйдя от него вправо, мы подошли к цепи базальтовых скал с поверхностью столь же чистой и блестящей, как в день, когда земля извергала их из своих недр. Вершины скал уходили в темноту непроглядной ночи, а подошвы терялись в густой чаще водорослей, поднимавшихся на бугристых наслоениях окаменевших кораллов, строивших здесь свои колонии в отдаленнейшие доисторические времена. Некоторое время мы шли вдоль края этих гус-

тых подводных зарослей, причем наши провожатые изредка ударяли по ним палками, извлекая оттуда ради нашего удовольствия удивительных рыб и ракообразных; часть их бросали, часть отбирали для своего стола. Таким образом, мы прошли около двух километров, как вдруг я увидел, что Манд внезапно остановился и стал озираться, жестами выражая удивление и тревогу. Его выразительные движения и мимика подвижного лица вполне заменяли язык, потому что атланты мгновенно уяснили себе причину его беспокойства, и лишь тогда мы с испугом поняли, в чем дело. Доктор Маракот исчез!

Я отчетливо помню, что доктор был с нами, когда мы шли мимо угольной шахты, он дошел с нами до базальтовых утесов. Уйти вперед он, конечно же, не мог, так что оставалось искать его позади, вдоль линии подводных зарослей. Наши друзья были чрезвычайно встревожены исчезновением Маракота, а мы со Сканлэном, хорошо знакомые с эксцентричностью рассеянного ученого, были убеждены, что тревожиться тут не из-за чего и мы скоро найдем его: забыв все на свете, он, наверно, с головой ушел в изучение какой-нибудь диковинной морской зверюги. Мы повернулись и пошли обратно и, не сделав и сотни шагов, увидели Маракота.

Но он бежал, бежал со скоростью, которой я никак не ожидал от человека его возраста и привычек. И никуда не годный спортсмен побежит, если его подгоняет безудержный страх. Маракот бежал, спотыкаясь и увязая, широко раскинув руки, точно взывая о помощи. У него были все основания рваться из последних сил: три ужасных существа преследовали его по пятам. Это были тигровые крабы с чередующимися черными и желтыми полосами, каждый размером с ньюфаундленда. К счастью, они не могли быстро передвигаться по илу и как-то странно, боком, прыгали по мягкому дну океана со скоростью, немного превышающей ту, что развил испуганный беглец.

Но запаса сил у них было больше, они постепенно догоняли его, и, если бы не вмешались наши друзья, они через несколько минут схватили бы Маракота страшными клешнями. Все бросились навстречу крабам с острыми баграми наперевес, а Манд зажег мощный электрический фонарь, висевший у него на поясе, и пустил сноп света в глаза отвратительных чудовищ, которые поспешно свернули в заросли и пропали из виду. Доктор бессильно опустился на обломок кораллового рифа, и по его лицу было видно, что он совершенно измучен этим приключением. Позже он рассказал нам, что проник в подводные джунгли, желая достать то, что показалось ему редким экземпляром глубоководной химеры[1], и угодил в гнездо свирепых тигровых крабов, которые мгновенно бросились за ним в погоню. Только после продолжительного отдыха он смог двинуться дальше.

Миновав базальтовые утесы, мы наконец подошли к нашей цели. На серой равнине перед нами высились раскинутые в беспорядке пригорки, высокие холмики, выступы, говорившие о том, что под нею лежит большой древний город. Он был бы совершенно и навсегда погребен под слоем ила, как Геркуланум под лавой и Помпея[2] под пеплом, если бы подводные жители не прокопали в него вход. Входом служил длинный покатый коридор, переходивший в широкую улицу, по обе стороны которой тянулись ряды строений. Стены домов, построенные не столь прочно, как Храм Безопасности, были изборождены трещинами и частично разваливались, но внутренность домов большей частью осталась в том состоянии, в каком захватила их разразившаяся катастрофа, разве только в иных местах океанские волны похозяйничали в домах: где украсили их,

---

[1] химера — рыба, похожая на акулу, с продолговатым телом, низко врезанным ртом, голой кожей и длинной хвостовой нитью.

[2] италийские города, погибшие при извержении Везувия в 79 году нашей эры.

а где изуродовали. Наши проводники не дали нам времени осмотреть эти первые дома и увлекали нас вперед, пока мы не добрались до здания, которое, очевидно, было большой центральной крепостью или дворцом, вокруг которого концентрическими кругами разрастался весь город.

Колонны, огромные скульптурные карнизы и фризы, площадки и лестницы этого здания превосходили все, что я когда-либо видел на земле. Больше всего здание походило на остатки храма Карнака в Луксоре в Египте, и — удивительное дело — украшения и полустертые надписи в мелочах напоминали такие же украшения и надписи великих развалин близ Нила, а колонны, увенчанные огромными капителями, в виде цветов лотоса, были точно такие же.

Как странно было идти по мозаичному мраморному полу огромных зал с большими статуями у стен и видеть крупных серебристых угрей, мелькавших над нашими головами, и стаи перепуганных рыб, без оглядки удиравших от снопа света, которым Манд освещал нам дорогу. Мы переходили из комнаты в комнату, подолгу задерживаясь в богато обставленных покоях, носивших все следы той непомерной роскоши, которая, по преданию, и навлекла на Атлантиду гнев богов.

Одна комната, сравнительно небольшая, была чудесно украшена перламутровой инкрустацией, которая еще до сих пор переливалась мягкими опаловыми бликами, когда луч света, играя, скользил по стенке. В углу, на возвышении орнаментированное изысканной резьбой, стояло ложе из какого-то желтого металла и комната эта казалась опочивальней королевы, но возле ложа теперь лежал уродливый черный моллюск, и его отвратительное тело вздымалось и опускалось в тихом пульсирующем ритме: казалось, будто в самом центре этого зловещего дворца бьется чье-то злобное сердце.

Я был рад, да и мои товарищи тоже, когда атланты вывели нас отсюда. На мгновение мы заглянули в

большой разрушенный амфитеатр, дальше увидели набережную с маяком в конце и поняли, что город этот был в свое время морским портом. Скоро мы выбрались из этих мест, отмеченных недоброй печатью, и снова очутились на знакомой подводной равнине.

Но наши приключения еще не кончились: произошло еще одно, встревожившее нас не меньше, чем наших друзей-атлантов. Мы направлялись обратно, когда один из атлантов вдруг с беспокойством указал на что-то наверху. Мы взглянули туда, и перед нами предстало невиданное зрелище. Из черного слоя воды прямо на нас быстро опускалось что-то огромное, темное. Сперва нам показалось, что это бесформенная масса, но когда она спустилась пониже, мы увидели в слабом свете, что это труп огромной рыбы, он раздулся и лопнул, и за ним тянулись ее внутренности. Газы поддерживали его в верхних слоях океана, но в результате гниения, а быть может, тут постарались акулы, они покинули это мертвое тело, и оно устремилось на дно океана. Во время нашей прогулки мы натыкались не раз на гигантские скелеты, начисто обглоданные рыбами, но это чудовище, хоть оно и было выпотрошено, еще походило на то, каким было при жизни.

Атланты вцепились в нас, намереваясь оттащить с пути падающего тела, но, увидев, что оно нас минует, успокоились. Колпаки не позволяли нам различать звуков, но при падении этого тяжелого тела на дно, вероятно, последовал сильный удар; слой ила взлетел кверху, как взлетает тина в пруду, если бросить в нее камень.

Это был кит метров двадцати пяти в длину, и по оживленной и радостной жестикуляции подводных людей я заключил, что они сумеют найти хорошее употребление для его жира и спермацета.

Некоторое время спустя после встречи с мертвым китом мы, все трое, к нашей радости, снова очутились перед знакомой квадратной дверью с тяжелыми колоннами по бокам, ибо порядком устали от такого непри-

вычного для нас путешествия, и вскоре уже стояли на сыроватом полу входной камеры сухие, невредимые, без прозрачных колпаков.

Через несколько дней — нам трудно определять время точно, — после того как Маракот демонстрировал атлантам на экране «кинематографа мысли» все, что с нами произошло, нас пригласили на куда более пышную, торжественную демонстрацию, где мы увидели историю этого удивительного народа.

Я не обольщаюсь, сеанс вовсе не был организован исключительно в нашу честь, скорее всего такие демонстрации нередко повторялись публично, чтобы народ не забывал о своем прошлом, и то, что нам показали, было лишь прелюдией к длинной религиозной церемонии. Но как бы там ни было, постараюсь описать то, чему мы были свидетелями.

Нас привели в тот же большой зал, где Маракот при помощи экрана рассказывал о наших приключениях. Здесь уже собрались все обитатели Храма Безопасности, и нам, как и в прошлый раз, отвели почетные места перед большим блестящим экраном. Атланты запели длинную торжественную песнь, скорее всего своего рода гимн. Потом дряхлый, седой старик, летописец или историк атлантов, встреченный аплодисментами, занял кафедру и стал проецировать на экран ряд картин, изображавших возвышение и падение его народа. Если бы только мне удалось передать вам их яркость и драматизм! Я и мои товарищи совершенно потеряли представление о времени и пространстве — так мы были увлечены этими картинами. А сзади нас, потрясенные до глубины души, люди вздыхали и проливали слезы над трагедией, рисовавшей разрушение их отечества и гибель их народа.

В первой серии изображений мы увидели древний материк во всем блеске славы — каким он сохранился в памяти народа, ибо воспоминание это народ передавал из поколения в поколение. Мы видели великую страну с птичьего полета — ее огромные владения, пре-

красно возделанные и орошенные беспредельные поля, где росли культурные злаки; цветущие фруктовые сады, веселые ручьи, поросшие лесом холмы, спокойные озера и кое-где живописные горы. Повсюду селения, фермы, прекрасные дворцы. Потом мы перенеслись в столицу страны — удивительный, великолепный город на берегу моря; в гавани стояло множество галер, пристаны были завалены товарами. Город защищали крепкие стены, высокие боевые башни и глубокие рвы — все колоссальных размеров. Дома вдоль улиц тянулись на много километров, а в центре города возвышался окруженный зубчатой стенок замок, такой огромный и внушительный, точно порождение каких-то фантастических снов. Потом мы увидели лица обитателей страны того золотого века: почтенных старцев, мужественных воинов, прекрасных, достойных женщин, веселых, крепких детей — цвет человечества.

Потом замелькали картины другого рода. Мы видели войны — беспрерывные войны, войны на суше и на море. Мы видели полудикие беззащитные племена, уничтожаемые огнем и мечом, их подминали под себя колесницы, топтала тяжелая конница. Мы видели сокровища, доставшиеся победителям, но чем богаче они становились, тем резче менялись лица на экране: они приобретали все более жесткие, животные черты. Из поколения в поколение все грубее становилось выражение лиц, все ниже и ниже опускалась культура. Мы наблюдали признаки сладострастия и беспутства, морального разложения; богатства росли, а духовная культура падала. Жестокие, извращенные состязания, стоившие жизни их участникам и привлекавшие тысячи зрителей, заняли место мужественных спортивных игр прошлого. Простая, здоровая жизнь отошла в область преданий. Мы видели беззаботные, легкомысленные толпы, бросавшиеся от одного увлечения к другому; они гонялись лишь за порочными наслаждениями, никогда не насыщаясь ими. Вырос, с одной стороны, класс экс-

плуататоров, сверхбогачей, стремившихся исключительно к чувственным наслаждениям, с другой стороны, обнищавшее до последней степени население, все назначение которого состояло в том, чтобы беспрекословно исполнять желания и капризы господ, как бы жестоки и отвратительны ни были эти желания.

Потом мы опять увидели совсем другие картины. Появились реформаторы, пытавшиеся указать заблудшим другие пути, вернуть их к прежним, забытым благородным целям. Мы видели, как эти печальные, исполненные серьезности люди увещевали ставших на путь порока, но те, кого они хотели спасти, высмеивали их, издевались над ними. Особенно враждебны реформаторам были жрецы Ваала, по милости которых бескорыстная религия духа выродилась во внешние ритуалы и церемонии. Но мужественные борцы не сдавались, они стремились спасти свой народ. Лица их принимали все более суровое, непреклонное выражение, словно перед их внутренним взором вставали грядущие беды. Лишь некоторые прислушивались к словам мудрецов, устрашась их пророчеств, большинство же отворачивалось со смехом и еще больше погрязало в пучине греха. И наступило время, когда реформаторы уже ничего больше не могли сделать и предоставили этот вырождающийся народ его собственной судьбе.

Потом мы увидели странную картину. Один реформатор, крепкий духом и телом, возглавил все реформистское движение. Он был богат и влиятелен и обладал поистине неистощимыми силами. Мы видели его словно бы в трансе, в общении с какими-то духами. Это он собрал всех величайших ученых страны, все знания — а они превосходили, затмевали все, что было известно нам сегодня, — и применил их для постройки убежища от грядущей катастрофы. Мы видели тысячи рабочих за постройкой — стены росли. А беспечные толпы смотрели, хохотали и удивлялись столь сложным и ненужным предосторожностям. Другие спорили с мудрецом и говори-

ли, что если он чего-то боится, то не проще ли уехать в другую, более безопасную страну. А он отвечал (насколько мы могли понять), что здесь есть честные, простые люди, которых можно спасти в последнюю минуту, и для их-то спасения он и должен остаться в своем Храме Безопасности. Понемногу он собрал своих приверженцев и поселил их в Храме, потому что, хотя высшие силы предупредили его о катастрофе, он не знал точно ни дня, ни часа, когда она свершится.

Так что, когда Храм был готов и водонепроницаемые двери испытаны, он вместе со своей семьей, друзьями, приверженцами и слугами стал ждать страшного часа. И час настал. Это было ужасное зрелище даже на экране! А каким оно было на самом деле, и представить невозможно. Сперва мы увидели, как вдали из спокойной глади океана поднялась на огромную высоту страшная сверкающая гора воды. Потом она двинулась вперед, километр за километром двигалась по морю водяная стена, взметая на гребне клочья пены, стремясь вперед со всевозрастающей яростью. Две щепки в потоках белоснежной пены на вершине волны оказались, когда волна подкатилась ближе, двумя разбитыми волной крупными галерами. Потом мы видели, как гигантская волна с силой ударила о берег и понеслась на город, и дома никли перед ее напором, как спелая рожь под порывами бури. Мы видели людей на крышах домов, глядящих на приближающуюся смерть. Лица их были искажены ужасом, глаза дико блестели, рты перекошены, они кусали руки и в неописуемом ужасе что-то кричали. Те самые люди, что насмехались над строителем Храма Безопасности, теперь взывали о пощаде, они бросались на колени и простирали руки, моля о спасении. У них не было времени добраться до убежища, построенного за городом, и тысячи беглецов бросились к центральной крепости, стоявшей на холме, и зубчатые стены ее потемнели от толпы беглецов.

И вдруг замок начал проваливаться. Все начало про-

валиваться. И через расселины вода хлынула в глубины земли, внутренний огонь превратил ее в пар, и произошел взрыв, разрушивший и исковеркавший предпочвенные слои древнего материка. Город погружался все глубже и глубже, и при виде этого ужасного зрелища и мы и все, кто сидел за нами, не могли удержаться от крика. Мол раскололся пополам и исчез. Гигантский маяк рухнул и исчез под волнами. Еще некоторое время виднелись крыши и купола высоких домов, точно острые скалистые рифы, но скоро и они скрылись под водой. Над поверхностью бушующего океана высилась лишь одна крепость — как чудовищной величины корабль. Потом и она стала медленно опускаться в бездну, и на вершине ее качался лес рук, простертых вверх. Страшная драма была окончена, море поглотило весь материк, весь без остатка, и на его поверхности не виднелось ни одного живого существа. В его бурлящих волнах то там, то тут всплывали трупы людей и животных, стулья, столы, одежда, головные уборы, тюки с товарами, и все это ныряло и носилось в пенистом водовороте. Потом воды успокоились, перед нами раскинулась необъятная водная глады, блестящая, как ртуть, и мрачное солнце на горизонте скупо освещало могилу страны, судьба которой был отныне решена.

Рассказ был окончен. Нам не очем было расспрашивать: догадка, логика и воображение восстановили все пробелы рассказа. Мы представили себе медленное, но неуклонное опускание Атлантиды в бездны океана среди вулканических конвульсий, воздвигнувших вокруг нее огромные подводные горы. Мы представили себе государство атлантов, погребенное на дне океана, разрушенный город, раскинувшийся вокруг Храма Безопасности, в котором укрылась горстка потрясенных людей. Мы поняли теперь, как сумели беглецы спастись от смерти, как использовали они разнообразные достижения науки, которыми снабдил их гениальный строитель Храма Безопасности, как он обу-

чал их всем наукам и искусствам, как кучка в пятьдесят-шестьдесят спасшихся атлантов выросла теперь в значительное общество, которое должно было вгрызаться в недра земли, чтобы расширить свою «страну». Целая справочная библиотека не смогла бы расскзать все это проще и подробнее, чем серия картин-мыслей. Такова была участь древнего государства атлантов, таковы были причины, сокрушившие его. В отдаленном будущем, когда покрывающий дно ил превратится в мел, великий город, возможно, еще раз будет вынесен новым катаклизмом на поверхность земли, и геологи будущего, роясь в каменоломнях, найдут не отпечатки растений, не раковины, а остатки погибшей цивилизации и следы катастрофы, погубившей древний мир.

Одно лишь нам все еще не было ясно: сколько прошло времени с того дня, когда произошла трагедия? Доктор Маракот прибегнул к довольно несовершенному методу для определения даты. Среди множества помещений огромного здания Храма Безопасности была большая пещера, служившая местом погребения вождей атлантов. Здесь, как в Египте, мумифицировали трупы, и в нишах, по стенам, стояли бесчисленными рядами эти мрачные реликвии прошлого. Манд гордо указал на одну свободную нишу и дал нам понять, что она изготовлена специально для него.

— Если мы обратимся к европейским правителям, — объяснил нам Маракот профессорским тоном, — то найдем, что они сменялись приблизительно по пяти человек в столетие. Этими цифрами можно воспользоваться и в данном случае. Конечно, мы не можем гарантировать абсолютной точности, но приблизительный расчет получить нетрудно. Я сосчитал мумии — их четыреста.

— Значит, получается около восьми тысяч лет!..

— Правильно. И это в какой-то мере совпадает со сведениями Платона. Катастрофа, разумеется, произошла еще до зарождения египетской письменности, а

она началась шесть-семь тысяч лет назад. Да, я думаю, мы имеем право сказать, что видели воспроизведенную на экране трагедию, случившуюся не менее восьмидесяти веков назад. Но, разумеется, создать ту культуру, следы которой мы находим здесь, тоже можно было лишь за многие тысячелетия. Таким образом, — закончил он, и я передаю его утверждение вам, — мы расширили горизонт достоверной истории человечества до таких пределов, каких не достигал еще ни один человек с самого начала истории!

Глава V

Приблизительно через месяц после посещения погребенного города произошло нечто удивительное и неожиданное. В то время мы уже думали, что застрахованы от всяких неожиданностей и ничто больше не сможет нас удивить, но эта история превзошла все, что мы способны были вообразить.

Известие, что случилось что-то из ряда вон выходящее, принес Сканлэн. Надо сказать, что к тому времени мы чувствовали себя в огромном здании, почти как дома: мы прекрасно знали расположение комнат, присутствовали на концертах атлантов (их музыка очень своеобразна и сложна для нашего уха) и на театральных представлениях, где непонятные нам слова прекрасно пояснялись живыми, выразительными жестами, — короче говоря, мы стали членами их общины. Мы посещали отдельные семьи в их частных помещениях, и наша жизнь — моя, во всяком случае, — была согрета бесконечным гостеприимством этих славных людей, особенно одной милой девушки, чье имя я уже однажды упоминал. Мона, как я уже говорил, была дочерью одного из вождей, и в ее семье я нашел теплый и милый прием, который стирал все существовавшие между нами преграды. А когда дело доходит до самого нежнейшего из языков, я, право, почти

не нахожу больших различий между древней Атлантидой и современной Англией. То, что может нравиться массачусетской девушке из Броун-колледжа, я думаю, понравится и девушке, живущей под водой.

Но вернемся к той минуте, когда вернулся Сканлэн и сообщил, что произошло что-то важное.

— Один из них, — возбужденно рассказывал Билл, — сейчас ворвался сюда — он был в океане — и до того вне себя, что забыл снять стеклянный колпак и несколько минут болтал без толку, пока не сообразил, что из-за колпака никто его не слышит. Потом что-то говорил, говорил, пока у него дыхание не перехватило, и все помчались за ним в выходную комнату. Вы как хотите, а я побегу за ними, потому что там, наверно, есть что посмотреть!

Выскочив в коридор, мы увидели, что атланты бегут к выходу, оживленно жестикулируя. Мы присоединились к ним и, наскоро надвинув колпаки, помчались по дну океана вслед за взволнованным вестником. Атланты бежали так быстро, что нам нелегко было следовать за ними, но у них были электрические фонарики, и мы, отстав, все же знали, куда нам направляться. Путь шел вдоль базальтовых утесов, пока мы не достигли места, откуда начинались уступы, полустертые от многолетнего хождения по ним. По этим уступам мы взобрались на вершину базальтовой скалы и очутились в местности, загроможденной обломками скал, сильно затруднявшими наше передвижение. Пробравшись кое-как через этот лабиринт, мы вышли на круглую равнину, залитую фосфорическим светом, и в самом ее центре лежало нечто, от чего у меня сразу занялся дух.

Наполовину зарывшись в мягкий ил, на боку лежал большой пароход. Труба его была сбита, грот-мачта тоже сломана почти у самого основания, но в остальном корабль был цел и так чист и не тронут, точно только что вышел из дока. Мы поспешили обойти его вокруг и очутились перед кормой. Вы можете себе представить,

с каким чувством мы прочли его название:

«СТРАТФОРД»
ЛОНДОН

Наш корабль последовал за нами в Маракотову бездну!

Когда первое потрясение прошло, все это не показалось нам таким уж загадочным. Мы вспомнили пасмурную погоду, зарифленные паруса видавшего виды норвежского барка и зловещее черное облако на горизонте. Ясно, что наверху внезапно разразился чудовищной силы циклон и «Стратфорд» потонул. Было совершенно очевидно, что команда яхты погибла, потому что все шлюпки, хотя и полуразбитые, висели на талях[1]. Да и какая шлюпка могла бы спастись в такой ураган?! Трагедия, несомненно, произошла через час-два после нашей катастрофы. Лот, который мы видели на дне, был, возможно, брошен за несколько минут до первого порыва циклона. По страшному капризу судьбы мы еще живы, а те, кто оплакивал нашу гибель, погибли.

Мы не знали, носило ли нашу яхту в верхних слоях океана или она уже довольно давно лежит здесь, где мы на нее натолкнулись. Бедный капитан Хови, вернее, то, что от него осталось, все еще стоял на своем посту на капитанском мостике, крепко вцепившись в перила окоченевшими пальцами. Только он и трое кочегаров в машинном отделении утонули вместе с яхтой. Всех их, по нашим указаниями, вынули и погребли под слоем векового ила, украсив могилы подводными цветами. Я упоминаю об этой подробности в надежде, что она несколько смягчит тяжкое горе миссис Хови. Имена кочегаров нам неизвестны.

Пока мы выполняли этот скорбный долг, по яхте сновали атланты. Они накинулись на нее, как мыши на сыр. Их любопытство и возбуждение ясно доказывали,

---

[1] тали — механизмы для подъема вручную грузов на небольшую высоту.

что «Стратфорд» — первый современный корабль, может быть, первый пароход, попавший в их бездну. Позже мы узнали, что кислородные аппараты внутри колпаков позволяли атлантам находиться под водой всего несколько часов без перезарядки, и поэтому они могли передвигаться лишь по сравнительно небольшой территории. Атланты сразу же принялись за дело, стали рыться в каютах «Стратфорда», снимать с него все, что им могло пригодиться; это паломничество за оборудованием яхты происходит непрерывно и еще не совсем закончено. Мы тоже были рады случаю проникнуть в свои старые каюты и унести оттуда всю одежду и книги, хотя бы частично уцелевшие при катастрофе.

Среди имущества, снятого нами со «Стратфорда», был и корабельный журнал, который велся капитаном до самого последнего момента. И странно было читать о собственной гибели и видеть гибель того, кто о ней писал.

Вот последняя запись корабельного журнала:

«3 октября. Трое храбрых, но безумных искателей приключений, вопреки моей воле и совету, сегодня спустились в своем аппарате на дно океана, и произошло несчастье, которое я предвидел. Упокой, господи, их души. Они начали спуск в одиннадцать часов утра, и я, заметив надвигающийся шквал, долго колебался, прежде чем дать свое согласие. Жалею, что не послушался своего инстинкта, но это лишь отсрочило бы трагическую развязку. Я попрощался с ними, предчувствуя, что никогда больше их не увижу. Некоторое время все шло хорошо, и в одиннадцать сорок пять они достигли глубины пятисот сорока метров, где и обнаружили дно. Доктор Маракот давал мне по телефону ряд распоряжений, и все, казалось, шло отлично, как вдруг я услышал его взволнованный голос, и проволочный канат сильно заколебался. Через мгновение он лопнул. По-видимому, в эту минуту они находились над глубокой расселиной; перед этим доктор приказал яхте медленно двигаться вперед. Воздушные трубки еще некоторое время про-

должали разматываться и спустились, по моим расчетам, еще на километр, а потом и они оборвались. Теперь больше нет надежды услышать о судьбе доктора Маракота, мистера Хедли и мистера Сканлэна.

Затем я должен отметить одно удивительное происшествие, значение которого я не имею времени расшифровать, так как надвигается шторм и надо торопиться с записями. Был брошен лот, который отметил глубину в семь тысяч шестьсот пятьдесят метров. Груз его, конечно, остался на дне, канатик мы вытащили, и — как это ни невероятно — над фарфоровой чашкой, берущей образцы, был привязан носовой платок мистера Хедли с его меткой. Команда поражена, и никто не понимает, как это могло произойти. В следующей записи я, быть может, сумею что-нибудь сообщить на этот счет. Мы прождали несколько часов в надежде, что на поверхность что-нибудь всплывет, и вытащили остаток каната, конец которого был точно перепилен. Теперь я должен прервать запись и заняться яхтой: никогда не видел такого грозного неба, барометр быстро падает».

Так получили мы последнюю весточку от наших погибших товарищей. Очевидно, тотчас же после этой записи налетел ураган и уничтожил пароход.

Мы оставались подле корабля, пока не почувствовали, что воздух внутри колпаков стал тяжелым, грудь стало давить; мы поняли, что пора возвращаться.

На обратном пути мы столкнулись с серьезной опасностью, которая, видно, постоянно подстерегает подводный народ, и поняли, почему за такой огромный промежуток времени численность атлантов выросла так незначительно. Включая и греческих рабов, их было четыре-пять тысяч человек, не больше.

Мы спустились со ступеней и шли вдоль подводных джунглей у подножия базальтовых утесов, когда Манд взволнованно указал вверх и замахал руками одному из атлантов, отделившихся от группы и шедшему поодаль по открытому месту. В ту же минуту атланты броси-

лись к большим валунам, увлекая нас за собой. Только забравшись под прикрытие валунов, мы узнали причину внезапной тревоги.

На некотором расстоянии от нас сверху быстро спускалась крупная, странного вида рыба. Формой она напоминала огромный плавучий пуховый матрац, мягкую, рыхлую перину. Нижняя часть рыбы была светлая, с нее свисала длинная красная бахрома, вибрация которой давала поступательное движение всему телу. По-видимому, у рыбы не было ни глаз, ни рта, но скоро мы заметили, что она обладает чрезвычайно развитым чутьем.

Атлант, оставшийся на открытом месте, со всех ног бросился к нам, но слишком поздно! Его лицо исказилось от ужаса, когда он увидел, что смерть неминуема. Страшное существо опустилось прямо на него, обволокло его со всех сторон, прижало ко дну, жадно пульсируя, точно раздавливая его тело о кораллы. Вся трагедия развернулась в нескольких шагах от нас, однако атланты, застигнутые врасплох, растерялись и, казалось, потеряли всякую способность действовать. Тогда Сканлэн бросился вперед и, вспрыгнув на широкую спину чудовища, испещренную красными и коричневыми точками, вонзил острое металлическое копье в его мягкое тело.

Я последовал примеру Сканлэна, и, наконец, Маракот с атлантами атаковали чудовище, которое медленно заскользило прочь, оставляя за собой клейкий маслянистый след. Наша помощь подоспела слишком поздно: тяжесть колоссальной рыбы раздавила колпак атланта, и он захлебнулся. Это был день скорби — мы несли тело погибшего обратно в Храм Безопасности, но и день нашего триумфа, ибо быстрая сметка и энергия возвысили нас в глазах подводных людей. О страшной рыбе Маракот сказал, что это разновидность рыбы-покрывала, хорошо известной ихтиологам, но экземпляр такой величины, какого он и вообразить не мог.

Я упоминаю об этом существе лишь потому, что оно послужило причиной трагедии, но я могу и, может

быть, начну писать целую книгу о той удивительной жизни на дне океана, которой был свидетелем. В глубине океана преобладают красный и черный цвета, растительность по преимуществу бледно-оливковая, и ее плети и листья столь упруги, что наши драги чрезвычайно редко вытаскивают их; на этом основании наука пришла к убеждению, что на дне океана ничто не растет. Многие глубоководные животные необычайно красивы, другие — уродливы и страшны, как видения кошмара, и гораздо опаснее всех земных тварей.

Я видел черного ската десяти метров длиной, с ужасным когтем на хвосте, один удар которого способен уложить на месте любое живое существо. Видел похожее на лягушку создание — у него зеленые глаза навыкате, прожорливый рот и сразу за ним огромный живот. Если у вас нет с собою электрического фонаря, чтобы ослепить это животное, встреча с ним смертельна. Видел слепого красного угря, который лежит среди камней и убивает жертву, выпуская сильнейший яд. Видел опаснейшее страшилище глубин — гигантского морского скорпиона и рыбу-черта, что прячется в подводных зарослях.

Однажды я удостоился чести видеть настоящего морского змея — существо, которое редко видели глаза человека, потому что оно живет на огромной глубине и на поверхности океана показывается лишь в тех случаях, когда его выталкивают из бездны какие-либо подводные конвульсии. Пара морских змеев проскользнула однажды мимо нас с Моной, укрывшихся в густых зарослях водорослей. Они были огромны, эти змеи, метров трех в ширину и около семидесяти метров в длину, черные сверху, серебристо-белые снизу, с огромными бахромчатыми плавниками на спине и крошечными, как у быка, глазками. Об этом и о многих других интересных созданиях вы найдете подробный отчет в бумагах доктора Маракота, если когда-нибудь они до вас дойдут.

Неделя за неделей тянулась наша новая жизнь. Су-

ществование наше было вполне приятно. Мы понемногу усваивали чуждый нам язык, так что уже могли говорить со своими друзьями. В подводном городе было бесконечно много разных областей для изучения и наблюдения, и вскоре Маракот настолько постиг древнюю химию, что гордо заявил, что может теперь перевернуть вверх дном всю современную науку, если только сумеет передать свои знания наверх. Кроме всего прочего, атланты давно научились разлагать атом, и хотя освобождающаяся при этом энергия значительно меньше, чем предполагали наши ученые, все же она настолько велика, что служит им неисчерпаемым источником энергии. Их знания в области энергетики и природы эфира также много обширнее наших, и то непостижимое для нас превращение мысли в живые образы, посредством которого мы рассказали им нашу историю, а они нам свою, — следствие открытого атлантами способа превращать колебания эфира в материальные формы.

И все же, несмотря на все их познания, им неведомо было многое из того, что давно открыто на земле. Доказать это подводным жителям выпало на долю Сканлэна. Вот уже несколько недель, как он пребывал в состоянии загадочного волнения, его распирала какая-то тайна, и он постоянно ухмылялся собственным мыслям. За это время мы видели его лишь изредка и случайно, он был отчаянно занят, и единственным его другом и поверенным был толстый, жизнерадостный атлант по имени Бербрикс, который работал в машинном отделении Храма Безопасности. Сканлэн и Бербрикс, беседы которых велись главным образом посредством жестикуляции и частых дружеских шлепков по спине, скоро стали закадычными друзьями и подолгу занимались чем-то наедине друг с другом. Однажды вечером Сканлэн пришел, весь сияя.

— Послушайте, доктор, — сказал он Маракоту. — Я обмозговал тут одну штуковину и хочу показать ее почтеннейшей публике. Они показали нам пару пустя-

ков, и я полагаю, что пора утереть им нос. Давайте пригласим их завтра вечером на представление.

— Джаз или чарльстон? — спросил я.

— Какой там чарльстон! Погодите — увидите! Это замечательная штука, но больше я ни слова не скажу. Вот какое дело, Хедли. Мы ведь тоже всякое можем. Я тут кое-что придумал и хочу поделиться этим со всеми.

На следующий вечер все подводные жители собрались в музыкальном зале. На эстраде, сияя от гордости, стояли Сканлэн и Бербрикс. Один из них тронул кнопку, и тут, выражаясь языком Сканлэна, нас здорово ошарашило.

— Алло, алло, говорит Лондон! — раздался вдруг звонкий голос. — Внимание, внимание. Слушайте метеорологический бюллетень.

Последовали стереотипные фразы о давлении и антициклоне.

— Новости дня. Сегодня состоялось открытие нового корпуса детской больницы в Хаммерсмите...

И так далее и так далее... Знакомые слова! Впервые за все это время мысленно мы перенеслись в Англию, которая мужественно трудилась изо дня в день, согнув свою крепкую спину под тяжестью военных долгов. Потом мы услышали иностранные новости, потом спортивные.

Надземный мир жил по-прежнему. Наши друзья-атланты с любопытством слушали, но ничего не понимали. Но, когда в перерыве гвардейский оркестр грянул марш из «Лоэнгрина», с трибун раздались крики восторга, и было забавно видеть, как слушатели ринулись к эстраде, заглядывая за экран, приподнимая занавес, ища чудесный источник музыки. Да, и мы приложили руку к чудесам подводной цивилизации!

— Нет, сэр, — говорил потом Сканлэн. — Передающую станцию я сам смастерить не сумел. У них нет подходящего материала, а у меня не хватает мозгов. Но дома, там, наверху, я сам состряпал двухламповый

приемник, натянул антенну на крыше между веревками для просушки белья, научился им управлять и мог поймать любую станцию Штатов. Стыдно было бы, имея под рукой все их электрические штуки и стеклодувные мастерские, далеко опередившие наши, не смозговать машинку, улавливающую эфирные волны, а ведь волны проходят по воде не хуже, чем по воздуху. Старина Бербрикс чуть не спятил, когда мы в первый раз зацепили волну, но теперь попривык, и, я думаю, радио тут станет привычным, обиходным делом.

Среди открытий химиков Атлантиды имеется газ в девять раз легче водорода, которому Маракот дал название «левиген». Его опыты с этим газом навели нас на мысль послать на поверхность океана шары из эластичного стекла атлантов с сообщением о нашей судьбе.

— Я разъяснил Манду, в чем дело, — сказал Маракот. — Он отдал распоряжение в стеклодувную мастерскую, и через день-два шары будут готовы.

— Но как мы положим внутрь записки? — спросил я.

— В шаре обычно оставляют небольшое отверстие для наполнения газом. В него можно просунуть свернутый в трубочку листочек бумаги. Потом эти искусные стеклодувы запаяют шар. Я уверен, что когда мы выпустим шары, они стрелой помчатся кверху.

— И будут годами блуждать, никем не замеченные.

— Возможно. Но шары будут отражать лучи солнца. А это рано или поздно привлечет внимание. Мы находимся под оживленным морским путем из Европы в Южную Америку. И я не вижу причин, почему бы хоть одному из шаров не дойти по назначению.

Вот каким образом, мой дорогой Толбот или вы, кто читает эти строки, дошел до вас мой рассказ. Но этим дело не кончилось. За этой мыслью появилась другая, еще более смелая. Ее родил изобретательный мозг механика-американца.

— Послушайте, друзья, — сказал он, когда мы сидели одни в своей комнате. — Здесь очень славно: и вы-

пивка недурна, и закуска как быть должно, и бабенку я тут встретил такую, что в Филадельфии ей никто и в подметки не годится, — все же иной раз дозарезу хочется увидеть родную землю.

— Мы все об этом мечтаем, — возразил я, — но я положительно не вижу, как можно осуществить нашу мечту.

— А ну, погодите! Коли эти шары с газом могут унести от нас весточку, может, они и нас самих смогут утащить наверх. Да вы не думайте, что я дурака валяю. Я все это прикинул и высчитал. Взять да связать три-четыре шара вместе и устроить этакий лифт на одну персону. Понимаете? Потом мы надеваем наши колпаки и привязываемся к шарам. Третий звонок, занавес поднимается — мы улетаем. Что нас может задержать между дном и поверхностью?

— Акула, например...

— Подумаешь! Плевать я хотел на вашу акулу! Да мы так проскочим мимо всякой акулы, что она и не расчухает, в чем дело. Мы так разгонимся, что выскочим метров на двадцать над поверхностью. Верьте слову, если какой-нибудь дурень увидит, как мы выскочим из воды, он со страху примется молитвы читать.

— Ну, предположим, достигли мы поверхности, а что будет потом?

— Да бросьте вы у черту ваше «потом». Надо попытать счастья или засесть здесь навеки. Я, во всяком случае, полечу.

— Я тоже очень хочу вернуться на землю, хотя бы для того, чтобы представить результаты своих наблюдений научным обществам, — отозвался Маракот. — Только мое влияние и личное присутствие дадут им возможность уяснить себе огромное богатство и значение моих наблюдений. Я готов принять участие в вашей попытке, Сканлэн.

Я меньше других стремился наверх, у меня были на то свои причины, о которых вы узнаете позже.

— Это безумие! — сказал я. — Если наверху нас никто не будет ждать, мы будем носиться по волнам и погибнем от голода и жажды.

— Ерунда, как это мы можем устроить, чтобы нас кто-нибудь ждал?

— Пожалуй, и с этим удастся справиться, — вмешался Маракот. — Мы можем сообщить довольно точно нашу широту и долготу...

— И там бросят лестницу? — не без иронии перебил я.

— Какая там еще лестница! Хозяин прав. Слушайте, мистер Хедли, вы напишите в своих бумажках, которые посылаете наверх, где мы находимся. Черт возьми! Да я прямо вижу сенсационные заголовки в газетах! Напишите, что мы находимся под двадцать седьмым градусом северной широты и двадцать восьмым градусом четырнадцатой минутой западной долготы или как там еще — ну, словом, поставьте нужные цифры. Поняли? Потом еще напишите, что три самые знаменитые в истории персоны: великий деятель науки Маракот, восходящая звезда по части собирания жуков Хедли и Билл Сканлэн, механик первый сорт, гордость заводов Мерибэнкса — взывают о помощи со дна океана. Поняли?

— А что дальше?

— Ну, а тогда уже дело за ними. На такой призыв они уж не смогут не отозваться. Все равно, как я читал насчет Стенли, который спасал Ливингстона[1]. Уж это их забота — вытащить нас отсюда или поджидать нас на поверхности, если мы ухитримся выпрыгнуть сами.

— Мы можем сами кое-что им предложить, — сказал Маракот. — Пусть спустят сюда глубоководный лот, а мы будем его поджидать. Когда же мы его увидим, мы привяжем к нему письмо и напишем, чтобы они были готовы нас встретить.

---

[1] Стенли и Ливингстон — известные путешественники по Африке.

— Вот это здорово! — воскликнул Билл Сканлэн. — Лучше не придумаешь.

— А если некая леди пожелает разделить нашу участь, то четверо так же легко поднимутся, как и трое, — произнес Маракот, ехидно посмотрев на меня.

— И пятеро так же легко, как четверо, — прибавил Сканлэн. — Ну, как, вы теперь уразумели, мистер Хедли? Напишите все это, и через полгода мы снова будем гулять по набережной Темзы.

Сейчас мы выпустим два шара в воду, которая для нас все равно что для вас воздух. Шары помчатся вверх. Пропадут ли оба в пути? Все может быть! Или можно надеяться, что хоть один пробьется на поверхность? Поручаем их судьбу счастливому случаю. Если для нашего спасения ничего нельзя предпринять, то хотя бы дайте знать тем, кто нас оплакивает, что мы живы и счастливы. Если же представится случай прийти нам на помощь и для этого найдутся энергия и средства, мы дали вам достаточные указания, чтобы нас можно было спасти.

— А пока прощайте, или, может быть... до свидания?!»

На этом окончились записки, вынутые из стеклянного шара.

Предыдущая часть повествования излагает факты, известные ко дню сдачи рукописи в набор. Когда книга уже находилась в печати, подоспел совершенно неожиданный сенсационный эпилог. Я имею в виду спасение Маракота и его группы паровой яхтой «Марион», снаряженной для этого мистером Фавержером, и отчет, переданный с яхты по радио и услышанный радиостанцией на островах Кап-де-Верде, которая немедленно передала его дальше — в Европу и Америку. Отчет этот был составлен мистером Кей Осборном, известным сотрудником агентства Ассошиэйтед Пресс.

Оказалось, что немедленно, после того как в Европе стало известно о несчастье с экспедицией доктора Ма-

ракота, началась энергичная организация спасательной экспедиции. Мистер Фавержер великодушно предоставил для нужд экспедиции прекрасную паровую яхту и решил отправиться на ней сам. «Марион» отплыла из Шербурга в июне, захватила в Саутгемптоне мистера Кей Осборна и кинооператора и немедленно направилась к пункту, точно указанному в письме. На место она прибыла 1 июля.

Был спущен глубоководный лот на крепком проволочном канатике, и его медленно повели по дну океана. На конце лота, кроме свинцового груза, была привешена бутылка с письмом внутри. В этом сообщении говорилось:

«Ваш отчет стал известен миру, и мы прибыли спасти вас. Это же сообщение мы посылаем вам и по радио в надежде, что оно тоже дойдет до вас. Мы будем медленно двигаться над вашей пропастью. Вынув это письмо из бутылки, положите на его место ваши инструкции. Мы их выполним в точности».

Два дня медленно и безрезультатно крейсировала «Марион». На третий день спасательную экспедицию ожидал большой сюрприз. В нескольких метрах от корабля из воды выскочил небольшой блестящий шар. Это был стеклянный почтальон, описанный в документе Хедли. Когда шар не без труда был вскрыт, в нем оказалось письмо следующего содержания:

«Благодарим вас, дорогие друзья! Мы очень тронуты вашей добротой и энергией. Мы легко уловили ваши радиопризывы и имеем возможность отвечать вам с помощью шаров. Мы попытались поймать ваш лот, но течение относит его высоко наверх, и он скользит так быстро, а сопротивление среды так велико, что самый проворный из нас не может за ним угнаться. Мы предполагаем назначить свое отплытие отсюда на шесть часов утра, в среду 5 июля, если не ошиблись в вычисле-

ниях. Мы отправимся поодиночке, так что замечания и указания, которые возникнут после появления первого из нас, можно сообщить по радио тем, кто отправится позже. Еще раз сердечно благодарим вас.

Маракот, Хедли, Сканлэн».

Дальше рассказывает мистер Кей Осборн:

«Было прекрасное утро. Темно-сапфировое море было спокойно, как озеро, и небосвод не омрачался ни единой тучей. Еще до восхода солнца вся команда «Марион» была на ногах и с живейшим интересом ожидала событий. Когда время стало приближаться к шести часам, общее волнение достигло предела. На сигнальной мачте был помещен особый дозорный, и без пяти шесть мы услыхали его крик и увидели, что он указывает на что-то справа от корабля. Мы все столпились у правого борта, и мне удалось забраться на шлюпку, с которой все было прекрасно видно. Сквозь слой прозрачной воды я увидел нечто вроде серебристого пузыря, с большой скоростью поднимавшегося из глубины океана. Он вырвался на поверхность метрах в ста от яхты — красивый, блестящий шар около метра в диаметре, — высоко взлетел, как детский воздушный шарик. Это было волшебное зрелище, но оно заронило тревогу в наши сердца: под шаром болтался обрывок веревки, а значит, его груз остался где-то в глубинах океана.

Тотчас же была послана следующаяя радиограмма:

«Ваш шар вынырнул рядом с судном. Ни в нем, ни под ним ничего не было найдено. Тем не менее мы спускаем лодку, чтобы быть готовыми ко всему».

Вскоре после шести часов раздался новый сигнал дозорного, и через мгновение я снова увидел отливающий серебряным блеском шар, поднимавшийся из глубины, но гораздо медленнее, чем первый. Достигнув поверхности, он слегка поднялся в воздух и приподнял над водой привязанный к нему груз. То была большая пачка книг,

бумаг и разнообразных мелких предметов, обернутых в непромокаемую рыбью кожу. Он был доставлен на борт, о его прибытии отправлена радиограмма, а мы с нетерпением стали ожидать следующего посланца.

Ждать пришлось недолго. Опять показался серебристый пузырь, опять он всколыхнул и прорвал гладь океана, но на этот раз поднялся в воздух очень высоко, увлекая за собой, к нашему удивлению, тонкую женскую фигуру. Она медленно опустилась на воду, а через мгновение уже была на борту яхты. Вокруг стеклянного шара, выше его экватора, было прикреплено кожаное кольцо, от которого свисали длинные ремни, привязанные к широкому кожаному поясу, охватывающему тонкую талию женщины. Выше пояса голова и плечи ее были заключены в оригинальный грушевидный стеклянный колпак, — я называю его стеклянным, но он был из того же легкого упругого материала, похожего на стекло, что и шары. Колпак был совершенно прозрачный, с легкими серебристыми прожилками.

Этот стеклянный колпак с помощью эластичных приспособлений так плотно прилегал к талии и плечам, что вода не могла в него проникнуть, и внутри находились неизвестные нам легкие аппараты, восстанавливавшие запас кислорода, которые уже были описаны мистером Хедли. С некоторым усилием мы сняли колпак и уложили атлантку на палубе. Девушка лежала в глубоком обмороке, но равномерное дыхание внушало надежду, что она скоро оправится от последствий стремительного полета и перемены давления, которая была не так велика благодаря тому, что плотность воздуха внутри колпака была несколько выше, чем в атмосфере, так что можно сказать, что она была примерно такой, как в пунктах, где имеют обыкновение делать передышку ныряльщики. По всей видимости, это была та женщина из Атлантиды, которую Хедли в первом письме называл Моной, и, если судить по ней, атланты действительно прекрасная раса, достойная снова появиться на земле. Она смугла, у нее

прекрасные правильные черты лица, длинные черные волосы и великолепные глаза лани, которые теперь с очаровательным любопытством глядят по сторонам. Морские ракушки и перламутр украшают ее кремовую тунику и блестят в темных волосах. Нельзя представить себе более прекрасной наяды из пучины океана — это само воплощение таинственного очарования моря. Мы видели, как в ее глазах постепенно появлялось сознательное выражение, потом она вскочила на ноги с грацией лани и побежала к борту яхты.

— Сайрес! Сайрес! — кричала она.

Мы уже по радио успокоили тех внизу. И теперь они быстро, один за другим, поднялись из глубины, подпрыгнув на десять — пятнадцать метров в воздух и снова спустившись на воду, откуда их тотчас извлекли. Все трое были без сознания, а у Сканлэна текла кровь из ушей и носа, но уже через час все они были в силах подняться на ноги. Мне кажется, что первые движения каждого из них были удивительно характерны. Хохочущая группа увлекла Сканлэна в буфет, откуда и сейчас доносятся веселые возгласы, которые отнюдь не помогают сей радиопередаче. Доктор Маракот схватил пачку бумаг, вытащил тетрадь, исписанную, насколько я могу судить, алгебраическими формулами, и молча пошел в каюту. А Сайрес Хедли бросился к странной девушке и, по последним данным, имеет твердое намерение никогда от нее не отходить.

Таково положение дел, и мы надеемся, что наш радиопередатчик доставит этот отчет станции Кап-де-Верде. Подробности этого удивительного приключения будут сообщены дополнительно теми, кто вырвался из подводной Атлантиды...»

Библиотека

продолжается...